ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 29. № 5 2024

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 29. No. 5 2024

Founder:
Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
"Volgograd State University"

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into **"The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate's Degree Theses and Doctoral Degree Theses"** that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat©** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, N.M. Vishnyakova*
Editor of English texts is *D.A. Novak*
Making up and technical editing by *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing on Oct. 11, 2024.
Date of publication: Dec. 19, 2024. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 22.6. Published pages 24.3.
Number of copies 500 (1st printing 1–30 copies). Order 112. «C» 34.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: https://hfrir.jvolsu.com
English version of the website:
https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.
Postal Address:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в **«Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»**, вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat©** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова, Н.М. Вишнякова*
Редактор английских текстов *Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 11.10 2024 г.
Дата выхода в свет: 19.12 2024 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 22,6. Уч.-изд. л. 24,3.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30 экз.). Заказ 112. «С» 34.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: https://hfrir.jvolsu.com
Англояз. сайт: https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4
ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2024
Том 29. № 5

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2024
Volume 29. No. 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2024. Vol. 29. No. 5

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Editorial Staff:
Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House *V.A. Gorelkin* – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Asst. *A.S. Smirnov* – Assistant Editor (Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor of the Byzantine Thematic Issue (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Cand. Sc. *V.A. Zolotovskiy* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleitman* (Moscow);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Stelnik* (Volgograd);
Dr. Sc. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Editorial Board:
Dr. Sc. *Agoshton Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences *A.P. Buzhilova* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu.Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc., Senior Researcher *E.Yu. Girya* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. SDU University *S.V. Golunov* (Kaskelen, Kazakhstan);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);
Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos* (Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences *I.P. Medvedev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk, Belarus);
PhD (History), Assoc. Prof. *Truong Anh Thuan* (Danang, Vietnam)
Dr. (Legal History), Prof. *S. Šarkić* (Novi Sad, Serbia)

© Volgograd State University, 2024

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2024. Т. 29. № 5

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
ассист. *А.С. Смирнов* – технический секретарь (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысиков* – технический секретарь византийского тематического номера (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т.А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *В.А. Золотовский* (г. Волгоград)
д-р ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Москва);
канд. ист. наук *М.В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О.В. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Стельник* (г. Волгоград)
д-р ист. наук *А.В. Цюрюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В.А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. СДУ Университета *С.В. Голунов* (г. Каскелен, Казахстан);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И.П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н.А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
д-р ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD (история), ассоциир. проф. *Труонг Анх Тхуан* (г. Дананг, Вьетнам);
д-р истории права, проф. *С. Шаркич* (г. Нови-Сад, Сербия)

© ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА

Блохин П.А. Фрайбургская хартия 1293 г.: бургомистр и главы цехов 6

Аракчеев В.А. Коррупция в системе местного управления Русского государства (по следственным делам 1590–1630-х гг.) 15

ГОРОД И СЕЛО В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Брезгунова В.М. Белгород как центр приема «нововыезжих» черкас в первой половине XVII века 28

Целуйкина Е.С. «Рыбные покупки» Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI – начале XVII в.: по материалам приходо-расходных книг 38

Ляпин Д.А., Мельникова А.Р. Сельские поселения черноземных уездов европейской России в XVII – первой трети XVIII века 51

ИДЕИ, ЛЮДИ, ЦЕННОСТИ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

Смертин Ю.Г. Ли Ик: корейский практический философ и моралист периода позднего Чосона 61

Голева Т.Г. Персонажи преданий Юкся, Пукся, Чадз и Бач в представлениях коми-пермяков 73

Мининков Н.А. «Старое поле», «регулярство» и «блаженныя памяти» защитник казачества: справедливость и старина как ценности в движениях донских казаков XVII–XVIII веков 85

Башнин Н.В. Старец Капитон и основанные им обители 97

Орлов А.А. Тонкий писк воробья. Дело иеромонаха Иеронима Соловецкого как проявление внутреннего идейного конфликта в России в начале правления Николая I (1829–1830 гг.) 111

Любезников О.А. М.Н. Муравьев и виленские иконы Исаакиевского собора: имперский трансфер сакральных образов? 124

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Розинская Н.А. Эволюция аграрного сектора в предреволюционной России: региональный аспект 137

Бородулина Е.В., Скочин А.В. Общеобразовательные учебные заведения Тюмени в 1945–1953 годах 153

Иванова Т.Б. История поколенческой эволюции рынка труда: показатели и результаты (по материалам переписей населения в Волгоградской области 1979–2002 гг.) 164

Абдрахманов К.А., Голунов С.В., Муздыбаев М.А., Каракулов Е.М., Кабдешев А.Н. Водная безопасность речных бассейнов казахстанско-российского приграничья: перспектива Казахстана 173

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Макаренко К.М. Векторы трансформации гражданской активности российской молодежи в первой трети XXI века 187

ОБЗОРЫ

Нелаева Г.А. «Колониальный вопрос» в европейской коллективной памяти: обзор новейших исследований 199

Дуров В.И. Отечественная историография польского национализма конца XIX – начала XX в.: сетевой анализ 211

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ: МНЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ

Горелкин В.А., Рыбалко Н.В. Анализ деятельности журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения» за 10 лет (2014–2023) 224

CONTENTS

AUTHORITY AND SOCIETY IN THE MIDDLE AGES

Blokhin P.A. Charter of Freiburg of 1293: Burgomaster and Heads of Corporations 6

Arakcheev V.A. Corruption in the Local Government System of the Russian State (According to Investigative Cases of the 1590–1630s) 15

TOWN AND VILLAGE IN MEDIEVAL RUS

Brezgunova V.M. Belgorod as a Reception Center for Newcoming Cherkassy in the First Half of the 17th Century 28

Tseluykina E.S. "Fish Purchases" of the Joseph-Volokolamsk Monastery in the Late 16th – Early 17th Century: Based on the Materials of Coming-Expensive Books ... 38

Lyapin D.A., Melnikova A.R. Villages of the Black Earth Region of European Russia in the 17th – First Third of the 18th Centuries 51

IDEAS, PEOPLE, VALUES: FROM THE MIDDLE AGES TO MODERN TIMES

Smertin Yu.G. Yi Ik: Korean Practical Philosopher and Moralist of the Late Joseon Period 61

Goleva T.G. Komi-Permian Views on the Characters of Legends Yuksya, Puksya, Chadz and Bach 73

Mininkov N.A. "Old Field", "Regularity" and "Of Blessed Memory" Defender of the Cossacks: Justice and Antiquity as Values in the Movements of the Don Cossacks of the 17th – 18th Centuries 85

Bashnin N.V. Elder Kapiton and the Monasteries Founded by Him 97

Orlov A.A. Thin Squeak of a Sparrow. The Case of Hieromonk Hieronymus of Solovki as a Manifestation of an Internal Ideological Conflict in Russia at the Beginning of the Reign of Nicholas I (1829–1830) 111

Lyubeznikov O.A. M.N. Muravyev and the Icons of St. Isaac's Cathedral in Vilna: Imperial Transfer of Sacral Images? 124

REGIONAL HISTORY

Rozinskaya N.A. Evolution of the Agricultural Sector in Pre-Revolutionary Russia: Regional Context 137

Borodulina E.V., Skochin A.V. General Educational Institutions of Tyumen in 1945–1953 153

Ivanova T.B. The History of the Generational Evolution of the Labor Market: Indicators and Results (Based on the Materials of the Population Censuses in the Volgograd Region in 1979–2002) 164

Abdrakhmanov K.A., Golunov S.V., Muzdybayev M.A., Karakulov Ye.M., Kabdeshev A.N. Water Security of the Kazakhstan-Russia Border River Basins: Kazakhstan's Perspective 173

AUTHORITY AND SOCIETY IN MODERN RUSSIA

Makarenko K.M. Vectors of Transformation of Civil Activity of Russian Youth in the First Third of the 21st Century 187

REVIEWS

Nelaeva G.A. "Colonial Question" in European Collective Memory: Review of Recent Studies 199

Durov V.I. Russian Historiography of Polish Nationalism in the End of the 19th – Beginning of the 20th Century: Network Analysis 211

HISTORICAL EDUCATION: OPINION OF EXPERTS

Gorelkin V.A., Rybalko N.V. Analysis of the Activities of "Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations" for 10 Years (2014–2023) 224

www.volsu.ru

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА

CC BY

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.1

UDC 94(3+430)“1293”
LBC 63.3(0)4

Submitted: 29.09.2023
Accepted: 17.12.2023

CHARTER OF FREIBURG OF 1293: BURGOMASTER AND HEADS OF CORPORATIONS

Pavel A. Blokhin

Tatishchev Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The Charter of Freiburg, drawn up in 1293, marked the end of the reform of the city administration. The document also reflects the process of forming management structures for local workshops. *Methods and materials*. The main research method is comparative historical analysis. The provisions of the Charter of 1293 and early compilations of law are compared. *Analysis*. The position of the governing bodies of the trading corporations in the city and the powers of the Burgomaster and the Schultheiß are examined. Special attention is paid to the election of shop masters, heads of the workshops, and the burgomaster, who was the head of all the craftsmen’s associations in the city. The formation of management structures in the artisan environment led to the emergence of a new body of municipal government – the Public Council. It was made up of the local lord and members of the Junior and Senior Councils (the regular bodies of Freiburg’s self-government). Among other things, the Public Council held elections for shop masters, supervised their activities, and dismissed them if necessary. Unlike the heads of the craftsmen’s associations, the burgomaster was appointed directly by the lord. At the same time, the powers of the burgomaster went beyond the mere management of the town shops. Among other things, the burgomaster was the spokesman for the interests of the Junior Council and participated in its management activities. With the advent of the office of burgomaster, the former head of the town and supreme judge – the Schultheiß – lost a number of their administrative functions and part of their income. *Results*. The Charter of 1293 recorded the establishment of a municipal government in the city, which included the Senior (supreme legislative power) and Junior Councils (supreme supervisory, legislative power), the Schultheiß (supreme judicial power), and the burgomaster (management of the city’s crafts). The Freiburg workshops became self-governing craft corporations.

Key words: medieval Freiburg im Breisgau, Charter of Freiburg of 1293, Freiburg corporations, burgomaster, Schultheiß.

Citation. Blokhin P.A. Charter of Freiburg of 1293: Burgomaster and Heads of Corporations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 6-14. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.1

УДК 94(3+430)“1293”
ББК 63.3(0)4

Дата поступления статьи: 29.09.2023
Дата принятия статьи: 17.12.2023

ФРАЙБУРГСКАЯ ХАРТИЯ 1293 г.: БУРГОМИСТР И ГЛАВЫ ЦЕХОВ

Павел Александрович Блохин

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, г. Астрахань, Российская Федерация

Аннотация. *Введение*. Созданная в 1293 г. фрайбургская хартия зафиксировала окончание реформы городского управления. Кроме того, в документе получил отражение процесс формирования управленческих

© Блохин П.А., 2024

структур местных ремесленных цехов. *Методы и материалы*. Основным методом исследования является сравнительно-исторический анализ. Сравниваются положения хартии 1293 г. и ранних сборников законов. *Анализ*. Рассматривается положение руководящих органов цеховых корпораций в городе, а также полномочия бургомистра и шультгейса. Особое внимание уделяется выборам цеховых мастеров – глав цехов и бургомистра – руководителя всех ремесленных корпораций в городе. Формирование управленческих структур в ремесленной среде привело к появлению нового органа муниципального управления: «общественного Совета». В него входили местный сеньор, члены Младшего и Старшего Советов (регулярных органов фрайбургского самоуправления). В числе прочего «общественный Совет» проводил выборы цеховых мастеров, следил за их деятельностью, при необходимости отрешал от должности. В отличие от глав ремесленных гильдий, бургомистр назначался напрямую сеньором. Вместе с тем полномочия бургомистра выходили за границы простого руководства городскими цехами. Он, будучи выразителем интересов Младшего Совета, участвовал в управленческой деятельности последнего. С появлением должности бургомистра, прежний городской глава и верховный судья одновременно – шультгейс теряет ряд своих управленческих функций и лишается части доходов. *Результаты*. Хартия 1293 г. зафиксировала создание в городе муниципального правительства, куда входили Старший (верховная законодательная власть) и Младший (верховная контролирующая законодательная власть) Советы, шультгейс (верховная судебная власть) и бургомистр (управление городским ремеслом). Фрайбургские цехи становятся самоуправляемыми ремесленными корпорациями.

Ключевые слова: средневековый Фрайбург в Брайсгау, фрайбургская хартия 1293 г., фрайбургские ремесленные цехи, бургомистр, шультгейс.

Цитирование. Блохин П. А. Фрайбургская хартия 1293 г.: бургомистр и главы цехов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 6–14. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.1

Введение. Настоящая статья посвящена окончанию реформы городского управления в средневековом Фрайбурге в Брайсгау в конце XIII века. С конца XII столетия в городе формируются городские органы власти, контролировавшие местное судопроизводство, торговлю, законодательство и пр. Такое формирование сопровождалось мощными городскими социальными конфликтами: коммунальным движением и борьбой представителей средних слоев Фрайбурга с патрициатом. В результате этой борьбы фрайбургские ремесленники, средние торговцы и часть местного дворянства получили доступ к власти, вели контроль над деятельностью городского патрициата. Ремесленники, добившись уверенной победы в своей борьбе, требовали институциализации своих производственных объединений. В данной статье сделана попытка проанализировать процесс формирования структуры управления фрайбургских цехов. Такой процесс получил отражение во фрайбургской хартии 1293 года.

Являясь самостоятельным исследованием, настоящая работа тематически связана с содержанием статей, опубликованных ранее [1–3], и в какой-то мере является их продолжением. Кроме того, данная статья представляет собой вторую часть трехчастного исследования, посвященного фрайбургской хартии 1293 года. Первая часть была опубликована в виде статьи «Фрайбургская хартия 1293 г.: сеньор города и местные Советы» [5] в сборнике «Средние века». В этой работе говорится о достижении компромисса между противоборствующими городскими социальными группами: средними слоями Фрайбурга (средние купцы, ремесленники, часть городского дворянства), поддерживающими Младший Совет – контролирующую городскую коллегию, и патрициатом, поддерживающим Старший Совет – основной муниципальный орган власти. Сеньор города, получив ряд дополнительных прав и привилегий во Фрайбурге, все больше становился зависимым от местных Советов и городской общины в целом. В третьей части исследования будет сделана попытка анализа условий появления фрайбургской хартии 1293 года.

Методы и материалы. В настоящей статье основной метод – сравнительно-исторический анализ. Сравнение сделано между важнейшими документами: хартией 1293 г. и дополнениями к ней от того же года, с положениями предыдущих сборников законов, а также рядом дополнительных источников.

В 1293 г. во Фрайбурге была создана официальная городская хартия [11], действо-

вавшая в городе до 1520 года. Документ предоставлен городу от имени местного сеньора графа Эгона II фон Фрайбурга (1271–1316) и Младшего городского Совета. Граф подписал и скрепил своей печатью хартию, а от имени города печать на документ повесили представители Старшего Совета, общественного Совета (о нем речь пойдет ниже) и городской общины. Источник написан на средневерхненемецком языке; сплошной текст я разделил исходя из его содержания на Пролог, 121 параграф и Эпилог. Хартия 1293 г. имеет аналогичную структуру с пространным проектом 1275 г. [6] – сборником городских законов, отвергнутых городской общиной. По сути, хартия – это дополненный и исправленный вариант проекта. Правовое содержание в документе систематизировано, а там, где это было возможно, объединено в тематические блоки.

В том же 1293 г. были созданы дополнения к хартии [10]. Они также написаны на средневерхненемецком. Я разделил текст на Пролог, 15 параграфов и Эпилог исходя из его содержания. В документе законы объединены тематически. О дополнительных источниках будет сказано в процессе самого анализа материала.

Историография проблемы реформирования городского управления во Фрайбурге в конце XIII в. подробно изложена в моих ранних работах [1; 2; 3]. Стоит заметить, что оба основных источника – хартию 1293 г. и дополнения к ней, историки рассматривали как единое целое. Особо немецкие авторы, например, Г. Шрайбер, Ж. Бадер, Г. Шадек [13; 7; 12] и др. подчеркивали новаторское значение проведенных в городе реформ, а также указывали на явную демократизацию системы городского управления в средневековом Фрайбурге. Кроме того, современные историки, рассматривая фрайбургскую хартию 1293 г., анализировали различные аспекты городской жизни города в конце XIII в.: Г. Шадек [12, S. 151–152] исследует хартию в границах анализа социальной жизни города, а М. Блаттманн, с одной стороны [8, S. 285], использует сборник фрайбургских законов 1293 г. как вспомогательный источник для построения реконструкции утерянных текстов фрайбургской правовой коллекции, а с другой [9, S. 558–561] – определяет фрайбургскую хартию 1293 г. как важный этап формирования местного городского права.

Анализ. Часть I. Цеховые мастера. Г. Шадек отмечал, что до 90-х гг. XIII столетия о ремесленных цехах фрайбургские источники умалчивают. Однако в конце XIII в. в документах впервые говорится о ремесленниках. В числе прочих в 1291–1293 гг. они входят в состав Младшего Совета [12, S. 151].

Фрайбургская хартия 1293 г. и дополнения к ней обозначили местные цехи как самостоятельную социально-политическую и экономическую городскую структуру. Ремесленники становятся реальной политической силой, так что при их участии проходят выборы в оба городских Совета.

В § 69 и 72 [11, S. 131–132] рассказывается о системе выборов городских советников. Собиралась специальная комиссия выборщиков, состоящая из представителя Старшего Совета, одного купца, ремесленника, бургомистра. Они также должны призвать одного горожанина. В состав коллегии выборщиков входили трое заседателей по мелким уголовным делам (или по делам о распутстве, в источнике указан термин «*unzuht*», который имеет несколько вариантов перевода), а также шультгейс – верховный городской судья по мелким уголовным и всем гражданским делам (о шультгейсе см. ниже). В тексте было сказано, что выборщики должны были представить кандидатов: советник – от Старшего Совета, купец – от купцов, ремесленник – от ремесленников, горожанин – от городской общины, а бургомистр – «кого он захочет» («*swen er welle*»). Таким образом, когда речь шла о выборах в Старший Совет, ремесленники, равно как и городское среднее купечество, впервые получали возможность занять должность в этой верховной городской коллегии. Что же касается Младшего Совета, выборы в его состав новых членов проходили аналогично выборам в Старший Совет, и, кроме того, младшая коллегия, согласно § 74 хартии [11, S. 132], целиком состояла из представителей городского дворянства, купцов и ремесленников.

Исходя из вышесказанного, средние слои населения Фрайбурга, в том числе и ремесленники, получили доступ в главные муниципальные органы власти.

Ремесленники были организованы в цеховые корпорации. Когда во Фрайбурге стали возникать цехи и что они собой представляли, доподлинно не известно. Хартия 1293 г. впервые указывает на существование уже сформировавшихся ремесленных корпораций. Документ включает в свой состав ряд положений о фрайбургских цехах. Эти положения не уставы, не регламенты ремесленных корпораций – они нормируют выборы, права и обязанности глав цехов. Источник определяет главу цеха как «цехового мастера» («*zunftmeister*») [11, S. 133, § 77]. Здесь стоит отметить, что речь идет не о члене цеха, хозяине мастерской – мастере, а о главе цеха – административной должности в ремесленной гильдии.

Городской сеньор, вместе со Старшим и Младшим Советами, а также при участии представителей городской общины образовывали так называемый «общественный Совет» («*gemeinlichem rate*»), объединение «доброй воли» («*guote willen*») [11, S. 133, § 77]. Этот общественный Совет утверждал нового главу цеха. Такое избрание проводилось в день Рождества Иоанна Предтечи (24 июня). Глава гильдии избирался общественным Советом из 4–6 представленных заранее мастеров [10, S. 142–143, § 15, T. 2]. Вместе с утверждением Совет давал администратору ремесленной корпорации право издавать постановления, относящиеся к делам цеха [11, S. 133, § 77]. В случае если какие-либо прошлые или настоящие проступки (досл. «грехи» – «*sundebar*») не позволят кандидату занять свою должность, то на следующий день после несостоявшегося утверждения в должность он должен был покинуть Фрайбург и не возвращаться обратно целый год. Если он все же вернется, то необходимо было отдать бургомистру и шультгейсу по марке весового серебра. Через восемь дней после неудачного утверждения сеньор города проводил новое избрание на должность [11, S. 133, § 78]. На новое избрание бургомистр, шультгейс и представители Младшего Совета предлагали трех новых кандидатов, из которых общим решением выбирался один [11, S. 133–134, § 79]. Решение принималось при кворуме в простом большинстве членов общественного Совета [11, S. 134, § 80]. Допускалось проведение общественного Совета при отсутствии сеньора Фрайбурга. В таком случае заседание Совета проводилось под руководством шультгейса и бургомистра. Сеньор, возвратившись во Фрайбург, утверждал принятое решение [10, S. 142–143, § 15, T. 3]. Таким образом, роль графа в выборах может представляться не основной. Главные действующие лица в этом процессе – шультгейс и бургомистр. Именно они во время избрания нового цехового руководителя приносят клятву [11, S. 133–134, § 79].

Руководитель цеха избирался на должность на трехлетний срок, но с условием, что после первого года управления гильдией ее глава во второй год не исполнял своих обязанностей. В этот год его сменял другой мастер из цеха. Наконец, в третий год возвращался предыдущий управленец, если он сам захочет вернуться на свою должность [11, S. 135, § 84]. Это положение можно было объяснить простыми антикоррупционными мерами: обеспечивался, таким образом, принцип регулярной сменяемости власти. Однако, я полагаю, проблема заключалась в том, что должность главы цеха отнимала много времени и сил у ремесленного мастера, а его собственное ремесло, таким образом, могло терпеть убытки. Должность главы никак не оплачивалась и была, если можно так выразиться, общественным поручением. Поэтому-то руководитель гильдии и управлял своим цехом год, максимум два.

Вновь избранный глава, помимо права издавать постановления для своего цеха, имел возможность принуждать членов корпорации к «единству» («*einungan*») – улаживать возникающие конфликты и противоречия, а также иметь оружие («*waffen ze habende*») и возможность выезжать (вероятно, вооруженным) из города по делам своего цеха [10, S. 140, § 1]. Указание на право носить оружие привело Ж. Бадера к мысли, что речь идет о возможности цехов создавать военизированные отряды для исполнения полицейских и военных функций в городе [7, S. 191–192]. Точка зрения, без сомнения, заслуживающая внимания, однако, в этом случае возможно и такое предположение, что глава цеха демонстрировал свои представительские функции: речь в законе идет исключительно о решении внутрицеховых проблем. Вооруженный глава цеха

демонстрировал свою власть и силу перед остальными членами корпорации, показывал, таким образом, что возможно и силовое решение конфликта.

Об этом может свидетельствовать и продолжение указанной нормы. Для урегулирования конфликтной ситуации, если решения главы гильдии было недостаточно, привлекались шультгейс и бургомистр, а также все мастера цеха. Такое совещание принимало решение по возникшей проблеме большинством голосов [10, S. 140, § 2].

Одной из конфликтных ситуаций была, в частности, проблема получения членом цеха «дохода, что это не благообразно было» («*ein kemin, das es nüt guot were*») – то есть полученный не от ремесленной деятельности или в результате нарушения правил производства и торговли. В этом случае глава цеха получал с виновного штраф, но не более одного шиллинга [10, S. 140–141, § 3]. Шультгейс же должен получить четверть («*vierteil*»), но из источника непонятно, что это за четвертая часть: либо от штрафа, либо от незаконного дохода. По крайней мере, в документе указано, что шультгейс получал свою «четверть» за то, что принимал участие в решении проблемы и приносил присягу [10, S. 141, § 4].

Цеховый администратор контролировал все сделки с городской недвижимостью членов своего цеха [10, S. 142, § 11–12]. Наконец, мастер гильдии имел возможность принимать участие в расследовании уголовного преступления вместе с другими городскими чиновниками и судьей – ранения иногородцем («гостем» «*ein gast*») фрайбуржца или «гостем» – «гостя» [10, S. 142, § 13]. Вероятно, речь идет о таком преступлении, которое произошло в границах расположения того или иного цеха, тогда глава корпорации и включался в расследование.

Глава цеха мог потерять свою должность, если он «проявит непокорность» («*der ungehorsam sin*») по отношению к сеньору. В этом случае виновный через 7 дней после решения графа (в тексте «7 ночей» – «*siben nehten*») был обязан покинуть Фрайбург и целый год не возвращаться в город. Вернувшись, он должен был заплатить марку серебра своему цеху, и после этого нарушитель мог заниматься своим ремеслом [10, S. 141, § 5].

Положения фрайбургской хартии 1293 г. о главах ремесленных корпораций показывают существование вполне сформировавшихся в городе цехов. Гильдии нуждались в централизованном управлении, что и было установлено городскими законодателями.

Часть II. Бургомистр и шультгейс. О должности бургомистра впервые говорится во фрайбургских источниках незадолго до написания хартии 1293 г. [12, S. 151; 9, S. 559]. Кто такой бургомистр в ранний период существования этой должности во Фрайбурге? Это в первую очередь глава всех городских цехов. В законе о наказании бургомистру, отказавшемуся от своей должности [11, S. 134–135, § 82], сказано, что он должен заплатить штраф в пользу «цеха, в котором он состоит» («*den zünfte in der er ist*») и предыдущего бургомистра. Соответственно бургомистр в это время – это ремесленный мастер.

Законы о назначении бургомистра подтверждают его статус главы всех фрайбургских цехов. Утверждал его в должность из числа горожан «и полезного, и порядочного (благочестивого. – *П. Б.*)» («*und vruome und biderbe si*») [11, S. 135, § 83] сеньор Фрайбурга. После этого новоназначенный приносил публичную присягу перед горожанами. Присутствующие при этом старшие советники также приносили клятву, что не будут противиться такому назначению. Если же такой человек отказывался от должности, то, как было сказано выше, он должен был заплатить пять фунтов штрафа (цеху за репутационные потери) [10, S. 141–142, § 9; 11, S. 134–135, § 82], а Младший Совет должен был уговаривать противившегося назначению. Если уговоры не помогали, то упрямец изгонялся из города на год. Условием его возвращения и возврата к прежней ремесленной деятельности была выплата штрафа в одну марку серебром шультгейсу и новому бургомистру [11, S. 135, § 83].

Как можно увидеть, назначение бургомистра и главы цеха проходили по весьма похожему сценарию. Для бургомистра, правда, не созывался общественный Совет, а его назначал сеньор напрямую. В законе о дне назначения на должность эти должностные лица вообще объединены: в день Рождества Иоанна Предтечи надлежало утверждать и бурго-

мистра, и главу цеха. Устанавливался точно такой же, по сравнению с главой цеха, срок, когда бургомистр мог исполнять свою должность: в первый год он выполнял свои должностные обязанности, во второй год – «отдыхал», а в третий год мог вернуться к работе в качестве бургомистра, если сам того желал [10, S. 141, § 7; 11, S. 135, § 84]. Единственным отличием в положении бургомистра и цехового администратора было то, что первому город и Младший Совет выплачивали жалование – 15 марок серебром в год [10, S. 141, § 8; 11, S. 135, § 84].

Однако должность бургомистра во Фрайбурге имела в себе больше властных полномочий, нежели быть просто руководителем всех цехов. Бургомистр был выразителем интересов Младшего Совета, который, как было сказано выше, на треть состоял из ремесленников.

Соответственно, бургомистр принимал участие в выборах членов Старшего [11, S. 130–131, § 69] и Младшего [11, S. 132, § 72] Советов. Также он вместе с шультгейсом после принесения присяги извещали общественный Совет о том, что тот или иной старший советник совершал какое-то деяние, несовместимое с его положением, либо, что советник не был в состоянии исполнять свои обязанности. После такого извещения старший советник отрешался от своего поста, и назначались выборы на замещение вакантной должности [11, S. 134, § 81]. Кроме этого, бургомистр принимал активное участие, как было сказано выше, в выборах нового главы цеха [11, S. 133–134, § 78–80], заседал в комиссии по решению конфликтов в цехе [10, S. 140, § 2].

Полномочия бургомистра выходили за границы защиты интересов цехов или Младшего Совета. Так, в случае с повышением каким-либо лицом «налога или пошлины» («*gewerft, oder stüre*») он и шультгейс присутствовали при разбирательстве дела [10, S. 142, § 10].

Таким образом, новое должностное лицо во Фрайбурге – городской бургомистр, с самого начала получил весьма широкие полномочия: от защиты интересов цехов и Младшего Совета до решения некоторых внутригородских задач.

Шультгейс, в отличие от бургомистра, должность, которая существовала во Фрайбурге уже давно. Первое упоминание во фрайбургских источниках об этом чиновнике относится к середине XII в. [8, Bd. 2. Anh. 14. S. 706]. Фрайбургский шультгейс – это верховный городской судья по гражданским делам, а также верховный судья по мелким и средним уголовным делам [4]. Помимо чисто судебных функций, к середине XIII в. он получил возможность участвовать в разрешении некоторых внутригородских проблем.

В конце столетия изменилась система назначения шультгейса на должность. Если в ранний период сеньор просто назначал его на должность с согласия горожан, то уже в проектах 1275 г. городской господин утверждал нового верховного судью из состава членов Старшего Совета [6, S. 75, § 8]. Хартия 1293 г. меняет старый закон. Шультгейс по-прежнему избирался из состава старших советников, но если никто из членов этой коллегии не захочет занять эту должность, то господин мог отдать ее, кому пожелает. Место шультгейса также могло быть продано. В этом случае сеньор в первую очередь должен был известить об этом Старший Совет. Если там желающих купить должность не находилось, то граф продавал ее тому, кто больше заплатит [11, S. 124, § 9]. В этом же законе сказано, что все штрафы, которые взимал шультгейс, отходили сеньору Фрайбурга. Как можно заметить, шультгейс постепенно терял изначальную связь со Старым Советом и, кроме того, лишался значительной части своих доходов. Надо сказать, что, помимо штрафов, он имел иные законные доходы от своей деятельности. Например, получал десять фунтов за оформление поручительства по какому-либо делу (один фунт получал писарь, составлявший документ) [11, S. 125, § 17]. Были и еще доходы: возмещение в шестьдесят шиллингов за восстановление разрушенного по решению суда дома наследниками преступника (или за отказ от восстановления) [11, S. 127, § 23], штраф в десять фунтов за оскорбление горожанки [11, S. 130, § 55] (этот штраф не изымался сеньором в свою пользу).

Однако контроль Старшего Совета над деятельностью верховного судьи сохранялся. Его суд, расследование и принесение присяги всегда должны были проходить в присутствии двух советников [11, S. 124–125, § 10].

Шультгейс отныне контролировал ведение процесса по делу о лишении покровительства сеньора. Совершивший тяжкое преступление лишался покровительства сеньора, изгонялся из города и лишался городского дома. Однако преступник мог договориться с графом и вернуть себе его покровительство. Вернуть покровительство сеньора значит заплатить господину города определенную сумму, и весьма немалую. Для этого давался определенный срок – шесть недель. Если в указанный срок виновный в преступлении не решал своих проблем с графом, то наказание вступало в законную силу. И как раз это должен был доказать шультгейс, привлекая одного или двух горожан в качестве свидетелей. Дело в том, что на практике преступник уже мог заплатить сеньору, а тот в свою очередь «позабыть», что такая оплата уже была совершена. Для урегулирования этой ситуации и привлекался шультгейс [11, S. 125–126, § 20].

Настоящее положение во фрайбургских законах важно тем, что полномочия шультгейса до этого момента не распространялись на тяжкие преступления. Теперь его полномочия расширялись.

Как было сказано выше, шультгейс активно принимал участие в выборах старших советников [11, S. 130–131, 134, § 69, 81], глав цехов [10, S. 142–143, § 15; 11, S. 133–134, § 78–80], бургомистра [11, S. 135, § 83], включался в расследования внутренних дел цеха [10, S. 140, 141, § 2, 4], вопросов налогообложения [10, S. 142, § 10], что также является указанием на расширение полномочий верховного городского судьи.

Если бургомистр стал выразителем интересов средних слоев населения города в целом и ремесленников в частности, то шультгейс с третьей четверти XIII столетия становится ставленником Старшего Совета и патрицианских семей Фрайбурга.

Результаты. Фрайбургская хартия 1293 г. показала победу средних слоев населения города в долгой борьбе с городским патрициатом за вхождение во власть. В городе сложилась такая ситуация, когда верховным управленческим органом был Старший Совет со своим представителем, носителем верховной судебной власти – шультгейсом. Старший Совет представлял интересы городского патрициата – крупного и крупнейшего купечества и части городского дворянства, которые также занимались крупной торговлей. Верховным контролирующим органом стал Младший Совет со своим представителем – бургомистром. Этот орган власти выражал интересы средних слоев населения Фрайбурга: торговцев средней руки, ремесленников и той части дворянства, которые были связаны с ремеслом и городской торговлей. Бургомистр и шультгейс, помимо своих основных функций – руководителя всех цехов и верховной судебной власти, соответственно, стали главами формирующейся исполнительной власти в городе.

Предположение, что в городе сложилось определенное двоевластие из-за конфликта интересов Старшего и Младшего Советов, шультгейса и бургомистра, будет неверным. Хартия 1293 г. зафиксировала тот общественный компромисс, при котором каждая властная структура выполняла свои функции в рамках существующих для них задач. Некоторые из них пересекались, и требовалось совместное участие всех управленческих органов (как, например, в случае с общественным Советом и пр.) в их решении. Стоит еще раз повторить сделанный в моей первой статье данного цикла вывод: средние слои Фрайбурга не стремились свергнуть власть городского патрициата, но желали получить свое представительство во власти и иметь возможность контролировать верховные управленческие структуры.

Но вместе с тем еще раз стоит отметить, что, в отличие от ситуации с проектами 1275 г., городские средние слои добились важной победы. Показателем этого стало правовое оформления фрайбургских цехов, как самоуправляющихся корпораций, во главе которых стояли свои главы, и которых представлял единый руководитель – выборный бургомистр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блохин П. А. Две «одинаковые» фрайбургские хартии 1275 г.: cui bono? // Средние века. 2020. № 81 (2). С. 92–110. DOI: https://doi.org/10.7868/S013187802002004X

2. Блохин П. А. Две «одинаковые» фрайбургские хартии 1275 г.: краткий проект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные

отношения. 2021. Т. 26, № 2. С. 56–67. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.4

3. Блохин П. А. Две «одинаковые» фрайбургские хартии 1275 г.: пространный проект // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, вып. 9 (107): Территория права, многообразие города и проблемы исторической урбанистики. DOI: 10.18254/S207987840017004-3

4. Блохин П. А. Полномочия фрайбургских судей по материалам городского права (1120–1248 гг.) // Право в средневековом мире. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 66–69.

5. Блохин П. А. Фрайбургская хартия 1293 г.: сеньор города и местные Советы // Средние века. 2024. № 85 (1). С. 75–93. DOI: 10.7868/S0131878024010045

6. Aeltester deutscher Entwurf der Stadtrechte // Urkundenbuch der Stadt Freiburg im Breisgau / Hrsg. von H. Schreiber. Freiburg im Breisgau, 1828. Bd. I, Abt. 1. S. 74–87. XXIV.

7. Bader J. Geschichte der Stadt Freiburg im Breisgau. Freiburg, 1882. Bd. 1. S. 190–193.

8. Blattmann M. Die Freiburger Stadtrechte zur Zeit der Zähringer: Rekonstruktion der verlorenen Urkunden und Aufzeichnungen des 12. und 13. Jahrhunderts. Freiburg; Würzburg, 1995 (Veröffentlichungen aus dem Archiv der Stadt Freiburg im Breisgau; 27). Bd. 1–2.

9. Blattmann M. „Diz sint dü reht der stat ze Friburg im Brisgöwe". Das Freiburger Rechtswesen bis 1300 // Geschichte der Stadt Freiburg im Breisgau / Hrsg. im Auftrag der Stadt Freiburg i. Br. von H. Haumann und H. Schadek. Stuttgart, 2001. Bd. 1. S. 552–561.

10. Bürgermeister und Zünfte // Urkundenbuch der Stadt Freiburg im Breisgau / Hrsg. von H. Schreiber. Freiburg im Breisgau, 1828. Bd. I, Abt. 1. S. 140–143. LI.

11. Neue Verfassungs-Urkunde // Urkundenbuch der Stadt Freiburg im Breisgau / Hrsg. von H. Schreiber. Freiburg im Breisgau, 1828. Bd. I, Abt. 1. S. 123–139.

12. Schadek H. Bürgermeister und Zünfte. Das Stadtrecht von 1293 // Geschichte der Stadt Freiburg im Breisgau / Hrsg. im Auftrag der Stadt Freiburg i. Br. von H. Haumann und H. Schadek. Stuttgart, 2001. Bd. 1. S. 151–153.

13. Schreiber H. Geschichte der Stadt und Universität Freiburg im Breisgau. Freiburg, 1857. Lief. III. Theil II. S. 78–82.

REFERENCES

1. Blohin P.A. Dve «odinakovye» frajburgskie hartii 1275 g.: cui bono? [Two "Identical" Freiburg Charters of 1275. Cui bono?]. *Srednie veka* [Middle Ages], 2020, no. 81 (2), pp. 92-110. DOI: https://doi.org/10.7868/S013187802002004X

2. Blohin P.A. Dve «odinakovye» frajburgskie hartii 1275 g.: kratkij proekt [Two "Identical" Freiburg Charters of 1275. Short Draft]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 56-67. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.4

3. Blohin P.A. Dve «odinakovye» frajburgskie hartii 1275 g.: prostrannyj proekt [Two "Identical" Freiburg Charters of 1275: Lengthy Draft]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatelnyj zhurnal «Istoriya»* [Electronic Scientific and Pedagogical Journal "History"], 2021, vol. 12, iss. 9 (107): Territory of Law, the Diversity of the City and Questions of Historical Urbanism. DOI: 10.18254/S207987840017004-3

4. Blohin P.A. Polnomochiya frajburgskih sudej po materialam gorodskogo prava (1120–1248 gg.) [Powers of Freiburg Judges on the Records of City Law (1120–1248)]. *Pravo v srednevekovom mire* [Law in the Medieval World]. Moscow, IVI RAN, 2010. pp. 66-69.

5. Blohin P.A. Frajburgskaya hartiya 1293 g.: senyor goroda i mestnye Sovety [Freiburg Charter of 1293: City Lord and Local Councils]. *Srednie veka* [Middle Ages], 2024, no. 85 (1), pp. 75-93. DOI: 10.7868/S0131878024010045

6. Aeltester deutscher Entwurf der Stadtrechte. Von Schreiber H., Hrsg. *Urkundenbuch der Stadt Freiburg im Breisgau*. Freiburg im Breisgau, 1828, Bd. I, Abt. 1, S. 74-87. XXIV.

7. Bader J. *Geschichte der Stadt Freiburg im Breisgau*. Freiburg, 1882, Bd. 1, S. 190-193.

8. Blattmann M. *Die Freiburger Stadtrechte zur Zeit der Zähringer: Rekonstruktion der verlorenen Urkunden und Aufzeichnungen des 12. und 13. Jahrhunderts*. Freiburg; Würzburg, 1995 (Veröffentlichungen aus dem Archiv der Stadt Freiburg im Breisgau; 27), Bd. 1–2.

9. Blattmann M. "Diz sint dü reht der stat ze Friburg im Brisgöwe". Das Freiburger Rechtswesen bis 1300. Von H. Haumann Br., Schadek H., Hrsg. *Geschichte der Stadt Freiburg im Breisgau*. Stuttgart, 2001, Bd. 1, S. 552-561.

10. Bürgermeister und Zünfte. Schreiber von H., Hrsg. *Urkundenbuch der Stadt Freiburg im Breisgau*. Freiburg im Breisgau, 1828, Bd. I, Abt. 1, S. 140-143. LI.

11. Neue Verfassungs-Urkunde. Schreiber von H., Hrsg. *Urkundenbuch der Stadt Freiburg im Breisgau*. Freiburg im Breisgau, 1828, Bd. I, Abt. 1, S. 123-139.

12. Schadek H. Bürgermeister und Zünfte. Das Stadtrecht von 1293. Von H. Haumann Br., Schadek H., Hrsg. *Geschichte der Stadt Freiburg im Breisgau*. Stuttgart, 2001, Bd. 1, pp. 151-153.

13. Schreiber H. *Geschichte der Stadt und Universität Freiburg im Breisgau*. Freiburg, 1857, Lief. III, Theil II, S. 78-82.

Information About the Author

Pavel A. Blokhin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History, Tatishchev Astrakhan State University, Tatishcheva St, 20a, 414056 Astrakhan, Russian Federation, pavelblochin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-5104-755X

Информация об авторе

Павел Александрович Блохин, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, ул. Татищева 20а, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, pavelblochin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-5104-755X

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.2

UDC 930.22
LBC 63.3(2)5

Submitted: 21.08.2024
Accepted: 30.09.2024

CORRUPTION IN THE LOCAL GOVERNMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN STATE (ACCORDING TO INVESTIGATIVE CASES OF THE 1590–1630s)

Vladimir A. Arakcheev

Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow, Russian Federation;
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The purpose of the article is to study how corruption was understood in the Moscow state and how the fight against it was carried out in the system of local government to show the vector of institutional shift in the Russian state of the late 16th – first third of the 17th century. *Methods and materials.* The subject of the analysis is three investigative cases of corruption revealed during the 1590–1630s in three regions of Russia: Veliky Novgorod, Pskov, and Sviyazhsk. The investigation of cases was carried out using searches, which consist of questions from detectives and consolidated answers from people being interviewed, sealed with their assault. *Analysis.* During the study, a reconstruction of the corruption networks created by the clerk and governors was carried out, the methods and forms of obtaining illegal profits were studied, and an assessment was made of its volume and the scale of corruption in the Russian state. Administrators integrated into corrupt networks were punished with confiscation of their movable property and money savings and deprivation of office; sometimes the abuses they committed were not considered grounds for holding them liable. *Results.* Estimated calculations of corrupt profits do not convince that widespread ideas about the total corruption of the Russian administrative apparatus are justified enough. Corruption income of officials during the performance of their official duties and at the expense of the governed was illegal; by producing these laws, the state apparatus lost its patrimonial features and acquired a bureaucratic character, and the state became absolutist.

Key words: Russian state, Veliky Novgorod, Pskov, Svijazhsk, corruption, administrative apparatus, governors, clerk.

Citation. Arakcheev V.A. Corruption in the Local Government System of the Russian State (According to Investigative Cases of the 1590–1630s). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 15-27. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.2

УДК 930.22
ББК 63.3(2)5

Дата поступления статьи: 21.08.2024
Дата принятия статьи: 30.09.2024

КОРРУПЦИЯ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА (ПО СЛЕДСТВЕННЫМ ДЕЛАМ 1590–1630-х гг.)

Владимир Анатольевич Аракчеев

Российский государственный архив древних актов, г. Москва, Российская Федерация;
Институт российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

© Аракчеев В.А., 2024

Аннотация. *Введение.* Цель статьи заключается в том, чтобы посредством изучения того, как понималась коррупция в Московском государстве и как осуществлялась борьба с ней в системе местного управления, показать вектор институционального сдвига в российском обществе и государстве конца XVI – первой трети XVII века. *Методы и материалы.* Предметом анализа являются три следственных дела о коррупции, выявленной на протяжении 1590–1630-х гг. в трех регионах России: Великом Новгороде, Пскове и Свияжске. Расследование дел велось с применением обысков, которые представляют собой вопросы сыщиков и консолидированные ответы опрашиваемых людей, скрепленные их рукоприкладствами. *Анализ.* В ходе исследования

осуществлена реконструкция коррупционных сетей, созданных дьяком и воеводами, изучены методы и формы получения незаконной прибыли, дана оценка ее объема и масштабов коррупции в Русском государстве. Интегрированные в коррупционные сети администраторы наказывались конфискацией их движимого имущества, денежных накоплений и лишением должности; иногда допущенные ими злоупотребления не считались основанием для привлечения их к ответственности. *Результаты.* Оценочные расчеты коррупционной прибыли не убеждают в справедливости распространенных представлений о тотальной коррумпированности российского административного аппарата. Коррупционные доходы должностных лиц в период исполнения ими служебных обязанностей и за счет управляемых были вне закона; производивший эти законы государственный аппарат утрачивал патримониальные черты и приобретал характер бюрократического, а государство – абсолютистского.

Ключевые слова: Русское государство, Великий Новгород, Псков, Свияжск, коррупция, административный аппарат, воевода, дьяк.

Цитирование. Аракчеев В. А. Коррупция в системе местного управления Русского государства (по следственным делам 1590–1630-х гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 15–27. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.2

Введение. Правящим кругам русских княжеств XIV–XV вв. не было свойственно осознание проблемы коррупции. Любая властная позиция в средневековом обществе предполагала получение дохода от исполнения обязанностей; на Руси свою классическую форму эта ситуация получила в системе кормлений, когда доходы кормленщика были официально регламентированы в доходных списках и уставных грамотах [1, с. 179–204]. Только в 1460–1490-х гг. в языке права возникает описание нарушений правосудия по причине подкупа судей. Именно тогда в Псковской судной грамоте и Судебнике 1497 г. появились нормы права, запрещающие судьям брать «посулы», и таким образом в языке права впервые появилось описание коррупции как социально-политического зла, подлежащего порицанию в глазах общественного адресата. В ходе земской реформы 1550-х гг. система кормлений была реорганизована, институт волостелей упразднен, а в 1580-х гг. институт наместников, кормы которым были монетизированы и регламентированы, заменен институтом воевод.

Практика подношений воеводам в Московской Руси и России XVIII в. хорошо известна в историографии, а ее характер, как правило, оценивался как коррупционный [7; 18]. Однако исследователями были высказаны суждения о сохранении практики кормлений в России XVII–XVIII вв., что позволяло трактовать эти подношения как узаконенные в рамках обычно-правовых практик [11; 15, с. 522–555]. Коррупционные практики администраторов Устюжского и Усольского уездов в 1610–1620-х гг. изучил Д.В. Лисейцев, показавший, с одной стороны, многообразие форм получения воеводами и дьяками «кормовых и посульных денег», а, с другой стороны, ухищрения местных земских миров по уклонению от налогов [13]. Собственно, задачу данной статьи мы видим в том, чтобы посредством изучения того, как понималась коррупция в Московском государстве и как осуществлялась борьба с ней в системе местного управления, показать вектор институционального сдвига в российском обществе и государстве конца XVI – первой трети XVII века.

Язва коррупции поражала не только суд, но и органы управления, тем более что административные и судебные функции в Русском государстве осуществляли одни и те же властные инстанции, что было естественно для судебно-административной монархии [3, с. 45–46]. Факты или подозрения в коррупции подвигали тяглых и служилых людей на сопротивление, что проявлялось в контроверсных ситуациях, а в предельных случаях – в восстаниях 1547 г., Смутного времени, 1648 г., когда истреблению подвергались приказные судьи, подозревавшиеся в злоупотреблениях властью. Документальные сведения о попытках органов государственной власти «очиститься» от коррумпированных чиновников, проведя соответствующие расследования, дошли с 1590–1650-х годов.

Настоящая работа является продолжением предыдущей статьи автора, цель которой состояла в реконструкции коррупционной

сети, созданной дьяком Новгородского судного приказа Семеном (Семейкой) Емельяновым в 1586–1593 гг., изучении методов и форм получения незаконной прибыли, оценке ее объема и масштабов коррупции в Русском государстве конца XVI века [2]. В данной статье проблема рассматривается в расширенном территориальном и хронологическом контекстах: предметом анализа являются три следственных дела о коррупции, выявленной на протяжении 1590–1630-х гг. в трех регионах Русского государства: Великом Новгороде, Пскове и Свияжске.

Первое дело датируется ноябрем 1593 – маем 1594 г., и расследовалось оно думным дьяком А. Щелкаловым в отношении новгородского дьяка С. Емельянова. В его окружении действовали интегрированные в коррупционную сеть как официальные администраторы (подьячие, приказчики), так и его доверенные лица, не занимавшие официальных должностей. Дьяк Емельянов был задействован в коррупционных схемах снабжения русской армии; коррупционную составляющую, скорее всего, имела его попытка организовать обмен пленными без санкции Москвы.

В декабре 1630 – августе 1631 г. псковскими воеводами Н.М. Мезецким и П.М. Юшковым непосредственно на месте совершения предполагаемых злоупотреблений, в Пскове, велось следственное дело о деятельности прежних воевод Д.М. Пожарского-Лопаты и Д.Г. Гагарина. В ходе следствия проверялась достоверность обвинений в закрепощении и похолоплении воеводами выходцев из-за литовского рубежа, некоем «государевом деле», присвоении казенных денег, обложении посадских и уездных людей дополнительными налогами и поборами. В процессе повального обыска в январе – мае 1631 г. посадские люди двенадцати городских сотен подробно перечислили основные формы злоупотреблений воевод, среди которых первостепенными по важности были взятки за проезжие грамоты купцам, торговавшим в Прибалтике, неоплачиваемые работы городских мастеров, неоплачиваемые изъятия товаров из лавок, подвод у извозчиков и ямщиков и т. д. [19, с. 33–72]

Третье дело по обвинению в коррупции свияжского воеводы Е.Ф. Мышецкого рассматривалось в 1638–1640 гг. в ведомствах приказа Казанского дворца и Сибирского приказа. Мышецкий совместно с дьяком Ф.С. Ларионовым управляли Свияжским уездом в 1635–1636 гг., после чего дьяк выдвинул против бывшего воеводы и его сыновей обвинения в многочисленных злоупотреблениях [17, с. 23–188].

Методы и материалы. Сохранность источников по «государеву делу» XVI – первой половины XVII в. крайне невысока, что отразилось в описи архива Посольского приказа 1626 г., где констатируется, что «сыскные доводные дела старые» истлели настолько, что не подлежат просмотру [14, с. 263]. Поэтому в науке не известны датированные более ранним временем источники о коррупции, чем хранящееся в фондах РГАДА уникальное дело о расследовании злоупотреблений в Великом Новгороде в 1593/94 году [9]. Это одно из наиболее древних сохранившихся дел фонда Приказных дел старых лет содержит материалы следствия, инициированного против дьяка Новгородского судного приказа Семена Емельянова. Источник представляет собой отпуски грамот из Новгородской четверти, находившейся под управлением думного дьяка А. Щелкалова, инициировавшего расследование. Реконструкция исходной последовательности листов дела приводит к выводу о том, что оно состоит из двенадцати документов ноября 1593 – мая 1594 г.; источник не опубликован и впервые вводится в научный оборот в исследованиях автора.

Материалы розыска по делу о злоупотреблениях псковских воевод Пожарского и Гагарина состоят из 47 обысков, осуществленных в Пскове в 1630–1631 гг. среди всех категорий населения [21; 19]. Опросу были подвергнуты представители духовенства черного и белого, помещиков, служилых людей по прибору (стрельцы, казаки, недельщики, пушкари, воротники, казенные кузнецы). Зафиксированы ответы двух губных старост, голов и сотников стрелецких приказов, посадских людей двенадцати городских сотен, пятерых всегородных старост 1628–1631 гг., дворцовых крестьян семи засад, пятнадцати групп церковных крестьян во главе с попами. В обысках не участвовали только помещичьи крестьяне. Обыски представляют собой вопросы сыщиков и консолидированные ответы

опрашиваемых людей, скрепленные их рукоприкладствами.

Обыск в Свияжске осуществлялся сыщиками Сибирского приказа в ноябре – декабре 1638 г.; его материалы сохранились с достаточной степенью полноты. Материалы розыска по делу о злоупотреблениях Е.Ф. Мышецкого состоят из 26 документов: 19 обыскных речей, 5 сказок и 2 памятей [16; 17]. Обыски проводились среди посадских людей, стрельцов, подьячих и других служилых людей по прибору, священнослужителей, дворян и детей боярских, служилых татар и новокрещен, ясачных людей.

Все три дела велись в рамках так называемого розыскного процесса, применявшегося для наиболее значимых дел государственной важности, которых для описываемого периода сохранилось немного. Аналогии с одним из наиболее известных розыскных дел – Углицким следственным делом 1591 г. – очевидны; С.Б. Веселовский в свое время отметил, что Углицкое дело «является не списком и не обработкой следственных материалов, а подлинником, и в тех частях, которые содержат допросы, протоколом следствия» [8, с. 185]. Аналогичная археографическая характеристика применима и к охарактеризованным выше делам о коррупции, что имеет непосредственное значение для дальнейшего анализа.

Интерпретация выявленных источников по истории коррупции затруднена тем очевидным обстоятельством, что их анализ на основе модерных понятий о праве будет анахронистичным, следовательно, применение такого рода понятий противоречит логике научного исследования. Поэтому важным сопутствующим условием интерпретации должно быть выявление определенных операциональных понятий, бытовавших в административно-правовой сфере функционирования московского общества. Лишь на их основе можно сформулировать ковариантные суждения, пригодные для исследования такого феномена, как коррупция.

Анализ. Типичные коррупционные приемы, практиковавшиеся воеводами и приказными людьми, перечислены в указе, изданном не позднее 10 августа 1620 г.: ведение государственных дел не в соответствии с царскими указами, причинение «насильств, и убытков, и продаж великих» монастырям, служилым, посадским и уездным людям, взимание с них «многих» посулов, поминков и кормов. В этом же указе содержались запреты и предписания воеводам и приказным людям: «чтоб в городех... наши всякие дела делали по нашему указу, и служилым бы, и посадцким, и уездным, и приезжим никаким людем насильств и продаж не делали, и посулов, и поминков ни от каких дел, и кормов с посадов и с уездов на собя не имали, и лошадей, и платья, и товаров, опрочь сьясново, не покупали».

Согласно указу должна была быть пресечена практика использования дармового труда подвластного населения: «...на дворех у собя денщиком, и детем боярским, и стрелцом, и казаком, и пушкарем, и затинщиком, и с посадов бы, и с слобод водовозом, и всяким деловым людем быть, и хлеба молоть, и толочь, и печь, и никакова изделья делать на собя во дворех, и в посадех, и в слободах не велели, и городцкими и уездными людьми пашен не пахали и сена не косили». В случае нарушения царского указа воеводами и челобитья с мест («будет в которых городех воеводы учнут делать не по нашему указу самовольством, а на ково в чом будут челобитчики») предписывалось наложить на воевод штрафные санкции: «то все велели взяти на них вдвое, да им же от нас быти в великой опале» [12, с. 102].

Поскольку в Соборном уложении коррупция отождествлялась лишь с посулами в судах, цитированный указ не нашел отражения в тексте свода законов. По Уложению за принятый посул судья наказывался торговой казнью в случае, если он не принадлежал к числу думных людей [20, с. 31]. В соответствии с цитированным указом под понятие коррупции подпадало и взимание кормов с местного населения, выборные власти которого привычно фиксировали расходы на «кормление» должностных лиц в земских расходных книгах. В сопоставлении с указом не позднее 1620 г. дела Емельянова, Пожарского и Мышецкого в основных своих чертах выглядят типичными: им вменялось в вину ведение государственных дел не в соответствии с царскими указами, причинение «насильств, и убытков,

и продаж великих» тяглым людям, взимание с них «многих» посулов, поминков и кормов, вследствие чего был нанесен ущерб обороноспособности страны.

Применительно к кейсу дьяка Емельянова 1593–1594 гг. его главной «виной» было сочтено превышение полномочий во внешнеполитической сфере. Во время русско-шведской войны 1590–1592 гг. попал в плен новгородский помещик Михаил Мякинин, мать которого Марфа доводилась кумой дьяку С. Емельянову. Чтобы не выплачивать за сына крупный выкуп, М. Мякинина попросила дьяка добыть шведского пленника, которого можно было бы обменять на сына. В качестве обменного фонда была предложена дочь шведского пастора Мария, взятая в плен русскими войсками во время январского 1592 г. похода П. Шереметева на Выборг.

Планировавшийся обмен попытался организовать дьяк Емельянов, и поскольку действовавшее в 1592–1593 гг. перемирие между Россией и Швецией предполагало перемещение лиц и товаров, в Новгород из-за рубежа прибыла мать пленной девушки, поселившаяся в Новгороде на дворе купца И. Попова. Емельянов пренебрег обязанностью согласовать обмен с Посольским приказом и самовольно подготовил проезжую грамоту для поездки за границу целой группы лиц: купца И. Попова и двух немок в сопровождении холопов М. Мякинина. Но представители администрации шведской армии не прибыли на съезд, и обмен не состоялся. Розыск по этому делу в конце 1593 – начале 1594 г. происходил в Новгороде и Ивангороде, дело было признано «государевым», то есть квалифицировано как посягательство на внешнеполитические прерогативы государства. «Вина бóльшая в том Семейкина» – гласил вердикт дознавателей, и ответственность за это государственное преступление предопределило обвинение С. Емельянова в коррупции [2].

Запрет «имать на собя» посулы и поминки касался широко распространенной практики взяточничества. Заслуживают внимания методы получения посулов, выявленные в ходе расследования дела Емельянова в 1593/94 г.: для организации коррупционных схем дьяку пришлось привлечь 15–17 человек, по меньшей мере часть которых были объединены родственными и свойственными связями. Ядро этой группы администраторов составляли наиболее доверенные люди дьяка – «веременники» (временщики). Управление населением осуществлялось «мимо государев указ», то есть в нарушение действовавшего порядка управления. «Веременники» назначались «на приказ» для управления наиболее доходными дворцовыми волостями и с целью сбора налогов. Отец и сын Луговские управляли дворцовым селом, осуществляли контроль за денежными и хлебными сборами, проводили «дозоры» (ревизии) состояния волостей и погостов. Вешняк Нечаев осуществлял управление Заонежскими погостами, включавшими в свой состав значительную часть территории Карелии. Вышеперечисленные и иные «большие дела» временщиков сопровождались получением посулов и поминков, которые передавались патрону [9, л. 52].

Помимо «веременников» Емельянов опирался на официальных должностных лиц (ключников, приказчиков), которые в документах дела названы «держальниками». «Держальник» Томила (третий член семьи Луговских) был поставлен у «большого дела» по управлению казенными хранилищами. Совместно с двумя сообщниками («заговорщиками») он отстранил от реального управления казенными запасами прежнего ключника. «Держальник» Суббота Микифоров был поставлен на должность приказчика в оброчную черную волость на Ладожский порог, где он собирал с крестьян «на Семейку и себе посулы и поминки». Двое «держальников» на должностях подьячих наживались на натуральных поставках для нужд армии. Когда с крестьян Новгородского уезда взималось «на воинские обиходы» сено, его остатки уходили на продажу, прибылью с которой «корыстовались» администраторы. При закупках хлеба на государственные нужды в счет не поставленного хлеба в оброчных волостях у крестьян взимались деньги [9, л. 21–22].

Посулы взимал и «держальник» на должности подьячего Д. Соловецкий, который управлял поместными делами – вводом служилых людей во владение поместьями, ревизией состояния «пустых» поместных земель. «Многие посулы и поминки» взимали даже низшие служители административного аппарата –

четверо посыльных подьячих, официально не получавшие жалованья и названные в материалах дела «боранниками» [9, л. 24, 21, 33, 30].

Особенность деятельности дьяка С. Емельянова в Новгороде состояла в том, что в его орбите влияния оказывались десятки лиц, включая тех, в чьи дела он был замешан косвенно. Зимний поход 1591/92 г. русских войск на Выборг осуществлялся, как обычно, при активном участии новгородских крестьян в работах по обеспечению похода и натуральных поставок для армии П. Шереметева. Посошные люди были обязаны сопровождать армию для выполнения инженерно-технических работ и доставки в полки продовольствия и фуража.

Столь обременительные обязанности побуждали крестьян входить в сговор с армейским командованием и передавать воеводе Шереметеву при посредничестве сына боярского Ч. Култашева крупные суммы денег в виде взяток. Выплатив 150 руб. в качестве взятки, крестьяне из посошного сопровождения армии «весь запас» (хлеб и фураж) уложили «в стопы на снег» и вернулись восвояси. Крестьяне Сумерской волости, обязанные поставить в армию 12 тыс. копен сена и овес, передали Ч. Култашеву 200 руб. взятки для воевод и поставили в армию всего 1 тыс. копен сена. Следствием недопоставки фуража стал массовый падеж лошадей в русской армии в условиях зимнего похода – факт, легший в основание «извета», поданного одним из недоброжелателей П. Шереметева [9, л. 40, 38, 53]. Невзирая на то, что причастность дьяка Емельянова к взяточничеству воевод не была доказана, сам факт невыполнения посошной повинности крестьянами, находившимися в сфере управления новгородского дьяка, послужил основанием для включения этого эпизода в состав дела.

Воевода или дьяк в России конца XVI – XVII в. находился в непростом положении. С одной стороны, он должен был безукоризненно выполнять царские указы, с другой – был связан обязательствами по выплатам с населения вверенного его управлению уезда косвенных и прямых налогов государству. Более распространенными были ситуации, когда воевода принимал решение вопреки царским указам под воздействием нужд фиска. Псковских воевод Пожарского и Гагарина обвиняли в предписании продавать яблоки откупщикам, невзирая на указную грамоту из Москвы; это нарушение не было поставлено воеводам в вину, поскольку решение было принято, очевидно, в целях обеспечения сборов кабацких денег [19, с. 37, 68]. Одно из главных обвинений в адрес Пожарского состояло в том, что он «имал в холопи и во крестьяне» выходцев из-за литовского рубежа, хотя конкретных фактов такого рода сыщики не обнаружили [19, с. 112–113].

Дело по обвинению свияжского воеводы кн. Мышецкого также включало в себя обвинения в нарушении царских указов: это было обвинение в использовании в своих целях хлеба из казенных житниц, присвоении предназначенных для посольских подарков и государева обихода заповедных товаров, освобождение из тюрьмы разбойников, оставление города ради поездки в гости к помещику. В ходе обыска подтвердились обвинения воеводы в незаконном винокурении, использовании им казенной мельницы [17, с. 71–80]. Согласно доносам, воевода пытался присвоить принадлежавший к числу «заповедных» товаров и закупавшийся в казну мех белки-казанки, но подьячий денежного стола показал лишь, что первая партия белок, закупленная на казенные деньги в 1636 г., была воеводой забракована. Однако по получении царского указа в следующем 1637 г. партия белок была закуплена в казну [17, с. 68–70].

Под «насильствами, убытками и продажами» опрашиваемые в обыскных речах понимали действия администрации, приводившие к дополнительным расходам при ведении дел, а также к противозаконному обогащению воевод и дьяков. Новгородский дьяк С. Емельянов, помимо получения доходов с управляемых, был замешан и в узурпации непосредственных доходов государства. Летом – осенью 1591 г., когда ушел в отставку и сдал государству свое поместье прежний новгородский дьяк А. Арцыбашев, на доходы с его поместья наложил руку его преемник С. Емельянов. Последний безуспешно пытался укрепить арцыбашевское поместье за собой, но еще до царского указа 1592 г., согласно которому владение следовало «описать» как возвращенное под государственное управление,

люди Емельянова, заявив крестьянам, «что то поместье досталось Семейке», собрали с крестьян денежный и продовольственный оброк в пользу дьяка. Осенью 1592 г. «веременник» дьяка Д. Луговской «по Семейкину приказу» вторично собрал с арцыбашевского поместья «примолотный хлеб» (превысивший нормы обычного урожая) и отвез во двор Емельянова в Новгород [9, л. 6, 3].

Важным каналом получения незаконных доходов Емельяновым была торговля новгородских купцов его товарами. Один из оштрафованных в результате расследования новгородских купцов торговал сукнами, принадлежавшими Емельянову [9, л. 19].

Как показывают обыски посадских людей Житницкой, Великоулицкой и других сотен, в 1620-х гг. псковские воеводы Пожарский и Гагарин обязывали посадских людей перед выездом из города для закупки товаров на продажу в уездах Псковской земли брать разрешение у воевод, процедура которого расценивалась как «удержание и продажа». Солодовники были обязаны «даром ростить» необходимый для пивоварения и хлебопечения солод. Огородники равным же образом «без денег» обязывались предоставлять на воеводский двор овощи. Промышлявшие извозом посадские люди должны были на нужды воевод предоставлять лошадей с подводами. У ямщиков «без найму и без прогонов», то есть без какой-либо оплаты для собственных нужд изымали подводы на две-три недели, а у торговцев – ладьи [19, с. 36–37, 42–43, 67–68].

«Насильство и продажа» были применены и к торговцам-рядовичам, которые должны были в принудительном порядке продавать воеводскую соль. Посадские люди Петровской сотни показали, что кн. Пожарский «накинул насильством» (принудил) посадских людей продавать в соляном ряду свою соль, которая продавалась по 3 рубля за берковский, а деньги с них были взяты исходя из цены по 4 руб. за берковский [19, с. 127]. Дворцовые и церковные крестьяне в обыскных речах жаловались на сверхурочные работы в интересах воевод «на государевых дворцовых пустошах и под городом на государевой десятинной пашне»; работы включали весь сезонный цикл: посев, жатву и молотьбу зерновых, «обряжание» льна, кошение сена, заготовка дров, доставка произведенного [19, с. 82–83, 69, 143].

В перечне злоупотреблений из показаний сотского и «суседей» Житницкой и Жирковской сотен, данных сыщикам 25 февраля 1631 г., особняком стоит обвинение в денежных поборах «на всякие их воеводские расходы», которые собирали сотские и относили их во всегородную избу к старосте Овсею Федорову; выдача «городовых поборных денег» воеводам фиксировалась в расходных книгах 1628–1630 гг. [19, с. 38, 43, 50, 68]. Посулы передавались воеводам и во время принудительного участия посадских людей в званых обедах, когда они дарили воеводам деньги в размере от полтины до «ефимка» [19, с. 38]. Из всех псковских сотен только жители Жирковской сотни показали, что при получении проезжих грамот для поездок с товарами за рубеж (в Дерпт, Ригу, Ревель) и в псковские пригороды, посадским людям приходилось платить посулы по 5–6 рублей [19, с. 48].

Деятельность администрации свияжского воеводы Мышецкого носила двойственный характер, и явных злоупотреблений в отношении посадского населения Свияжска он не допускал. Исключением можно счесть принятую им в качестве взятки рыбу белугу у таможенного и кабацкого головы [17, с. 71–72]. Но сложившаяся на посаде группа «сильных людей», опираясь на поддержку воеводы, остальным посадским людям «чинили насильство и налоги великие». «Насильство и налоги» выражались в том, что представители «лучших людей» захватывали выборные должности земских старост и несли посадские службы в меньшем объеме «з больших своих окладов». «Середних и молотчих людей», напротив, с малых окладов посылали в обременительные отъезжие городовые службы. Однако о злоупотреблениях воеводы по отношению к ясачным людям посадские люди отговорились неведением, заявив, что «явок от них к нам в мир не бывало» [17, с. 34–68].

Тем не менее «насильства» администрации кн. Мыщецкого в Свияжском уезде распространялись и на ясачное население; ясачные чуваши и татары жаловались, что к ним в села приезжали собирать урожай для воеводы доверенный посадский человек и холоп. На подводах местного населения они ездили

на рыбную ловлю: «а в которой деревне подводы не возьмут, и они с тех деревень имали деньги» в суммах от 20 алт. до рубля [17, с. 194].

Таким образом, если обвинения в отношении дьяка Емельянова подтвердились, то большинство обвинений в адрес псковских и свияжского воевод оказались либо малозначительными, либо неподтвержденными.

Алгоритмы и ход следствия по делам о коррупции могут быть поняты не только исходя из особенностей ведения расследований о злоупотреблениях воевод, но и, частично, структуры сохранившихся частей Углицкого розыска 1591 года. Последнее дело содержит в себе все основные черты розыскного процесса, включая материалы допросов как отдельных лиц, начиная с безымянного сборщика посохи, так и групп лиц (дворцовых подьячих, поваров, хлебников, «городчан посошных людей»). Если начало дела 1591 г. не сохранилось, то его заключительные части дошли, по всей видимости, без существенных утрат. Единственным сохранившимся видом документов в Углицком деле являются расспросные речи, заверенные рукоприкладствами допрашиваемых. Дело завершалось протоколом заседания Освященного собора с участием царя и патриарха, где в качестве последнего и наиболее весомого аргумента была зачитана челобитная городового приказчика Р. Ракова, и приговор Освященного собора формулировался исходя из данных розыска [10, с. 34–41].

Исследованные нами дела о коррупции завершались не столь масштабно, но ход расследования был практически идентичным. По делу о взятках, переданных посошными людьми воеводе Шереметеву, в 1593 г. было дано распоряжение провести повальный обыск среди посошных людей: «тех посошных людей по тем имянным списком... поставить перед собою, да тех посошных людей роспросили, сколко они Петру Шереметеву и тому сыну боярскому Черемисину Култашеву да подьячему Степану Собакину, которои тех посошных людеи привел из Новагорода в полки, дали посулов и поминков по чему с человека» [9, л. 38].

По делу о злоупотреблениях дьяка С. Емельянова в декабре 1593 г. было предпринято расследование мест хранения денег дьяка. «Семейкины животы Емельянова» искали на новгородском подворье Александро-Свирского монастыря, и обнаружили в сундуках три коробьи за монастырскими печатями, в которых находились 3 000 рублей. В памяти новгородскому дворецкому Годунову содержалось предписание об организации допроса монастырского старца, поскольку сыщики подозревали, что владельцем денег был дьяк Емельянов: «старец Герман стакався с Семейкою, те деньги хотя утаить, да называет их монастырскими» [9, л. 29, 28]. В 1593–1594 гг. обвиненные в коррупции администраторы были наказаны конфискацией их движимого имущества и денежных накоплений и лишением должности; вовлеченные в некоторые авантюры «верные» были наказаны штрафами.

На купца Истомина, который по уговору с дьяком торговал его товарами, был наложен штраф («пени») в сумме 200 руб. «за то: не дружися он с дьяком, и не емли у него животов; за такие безделья мы его ныне пощадили, а вперед бы он о своей о прямой силе жил, а к таким не приставал». Купца следовало принудить «сказать правду, что у него семейкиных денег» [9, л. 19].

От следственного дела Пожарского и Гагарина 1630–1631 гг. сохранились 47 обыскных выписей, опрашиваемые фигуранты которых в большинстве случаев отговаривались неведением. Большая часть подвергнутых обыску людей дали крайне скудные показания, отговорившись неведением; так поступили представители черного и белого духовенства, заявившие о том, что «корыстуются» ли воеводы казной, налагались ли «продажи» и «поборы великие» воеводами на уездных и посадских людей, они «не ведают», хотя «слухом слышали» об этом; самим же монастырям и их крестьянам «насильства» от воевод не было [19, с. 6, 10, 14, 18]. Весьма скудными были и показания псковских помещиков, которые сказали, что «збирали, или не збирали» воеводы поборы с уездных людей, и была ли им «продажа», об этом знают лишь всегородные и волостные старосты. Поразительным неведением отличались и двое губных старост, которые не знали даже о судьбе якобы находившихся в тюрьме выходцев из-за

рубежа [19, с. 22, 25–27]. Полным неведением отличались голова, сотники и пятидесятники двух стрелецких приказов, которые заявили, что «слухом слышали» только то, что холоп Пожарского объявил в съезжей избе «государево слово», но какое это было «слово», им осталось неизвестно [19, с. 29–30, 32–33, 92].

Во время обысков в поместьях и церковных вотчинах Демяницкой, Бельской и Заклинской засад ответы давали священники из поместий и церковные крестьяне, отговорившиеся полным неведением по всем пунктам обыскных вопросов и ответившие, что именно они «пашен не пахивали, и сен не кашивали, и продажи и никакова насильства» от воевод им не было [19, с. 161, 164]. Консолидированно с наиболее пространными показаниями против воевод выступили только посадские люди двенадцати городских сотен.

Подтвержденные показаниями посадских людей злоупотребления псковских воевод в полной мере соответствовали типичным коррупционным приемам администрирования, изложенным в цитированной выше указной грамоте в Муром 1620 года. Видимо, полагаясь на доносы, следователи искали, но не нашли подтверждения фактов самоуправного закрепощения воеводами выходцев из-за литовского рубежа, «государева дела» и присвоения ими казенных денег. Пожарский и Гагарин не были привлечены к ответственности, видимо, потому, что в ходе обысков не подтвердились именно эти, наиболее тяжкие по своему составу, обвинения.

Дело о злоупотреблениях кн. Мышецкого также расследовалось путем организации повальных обысков. Опасными для бывшего воеводы были обвинения в освобождении за взятки от астраханской службы дворян и детей боярских, а также стрельцов, освобождении из тюрьмы лиц, обвинявшихся в разбое. Подвергнутые допросам подьячие съезжей избы убедительно опровергли эти наветы, показав скудость мобилизационного резерва в Свияжске, где несколько десятков служилых людей были вынуждены ежегодно нести ближние службы на засеках. В результате на дальние службы под Астрахань вместо больных и приставленных к «государевым делам» в Свияжске воевода вынужден был отправить их детей и племянников [17, с. 64–65]. Доказанными, но несущественными злоупотреблениями было принуждение к работам в собственных интересах воеводы мастеров-оружейников, попустительство уклонению от налогов «сильных» и «прожиточных» посадских людей, попустительство ясачным людям в уклонении от выплаты ясака [17, с. 61–80]. Правительственный обыск не имел последствий и не повлек за собой обвинения воеводы в коррупции, видимо, по причине того, что выявленные злоупотребления так же, как и в случае обвинения псковского воеводы Пожарского, не наносили существенного ущерба интересам государства.

Значимость изученных дел состоит в том, что они позволяют поставить вопрос о масштабах коррупции и о коррупционных издержках системы управления в Московской Руси в конце XVI – первой половине XVII века. Сопоставление данных о суммах налоговых поступлений с Новгорода и вмененных Емельянову коррупционных доходах убеждают в незначительности последних. Коррупционные доходы за шесть лет управления Емельянова в денежной форме, конфискованные в казну, составили 1 109 руб. 22 алтына. К этой сумме следует прибавить не исчисленную в материалах дела стоимость конфискованных материальных активов «Семейки», семьи Луговских, штраф, наложенный на купца Истомина, пени, наложенные на «боранников» и других причастных к хищениям этой группы. Предположив, что сумма доходов, исчисленных за шесть лет и изъятых в казну, составила 2,5–3 тыс. руб., несложно подсчитать, что годовой предполагаемый коррупционный доход организованной группы достигал 400–500 рублей. В то же время государственные доходы с Новгорода, по данным Д. Флетчера, в середине 1580-х гг. составляли 35 000 руб. прямых налогов («тягла и податей») и 6 000 таможенных пошлин [22, с. 45]. Следовательно, коррупционные издержки по управлению Новгородом составляли 1–1,2 % от фискальных поступлений с этого региона. Указанные расчеты отражают всего лишь представления дьяка Щелкалова и его аппарата о масштабах обогащения С. Емельянова и его «верников» и «держальников». Они, тем не менее, находят соответствие выводам современных

исследователей. Д.В. Лисейцев показал на примере предложения взятки думному дьяку в 1621 г., что ее суммарный объем составлял около 2 % годового денежного сбора с управляемых уездов Поморья [13, с. 91].

Допускаем, что реальный ущерб, наносимый государству, был существенно больше исчисленного на основе сохранившихся источников, но не настолько всеобъемлющ, как можно было бы судить об этом по мемуарам Г. Штадена. Оценочные расчеты коррупционной прибыли С. Емельянова и его клиентелы не убеждают в справедливости распространенных представлений о тотальной коррумпированности российского административного аппарата, и никак не соотносятся ни с выявленным на основании дела Емельянова масштабом коррупции, ни с результатами расследования дел Пожарского и Мышецкого. В сопоставлении с указом не позднее 1620 г. дела Емельянова, Пожарского и Мышецкого в основных своих чертах выглядят типичными: всем им вменялось в вину ведение государственных дел не в соответствии с царскими указами, причинение «насильств, и убытков, и продаж великих» тяглым людям, взимание с них «многих» посулов, поминков и кормов, вследствие чего был нанесен ущерб обороноспособности страны.

Типичным является и непротивление управляемых коррупционным практикам: из новгородского дела 1593–1594 гг. очевидно желание крестьян Сумерской и других волостей «откупиться» от повинностей, заплатив взятку воеводам или дьяку, нежели выполнять обременительные обязанности, в особенности по исполнению посошной повинности. Прослеживается очевидная параллель с положением дел на черносошном Севере, население которого за взятки облагалось налогами в существенно меньшем объеме [13, с. 107–110]. Такие устойчивые формы социального взаимодействия позволяют говорить о рутинизации коррупционных практик во взаимоотношениях между администрацией и подвластным населением, которые заключали негласный пакт на основе взаимовыгодного (реципрокного) игнорирования тягостных государственных повинностей.

Результаты. Зададимся вопросом о том, что дает добытый и проанализированный нами фактический материал для решения проблемы стадиальности государственной системы России. Заслуживают внимания методы получения «посулов», выявленные в ходе расследования новгородского дела: «посулы» брал не сам дьяк, а его «верники» и «держальники», или же посторонние для Новгорода люди, как, например, принадлежавший к другому «служилому городу» Ч. Култашев. Для организации коррупционных схем Емельянову пришлось привлечь 15–17 человек, по меньшей мере часть которых были объединены родственными и свойственными связями (семья Луговских, кума Мякинина). Таким образом, комплексное расследование дела оказалось возможным только после подачи ряда «изветов» и «доводов», из которых решающим стал донос о несанкционированном свыше обмене пленными. Следовательно, дьяк Емельянов изначально имел основания опасаться и расследования, и судебного преследования за свою коррупционную деятельность, что свидетельствует не только о порицании последней в общественном мнении, но и об основательных усилиях государства не допустить разрастания коррупции. В этом контексте Русское государство конца XVI в. предстает монархией, типологически близкой западноевропейским государствам раннего Нового времени, а российская управленческая страта являет признаки нарождающейся бюрократии.

В деле С. Емельянова 1593/94 г. наличествуют неизвестные из других казусов детали, позволяющие не только реконструировать тезаурус российского администратора, знакомого с коррупционными практиками, но и сопоставить это новое знание с терминологией, уже введенной в научный оборот во французской историографии. Понятия «верник», «веременник», «держальник» находят соответствие в терминах, бытовавших во Франции раннего Нового времени, система продажи должностей в которой делала ее государством с легализованной коррупцией. Полным аналогом термина «верник» было французское понятие *fidele* (верный). Понятия «верности» и «верных» во Франции XVII в. были исследованы Роланом Мунье, который определял их сущность следующим образом: «Таким образом, полной самоотдаче, безграничной преданности со стороны *верного* должны соответ-

ствовать полное доверие, безграничное доверие и покровительство господина» [26, p. 103].

Поиск аналогий русским понятиям «веременник» и «держальник» во французском языке XVI–XVIII вв. приводит к термину «креатура», обозначавшему ставленника некоего высокопоставленного покровителя. Р. Мунье отмечал как сходство отношений между «верными» и господами, и креатурами и покровителями, так и существенные отличия между этими парными понятиями. «Обычно ожидалось, что покровитель назначит своего *креатуру* на официальную или общественную должность и обеспечит его карьеру в сфере управления. *Креатура* должен был, при исполнении его функционала, служить интересам его покровителя, и если было необходимо, предпочитая их, или действуя против интересов короля и государства» [26, p. 106]. Представляется, что соответствия на уровне терминологии, отражающей коррупционные практики в Русском государстве и европейских государствах раннего Нового времени, позволят в дальнейшем построить абстрактно-аналитическую модель коррупциогенного взаимодействия в стратифицированных обществах Европы. Уже сейчас, на стадии регионального исследования, возможно очертить контуры искомой модели. По мере налаживания коррупционных связей формируется подгруппа с высоким уровнем внутренней солидарности и с плотной сетевой структурой [24]. Невзирая на то, что подгруппа коррупционеров складывается в недрах органов государственной власти, ее сетевой характер роднит такую подгруппу с отрядами повстанцев, чья деятельность носила антиправительственный характер [4].

Исследованные материалы дают основу и для определения типологии Русского государства, которое возможно в теоретических рамках концепта «патримониальная монархия» и его применения к истории России. М. Вебер рассматривал как патримониальные государства не только Россию XVIII в., но и Францию XVII–XVIII веков [6, с. 100–101, 132–134]. И. Валлерстайн считал, что создание патримониального государственного аппарата в России произошло в годы правления Ивана Грозного [5, с. 389]. Р. Мунье полагал, что царь был не только главой Московского государства, но и считался наследственным собственником государства. «Московия была его личным доменом, его отчиной, наследуемой его семьей» [25, p. 115]. В отличие от западноевропейских историков и социологов Б.Н. Флоря полагает, что Русское государство было патримониальной (вотчинной) монархией до 1550-х гг.; в ходе реформ «50-х гг. XVI в. был сделан важный шаг на пути к созданию сословного общества и сословной монархии» [23, с. 52].

В своих построениях мы исходим из концепции Б.Н. Флори, хотя и не разделяем его убежденность в том, что во второй половине XVI в. Россия шла к формированию сословной монархии. И действительно, если рассматривать Русское государство XVI–XVII вв. как патримониальную монархию, непонятны такие принципиально новые явления в государственной жизни страны второй половины XVI – XVII в., как земские соборы, формирование бюрократического приказного аппарата, и, собственно, понимание коррупции как общественного зла. Борьба государства с коррупцией в этом контексте видится как стремление отграничить публичную сферу власти от хозяйственно-экономической деятельности лиц, причастных к публичной сфере власти. Если построенная нами в данном исследовании каузальная эмпирическая модель верна, она дает возможность высказать предположение о векторе развития Русского государства и общества во второй половине XVI – XVII века. Коль скоро «прибытки» должностных лиц в период исполнения ими служебных обязанностей и за счет управляемых оказываются вне закона, то производящий эти законы государственный аппарат утрачивает патримониальные черты и приобретает характер бюрократического, а государство – абсолютистского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракчеев В. А. Власть и «земля»: правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – XVII в. Екатеринбург: Древлехранилище, 2014. 507 с.

2. Аракчеев В. А. «По Семейкину веленью»: древнейшее дело о коррупции в Русском государстве 1593/94 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2024. № 3. С. 104–116.

3. Аракчеев В. А. Соборное уложение и социально-политическая эволюция России во второй

половине XVII в. // Российская история. 2023. № 1. С. 26–46.

4. Аракчеев В. А. Феномен разбоев в России начала XVII в.: к типологии повстанческих движений // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6, № 4. С. 972–983.

5. Валлерстайн И. Мир-система модерна. Т. I. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 552 с.

6. Вебер М. Хозяйство и общество. Т. IV. Господство. М.: ВШЭ, 2019. 542 с.

7. Веселовский С. Б. Приказной строй управления Московского государства // Русская история в очерках и статьях. Киев: Кн. маг. Н.Я. Оглоблина, 1912. С. 166–197.

8. Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М.: Наука, 1978. 342 с.

9. Дело о злоупотреблениях С. Емельянова в бытность его дьяком в Новгороде // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 141. Оп. 1. 1593 г. Д. 2. 58 л.

10. Дело розыскное 1591 г. про убивство царевича Димитрия Ивановича на Угличе. М.: Изд. Имп. археол. ин-та им. Имп. Николая II, 1913. 41 с.

11. Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII в. СПб.: Изд. РНБ, 2000. 352 с.

12. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. Л.: Наука, 1986. 261 с.

13. Лисейцев Д. В. «Привезли в посулех устюжане сто рублев денег»: земские миры и центральная власть в Московском государстве // Российская история. 2018. № 4. С. 90–110.

14. Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М.: Гл. архив. упр., 1977. 416 с.

15. Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ. Екатеринбург: Волот, 2007. 606 с.

16. Свияжское сыскное дело про воеводу Ефима Мышецкого // РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 82. 803 л.

17. Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 2. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук, 2020. 621 с.

18. Седов П. В. Подношения в Московских приказах XVII в. // Отечественная история. 1996. № 1. С. 139–150.

19. Следственное дело о князе Д.М. Пожарском во время бытности его воеводою в Пскове // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1870. Кн. 1. С. 3–179.

20. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л.: Наука, 1987. 446 с.

21. Сыск о злоупотреблениях Пожарского-Лопаты и Гагарина в Пскове в 1631 г. // РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 46. Л. 277–307, 313–314.

22. Флетчер Д. О государстве русском. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906. 138 с.

23. Флоря Б. Н. Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 1999. 401 с.

24. Dahrendorf R. Toward a Theory of Social Conflict // Journal of Conflict Resolution. 1958. Vol. 7. P. 170–183.

25. Mousnier Roland. Social Hierarchies: 1450 to the Present. New York: Schocken Books, 1973. 210 p.

26. Mousnier Roland. The Institutions of France under the Absolute Monarchy 1598–1789: Society and the State. Vol. 1. Chicago: University of Chicago Press, 1979. 783 p.

REFERENCES

1. Arakcheev V.A. *Vlast i «zemlja»: pravitelstvennaja politika v otnoshenii tjaglyh soslovij v Rossii vtoroj poloviny XVI – XVII v.* [Power and "Land": Government Policy Towards Taxable Estates in Russia in the Second Half of the 16th – 17th Centuries]. Yekaterinburg, Drevlehranilishe Publ., 2014. 507 p.

2. Arakcheev V.A. «Po Semejkinu velenyju»: drevnejshee delo o korrupcii v Russkom gosudarstve 1593/94 g. ["At Semeikin's Command": The Oldest Case of Corruption in the Russian State, 1593/94]. *Drevnjaja Rus: Voprosy medievistiki*, 2024, no. 3, pp. 104-116.

3. Arakcheev V.A. Sobornoe ulozhenie i socialno-politicheskaja evoljucija Rossii vo vtoroj polovine XVII v. [Cathedral Code and the Socio-Political Evolution of Russia in the Second Half of the 17th Century]. *Rossijskaja istorija* [Russian History], 2023, no. 1, pp. 26-46.

4. Arakcheev V.A. Fenomen razboev v Rossii nachala XVII v.: k tipologii povstancheskih dvizhenij [Phenomenon of Robberies in Russia at the Beginning of the 17th Century: Towards a Typology of Insurgent Movements]. *Quaestio Rossica*, 2018, vol. 6, no. 4, pp. 972-983.

5. Vallerstajn I. *Mir-sistema moderna. T. I* [Modern World-System. Vol. 1]. Moscow, Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2015. 552 p.

6. Veber M. *Hozjajstvo i obshhestvo. T. IV. Gospodstvo* [Economy and Society. Vol. 4. Domination]. Moscow, VShE, 2019. 542 p.

7. Veselovskij S.B. Prikaznoj stroj upravlenija Moskovskogo gosudarstva [Order System of Government of the Moscow State]. *Russkaja istorija v ocherkah i statyjah* [Russian History in Essays and Papers]. Kiev, Kn. mag. N.Ja. Ogloblina, 1912, pp. 166-197.

8. Veselovskij S.B. *Trudy po istochnikovedeniju i istorii Rossii perioda feodalizma* [Works on Source Study and History of Russia During the Period of Feudalism]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 342 p.

9. Delo o zloupotreblenijah S. Emeljanova v bytnost ego djakom v Novgorode [Case of S. Emelyanovs Abuses When He Was a Clerk in Novgorod]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 141, inv. 1, 1593 g., d. 2. 58 l.

10. *Delo rozysknoe 1591 g. pro ubivstvo carevicha Dimitrija Ivanovicha na Ugliche* [Investigation Case of 1591 About the Murder of Tsarevich Dimitry Ivanovich in Uglich]. Moscow, Izd. Imp. arheol. in-ta im. Imp. Nikolaya II, 1913. 41 p.

11. Enin G.P. *Voevodskoe kormlenie v Rossii v XVII v.* [Voivodeship Maintenance in Russia in the 17th Century]. Saint Petersburg, Izd. RNB, 2000. 352 p.

12. *Zakonodatelnye akty Russkogo gosudarstva vtoroj poloviny XVI – pervoj poloviny XVII veka. Teksty* [Legislative Acts of the Russian State of the Second Half of the 16th – First Half of the 17th Century. Texts]. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 261 p.

13. Lisejcev D.V. «Privezli v posuleh ustjuzhane sto rublev deneg»: zemskie miry i centralnaja vlast v Moskovskom gosudarstve ["The Ustyuzhans Brought a Hundred Rubles of Money to Posulekh": Local Worlds and Central Power in the Moscow State]. *Rossijskaja istorija* [Russian History], 2018, no. 4, pp. 90-110.

14. *Opis arhiva Posolskogo prikaza 1626 goda. Ch. 1* [Inventory of the Archive of the Ambassadorial Department of 1626]. Moscow, Gl. arhiv. upr., 1977. 416 p.

15. Redin D.A. *Administrativnye struktury i bjurokratija Urala v epohu petrovskih reform* [Administrative Structures and Bureaucracy of the Urals in the Era of Peter's Reforms]. Yekaterinburg, Volot Publ., 2007. 606 p.

16. Svijazhskoe sysknoe delo pro voevodu Efima Mysheckogo [Sviyazhsk Detective Case About Governor Efim Myshetsky]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 3, d. 82. 803 l.

17. *Svod pamjatnikov istorii Chuvashii i chuvashskogo naroda. T. 2* [Collection of Monuments of the History of Chuvashia and the Chuvash People. Vol. 2]. Cheboksary, Chuvash. gos. in-t. gumanit. nauk, 2020. 621 p.

18. Sedov P.V. Podnoshenija v Moskovskih prikazah XVII v. [Offerings in the Moscow Orders of the 17th Century]. *Otechestvennaja istorija*, 1996, no. 1, pp. 139-150.

19. Sledstvennoe delo o knjaze D.M. Pozharskom vo vremja bytnosti ego voevodoju v Pskove [Investigative Case About Prince D.M. Pozharsky During His Time as Governor in Pskov]. *Chtenija v obshhestve istorii i drevnostej rossijskih* [Readings in the Russian History and Antiquities Society], 1870, book 1, pp. 3-179.

20. *Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Tekst. Kommentarii* [Sobornoye Ulozheniye of 1649. Text. Comments]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 446 p.

21. Sysk o zloupotreblenijah Pozharskogo-Lopaty i Gagarina v Pskove v 1631 g. [Investigation into the Abuses of Pozharsky-Lopata and Gagarin in Pskov in 1631]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, inv. 13, d. 46, l. 277-307, 313-314.

22. Fletcher D. *O gosudarstve russkom* [About the Russian State]. Saint Petersburg, Izd. A.S. Suvorina, 1906. 138 p.

23. Florya B.N. *Ivan Groznyj* [Ivan the Terrible]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1999. 401 p.

24. Dahrendorf R. Toward a Theory of Social Conflict. *Journal of Conflict Resolution*, 1958, vol. 7, pp. 170-183.

25. Mousnier Roland. *Social Hierarchies: 1450 to the Present*. New York, Schocken Books, 1973. 210 p.

26. Mousnier Roland. *The Institutions of France Under the Absolute Monarchy 1598–1789: Society and the State. Vol. 1*. Chicago, University of Chicago Press, 1979. 783 p.

Information About the Author

Vladimir A. Arakcheev, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Director, Russian State Archive of Ancient Acts, Bolshaya Pirogovskaya St, 17, 119435 Moscow, Russian Federation; Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Dmitriya Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, arakk@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-8389-3806

Информация об авторе

Владимир Анатольевич Аракчеев, доктор исторических наук, доцент, директор, Российский государственный архив древних актов, ул. Большая Пироговская, 17, 119435 г. Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, arakk@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-8389-3806

www.volsu.ru

ГОРОД И СЕЛО В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.3

UDC 94(47)«16/18»
LBC 63.5(2)

Submitted: 29.08.2023
Accepted: 13.12.2023

BELGOROD AS A RECEPTION CENTER FOR NEWCOMING CHERKASSY IN THE FIRST HALF OF THE 17th CENTURY

Viktoriia M. Brezgunova

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* During the 17th century, Belgorod, built close to the border with the Polish-Lithuanian Commonwealth, retained its importance as an important military strategic point. *Methods and materials.* The article is devoted to the study of the history of Belgorod in the context of migration processes that affected many cities of the South of Russia in the first half of the 17th century. The methodological basis of the research was the fundamental principles of historical cognition – objectivity and historicism. The source base of the study covers diverse materials, the most important of which are volumes of documents and materials on the reunification of Ukraine with Russia, published under the editorship of P.P. Gudzenko. The materials of the Russian State Archive of Ancient Acts – the columns of the Belgorod and Prikaz offices – were also involved in the research. *Analysis.* Belgorod became one of the most popular centers, where cherkassy, immigrants from the Ukrainian lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth, came with their families. The voivodes of the border city administered them an oath, temporarily placed them, gave them salaries, and, if necessary, appointed attendants to move to other Russian settlements. *Results.* The study concluded that Belgorod became not only one of the points of reception and further relocation of cherkassy but also the place of permanent residence of a small group of cherkassy – 60 people led by Ataman Khandogoy, who is mentioned in written sources from 1640 to 1655. Larger groups of cherkassy did not live in Belgorod during the period under review.

Key words: Belgorod, cities of the Belgorod line, migration processes, voivodes, cherkassy, 17th century.

Citation. Brezgunova V.M. Belgorod as a Reception Center for Newcoming Cherkassy in the First Half of the 17th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 28-37. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.3

УДК 94(47)«16/18»
ББК 63.5(2)

Дата поступления статьи: 29.08.2023
Дата принятия статьи: 13.12.2023

БЕЛГОРОД КАК ЦЕНТР ПРИЕМА «НОВОВЫЕЗЖИХ» ЧЕРКАС В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Виктория Михайловна Брезгунова

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* На всем протяжении XVII в. построенный близко к границе с Речью Посполитой Белгород сохранял свое значение как важный военно-стратегический пункт. *Методы и материалы.* Статья посвящена изучению истории Белгорода в контексте миграционных процессов, затронувших в первой половине XVII в. многие города Юга России. Методологической основой исследования стали фундаментальные

© Брезгунова В.М., 2024

принципы исторического познания – объективность и историзм. Источниковая база исследования охватывает разнообразные материалы, наибольшую значимость из которых представляют тома документов и материалов о воссоединении Украины с Россией, изданные под редакцией П.П. Гудзенко. Привлекались в ходе исследования и материалы Российского государственного архива древних актов – столбцы Белгородского и Приказного столов. *Анализ.* Белгород стал одним из самых востребованных центров, куда приезжали со своими семьями черкасы – выходцы из украинских земель Речи Посполитой. Воеводы приграничного города приводили их к присяге, временно размещали, выдавали жалование и при необходимости назначали сопровождающих для переезда в другие российские населенные пункты. *Результаты.* В ходе исследования сделан вывод о том, что Белгород стал не только одним из пунктов приема и дальнейшего сопровождения черкас, но и местом постоянного проживания небольшой группы черкас из 60 человек атамана Хандогоя, который упоминается в источниках с 1640 до 1655 года. Более крупные группы черкас в рассматриваемый период в Белгороде не проживали.

Ключевые слова: Белгород, города Белгородской черты, миграционные процессы, воеводы, черкасы, XVII век.

Цитирование. Брезгунова В. М. Белгород как центр приема «нововыезжих» черкас в первой половине XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 28–37. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.3

Введение. Построенный в конце XVI в. Белгород на протяжении всего последующего столетия занимал особое место среди городов Юга России. Пограничное положение определило специфику административного управления и состава населения. В середине XVII в. была построена Белгородская черта – это укрепленная линия на юго-западной границе Российского государства на пути вторжения крымских и ногайских татар [20, с. 3]. Особенно значение города возросло с 1658 г., когда возникло новое географическое понятие «города Белгородского полка» и соответственно сформировалась новая административно-территориальная единица – Белгородский разряд, частично соответствовавший территории современных областей Центрального Черноземья России и частично северо-восточных областей Украины [9, с. 80–81]. Воевода Белгородского полка, подчиненный Разрядному приказу, постепенно сосредоточивал в своих руках военное и судебно-административное управление на подведомственной территории [10, с. 175].

Существует довольно много современных актуальных работ, посвященных истории Белгорода в XVII веке. Большой вклад в изучение внесло проведение ежегодных научно-практических конференций «Белгородская черта» на базе Белгородского государственного национального исследовательского университета [2, с. 77]. Исследователями достаточно подробно освещены такие аспекты, как строительство и управление городов Белгородской черты [19; 24], Белгородского полка [18], функции возглавлявших его воевод [15; 16]. Отдельно отметим большую разноплановую проработку темы истории порубежья России и украинских земель Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII в., которая была проведена А.И. Папковым [28]. Его работы наиболее близки к теме данного исследования. В то же время несмотря на такое большое количество раскрывающих разные аспекты истории Белгорода в XVII в. статей и монографий, можно отметить недостаточное изучение особенностей административного управления Белгорода как миграционного центра на границе, а также места временного размещения и постоянного проживания переселенцев.

Методы и материалы. Исследование посвящено изучению Белгорода как стратегического пограничного пункта, куда из Речи Посполитой приезжали черкасы, размещавшиеся российской администрацией как в самом Белгороде, так и в других населенных пунктах. Методологической основой исследования выбраны фундаментальные принципы исторического познания – объективность и историзм. При этом использованы сравнительно-исторический и просопографический методы. Особое внимание будет уделено половозрастному составу переселенцев, а также географическому расположению тех мест, откуда они приезжали в Россию. Отдельно необходимо отметить, что черкасами в русских документах XVI–XVII вв. называли выходцев с Днепровского Левобережья, а к середине XVII в. – уже всех жителей украинских земель Речи По-

сполитой [1, с. 47]. Источниковая база исследования охватывает архивные и опубликованные материалы, наибольшую значимость из которых представляют тома документов и материалов о воссоединении Украины с Россией, изданные под редакцией П.П. Гудзенко. Также были использованы материалы Российского государственного архива древних актов – столбцы Белгородского и Приказного столов.

Анализ. Сведения о служивших и размещенных в Белгороде в первой половине XVII в. черкасах, как и многие источники об отдельных группах населения в этот период, отличаются своей фрагментарностью. Первое упоминание о служивших в Белгороде черкасах, как установил А.И. Папков по более поздней челобитной и свидетельским показаниям, относится к 1600 г. [28, с. 94]. На данный момент это самое раннее конкретное упоминание о состоявших на царской службе черкасах в городах Юга России. В документе фигурирует станичник-черкашенин Яков Филиппов [12, л. 213–217], имя которого в более поздних источниках, к сожалению, не встречается. Поэтому не совсем понятно, остался ли Филиппов на службе в Белгороде после событий Смутного времени, которые значительно изменили и политическую, и социальную карту Российского государства, привели к большим перемещениям населения.

Далее наблюдается продолжительный перерыв, и следующее упоминание о проживавших в Белгороде черкасах относится к 1636 году. Такая дата носит далеко не случайный характер, так как переселенческое движение черкас в Россию после Смоленской войны 1632–1634 гг. стало носить особенно массовый характер. Основной причиной такого широкого миграционного потока стала политическая, экономическая и социальная нестабильность в Речи Посполитой в этот период [4, с. 37]. Наиболее ярким проявлением противоречий внутренней обстановки в этом государстве стали казацкие восстания. В начале 1636 г. «нововыезжий» черкас Григорий Шахворостов оказался вовлечен в конфликт и жаловался на притеснения со стороны воеводы Афанасия Тургенева, который отобрал часть его имущества и обвинял в пьянстве, воровстве и игре в кости [11, л. 519]. В источнике снова упоминается имя только одного черкаса, поэтому сложно выдвинуть предположение об общем возможном количестве проживавших в Белгороде черкас, но все же наиболее вероятным и целесообразным с точки зрения правительства представляется размещение в этом городе не одного человека, а хотя бы небольшой группы «нововыезжих» черкас.

Эту гипотезу можно косвенно подтвердить упоминаемым исследователями фактом измены «нововыезжих» черкас летом 1636 года [28, с. 211]. 25 июля 1636 г. из Белгорода сбежали со своими семьями четыре черкаса, в том числе Павел Писаренко и Юрий Змиюсский, за которыми в погоню по собственной воле, а не по приказу администраторов, отправились шесть черкас Якова Гаврилова. Они смогли вернуть в Белгород Змиюсского, и можно было бы считать, что эти действия – это проявление ответственности и сознательности черкас Гаврилова, если бы они не сопровождались фактом присвоения ими имущества беглецов. Белгородский воевода требовал его возврата, но черкасы с этим не соглашались [11, л. 395–397, 415]. Таким образом, на основе этого источника можно определить, что к лету 1636 г. в Белгороде точно проживали со своими семьями 10 черкас, количество которых уменьшилось до шести. В то же время наиболее вероятно проживание в Белгороде более крупной группы черкас, в данном случае имеющаяся в источнике информация явно не носит исчерпывающий характер. Отметим, что упоминаемый ранее Григорий Шахворостов мог входить в число как беглецов, так и оставшихся в Белгороде черкас.

В том же 1636 г. летом белгородские черкасы снова оказались вовлечены в разбирательства с участием воеводы. Афанасий Тургенев получил жалобы от урядников Полтавы, Лубен и Лютени, которые в этот период входили в состав Речи Посполитой, о том, что «нововыезжие» черкасы украли там лошадей. Преступниками оказались два русских жителя Белгорода и четыре черкашенина [11, л. 379–382]. Двое из них – Андрей Семенов и Ефрем Яковлев, опасаясь действий царских администраторов, сбежали из страны, что, безусловно, свидетельствует о серьезности выдвигаемых обвинений и их возможных последствий для преступников.

Важно отметить, что в документах раз за разом черкасы упоминаются как «нововыезжие», совсем нет совпадений по именам, видимо, выходцы из Речи Посполитой в Белгороде могли проживать какое-то время, а потом переезжали жить в другие места. Белгород находился очень близко к границе, и проживание в нем большой группы черкас могло становиться причиной постоянных конфликтов с польскими администраторами, к тому же упоминаемые ранее примеры бегства черкас из города демонстрируют их мобильность и стремление к свободе выбора или смене места жительства. К тому же в регулировании численности черкасского контингента непосредственно участвовала царская администрация. Например, в феврале 1636 г. воевода Тургенев получил грамоту об ограничении максимального количества переселенцев-черкас в Белгороде шестью десятками человек [11, л. 116–120]. Исследователи упоминают, что к осени 1636 г. на службе в Белгороде всего числилось 37 черкас [28, с. 225]. Поэтому тем более противоречиво выглядят сведения Разрядной книги 1637–1638 гг., в которых приводятся данные о 102 проживающих в Белгороде «переезжих» черкасах [31, с. 95–111]. Такое резкое увеличение численности черкас и сама формулировка более всего похожи на упоминание либо недавно приехавших в город черкас, либо тех, для кого Белгород станет первым пунктом на пути дальнейшего перехода на новое место размещения. В свете последующих данных вторая версия представляется наиболее вероятной. В росписи 1638 г. жалования станичникам в Белгороде его получают 60 черкас [14, л. 320–324]. Видимо, именно таким было количество постоянно проживавшего в городе на тот момент контингента, вполне соответствующим предписаниям центральной администрации.

Одним из самых известных и исследованных историками приходов переселявшихся в Россию черкас в Белгород является появление 12 июня 1638 г. у стен города большого отряда Якова Острянина [27, с. 100–101]. В октябре был составлен список переселенцев, в котором значилось 672 человека. Несмотря на действия полка Острянина против России во время Смоленской войны, пришедшие в Белгород черкасы принесли присягу и были приняты на службу. Часть из них изъявила желание поселиться в Короче, и, видимо, их просьба была удовлетворена, к февралю 1641 г. число черкас в Короче достигло 500 человек [5, с. 17]. Более того, российская администрация прислушалась к просьбам стремившихся поселиться всем вместе черкас и предложила им еще два места на выбор. Это были Чугуевское городище на Северском Донце и Карпове сторожевье недалеко от Белгорода. В итоге черкасы выбрали первый вариант, отстроили там крепость Чугуев, но прожили на новом месте совсем недолго – всего до 1641 г., когда решили бежать в Польшу. Этот интересный сюжет достаточно подробно изучен историками [26], и в данном случае его затрагивать нецелесообразно. Гораздо важнее то, что большая группа черкас Якова Острянина, пришедшая в Россию через Белгород, была принята там воеводой, который участвовал в решении всех возникавших вопросов с приемом и размещением черкас на новом месте.

Положение о том, что количество черкас в Белгороде могло увеличиваться именно из-за тех переселенцев, которые далее направлялись в другие города, присутствует в работах А.И. Папкова. Он упоминает, что в 1639 г. в Белгороде получили жалование 247 черкас, и в это число входили переселенцы и члены их семей, прибывавшие в этот город, а затем рассылавшиеся в другие населенные пункты [28, с. 226]. В этом же году в Белгороде было размещено 57 черкас, которым было выдано жалование атаманам и есаулам по 7 рублей, а рядовым по 5 рублей [25, с. 75], что соответствовало той материальной помощи, которую выделяло правительство выходцам из Речи Посполитой при переселении [3, с. 86]. Таким образом, общий состав контингента (60 упоминаемых ранее [14, л. 320–324] и 57 новых) в этот период в Белгороде должен был достигать примерно 120 человек. Все же более вероятным представляется, учитывая упоминаемые ранее распоряжения для белгородского воеводы об ограничении количества черкас в Белгороде [11, л. 116–120], что контингент был достаточно динамичным, потому что черкасы могли приезжать, жить какое-то время в Белгороде, а потом уезжать,

и цифра постоянно проживавших в городе черкас составляла примерно 60 человек.

В 1640 г. атаманом белгородских черкас был Матвей Хандогой, который известил воеводу Замятню Леонтьева о бегстве из Белгорода с семьей «переезжего» черкашенина Матвея Борисова [13, л. 171–173]. И особое внимание в контексте нашего исследования здесь стоит обратить на имя атамана Хандогоя. В первом томе документов и материалов о воссоединении Украины с Россией приведен текст челобитной от 21 марта 1645 года. В ней обращались к государю «белогородцкие черкасишка отоманишко черкаской Матюшка Михайлов сын Хандогой с товарыщи 68 человек» [6, № 238, с. 400]. Их прошение имело довольно типичное для этого периода содержание – черкасы описывали все свои «беспрестанные» служебные обязанности, во время исполнения которых они ходили в походы и сражались «с крымскими и с нагайскими людьми», попадали в плен и несли постоянные убытки. В связи с этим, так как черкасы «вконец погибли и стали безлошадны и безоружны», они просят выдачи государева жалованья, которое получили белгородские станичники, как и «иноземцы»-черкасы из других городов. Видимо, их прошение было удовлетворено, и государь велел выдать свое денежное жалование. Таким образом, по источникам отслеживается, что как минимум с 1640 до 1645 г. в Белгороде проживала одна группа состоявших на царской службе черкас атамана Хандогоя, вопрос времени их прихода в Россию источник не уточняет, но он вполне мог быть ранее 1640 года. Более того, атаман Хандогой жил в Белгороде и позднее, так как упоминается в источниках как атаман белгородских черкас в 1655 г. [32, л. 7], с ним же в документе перечисляются и имена 60 черкас под его началом.

Прослеживается интересная цепочка, так как в апреле 1645 г. царю били челом уже белгородские дети боярские. Они были возмущены полученным 68 черкасами в Белгороде жалованием, в то время как черкасы только ходят в походы, а дети боярские, кроме этого, участвуют в строительстве крепостей, стоят на заставах, ездят в сторожи [33, л. 194]. Вопрос материального обеспечения и организации быта служилого населения Юга России разных чинов в последние годы привлекает все большее внимание исследователей [17; 21; 23; 30], и подобные челобитные, позволяющие сопоставить материальные возможности различных служилых групп, вызывают определенный интерес. Есть объяснение тому, почему черкасы не участвовали в сторожевой службе – им просто ее не доверяли, сторожи находились слишком близко от границы с Речью Посполитой, и, учитывая периодические бегства черкас «в Литву», правительство считало это опасным. Отметим, что исследователи приводят цифры в 66 черкас в Белгороде в 1645 г. и в 64 в 1647 году [28, с. 228]. В том же 1645 г. есть упоминание в источниках, что в Белгороде было 50 черкас [33, л. 195–196], сопоставляя совпадающие сведения нескольких предыдущих источников, такое количество представляется заниженным.

В марте 1647 г. государю подали челобитную «белогородцкие черкасы иноземцы 62 человека», которые жаловались на насильственный захват их сенных покосов по реке Северский Донец белгородскими детьми боярскими Юрием Бесединым и Ильей Суворовым [6, № 274, с. 463–464]. В этом документе нет имен черкас, но вполне возможно, что и в документах 1645 и 1647 гг. упоминается одна и та же группа размещенных в Белгороде черкас. Также косвенно на это указывает и источник 1653 г. – роспись жалованья украинцам, несшим военную службу в городах Русского государства [8, № 223, с. 512–513]. Среди «польских же и в украинных городех иноземцов и черкаских начальных людей и черкас» упоминаются служившие в Белгороде 62 черкаса, в числе которых были 1 атаман, 1 есаул и 60 рядовых. Они получили жалование по 7, 6 и 5 рублей соответственно. Исследователь Е.В. Шварев в своей работе о служилых людях на Белгородской черте в 1651 г. отмечает, что в Белгороде в этот период состоял на службе 61 черкас [34, с. 155], а источник 1655 г. поименно перечисляет 60 белгородских черкас атамана Хандогоя [32, л. 7–9]. Как мы видим, снова наблюдается практически точное совпадение количества черкас в хронологически близких источниках.

В мае 1646 г. воевода Федор Хилков написал в Москву о приходе 22 апреля в Белгород

Степана Емельянова «из литовские стороны из городка Бобрика» и Клима Прокопова «из городка Гадеча», с которыми в Россию из разных мест пришли 68 человек [6, № 253, с. 421–422]. Они просили государя и белгородского воеводу, выдав им денежное жалование, отпустить их на судах на Дон или «на Воронож» к Ждану Кондыреву. Хилков, написав о приходе черкас в Москву, в ожидании царского указа разместил черкас под Белгородом, выдал из государевых житниц корм – ржаную муку «по полу осмине человеку» и овсяных круп «7 четвериков на десяток по четверику», что было своевременно оказанной материальной помощью переселенцам. Также Емельянов и Прокопов рассказали воеводе, что «в литовской стороне» собралось из разных мест и «стоят в собранье» пять тысяч черкас, желающих перейти в Россию на государеву службу. Эти сведения представляли наибольший интерес для центральной администрации, поэтому Хилков в своей отписке обращает внимание на этот факт отдельно. Можно предположить, что эта группа черкас в итоге была отправлена, как они и желали, на Дон, как и последующая пришедшая в мае группа черкас. Кроме того, нужно отметить, что среди воронежских черкас этого периода Емельянов и Прокопов не упоминаются.

10 мая 1646 г. в Белгород пришла еще одна группа черкас – «из литовские стороны из городка Олешни» 50 черкас во главе с Тимофеем Пушкарем [6, № 256, с. 424–425]. Воевода Хилков получил из Москвы распоряжение отпустить их на Дон и выдать им из белгородских доходов жалование по 2 рубля человеку. В том случае, если в белгородской казне денег нет, воеводе государем предписывалось: «...ты б им дал свои деньги или, где заняв, да им дал, а те деньги тебе, или у ково займешь, отдадут на Москве». В таком случае воевода должен был сделать все возможное и выполнить указ государя в отношении выдачи жалования черкасам, пусть оно и было сравнительно небольшим. Было бы интересно проследить дальнейший путь этой группы черкас «на Дон» к месту постоянного размещения, что представляется весьма сложной исследовательской задачей.

Черкасы приходили в Россию не только через пограничные города организованными группами, которые фиксировались царской администрацией, но и самостоятельно, участвуя таким образом в заселении и освоении Юга России. Эти земли назывались «Полем» и представляли собой обширную и слабозаселенную полосу лесостепи и степи, уже с конца XVI в. началась колонизация «Поля». Вначале она носила стихийный народный характер, но позднее этот процесс был взят под контроль правительства [22, с. 114]. Приход людей из Речи Посполитой для хозяйственных промыслов на территории, которые уже осваивались российскими подданными, становился причиной локальных столкновений в конце XVI – начале XVII века [29, с. 50]. Происходили такие случаи и позднее. В 1650 г. белгородские воеводы писали государю о выполнении распоряжения, касающегося такой группы черкас [7, № 186, с. 453–454], самовольно поселившейся в Вольновском и Ольшанском уездах. В источнике указано, что, не спрашивая и не получая разрешения, эти черкасы на государевой земле «буды и пасеки и дехтярни завели». Воеводами были отправлены служилые люди для того, чтобы описать имущество черкас и их оттуда «сослать добровольно без зодору».

Результаты. Подводя итоги, отметим, что в стратегически важном пограничном Белгороде, в отличие от Севска, например, черкасы не только принимались, но и размещались на проживание. К сожалению, в источниках, за редким исключением, практически не упоминаются места, откуда именно черкасы приходили в Белгород. При этом необходимо отметить, что группа постоянно проживавших в Белгороде в 1630–1640-е гг. черкас была небольшой – всего около 60 человек, что было совсем малой величиной по сравнению с тем количеством людей, которые прошли через этот город во время своего переселения в Россию. Такое сдерживание расширения черкасского контингента в Белгороде происходило по решению царской администрации в силу следующих причин: близости границы с Речью Посполитой, стремлением избежать возможного обострения дипломатических отношений, а также периодически встречающимися в источниках случаями бегства больших и малых групп черкас из России, что после принесения ими присяги на русскую службу уже считалось государственной изменой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белгородская черта: история, фортификация, люди / отв. ред. Д. А. Хитров. Рыбинск: Медиарост, 2020. 264 с.
2. Брезгунова В. М. Всероссийская научно-практическая конференция «Белгородская черта 2022» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2023. № 1. С. 77–78.
3. Брезгунова В. М. Жалование «нововыезжих черкас» при переселении в Воронежский край в XVII веке // История: факты и символы. 2018. № 3 (16). С. 81–87.
4. Брезгунова В. М. Причины переселения украинцев в Воронежский край в XVII веке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 3. С. 37–39.
5. Брезгунова В. М. «Черкасское» направление деятельности воевод города-крепости Яблонов в конце 1630-х – начале 1650-х годов // Белгородская черта. Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 5. Белгород: Изд-во Сичкаревой Е.В., 2021. С. 16–20.
6. Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы в трех томах / под ред. П. П. Гудзенко [и др.]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. Т. 1: 1620–1647 годы. 585 с.
7. Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы в трех томах / под ред. П. П. Гудзенко [и др.]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. Т. 2: 1648–1651 годы. 560 с.
8. Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы в трех томах / под ред. П. П. Гудзенко [и др.]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. Т. 3: 1651–1654 годы. 645 с.
9. Глазьев В. Н. Города на Юге России в XVII веке: состав и численность населения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 2. С. 80–85.
10. Глазьев В. Н. Подведомственность российского Черноземья московским приказам в XVII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, № 182. С. 169–177. DOI: https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-182-169-177
11. Документы, касающиеся выезжих из Литвы черкас (прием их на службу, выдача жалованья, рассылка по городам, устройство их землями и поверстание поместными и денежными окладами, вести о положении дел в Малороссии) // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 13. Д. 99. 583 л.
12. Документы, касающиеся организации сторожевой и станичной службы в городах // РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 25. 316 л.
13. Документы, касающиеся побега черкашенина из Белгорода // РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 140. 747 л.
14. Документы, касающиеся раздачи жалованья станичникам и выезжим черкасам // РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 74. 420 л.
15. Дудина О. В. Военные функции руководителей Белгородского Разряда // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 2. С. 86–90.
16. Дудина О. В. Назначение воевод и подьячих из центра Белгородского Разряда в 1660–1670-х гг. // Общество и власть: века минувшие и день сегодняшний. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2020. С. 27–31.
17. Жиброва Т. В. «Остались в дому… братья ево»: некоторые источники по истории повседневности на Юге России в XVII – начале XVIII в. // Домашняя повседневность населения России: история и современность. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина: Медиапапир, 2022. Т. 1. С. 13–16.
18. Жигалов В. М. Роль Белгорода и Яблонова в системе управления городами белгородской черты (40–50-е годы XVII века) // Белгородская черта. Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 5. Белгород: Изд-во Сичкаревой Е.В., 2020. С. 167–189.
19. Жигалов В. М. Эволюция укреплений Белгорода в XVII веке // Белгородская черта. Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 7. Белгород: Изд-во Сичкаревой Е.В., 2022. С. 65–89.
20. Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1969. 304 с.
21. Камараули Е. В. Военизированное население южных окраин Московского государства в первой трети XVII в. (на примере Воронежского уезда): боевой потенциал, землевладение и условия хозяйствования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2017. № 15 (264). С. 101–110.
22. Камараули Е. В. Эксплуатация природных ресурсов на южных окраинах Российского государства в XVII веке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 114–117.
23. Ляпин Д. А., Мизис Ю. А. Поведенческие модели населения крепостей Юга России в XVII в. (по материалам Воронежского, Козловского и Тамбовского уездов) // Журнал фронтирных исследований. 2021. Т. 6, № 3 (23). С. 10–28. DOI: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i3.252

24. Мизис Ю. А. Права и обязанности городовых воевод Белгородской черты в XVII в. // Белгородская черта. Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 5. Белгород: Изд-во Сичкаревой Е.В., 2020. С. 213–218.

25. Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. М.: Тип. Д.И. Иноземцева, 1894. Ч. I. 310 с.

26. Папков А. И. Бунт или измена? Восстания служилых черкас на юге России в 40-е годы XVII века // История: факты и символы. 2017. № 4 (13). С. 24–36.

27. Папков А. И. Гетман Яков Острянин в Речи Посполитой и в России // Белоруссия и Украина. История и культура: ежегодник, 2003/2004. М.: Наука, 2005. С. 93–122.

28. Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород: Константа, 2004. 351 с.

29. Папков А. И., Савина В. В. Расселение черкас на южной окраине России в конце XVI – начале XVII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 10 (126). С. 49–60.

30. Попов П. В. Торгово-промысловые занятия и повинности южнорусских пушкарей в XVII веке (по материалам крепостей региона Белгородской черты) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28, № 3 (204). С. 665–672. DOI: https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-665-672

31. Разрядная книга 1637/38 года. М.: Ин-т истории СССР, 1983. 186 с.

32. Списки белгородских черкас, которые были на службе с боярами и воеводами в черкасских городах в 1655 г. (с указанием поместных и денежных окладов) // РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 392. 221 л.

33. Челобитье белгородских черкас об освобождении их от посылок «на вести по городам и в станицы» и от притеснений со стороны белгородцев-детей боярских, не позволяющих им владеть землями и покосами по реке Северскому Донцу // РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 163. 544 л.

34. Шварев Е. В. Смотр служилых людей на Белгородской черте в 1651 году // Белгородская черта. Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 3. Белгород: Изд-во Сичкаревой Е.В., 2018. С.152–161.

REFERENCES

1. Hitrov D.A., ed. *Belgorodskaja cherta: istorija, fortifikacija, ljudi* [Belgorod Fortificated Line: History, Fortification, and People]. Rybinsk, Mediarost Publ., 2020. 264 p.

2. Brezgunova V.M. Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Belgorodskaja cherta 2022» [All-Russian Scientific and Practical Conference "Belgorod Line 2022"]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Sociologija* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 2023, no. 1, pp. 77-78.

3. Brezgunova V.M. Zhalovanie «novovyezzhih cherkas» pri pereselenii v Voronezhskij kraj v XVII veke [Salary of the Newcoming Cherkassys During Moving to the Voronezh Region in the 17th Century]. *Istorija: fakty i simvoly* [History: Facts and Symbols], 2018, no. 3 (16), pp. 81-87.

4. Brezgunova V.M. Prichiny pereselenija ukraincev v Voronezhskij kraj v XVII veke [Reasons of the Ukrainian Migrations to the Voronezh Region in the 17th Century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Sociologija* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 2016, no. 3, pp. 37-39.

5. Brezgunova V.M. «Cherkasskoe» napravlenie dejatelnosti voevod goroda-kreposti Jablonov v konce 1630-h – nachale 1650-h godov [Cherkassy's Direction of Activity of the Voivodes of the Fortress City of Yablonov in the Late 1630s – Early 1650s]. *Belgorodskaja cherta. Sbornik statej i materialov po istorii Belgorodskoj oboronitelnoj cherty. Vyp. 5* [Belgorod Line. Collection of Articles and Materials on the History of the Belgorod Defensive Line. Iss. 5]. Belgorod, Izd-vo Sichkarevoy E.V., 2021, pp. 16-20.

6. Gudzenko P.P. et al., eds. *Vossoedinenie Ukrainy s Rossiej: dokumenty i materialy v treh tomah* [Reunification of Ukraine with Russia: Documents and Materials in Three Volumes]. Moscow, Izd-vo Acad. nauk SSSR, 1953, vol. 1: 1620–1647. 585 p.

7. Gudzenko P.P. et al., eds. *Vossoedinenie Ukrainy s Rossiej: dokumenty i materialy v treh tomah* [Reunification of Ukraine with Russia: Documents and Materials in Three Volumes]. Moscow, Izd-vo Acad. nauk SSSR, 1954, vol. 2: 1648–1651. 560 p.

8. Gudzenko P.P. et al., eds. *Vossoedinenie Ukrainy s Rossiej: dokumenty i materialy v treh tomah* [Reunification of Ukraine with Russia: Documents and Materials in Three Volumes]. Moscow, Izd-vo Acad. nauk SSSR, 1954, vol. 3: 1651–1654. 645 p.

9. Glazjev V.N. Goroda na Juge Rossii v XVII veke: sostav i chislennost naselenija [Cities in the South of Russia in the 17th Century: Composition and Population Size]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Sociologija* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 2020, no. 2, pp. 80-85.

10. Glazjev V.N. Podvedomstvennost rossiyskogo Chernozemya moskovskim prikazam v XVII v. [Subordination of the Russian Chernozem Region to

Moscow Orders in the 17th Century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2019, vol. 24, no. 182, pp. 169-177. DOI: https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-182-169-177

11. Dokumenty, kasayushchiyesya vyyezzhikh iz Litvy cherkas (priyem ikh na sluzhbu, vydacha zhalovanya, rassylka po gorodam, ustroystvo ikh zemlyami i poverstaniye pomestnymi i denezhnymi okladami, vesti o polozhenii del v Malorossii) [Documents Concerning Cherkassys Leaving Lithuania (Their Recruitment, Salary Distribution, Distribution to Cities, Assignment of Lands and Assignment of Estate and Monetary Salaries, News About the State of Affairs in Little Russia)]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, inv. 13, d. 99. 583 l.

12. Dokumenty, kasayushchiyesya organizatsii storozhevoy i stanichnoy sluzhby v gorodakh [Documents Concerning the Organization of the Guard and Stanitsa Service in Cities]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, inv. 12, d. 25. 316 l.

13. Dokumenty, kasayushchiyesya pobega cherkashenina iz Belgoroda [Documents Concerning Cherkass Escape from Belgorod]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, inv. 12, d. 140. 747l.

14. Dokumenty, kasayushchiyesya razdachi zhalovanya stanichnikam i vyyezzhim cherkasam [Documents Concerning the Distribution of Salaries to the Stanichniks and Outgoing Cherkassys]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, inv. 12, d. 74. 420 l.

15. Dudina O.V. Voennye funkcii rukovoditelej Belgorodskogo Razrjada [Military Functions of the Leaders of the Belgorod Discharge]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Sociologija* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 2020, no. 2, pp. 86-90.

16. Dudina O.V. Naznachenie voevod i podjachih iz centra Belgorodskogo Razrjada v 1660–1670-h gg. [Appointment of Voivodes and Podyachiys from the Center of the Belgorod Discharge in the 1660s–1670s]. *Obshhestvo i vlast: veka minuvshie i den segodnjashnij* [Society and Authority: Centuries Past and Present Day]. Voronezh, Izd. dom VGU, 2020, pp. 27-31.

17. Zhibrova T.V. «Ostalis v domu… bratja evo»: nekotorye istochniki po istorii povsednevnosti na Juge Rossii v XVII – nachale XVIII v. ["Ostalis v domu… bratja evo": Some Sources on the History of Everyday Life in the South of Russia in the 17th – Early 18th Century]. *Domashnjaja povsednevnost naselenija Rossii: istorija i sovremennost* [Everyday Life of the Russian Population: History and Modernity]. Saint Petersburg, Leningr. gos. un-t im. A.S. Pushkina, Mediapapir Publ., 2022, vol. 1, pp.13-16.

18. Zhigalov V.M. Rol Belgoroda i Jablonova v sisteme upravlenija gorodami belgorodskoj cherty (40–50-e gody XVII veka) [Role of Belgorod and Yablonov in the City Management System of the Belgorod Line (40s – 50s of the 17th Century)]. *Belgorodskaja cherta. Sbornik statej i materialov po istorii Belgorodsko oboronitelnoj cherty. Vyp. 5* [Belgorod Line. Collection of Articles and Materials on the History of the Belgorod Defensive Line. Iss. 5]. Belgorod, Izd-vo Sichkarevoy E.V., 2020, pp. 167-189.

19. Zhigalov V.M. Evoljucija ukreplenij Belgoroda v XVII veke [Evolution of Belgorod Fortifications in the 17th Century]. *Belgorodskaja cherta. Sbornik statej i materialov po istorii Belgorodsko oboronitelnoj cherty. Vyp. 7* [Belgorod Line. Collection of Articles and Materials on the History of the Belgorod Defensive Line. Iss. 7]. Belgorod, Izd-vo Sichkarevoy E.V., 2022, pp. 65-89.

20. Zagorovskij V.P. *Belgorodskaya cherta* [Belgorod Line]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 1969. 304 p.

21. Kamarauli E.V. Voenizirovannoe naselenie juzhnyh okrain Moskovskogo gosudarstva v pervoj treti XVII v. (na primere Voronezhskogo uezda): boevoj potencial, zemlevladenie i uslovija hozjajstvovanija [Militarized Population of the Southern Outskirts of the Moscow State in the First Third of the 17th Century (On the Example of Voronezh Uyezd): Combat Potential, Land Ownership and Economic Conditions]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political Science], 2017, no. 15 (264), pp. 101-110.

22. Kamarauli E.V. Ekspluatacija prirodnyh resursov na juzhnyh okrainah Rossijskogo gosudarstva v XVII veke [Exploitation of Natural Resources on the Southern Outskirts of the Russian State in the 17th Century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Sociologija* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 2013, no. 2, pp. 114-117.

23. Lyapin D.A., Mizis Yu.A. Povedencheskiye modeli naseleniya krepostey Yuga Rossii v XVII v. (po materialam Voronezhskogo, Kozlovskogo i Tambovskogo uyezdov) [Behavioral Models of the Population of the Fortresses of the South of Russia in the 17th Century (Based on the Materials of the Voronezh, Kozlov and Tambov Uezds)]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Research], 2021, vol. 6, no. 3 (23), pp. 10-28. DOI: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i3.252

24. Mizis Yu.A. Prava i objazannosti gorodovyh voevod Belgorodskoj cherty v XVII v. [Rights and Obligations of the City Voivodes of the Belgorod Line in the 17th Century]. *Belgorodskaja cherta. Sbornik statej i materialov po istorii Belgorodskoj oboronitelnoj cherty. Vyp. 5* [Belgorod Line. Collection of Articles and Materials on the History of the Belgorod Defensive Line. Iss. 5]. Belgorod, Izd-vo Sichkarevoy E.V., 2020, pp. 213-218.

25. Miklashevskij I.N. *K istorii hozjajstvennogo byta Moskovskogo gosudarstva* [On the History of the Economic Life of the Moscow State]. Moscow, Tip. D.I. Inozemtseva, 1894, pt. I. 310 p.

26. Papkov A.I. Bunt ili izmena? Vosstanija sluzhilyh cherkas na juge Rossii v 40-e gody XVII veka [Rebellion or Treason? Uprisings of Cherkassys Servicemen in the South of Russia in the 40s of the 17th Century]. *Istorija: fakty i simvoly* [History: Facts and Symbols], 2017, no. 4 (13), pp. 24-36.

27. Papkov A.I. Getman Jakov Ostrjanin v Rechi Pospolitoj i v Rossii [Hetman Yakov Ostryanin in the Polish-Lithuanian Commonwealth and in Russia]. *Belorussija i Ukraina. Istorija i kultura: ezhegodnik, 2003/2004* [Belarus and Ukraine. History and Culture: Yearbook, 2003/2004]. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 93-122.

28. Papkov A.I. *Porubezhye Rossijskogo carstva i ukrainskih zemel Rechi Pospolitoj (konec XVI – pervaja polovina XVII veka)* [Borderlands of the Russian Tsardom and the Ukrainian Lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth (Late 16th – First Half of the 17th Century)]. Belgorod, Constanta Publ., 2004. 351 p.

29. Papkov A.I., Savina V.V. Rasselenie cherkas na juzhnoj okraine Rossii v konce XVI – nachale XVII v. [Settling of Cherkassy on the Southern Outskirts of Russia in the Late 16th – Early 17th Century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2013, no. 10 (126), pp. 49-60.

30. Popov P.V. Torgovo-promyslovyye zanyatiya i povinnosti yuzhnorusskikh pushkarey v XVII veke (po materialam krepostey regiona Belgorodskoy cherty) [Trade and Craft Occupations and Duties of South Russian Gunners in the 17th Century (Based on the Materials of the Fortresses of the Belgorod Line Region)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2023, vol. 28, no. 3 (204), pp. 665-672. DOI: https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-665-672

31. *Razrjadnaja kniga 1637/38 goda* [Razriad Book of 1637/38]. Moscow, In-t istorii SSSR, 1983. 186 p.

32. Spiski belgorodskikh cherkas, kotoryye byli na sluzhbe s boyarami i voyevodami v cherkasskikh gorodakh v 1655 g. (s ukazaniyem pomestnykh i denezhnykh okladov) [Lists of Belgorod Cherkassy Who Served with Boyars and Voivodes in Cherkassy's Cities in 1655 (With Indication of Estate and Monetary Salaries)]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, inv. 12, d. 392. 221 l.

33. Chelobitye belgorodskikh cherkas ob osvobozhdenii ikh ot posylok «na vesti po gorodam i v stanitsy» i ot pritesneniy so storony belgorodtsev-detey boyarskikh, ne pozvolyayushchikh im vladet zemlyami i pokosami po reke Severskomu Dontsu [Petition of the Belgorod Cherkassy for Their Release from Assignment "for News in Cities and Stanitsas" and from Oppression by the Belgorod Boyar Scions, Who Do Not Allow Them to Own Lands and Greenlands Along the Seversky Donets River]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, inv. 13, d. 163. 544 l.

34. Shvarev E.V. Smotr sluzhilyh ljudej na Belgorodskoj cherte v 1651 godu [Review of Servicemen on the Belgorod Line in 1651]. *Belgorodskaja cherta. Sbornik statej i materialov po istorii Belgorodskoj oboronitelnoj cherty. Vyp. 3* [Belgorod Line. Collection of Articles and Materials on the History of the Belgorod Defensive Line. Iss. 3]. Belgorod, Izd-vo Sichkarevoy E.V., 2018, pp. 152-161.

Information About the Author

Viktoriia M. Brezgunova, Candidate of Sciences (History), Lecturer, Department of Political History, Voronezh State University, Universitetskaya Sq., 1, 394018 Voronezh, Russian Federation, bvm1792@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1015-1307

Информация об авторе

Виктория Михайловна Брезгунова, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры политической истории, Воронежский государственный университет, Университетская площадь, 1, 394018 г. Воронеж, Российская Федерация, bvm1792@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1015-1307

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.4

UDC 94(470+571)“15/16”:726.71
LBC 63.3(2)511-2

Submitted: 02.07.2024
Accepted: 10.10.2024

“FISH PURCHASES” OF THE JOSEPH-VOLOKOLAMSK MONASTERY IN THE LATE 16th – EARLY 17th CENTURY: BASED ON THE MATERIALS OF COMING-EXPENSIVE BOOKS

Evgeniya S. Tseluykina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article deals with the issue of the quantity and composition of fish in the everyday life of the Joseph-Volokolamsk Monastery in the late 16th and early 17th centuries. *Methods and materials.* The number and composition of “fish purchases” were calculated chronologically, which led to the use of the historical and comparative method both vertically (comparing fish prices from the 1570s to the 1610s) and horizontally (comparing fish prices in Moscow, Novgorod, and Kargopol). The volume of purchased goods, prices, and methods of transportation are established on the basis of the coming-expensive books of the treasurers of the Joseph-Volokolamsk Monastery for 1592, 1601/02, 1605–1608, 1610/11, and 1612/13. The most informative were the “expendable memories” of the monastery elders and servants, preserved as part of the expensive books. *Analysis.* When analyzing the sources, the composition of the markets where fish were bought for monastic everyday life was established, the varieties and units of measurement of the purchased fish were identified, the total volume of goods was calculated, and the share of “fish purchases” in the total amount of expenses and in the amount of expenses for food products of the monastery was established in the late 16th – early 17th centuries. *Results.* As a result of the study, the representativeness of the coming-expensive books of the Joseph-Volokolamsk Monastery for studying the development of commodity-money relations in the Russian state at the end of the 16th – early 17th centuries was established. Information about “fish purchases” demonstrates the price movement for different types of fish and the peculiarities of the folding of the all-Russian market. The data obtained make it possible to visually trace the sharp deterioration of the socio-economic condition of the Joseph-Volokolamsk Monastery in 1609–1610, caused by the consequences of the siege and capture of the monastery by the troops of False Dmitry II.

Key words: history of Russia, Time of Trouble, early 17th century, Joseph-Volokolamsk Monastery, coming-expensive books, price history, commodity-money relations, buying fish.

Citation. Tseluykina E.S. “Fish Purchases” of the Joseph-Volokolamsk Monastery in the Late 16th – Early 17th Century: Based on the Materials of Coming-Expensive Books. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 38-50. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.4

УДК 94(470+571)“15/16”:726.71
ББК 63.3(2)511-2

Дата поступления статьи: 02.07.2024
Дата принятия статьи: 10.10.2024

«РЫБНЫЕ ПОКУПКИ» ИОСИФО-ВОЛОКОЛАМСКОГО МОНАСТЫРЯ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII в.: ПО МАТЕРИАЛАМ ПРИХОДО-РАСХОДНЫХ КНИГ

Евгения Сергеевна Целуйкина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается вопрос о количестве и составе рыбы в обиходе Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI – начале XVII века. *Методы и материалы.* Были подсчитаны

© Целуйкина Е.С., 2024

количество и состав «рыбных покупок» в конце XVI – начале XVII в., что обусловило применение историко-сравнительного метода как по вертикали (сравнение цен на рыбу с 1570-х по 1610-е гг.), так и по горизонтали (сравнение цен на рыбу в Москве, Новгороде и Каргополе). Объем купленного товара, цены и способы транспортировки установлены на основании приходо-расходных книг казначеев Иосифо-Волоколамского монастыря за 1592, 1601/02, 1605–1608, 1610/11, 1612/13 годы. Наиболее информативными оказались «расходные памяти» монастырских старцев и слуг, сохранившиеся в составе расходных книг. *Анализ.* При анализе источников установлен состав рынков, на которых покупали рыбу на монастырский обиход, выявлены сорта и единицы измерения купленной рыбы, подсчитан общий объем товара, установлена доля «рыбных покупок» в общей сумме расходов и в сумме расходов на продовольственные товары монастыря в конце XVI – начале XVII века. *Результаты.* Установлена репрезентативность приходо-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря для изучения развития товарно-денежных отношений в Русском государстве в конце XVI – начале XVII века. Сведения о «рыбных покупках» демонстрируют движение цен на разные виды рыбы и особенности складывания всероссийского рынка. Полученные данные позволяют наглядно проследить резкое ухудшение социально-экономического состояния Иосифо-Волоколамского монастыря в 1609–1610 гг., вызванное последствиями осады и захвата монастыря войсками Лжедмитрия II.

Ключевые слова: история России, Смутное время, начало XVII в., Иосифо-Волоколамский монастырь, приходо-расходные книги, история цен, товарно-денежные отношения, покупка рыбы.

Цитирование. Целуйкина Е. С. «Рыбные покупки» Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI – начале XVII в.: по материалам приходо-расходных книг // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 38–50. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.4

Введение. Для исследования вопросов социально-экономического развития Русского государства XVI–XVII вв. особое значение имеет разработка проблемы образования всероссийского рынка, которая неотрывно связана с историей цен и ценообразования. Роль рыбы и рыбных продуктов для русского человека была велика, тем более в жизни церковного землевладельца, чей быт строился вокруг строгих постов с ограничениями по употреблению мяса. Значение рыбных промыслов зависело от географического расположения объекта. В центре Русского государства, где располагался Иосифо-Волоколамский монастырь, первостепенное значение играло земледелие, но недостаток хлеба восполнялся за счет рыбных и лесных богатств [15, с. 419]. Несмотря на наличие рыбных промыслов во владениях монастыря (озеро Селигер в слободе Осташково), вероятно, их доходов было недостаточно, в связи с чем рыбу приходилось покупать.

Еще М.Н. Тихомиров отмечал, что наибольшие суммы Иосифо-Волоколамский монастырь тратил на покупку рыбы. Особенное внимание он обращал на декабрьские расходы, приуроченные к рождественским праздникам, когда по монастырскому обиходу братии полагалось «утешение великое» [14, с. 134]. Рост «рыбных покупок» Иосифо-Волоколамского монастыря важно проследить в условиях Смутного времени: изменения размера и состава «рыбных покупок» отражают социально-экономическое состояние монастыря в кризисный период Русского государства.

Методы и материалы. В рамках разработки вопросов развития товарно-денежных отношений в Русском государстве XVI в. активно привлекал материалы хозяйственной документации монастырей А.Г. Маньков. Им использованы данные приходо-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря о ценах на хлеб, скот, мясо и масло, рыбу, мед, соль, железо, ткани, овчину, мерлушек (изделия скорняжного ремесла) и др. за 1570–1590-е годы [6]. Исследуя особенности поминания усопших в Иосифо-Волоколамском монастыре в конце XVI в., Л. Штайндорф упомянул и специфику употребления рыбы, установленную на основании кормовой книги 1581–1582 года [19]. На современном этапе цены на рыбу по данным Кирилло-Белозерского монастыря начала XVII в. изучены З.В. Дмитриевой и А.В. Крайковским [2].

Сведения о расходах монастыря на рыбу в конце XVI – начале XVII в. содержатся в приходо-расходных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря: казначея Паисея Мичурина (1592–1593 гг.), Левкия Акишева (1601/02 г.), Иосифа Москвитина (1605/06 г.), Гаврилы

Ржевитина (1606–1608 гг.), Иосифа Пашинина (1610/11, 1612/13 гг.). Данные о сортах, объеме, единицах измерения и цене на рыбу сведены в таблицу, которая позволила установить количество приобретенной рыбы в конце XVI – начале XVII века. В процессе систематизации данных о ценах за единицу товара установлен размер ежегодных трат на рыбу и доля этого показателя в общей сумме монастырских расходов и в сумме расходов монастыря на продовольственные товары. Полученные сведения позволили применить историко-сравнительный метод – на основании графиков изменения средней цены на рыбу сопоставлены цены за единицу товара по вертикали (с 1570-х по 1610-е гг.) и горизонтали (по данным Иосифо-Волоколамского и Кирилло-Белозерского монастырей за начало XVII в.).

Анализ. Информация о «рыбных покупках» сохранилась по большей части в «расходных памятях», в которых фиксировали расходы, происходившие в ходе различных поездок по монастырским нуждам. С поручениями из монастыря отправляли старцев, занимавших высокое положение, – келарей или казначеев, реже – монастырских слуг. Представитель монастыря получал от казначея крупную сумму, которая обычно была зафиксирована в «памяти», реже он использовал деньги, собранные с крестьян и не довезенные до казны. Затем в «памяти» следует перечень купленных товаров с указанием количества, цены и общей суммы. Также указаны расходы на проезд, провоз покупок и мелкие путевые нужды (пропитание, прокорм лошадей, обслуживание телег и возов и др.). После общего итога зафиксирован остаток, который либо возвращали в казну, либо передавали другому представителю монастыря. По завершении задания «расходные памяти» отправляли в монастырь или приносили лично при сдаче остатка выданных денег в казну. Саму «память» полностью переписывали в расходную книгу под датой получения документа. Если закупка рыбы не была основной целью поездки, то рыба зафиксирована в тексте под общим названием «рыба», ее покупали в небольших количествах для пропитания в дороге. В расходных книгах имеются и краткие записи о покупке рыбы: они не содержат сведений о месте покупки и цене за единицу товара, иногда не зафиксировано и количество.

Если предполагалось потратить много денег на покупку рыбы, то в поездку отправлялся представитель монастыря, занимавший в иерархической структуре более высокое место. Старец Герасим в с. Осташково в ноябре 1601 г. закупил рыбу на 40 рублей 23 алтына 2 деньги [4, л. 82 об.–84]. Старец Леонтий Ржевитин закупил в Москве в декабре 1601 г. рыбы на 154 рубля 16 алтын [4, л. 87 об.–88]. Но когда в январе 1602 г. за рыбой в Осташково были посланы монастырские слуги Меркур Окоемов и Меньшой Артемьев, они истратили только 12 рублей 2 алтына 3 деньги [4, л. 89 об.–90 об.]. Начиная с 1605 г. на рыбные покупки в Москву ездили только казначеи. Исключение составляет старец Гаврила, приславший из Москвы «расходную память» 12 марта 1606 г., но уже 1 сентября 1606 г. он стал казначеем.

Места «рыбных покупок». Для «рыбных покупок» представители монастыря совершали поездки в другие города. За исследуемый период зафиксировано 17 поездок в Осташково, 14 – в Москву, 2 – в Новгород.

Рыбный рынок в Осташково. Как отметил Г.А. Маньков, в XVI в. Осташково было крупнейшим пунктом ловли и продажи сигов [1], и частично сельдей, в центре Русского государства [6, с. 54]. В Осташково в конце XVI – начале XVII в. представители Иосифо-Волоколамского монастыря в бочках закупали щук, судаков, окуней, ряпушку [2], свежие снетки [3]; в четвертях – снетки (в том числе «красовых») и остреченки [4]; поштучно (свежими) – щук (в том числе «ушных», «колодочных» и «головных»), судаков (в том числе «ушных», «головных», «больших», «средних»), окуней, лещей и подлещиков. Сигов и лодогов [5] в Осташково монастырь стал приобретать только в 1612/13 г., также, как и ершей.

Закупки в Осташково в начале XVII в. обитель производила сезонно 3 раза в год до 1607 г.: осенью (сентябрь 1601, 1605, 1606 гг.), зимой (декабрь 1605, 1606 гг., январь 1602 г.), весной (апрель 1607 г., май 1602 г., начало июня 1606 г.); 2 раза в год с 1607 г.: зимой (декабрь 1607 г., февраль 1613 г.) и весной (апрель 1608 г., май 1613 г.); в 1592 г. удалось сделать только одну закупку осенью, а в 1611 г. – одну закупку зимой.

Цена за бочку соленой щуки в Осташково оставалась неизменной с 1592 до 1608 г.: от 160 денег в весенние месяцы до 210 денег в осенние. С 1608 по 1613 г. цена за бочку щуки выросла с 240 до 270 денег. Цена за бочку судака была схожа: от 170 денег весной до 210 денег осенью. Весной 1608 г. бочку щуки покупали по 240 денег, а зимой 1613 г. – по 250 денег (рис. 1).

Зимой 1613 г. в Осташково покупали попарно бочки сигов и лодогов (около 1 200 денег за пару) или сигов и лососей (1 450 денег за пару).

Ряпушку представители монастыря закупали осенью в Осташково. Цена за бочку незначительно колебалась: если в 1601 г. она составляла 145 денег, то в 1605 г. – 156 денег, в 1606–1607 гг. – от 180 до 200 денег. Окунь в бочках обитель закупала только в 1601/02 г., цена варьировалась от 132 денег осенью до 140 денег весной (рис. 1).

Свежие снетки монастырь покупал в бочках исключительно зимой и только в Осташково. Цена варьировалась от 54 до 84 денег за бочку (рис. 1). Цена за сушеные снетки из Осташково в четвертях выросла за период 1601–1608 гг. со 120 до 203 денег, осенью 1610 г. она составила 180 денег. Весной за короткий период 1606–1608 гг. цена выросла с 60 до 200 денег. Зимой 1606 г. цена одной четверти составляла 100 денег, а зимой 1613 г. – 160–164 деньги (рис. 2).

Остреченки представители монастыря покупали четвертями, а перевозили в рогожах, в 1613 г. – в кулях. Покупали эту рыбу только в Осташково и почти всегда осенью (в 1613 г. – зимой). С 1601 по 1613 г. цена за четверть остреченков выросла с 62 до 92 денег (рис. 2).

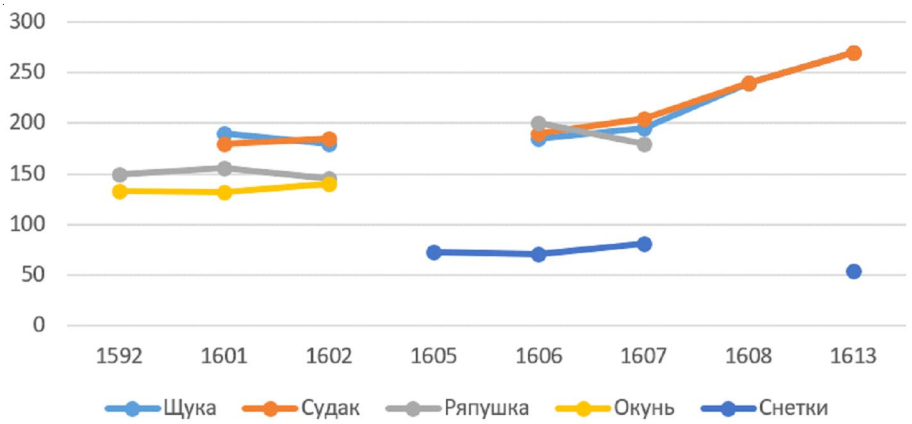

Рис. 1. Средняя цена за бочку рыбы в Осташково в конце XVI – начале XVII века

Fig. 1. Average price for a barrel of fish in Ostashkovo in the late 16th and early 17th centuries

Примечание. Рисунки 1 и 2 составлены по: [4; 8–12; 16].

Рис. 2. Средняя цена за четверть [6] рыбы в Осташково в начале XVII века

Fig. 2. Average price for a quarter of fish in Ostashkovo at the early 17th century

Судака и щуку поштучно монастырь приобретал зимой (декабрь – январь) в Осташково. Цена одного судака в декабре 1605 г. составила почти 2 деньги, а одной щуки – около 3 денег. При этом цена «головной» щуки составила 15 денег за штуку. В мае 1613 г. было куплено 5 щук по 36 денег. В одной покупке с судаком и щукой могли быть окуни, плотва, лещи и подлещики и даже снетки.

Таким образом, рынок Осташкова предлагал на продажу разнообразные сорта соленой рыбы (щуку, судака, ряпушку и окуня), а также свежую и сушеную рыбу. В начале XVII в. цена на рыбу в Осташково оставалась стабильной, за исключением щук и судаков, на которые рост цен наблюдался с 1607 года. В то же время цена сушеной рыбы значительных изменений не претерпела и составляла в среднем от 120 до 200 денег за четверть для снетков и от 62 до 92 денег за четверть для остреченков.

Рыбный рынок в Москве. Как отметил А.Г. Маньков, на московском рынке продавались все сорта рыбы [6, с. 54]. На основании книги об устройстве торговых городских рядов 1626 г. М.Н. Тихомиров упомянул наличие в Москве рыбного торгового ряда, ряда белорыбицы и ряда паровых селедочников [15, с. 87–88]. Примечательно, что зачастую в Москве рыба становилась не единственным предметом покупок монастырских старцев, она соседствовала с медом и другими категориями товаров, в том числе непродовольственными.

В Москве в конце XVI – начале XVII в. в бочках представители монастыря покупали осетров, белугу, сельдей (в том числе «немецких»), сигов и лодогов, потроха; поштучно – осетров (в том числе «осенних», «астраханских», «меженских», больших, длинных), сельдей (в том числе «переславских»), шевригу [7], белугу, сазанов; в пудах – семгу, икру (в том числе черную, «паюсную»); в пучках – вязиги [8]; в косяках – белугу; в полубочках – икру («сиговую», красную); в «полурыбниках» – шевриги (больших) и осетров (больших); в юфтях или парой бочек – щук и судаков, сиг и лодогов.

После 1609 г. в Москве была совершена только одна небольшая покупка семги, сельди и снетков на 3 алтына 4 деньги в январе 1611 года [9, л. 21]. До 1608 г. рыбные покупки в Москве представители монастыря совершали 2 раза в год: в декабре (1601, 1605–1607 гг.) и весной (март 1606–1607 гг., апрель 1602 г.).

Осетров монастырские старцы покупали поштучно в Москве зимой (декабрь) и весной (март – апрель). В 1601/02 г. цена варьировалась от 40 до 55 денег, в 1605–1607 гг. – от 66 до 92 денег, в декабре 1607 г. – 122 деньги. По данным А.Г. Манькова, 1 осетр в Москве в 1573 г. стоил 79 денег, в 1575 г. – 82, 1576 г. – 67, 1579 г. – 51, 1581 г. – 58, 1585 г. – 60, 1586 г. – 51, 1587 г. – 65, 1588 г. – 60, 1592 г. – 67, 1599 г. – 61, 1600 г. – 61 деньга [6, с. 157–160, табл. 18]. По сведениям З.В. Дмитриевой и А.В. Крайковского, Кирилло-Белозерский монастырь покупал 1 осетра в Москве в 1606 г. за 101 деньгу, а летом 1611 г. за 120 денег [2, с. 52, 58, табл. 4] (см. рис. 3).

Семгу монастырские старцы покупали только в Москве зимой и весной с 1602 по 1607 год. Цена на пуд семги варьировалась от 77 до 99 денег. Транспортировку осуществляли на возах. По данным А.Г. Манькова, цена за 1 пуд семги в Москве в 1574 г. составляла 104 деньги, в 1575 г. – 108, в 1576 г. – 98, в 1581 г. – 85, 1585 г. – 80, в 1586 г. – 72, 1588 г. – 77, 1589 г. – 72, 1592 г. – 89, 1593 г. – 69, 1598 г. – 65 денег [6, с. 157–160, табл. 18] (см. рис. 3). Для сравнения Кирилло-Белозерский монастырь не испытывал нужды в поездках за семгой в Москву, ее приобретали гораздо ближе – в Каргополе. По подсчетам З.В. Дмитриевой и А.В. Крайковского, цена 1 пуда семги в Каргополе в период с 1605 по 1611 г. варьировалась от 57 до 100 денег и в целом была выше, чем цена пуда семги на русском Севере в 1590-х годах [2, с. 52, 58, табл. 4].

Икру покупали чаще всего в Москве. В 1601 г. пуд икры стоил 94 деньги, в 1605 г. – 100 денег. По данным А.Г. Манькова, цена 1 пуда икры в Москве в 1596 г. составила 118 денег, в 1599 г. – 100 денег, в 1600 г. – 118 денег [6, с. 157–160, табл. 18]. По подсчетам З.В. Дмитриевой и А.В. Крайковского, Кирилло-Белозерский монастырь покупал икру в Москве в 1606 г. по цене 114,3 деньги за 1 пуд [2, с. 59, табл. 5]. Реже в Москве покупали черную икру, ее цена варьировалась от 114 до 200 денег за пуд. По данным А.Г. Манькова, пуд черной икры в Москве в 1576 г. стоил 100 денег, в 1579 г. – 114 денег, в 1586 г. – 66 денег, в 1592 г. – 160 денег [6, с. 157–160, табл. 18] (см. рис. 3).

В Москве бочка сигов зимой 1601 г. стоила 530 денег, весной 1602 г. – 500 денег. В 1592 г. покупали бочки сигов в пару с бочками лодогов (от 836 до 1 140 денег за пару). В Москве в 1581 г. цена за бочку сигов составила всего 4 деньги (можно предположить, что это опечатка), в 1586 г. – 420 денег [6, с. 157–160, табл. 18] (рис. 4).

Необходимо отметить ежегодные поездки казначеев Иосифа Москвитина и Гаврилы Ржевитина в декабре в Москву, в рамках которых совершались разнообразные покупки, где значительные суммы потрачены на ценные породы рыбы. В 1605 г. казначей старец Иосиф Москвитин купил 252 тушки осетра разных видов и 100 настолько крупных осетров, что их продавали «полурыбниками». Цена за 1 «полурыбник» осетра составила 51 деньгу. Шевригу считали по 100 денег за 1 «полурыбник», а белугу – по 200 денег за косяк. Цена на черную икру составила 1 рубль (200 денег) за 1 пуд. Всего купили 8,5 пудов черной икры и еще 28,5 пудов икры без специальных обозначений по 100 денег за 1 пуд [10, л. 97–100].

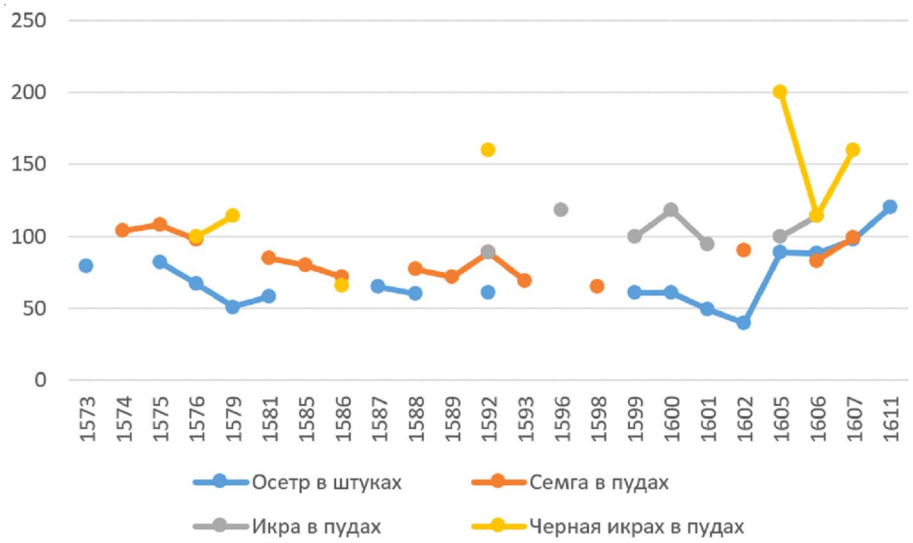

Рис. 3. Средняя цена на осетрину, семгу и икру в Москве в третьей четверти XVI – начале XVII века

Fig. 3. Average price for sturgeon, salmon, and caviar in Moscow in the third quarter of the 16th and early 17th centuries

Примечание. Составлено по: [2; 4; 6; 8–12; 16].

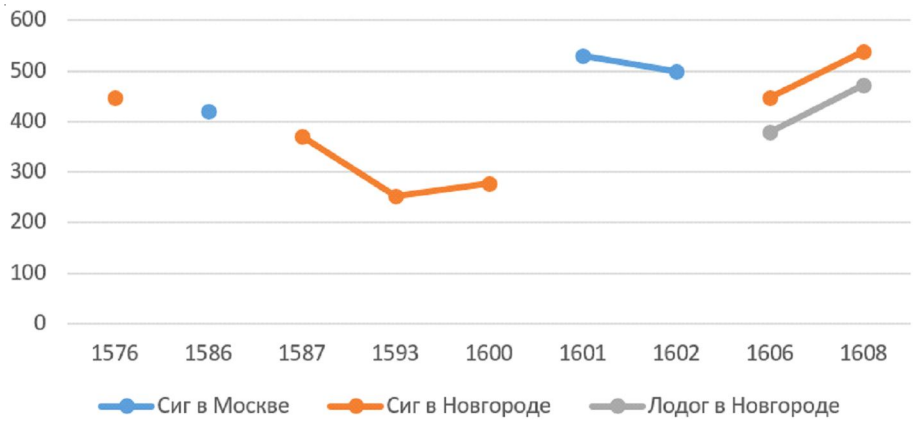

Рис. 4. Средняя цена на бочки сигов и лодогов в Москве и Новгороде в третьей четверти XVI – начале XVII века

Fig. 4. Average price for barrels of whitefish and Siberian whitefish in Moscow and Novgorod in the third quarter of the 16th and early 17th centuries

Примечание. Составлено по: [4; 6; 8–12; 16].

Стоимость всей купленной рыбы за эту поездку составила 219,5 рублей (43 900 денег).

В 1606 г. казначей старец Гаврила Ржевитин приобрел в Москве 300 осетров разных видов (от 66 до 80 денег за штуку), 50 белуг (по 66 денег за штуку). Цена черной икры составила около 114 денег за 1 пуд, а семги – 77 денег за 1 пуд [16, с. 347]. В сумме за эту поездку на рыбу потрачено 157 рублей 18 алтын 2 деньги (31 510 денег).

В 1607 г. казначей старец Гаврила Ржевитин приобрел в Москве 100 осетров (по 122 деньги за штуку), 47 с четвертью пудов семги (по 99 денег за 1 пуд) и 11,5 пудов черной икры (по 160 денег за 1 пуд) [8, л. 124 об.–126 об.]. В сумме на рыбу в этой поездке потратили 93 рубля 21 алтын (18 726 денег).

Таким образом, цена свежего осетра оставалась стабильно низкой с 1573 по 1602 г., в среднем она составила около 61 денег за штуку, в 1605–1607 гг. цена за тушку была около 91 деньги, а в 1611 г. – 120 денег, то есть зафиксирован непрерывный рост цен на осетра с 1605 года. Цена за пуд семги на протяжении второй половины XVI в. снижалась от 108 денег в 1575 г. до 65 денег в 1598 г., в начале XVII в. цены выросли и в среднем составляли около 91 деньги, но в среднем с 1570-х гг. до 1607 г. колебания цен были незначительными. Также и пуд икры стоил от 89 до 118 денег в 1592–1606 годах. При этом цена за пуд черной икры была нестабильна: в 1570-х гг. составляла около 100–114 денег, в 1586 г. она резко упала до 66 денег (можно предположить ошибку в подсчетах), в 1592 г. выросла до 160 денег, в 1605 г. – до 200 денег, резко упала до 114 денег в 1606 г. и в 1607 г. вновь составила 160 денег.

Рыбный рынок в Новгороде. Как отмечал Г.А. Маньков, Новгород был крупным рынком сбыта сиг и сельдей [6, с. 54]. В Новгороде Иосифо-Волоколамский монастырь закупался зимой 1606 и 1608 гг. сигами и лодогами в бочках, сиговой икрой в лубах.

Цена за бочку сигов, купленных в Новгороде зимой, варьировалась от 360 до 580 денег. Для сравнения, по подсчетам А.Г. Манькова, цена за бочку сигов в Новгороде в 1576 г. составила 448 денег, в 1587 г. – 370 денег, в 1593 г. – 253 деньги, в 1600 г. – 277 денег (см. рис. 4). Также в Новгороде покупали лодогов, 1 бочка зимой стоила от 380 до 472 денег (см. рис. 4). 2 раза была куплена икра. В 1606 г. луб сиговой икры стоил 200 денег.

Таким образом, в Новгороде наблюдалось постепенное снижение цен за бочку сигов с 448 денег в 1576 г. до 253 денег в 1593 г., то есть почти в 2 раза. С 1600 г. начался рост цены с 277 до 539 денег в 1608 г., то есть также почти в 2 раза.

Общий объем купленной рыбы. Общий объем и разнообразие покупаемой рыбы в конце XVI – начале XVII в. отражены в таблице 1.

Малоценные сорта рыбы представлены щукой, судаком, сигом, окунем, снетком, ершом, плотвой, лещом. Реже покупали ценные высокосортные породы: осетровых (осетр, севрюга, белуга) и лососевых (лосось, семга). В 1592 г. было приобретено 49 бочек и 4 полубочки, 1 107 рыб поштучно, 122 пуда и 1 000 пучков. Количество купленной рыбы в начале XVII в. до 1608 г. включительно было велико и в среднем составило в год 87 бочек, 50 четвертей, 1 705 штук, 65 пудов.

Чаще всего Иосифо-Волоколамский монастырь покупал соленую рыбу в бочках – щук, судаков, окуней, сигов, ряпушку, лодогов, лососей, – в них же и перевозили. Снетки также покупали в бочках, но они были свежие. В 1601/02 г. были куплены рыбные потроха в бочках [4, л. 87 об.–88]. Потроха – это внутренние органы рыбы, их часто использовали в монастырях как начинки для пирогов или основу для ухи. Также вязиги в 1592 г. купили 1 000 пучков, а в 1601/02 г. – в половину меньше, и в эту же покупку приобрели потроха в дополнение. В 1592 г. упоминается икра, купленная в полубочках [12, с. 203].

О полубочке как самостоятельной таре и единице измерения сыпучих, жидких и сырых тел писала Г.Я. Романова [13, с. 200–201]. Объем рыбной бочки посчитать невозможно, так как в источниках нет информации о весе рыбы в этих бочках. Единой меры веса для бочек также не существовало (первые попытки унификации относятся к 1664–1665 гг. [3, с. 139–140]). В учебном пособии по русской метрологии В.В. Шевцов упомянул, что в XVI–XVII вв. «бочка селедовка» вмещала около 8 пудов сельди [18, с. 158]. Часто монастырь покупал вместе пару бочек щук и судаков, сигов и лодогов. В 1592 г. их еще измеряли юфтями, то есть парами. Исследователи отмечают широкое распространение счета «юфть-парами» в XVI–XVII веках [9].

Таблица 1. **Общий объем купленной рыбы в конце XVI – начале XVII века**

Table 1. **The total volume of fish purchased in the late 16th and early 17th centuries**

Рыба	Ед. изм.	1592 г.	1601/02 г.	1605/06 г.	1606/07 г.	1607/08 г.	1610/11 г.	1612/13 г.
Белуга	Бочка	2	–	–	–	–	–	–
	Штука	–	–	–	50	–	–	–
	Косяк	–	–	8	–	–	–	–
Вязига	Пучок	1000	500	–	–	–	–	–
Ерш	Куль	–	–	–	–	–	–	3
	Четверть	–	–	–	–	–	–	1,5
Ерш и остреченки	Куль	–	–	–	–	–	–	4
Икра	Полубочка	4	–	–	–	–	–	–
	Луб	–	–	2	–	–	–	–
	Пуд	67	49	37	32,75	11,5	–	–
Лещ	Штука	–	52	28	6	150	30	–
Лодог	Бочка	–	–	3	–	2	–	3
Лосось	Бочка	–	–	–	–	–	–	1
Окунь	Бочка	3	3	–	–	–	–	–
	Штука	–	602	–	1300	100	–	–
Осетр	Бочка	7	–	–	–	–	–	–
	Штука	550	600	400	350	100	–	–
	Полурыбник	–	–	100	–	–	–	–
Остреченки	Четверть	–	9	20	18	15,25	1,5	3,25
	Куль	–	–	–	–	–	–	2
Плотица	Штука	–	120	–	–	–	–	–
Подлещик	Штука	–	–	26	1	–	–	–
Потроха	Бочка	–	2	–	–	20	–	–
Ряпушка	Бочка	4	1	2	2	2	–	–
Сазан	Штука	2	–	–	–	–	–	–
Сиг	Бочка	–	20	28	–	–	–	3
Сиг и Лодог	Юфть	7	–	–	–	–	–	–
Сельдь	Бочка	3	–	–	–	–	–	–
	Штука	425	–	–	–	–	–	–
Семга	Пуд	55 и 15 гривенок	26	26 и 19 гривенок	29,5	47,25	–	–
Снетки	Бочка	–	–	10	12,5	7	–	1
	Четверть	–	~25	39	18 с 1/8	57	1	12
Судак	Бочка	–	20	20	17	20	–	4,5
	Штука	–	6	810	218	231	51	–
Шеврига	Штука	130	–	1	–	–	–	–
	Полурыбник	–	–	100	–	–	–	–
Щука	Бочка	–	27	47	41	42	1	3
	Штука	–	70	175	445	338	30	5
Щука и судак	Бочка	30	–	–	–	–	–	–
	Штука	–	612	32	–	–	–	–
Итого	Бочка	49	73	110	72,5	93	1	15,5
	Косяк	–	–	8	–	–	–	–
	Куль	–	–	–	–	–	–	9
	Луб	–	–	2	–	–	–	–
	Полубочка	4	–	–	–	–	–	–
	Полурыбник	–	–	200	–	–	–	–
	Пуд	122 и 15 гривенок	75	63 и 19 гривенок	62,25	58,75	–	–
	Пучок	1000	500	–	–	–	–	–
	Четверть	–	34	59	36 с 1/8	72,25	2,5	16,75
	Штука	1107	2062	1472	2370	919	111	5
	Юфть	7	–	–	–	–	–	–

Примечание. Составлено автором по: [4; 8–12; 16].

Мелкую сушеную рыбу (снетки, остреченки, ерши) монастырские люди перевозили в рогожах, а покупали в четвертях, в 1612/13 г. – в кулях (ерши и остреченки). Важно отметить, что в источниках нет указания на то, какими именно четвертями измеряется купленная рыба. Можно лишь предположить, опираясь на сведения Г.Я. Романовой, что четверть – это четвертая часть бочки [13, с. 72].

Осенью 1607/08 г. для перевоза 30 четвертей снетков и 15 четвертей остреченков понадобилось 44 рогожи [8, л. 94 об.]. В 1612/13 г. в куль помещалось 2 четверти ершей и «по 5-ти мер» остреченков [11, л. 32]. По мнению Н.В. Устюгова, рогожа не имела точного веса и была лишь тарой [3, с. 112]. Но Г.Я. Романова утверждала, что рогожные кули, используемые как емкость для сыпучих продуктов, были единого размера, при этом имели разный вес в зависимости от продуктов [13, с. 144].

Семгу монастырские старцы в пудах перевозили в возах. Воз служил не только средством транспортировки, но и единицей измерения. Воз семги в XVI в., по сведениям А.Г. Манькова, содержал 26–27 пудов [6, с. 54], что совпадает и с данными Иосифо-Волоколамского монастыря от апреля 1602 г. – 26 пудов [4, л. 98]; от марта 1606 г. – 26 пудов 19 гривенок [10, л. 125 об.]. По подсчетам старца Гурия Ступишина, в апреле 1602 г. 280 голов семги весили 32 пуда [4, л. 98], то есть в среднем 8–9 рыб весили 1 пуд, или 16,38 кг.

Свежую рыбу монастырь чаще покупал поштучно – осетров, щук, окуней, плотву («плотица»), судаков, лещей и подлещиков, белугу и шевригу. Перевоз свежей рыбы осуществлялся либо в рогожах, либо их засыпали в бочки и сразу солили. Шевриг и осетров также считали поштучно «полурыбниками». По мнению Н.И. Костомарова, 2 «полурыбника» составляли 1 рыбу. При этом исследователь отмечал, что в Астрахани и на Волге рыба как единица измерения могла составлять 5 шевриг, 3 теши или 3 косяка, а в Нижнем Новгороде – 3 шевриги, 1 тешу и 1 косяк [5, с. 280–281]. В «расходной памяти» казначея старца Иосифа от 17 декабря 1605 г. есть указание на то, что шевриги и осетры, которых измеряли «полурыбниками», были большими. Цена 1 «полурыбника» осетра составила 51 деньгу, а обычной туши осетра в этой же покупке дошла до 93 денег [10, л. 98 об., 100], то есть цена 2 «полурыбников» осетра лишь немного превышала цену 1 туши осетра. На этом основании можно допустить, что «полурыбник» составлял половину рыбной туши. Часто судаков приобретали вместе с щукой без указания количества конкретной рыбы, но с конечной стоимостью. Либо покупали сразу несколько видов рыб поштучно (малоценные сорта рыбы), указывали их количество и конечную сумму за всю покупку у одного продавца без указания цены на каждый отдельный вид рыбы.

23 декабря 1605 г. монастырем было куплено 8 косяков свежей белуги [10, л. 98]. В косяках в XVI–XVII вв. измеряли иностранную ткань, варовые снасти (канаты) и мыло. Эту меру длины, ввиду различий размеров, проверяли весом [3, с. 135–137]. На то, что длинную рыбу (белугу и осетров) могли продавать косяками, указал Н.И. Костомаров [5, с. 281], также о продаже рыбы косяками упоминал А.Г. Маньков [6, с. 54].

Икру старцы Иосифо-Волоколамского монастыря покупали в пудах и перевозили в лоханях и пошевах, в 1605/06 г. в Новгороде приобрели сиговую икру в лубах [10, л. 118 об.]. Лохань известна как посуда, которую в том числе использовали для переноски живой рыбы [1, с. 274]. Исследуя систему древнерусских мер, А.И. Никитский нашел упоминание о перевозке икры в пошевах в Архангельске в середине XVII в., по его подсчетам, в 1 пошев вмещалось 10 пудов икры [7, с. 12–13]. Пошев и луб были распространены в виде соляной меры в Старой Руссе вплоть до XVII века. Луб составлял 5 пудов соли, а пошев – около 15 [3, с. 111–112]. По мнению Г.Я. Романовой, пошев назывался также лубом, так как происходил от лубяного короба с крышкой, в который вмещалось от 8 до 10 пудов икры [13, с. 206]. В 1592 г. казначей старец Паисей Мичурин купил 4 пошева икры, которые весили 53 пуда без четверти [12, с. 200] и 1 пошев икры весом 14 пудов с четвертью [12, с. 203]. В «расходной памяти» старца Леонида Ржевитина, присланной в декабре 1601 г. из Москвы, в 3 лоханях было 49 пудов икры [4, л. 87 об.]. В «расходной памяти» казначея старца Иосифа Москвитина, присланной в декабре 1605 г. из Москвы, 1 пошев икры

составил 17 пудов, а другой – 11,5 [10, л. 98, 99]. В «расходной памяти» казначея старца Гаврилы Ржевитина, присланной в декабре 1606 г. из Москвы, в 2 пошевах икры было 33 пуда без четверти [16, с. 347], то есть около 16 пудов с третью в 1 пошеве.

В 1592 и 1601/02 гг. покупали вязиги, их исчисляли пучками, то есть связками [13, с. 213].

Годовой расход. Траты на рыбу в Иосифо-Волоколамском монастыре были значительными – в 1592–1608 гг. они составляли в среднем 46 % от суммы всех продовольственных расходов [17, с. 150]. На основании записей расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря подсчитана общая сумма расхода за каждый год, из которой выделена доля трат на покупки и отдельно на продовольственные товары, в частности – на рыбу (табл. 2).

В 1592 г. на рыбу было потрачено 264 рубля 6 алтын 5 денег, что составило 23,7 % от суммы продовольственных расходов и 13,3 % от общей суммы расходов за год. В 1601/02 г. на рыбу было потрачено 315 рублей 32 алтына 5 денег, что составило 56,4 % от суммы продовольственных расходов и 29,8 % от общей суммы расходов за год. Больше всего денег на рыбу потратили в 1605/06 г. – 475 рублей 27 алтын, что составило 61,8 % от суммы продовольственных расходов и 29,4 % от общей суммы расходов за год (или 10,3 %, если включить в общую сумму расходов 3 000 рублей, переданных Лжедмитрию I по его требованию). В 1606/07 г. было потрачено 260 рублей 3 алтына 3 деньги, что составило 55,5 % от общей суммы расходов на продовольственные товары и 19,6 % от общей суммы расходов за год (или 6 %, если включить в общую сумму расходов 3 000 рублей, переданных Василию Шуйскому по его требованию). В 1607/08 г. сумма «рыбных покупок» насчитывала 367 рублей 20 алтын 1 деньгу, что составило более 70 % от общего числа расходов на продовольственные товары и более 20 % всей суммы годового расхода. В 1609/10 г. Иосифо-Волоколамский монастырь совсем не покупал рыбу; в 1610/11 г. на нее было потрачено 12 рублей 33 алтына 1 деньга, что составило почти 19 % от общей суммы расходов на продовольственные товары; в 1612/13 г. – 72 рубля 11 алтын 5 денег, то есть 56 % от расходов на продовольственные товары [17, с. 150]. Значительная сумма общегодового расхода в 1609/10 г. объясняется длительной осадой Иосифо-Волоколамского монастыря с осени 1608 г. войсками Лжедмитрия II. В ноябре 1609 г. казна монастыря была ограблена П. Руцким. В марте 1610 г. Иосифо-Волоколамский монастырь был освобожден царскими войсками и стал предпринимать попытки выхода из кризисного состояния (подробнее см.: [17, с. 146–147, 153]).

Таким образом, доля рыбы в сумме продовольственных расходов была стабильно высокой и составляла более 55 % (за исключением 1592 г., когда большие суммы были потрачены на мед и соль, и кризисных 1609–1611 гг. [17]). Отсутствие трат на рыбу и в целом небольшая сумма расходов на покупки

Таблица 2. **Сумма годового расхода на рыбу в Иосифо-Волоколамском монастыре в конце XVI – начале XVII века**

Table 2. **The amount of annual expenses on fish in the Joseph-Volokolamsk Monastery at the late 16th – early 17th century**

Год	Общая сумма расходов за год	Сумма расходов на покупки	Сумма прод. расходов	Сумма расходов на рыбу		
				Деньги	Доля от общего расхода, %	Доля от прод. расходов, %
1592	398 504,5	330 046,5	223 003,5	52 841	13,3	23,7
1601/02	212 287	155 116	112 009,5	63 197	29,8	56,4
1605/06	923 420,5	214 516,5	153 872	95 162	10,3 (29,4)	61,8
1606/07	865 963,5	173 345,5	93 663,5	52 021	6 (19,6)	55,5
1607/08	362 824,5	132 455,5	103 264,5	73 521	20,3	71,2
1609/10	402 262,5	5 836,5	2 072,5	–	–	–
1610/11	27 040,5	19 788,5	13 882	2 599	9,6	19
1612/13	65 079	52 264	25 571	14 471	22,2	56

Примечание. Составлено по: [10; 17].

в 1609 г. отражают тяжелое финансовое и хозяйственное положение обители во время ее осады, что не позволяло совершать покупки в прежнем объеме. Снижение общих расходов в 1610–1613 гг. в 8–20 раз также подтверждает наличие экономического кризиса. Доля рыбы в годовом расходе в среднем составляла 20 % (за исключением 1610/11 г., когда этот показатель составил 9,6 %, что также объясняется недостатком средств в казне после взятия монастыря войсками Лжедмитрия II). В качестве сравнения приведем данные о тратах на рыбу З.В. Дмитриевой и А.В. Крайковского, полученные на основании приходо-расходных книг Кирилло-Белозерского монастыря, который имел хорошо развитые рыбные промыслы: в 1607/08 г. было потрачено более 422 рублей, что составило около 15 % годового расхода [2, с. 51–52].

Употребление рыбы во время трапез. В Иосифо-Волоколамском монастыре значение рыбы было обусловлено значительным количеством вкладчиков, по которым совершались поминальные трапезы. В день «корма», как установил Л. Штайндорф, братии была положена свежая рыба (снетки и лещи, фаршированные кашей), пироги или блины, испеченные на масле, и сыченой (медовый) квас [19, с. 1039]. В случае «большого корма»[10], как, например, в память о второй жене Ивана IV Марии Темрюковне, было предусмотрено три сорта соленой или вареной рыбы в блюдах, рассчитанных на двух братьев, или третий сорт рыбы был жареный и подавался в сковородах, рассчитанных на четырех братьев [19, с. 1040]. Таким образом, братия употребляла рыбу в качестве «поминального корма» (Л. Штайндорф насчитал 61 «большой корм» в 1581/82 г. [19, с. 1041–1043]), а также на все церковные праздники. Чем значительнее был повод, тем больше рыбы подавалось братии, тем разнообразнее и сложнее в приготовлении были рыбные блюда.

Результаты. Хотя в конце XVI – начале XVII в. Иосифо-Волоколамский монастырь имел право на беспошлинную ловлю рыбы на озере Селигер под Осташковской слободой, он все равно закупал рыбу дополнительно на рынках Осташкова, Москвы, реже Новгорода.

Общий объем купленной рыбы в конце XVI в. ниже, чем в начале XVII в., но больше представлен рыбными деликатесами, приобретенными на рынках Москвы. В начале XVII в. больше поездок стали осуществлять в Осташково, за счет чего выросли траты на рыбу и ее общее количество. В 1609 г. рыбу не закупали вообще, в 1610/11 г. приобрели лишь 1 бочку щуки, 2,5 четверти сушеной рыбы и 111 тушек свежей рыбы. В 1612/13 г. объем закупок вырос, но от показателей предыдущих лет отставал в 3–5 раз, а дорогие сорта рыбы в этот период исчезли из обихода полностью.

Цена на рыбу за единицу товара была прослежена во всех трех рыбных рынках, где закупались представители Иосифо-Волоколамского монастыря. В Осташково зафиксирован рост цен на щуку и судака с 1606 г., при этом мелкую рыбу (окуней и ряпушку) в этот период перестали покупать совсем. Благодаря информации, собранной А.Г. Маньковым, а также данным З.В. Дмитриевой и А.В. Крайковского, удалось проследить изменение цен на рыбу в Москве начиная с третьей четверти XVI в. и заканчивая 1611 годом. Цена на ценные породы рыбы в Москве начала расти с 1605–1606 годов. Также удалось сравнить цены на бочку сигов в Москве и Новгороде. Средняя цена отличалась мало: в Москве бочку сигов продавали в среднем за 515 денег в 1601–1602 гг., в Новгороде – за 493 деньги в 1606–1608 годах. При этом замечен рост цен на сигов и лодогов с 1606 года. Зафиксирован рост цен на рыбу в Осташково, Москве и Новгороде, что свидетельствует о начале общегосударственного экономического кризиса.

Таким образом, по данным приходо-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря, до конца лета 1608 г. количество рыбных покупок, осуществлявшихся монастырем, оставалось стабильно высоким, а состав приобретаемой рыбы – разнообразным. Во время осады (осень 1608 – осень 1609 г.) и захвата монастыря (осень 1609 – март 1610 г.) войсками Лжедмитрия II расходы на продовольственные товары и покупки в целом существенно сократились из-за недостатка средств в казне. Эти данные свидетельствуют об экономическом кризисе в монастыре, попытки выхода из которого наметились уже в 1610/11 году. И хотя в 1612/13 г. доля расходов на рыбу от суммы продовольственных расходов вернулась к доосадному значению, сумма трат на рыбные покупки была в 4–6 раз меньше.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сиг – рыба семейства лососевых.

[2] Ряпушка (или ряпуха), в источнике «ряпуга» – самый мелкий вид сигов.

[3] Снетки (или снятки) – озерная разновидность корюшки.

[4] Остреченки – просторечное название молодых окуней.

[5] Лодог (или лодьба), в источнике «ладуга» – подвид сигов.

[6] Четверть – мера объема.

[7] Шеврига – астраханская рыба севрюга.

[8] Вязига (или визига) – хорда осетровых рыб, употребляемая в пищу.

[9] Чаще всего юфть как счетная единица применялась при изготовлении и продаже кож и кожевенных товаров, шапок. Также юфть обозначала оклад стрелецкого хлеба, где было 2 четверти хлеба, из которых 1 четверть ржи и 1 четверть овса. Юфтью могли называть пару жерновов. Парные товары, например, рукавицы, обувь, также продавали юфтью [3, с. 129–133; 13, с. 286; 18, с. 158].

[10] Л. Штайндорф указал на деление поминальных кормов на «большие», «средние» и «меньшие», в зависимости от величины вклада и социального статуса вкладчика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. И – О. СПб.; М.: Тип. М.О. Вольфа, 1881. 814 с.

2. Дмитриева З. В., Крайковский А. В. Цены на рыбу и рыбопродукты в начале XVII в. (по приходо-расходным книгам Кирилло-Белозерского монастыря) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. материалов Второй междунар. науч. конф. Курск, 2009. С. 50–59.

3. Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М.: Высш. шк., 1965. 255 с.

4. Книги приходо-расходные денежные старца Левкия Акишева за 7110 г. (1601/02) г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1192. Оп. 2, ч. 1. Кн. 12. 145 л.

5. Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. В 21 т. Т. 20. Очерк торговли московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1889. 360 с.

6. Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 274 с.

7. Никитский А. И. К вопросу о мерах в древней Руси. СПб.: Тип. В.С. Балашева и Ко, 1894. 48 с.

8. Приходо-расходная денежная книга 1607–1608 гг. // РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2, ч. 1. Кн. 19. 289 л.

9. Приходо-расходная книга [за 7119 (1610/11) г.] // РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2, ч. 1. Кн. 21. 31 л.

10. Приходо-расходная книга 7114 (1605/06) г. // РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2, ч. 1. Кн. 15. 178 л.

11. Приходо-расходная книга 7121 (1612/13) г. // РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2, ч. 1. Кн. 22. 67 л.

12. Расходная книга казначея Паисия Мичурина (1592 г. января 1 – декабря 30) // Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. М.; Л.: Ин-т истории СССР, 1987. С. 199–243.

13. Романова Г. Я. Объяснительный словарь старинных русских мер. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017. 304 с.

14. Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник XVI века // Российское государство XV–XVII веков. М.: Наука, 1973. С. 120–154.

15. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 583 с.

16. Тихомиров М. Н., Флоря Б. Н. Приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1606/07 г. // Археографический ежегодник за 1966 год. М.: Наука, 1968. С. 331–383.

17. Целуйкина Е. С. Состояние бюджета Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI – начале XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 3. С. 143–163. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.3.10

18. Шевцов В. В. Историческая метрология России. Томск: ТМЛ-Пресс, 2017. 280 с.

19. Штайндорф Л. «Строго по правилам и в меру»: стол в Иосифо-Волоколамском монастыре (ок. 1580 г.) // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6, № 4. С. 1031–1052. DOI: 10.15826/qr.2018.4.344

REFERENCES

1. Dal V.I. *Tolkovyi slovar zhivogo velikorusskogo iazyka. V 4 t. T. 2. I – O* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols. Vol. 2]. Saint Petersburg, Moscow, Tip. M.O. Volfa, 1881. 814 p.

2. Dmitrieva Z.V., Kraikovskii A.V. Tseny na rybu i ryboprodukty v nachale XVII v. (po prikhodo-raskhodnym knigam Kirillo-Belozerskogo monastyria) [Prices for Fish and Fish Products at the Beginning of the 17th Century (According to the Coming-Expensive Books of the Kirillo-Belozersky Monastery)]. *Torgovlia, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv.: sb. materialov Vtoroi mezhdunar. nauch. konf.* [Trade, Merchants and Customs in Russia in the 16th – 19th Centuries: Collection of Materials of the Second International Scientific Conference]. Kursk, 2009, pp. 50-59.

3. Kamentseva E.I., Ustiugov N.V. *Russkaia metrologiia* [Russian Metrology]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 1965. 255 p.

4. Knigi prikhodo-raskhodnye denezhnye startsa Levkiya Akisheva za 7110 g. (1601/02) g. [Coming-Expensive Books of the Elder Levki Akishev for 7110 (1601/02)]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1192, inv. 2, pt. 1, book 12. 145 l.

5. Kostomarov N.I. *Istoricheskie monografii i issledovaniia. V 21 t. T. 20. Ocherk torgovli moskovskogo gosudarstva v XVI i XVII stoletiiakh* [Historical Monographs and Research. In 21 Vols. Vol. 20. An Outline of the Trade of the Moscow State in the 16th and 17th Centuries]. Saint Petersburg, Tip. M.M. Stasiulevicha, 1889. 360 p.

6. Mankov A.G. *Tseny i ikh dvizhenie v Russkom gosudarstve XVI veka* [Prices and Their Movement in the Russian State of the 16th Century]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1951. 274 p.

7. Nikitskii A.I. *K voprosu o merakh v drevnei Rusi* [On the Issue of Measures in Ancient Russia]. Saint Petersburg, Tip. V.S. Balasheva i Ko, 1894. 48 p.

8. Prikhodo-raskhodnaya denezhnaya kniga 1607–1608 gg. [Coming-Expensive Money Book of 1607–1608]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1192, inv. 2, pt. 1, book 19. 289 l.

9. Prikhodo-raskhodnaya kniga (za 7119 (1610/11) g.) [Coming-Expensive Book (For 7119 (1610/11))]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1192, inv. 2, pt. 1, book 21. 31 l.

10. Prikhodo-raskhodnaia kniga 7114 (1605/06) g. [Coming-Expensive Book for 7114 (1605/06)]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1192, inv. 2, pt. 1, book 15. 178 l.

11. Prikhodo-raskhodnaya kniga 7121 (1612/13) g. [Coming-Expensive Book of 7121 (1612/13)]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1192, inv. 2, pt. 1, book 22. 67 l.

12. Raskhodnaya kniga kaznacheya Paisiya Michurina (1592 g. yanvarya 1 – dekabrya 30) [Expensive Book of Treasurer Paisii Michurin (1592, January 1 – December 30)]. *Votchinnye khozyaystvennye knigi XVI v. Prikhodnye i raskhodnye knigi Iosifo-Volokolamskogo monastyrya 80–90-kh gg.* [Patrimonial Economic Books of the 16th Century. Income and Expense Books of the Joseph-Volokolamsk Monastery of the 80s – 90s]. Moscow, Leningrad, In-t istorii SSSR, 1987, pp. 199-243.

13. Romanova G.Ia. *Obieiasnitelnyi slovar starinnykh russkikh mer* [Explanatory Dictionary of Ancient Russian Measures]. Moscow, Un-t Dmitriya Pozharskogo, 2017. 304 p.

14. Tikhomirov M.N. Monastyr-votchinnik XVI veka [Monastery Is the Manor of the 16th Century]. *Rossiiskoe gosudarstvo XV–XVII vekov* [Russian State of 15th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 120-154.

15. Tikhomirov M.N. *Rossiia v XVI stoletii* [Russia in 16th Century]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962. 583 p.

16. Tihomirov M.N., Florja B.N. Prihodo-rashodnye knigi Iosifo-Volokolamskogo monastyrja 1606/07 g. [Account Cash Books of the Joseph-Volokolamsk Monastery of 1606/07]. *Arheograficheskij ezhegodnik za 1966 god* [Archaeographic Yearbook for 1966]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 331-383.

17. Tseluykina E.S. Sostoianie biudzheta Iosifo-Volokolamskogo monastyria v kontse XVI – nachale XVII veka [The State of the Budget of the Joseph-Volokolamsk Monastery at the End of the 16th – Beginning of the 17th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 3, pp. 143-163. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.3.10

18. Shevtsov V.V. *Istoricheskaia metrologiia Rossii* [Historical Metrology of Russia]. Tomsk, TML-Press Publ., 2017. 280 p.

19. Steindorff L. «Strogo po pravilam i v meru»: stol v Iosifo-Volokolamskom monastyre (ok. 1580 g.) [Strictly Regulated and Measured: Meals at the Iosifo-Volokolamsky Monastery, c. 1580]. *Quaestio Rossica*, 2018, vol. 6, no. 4, pp. 1031-1052. DOI: 10.15826/qr.2018.4.344

Information About the Author

Evgeniya S. Tseluykina, Assistant, Candidate for a Degree, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tseluikina.eugenia@gmail.com, es_tseluikina@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-4381-287X

Информация об авторе

Евгения Сергеевна Целуйкина, ассистент, соискатель кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tseluikina.eugenia@gmail.com, es_tseluikina@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-4381-287X

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.5

UDC 94(470)«16/18»
LBC 63.5(2)

Submitted: 10.06.2024
Accepted: 02.09.2024

VILLAGES OF THE BLACK EARTH REGION OF EUROPEAN RUSSIA IN THE 17th – FIRST THIRD OF THE 18th CENTURIES

Denis A. Lyapin
Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

Alena R. Melnikova
Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. In the 17th century, in the south of European Russia, in the Black Earth districts, the process of economic development of vast fertile lands took place. The effectiveness of this process was associated with the increase in the number of Russian settlers to work on arable land. Economic success played an important role in the confrontation between Russia and the Crimean Khanate. The war between the two states lasted throughout the 17th century. In recent decades, the study of the history of the development of black earth districts in Russia has continued in various directions, but the problem of economic development of new territories remains relevant for study. *Methods and materials.* The authors of the article use data on the number of villages as a criterion for assessing the process of reclamation of empty lands. The authors focus on the villages of the three largest regions of the Black Earth region – the Belgorod, Voronezh, and Yelets regions. Materials from the Kozlov region are used as additional information. The materials for the work were mass sources – census books of the 17th – first quarter of the 18th centuries. *Results.* As a result of the study, an increase in the number of rural settlements and changes in their internal structure were recorded in favor of the increase in large villages. All this testifies to Russia's economic success in the region and allows us to understand some of the features of this process. There is also no doubt about the steady demographic growth throughout the 17th century. These factors played an important role in the struggle for the annexation of the Black Earth Strip to Russia during periodically escalating military conflicts and political confrontations. *Contribution of the authors of the article:* D.A. Lyapin – concept development, writing of the introduction, analysis of the results. A.R. Melnikova – processing of materials for the article, writing of the section "Materials and methods," design of the article. D.A. Lyapin – 50%, A.R. Melnikova – 50%. *Funding*. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 24-68-00011, https://rscf.ru/project/24-68-00011/) on the basis of Bunin Yelets State University.

Key words: villages, Black Earth region, economic development, resettlement, peasants, odnodvorcy.

Citation. Lyapin D.A., Melnikova A.R. Villages of the Black Earth Region of European Russia in the 17th – First Third of the 18th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 51-60. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.5

УДК 94(470)«16/18»
ББК 63.5(2)

Дата поступления статьи: 10.06.2024
Дата принятия статьи: 02.09.2024

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРНОЗЕМНЫХ УЕЗДОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В XVII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА

Денис Александрович Ляпин
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация

Алена Романовна Мельникова
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация

© Ляпин Д.А., Мельникова А.Р., 2024

Аннотация. *Введение.* В XVII в. на юге европейской России в черноземных уездах проходил процесс хозяйственного освоения обширных плодородных земель в условиях военного противостояния с Крымским ханством. Эффективность этого процесса в определенной степени была связана с ростом численности русского земледельческого населения. Последние десятилетия изучение истории освоения черноземных уездов России успешно реализуется в различных направлениях. Одной из наиболее сложных проблем остается изучение динамики хозяйственного освоения новых территорий. *Методы и материалы.* В качестве критерия оценки происходящих изменений авторы статьи используют данные о количестве сельских поселений и их внутренней градации. В центре нашего внимания – сельские поселения трех наиболее крупных уездов Черноземья – Белгородского, Воронежского и Елецкого. В качестве дополнительной информации используются данные по Козловскому уезду. Материалами для работы послужили массовые источники – писцовые и переписные книги XVII – первой четверти XVIII века. *Результаты.* В ходе проделанного исследования зафиксированы увеличение количества сельских поселений и изменения в их внутренней структуре. Все это свидетельствует о хозяйственных успехах России в регионе и позволяет понять некоторые особенности этого процесса. Не приходится сомневаться также в устойчивом демографическом росте, происходившем на протяжении всего XVII века. Эти обстоятельства сыграли важную роль в борьбе за полноценное вхождение плодородных черноземных земель в состав Российского государства в ходе периодически обострявшихся военных конфликтов и политических противостояний с соседями. *Вклад авторов статьи:* Д.А. Ляпин – разработка концепции, написание введения, написание основной части, анализ результатов. А.Р. Мельникова – обработка материалов для статьи, написание раздела «Материалы и методы». *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-68-00011, https://rscf.ru/project/24-68-00011/) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Ключевые слова: сельские поселения, Черноземье, хозяйственное освоение, переселение, крестьяне, однодворцы.

Цитирование. Ляпин Д. А., Мельникова А. Р. Сельские поселения черноземных уездов европейской России в XVII – первой трети XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 51–60. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.5

Введение. В XVI в. Россия начинает наступление на южные степные территории. Это был масштабный и непростой опыт хозяйственного (земледельческого) освоения государством, сформировавшимся в лесной зоне междуречья Оки и Волги, принципиально иной природной зоны – степной и лесостепной. В результате Москва получила огромные зерновые ресурсы и смогла защитить исторический центр, отодвинув свои границы далеко на юг.

Первые исследования процесса освоения черноземных земель связаны с работами Д.И. Багалея и И.Н. Миклашевского [2; 3; 22]. Они полагали, что движение населения за Оку было связано с вольной народной колонизацией, которая постоянно возрастала на протяжении всего XVII века. Д.И. Багалей отмечал даже некие «психологические импульсы», толкавшие русских земледельцев переселяться в дикую степь [1, с. 17]. Переселенцы, попадая в специфические природные условия, стремились к объединению и были почти свободны от власти царских воевод. Первые исследователи обратили внимание на преобладание здесь однодворческого землевладения. Юридические вопросы существования этой специфической группы населения были рассмотрены в работе Н.А. Благовещенского. Ученый считал, что главным успехом русской колонизации было наличие особой неформальной общины, распоряжавшейся своими угодьями на основе совместного владения [4]. Известно, что мелкие помещики-переселенцы в XVII в. называли себя в некоторых случаях «сябрами». Особенности таких владений на материалах черноземных уездов показал П. Иванов. Ему удалось раскрыть специфику «трудовой артели» сябров и сложные отношения внутри их коллектива [15].

В XX в. военная и политическая история освоения черноземных уездов Европейской России рассматривалась в работах А.А. Новосельского и В.П. Загоровского [12; 13; 23; 24]. Историки справедливо отметили тесную связь военного и хозяйственно-демографического факторов в процессе распространения власти Москвы на южных территориях. В 1970-е гг. В.М. Важинский вновь вернулся к изучению общины однодворцев как специ-

фическому явлению в освоении диких целинных земель [5].

Последние десятилетия изучение истории черноземных уездов России в XVII в. осуществляется в различных направлениях. В частности, социальные особенности региона в контексте «фронтирной ситуации» рассматривались Ю.А. Мизисом и В.В. Канищевым [18; 21], военно-политические аспекты изучались В.Н. Глазьевым, А.Ю. Зенченко, С.М. Шаминым [9; 14; 41]. В.Н. Глазьев также показал специфику административного управления регионом [8; 10; 11]. Е.В. Камараули сосредоточила свое внимание на специфике поместного землевладения в первой половине XVII в. [16; 17]. Тема западной части южнорусского пограничья в экономической и политической системе России затрагивалась в статьях Г.Г. Чепига [39; 40].

Американская исследовательница К. Белкин-Стивенс в монографии о снабжении русских войск южной окраины сделала акцент на связи хозяйственных успехов Москвы с «военной революцией», изменившей армию и ставшей залогом успеха в противостоянии с крымскими татарами. Однако вопросы роста численности служилого населения остались за пределами ее внимания [43]. На огромную роль хлебных запасов и развитие черноземного земельного фонда в России XVII в. справедливо указывали американские историки Р. Смит и Д. Христиан в специальном исследовании, посвященном традиционной русской еде [42].

Итак, усилия ученых, направленные на изучение различных аспектов российского продвижения на юг, свидетельствуют о том, что это был сложный процесс, который в конечном итоге завершился вхождением в состав государства обширных черноземных территорий. При этом военное противостояние с Крымским ханством и Османской империей сопровождалось ростом численности населения и развитием хозяйственной колонизации. Но в распоряжении ученых слишком мало конкретных данных, позволяющих фиксировать успехи русской колонизации. Сведения об урожайности из воеводской документации крайне скудны [25, с. 264–289]. Более конкретным источником информации о распашке земель могут служить данные писцовых книг 1620-х годов. Однако они отражают процесс хозяйственного развития региона только за небольшой промежуток времени.

Важным свидетельством хозяйственного развития региона является увеличение численности его сельского населения, активно вовлеченного в распашку и промысловую деятельность. А поскольку проживало оно, главным образом, в селах и деревнях, то рост количества сельских поселений напрямую отражает темпы развития края. Что касается изучения динамики численности непосредственно самих сельских жителей или их дворов, то здесь следует указать на относительность подсчетов переписных книг и подвижность населения. В.Н. Глазьевым установлена достоверность переписной книги Воронежского уезда 1646 г. «как минимум 70 %» [6; 29, с. 22].

Сельские поселения представляли собой несколько объединенных общей территорией дворовладений с примыкающими к ним земельными угодьями. Они подразделялись на села, деревни и починки. Критерии в таком разделении не были точными и имели исключения, однако, как правило, села – это крупные поселения с храмом, деревни – поселения без храма, починки – небольшие поселения, представляющие первый этап развития деревни. Сельские поселения можно рассматривать в административных аспектах (наряду со станом и уездом), но они могут быть представлены и как категории, определяющие хозяйственно-бытовую жизнь человека.

Появление сельских поселений обычно происходило путем переселения небольшой группы семей, имевших родственные связи. Они основывали деревни или села. Затем от них отделялись починки, выраставшие со временем в большие деревни. Семейно-родовой характер сельских поселений влиял на структуру хозяйственной жизни жителей села, направленную на поддержание внутреннего единства и сплоченности. Распашка земли, выпас скота и промысловая деятельность, как правило, осуществлялись коллективно. Жизненная необходимость вынуждала семейно-родовые группы объединяться в сельские общины – более крупные неформальные способы социальной организации сельского населения. Община на Юге России была самым

тесным образом связана с распашкой земель, которую осуществляли мелкие помещики–однодворцы [20, с. 53–78].

Методы и материалы. В основе этой статьи находятся аналитические данные, полученные в ходе работы с писцовыми и переписными книгами по крупнейшим уездам региона: Белгородскому (1626, 1646, 1678, 1716), Воронежскому (1628–1629, 1646, 1678, 1710, 1716), Елецкому (1628/30, 1646, 1678, 1716) и, частично, – Козловскому (1646, 1716) [26–38]. В первую очередь нас интересовала информация о количестве сельских поселений и их градация. Затем – данные по численности жителей, которые имеют дополнительное значение. Что касается сведений о месте расположения поселений в границах уезда, то эта важная тема требует отдельного историко-географического изучения. Отметим только, что Елецкий уезд в этом контексте рассматривался в работах К.Г. Гайтеровой [7].

Методика проведенного исследования основывается на применении формулярного анализа. Это позволило понять внутреннюю структуру каждого изученного массового источника, прежде чем перейти к анализу его данных. Использовался также сравнительный метод, связанный с сопоставлением материалов различных переписей. Описательный анализ, посредством которого происходит обобщение результатов, полученных в ходе работы с массовыми источниками, позволил визуализировать данные в форме таблиц и диаграмм. Работа с материалами, имевшими фискальные цели, проводилась с учетом относительности их данных для получения статистической информации.

Анализ. Прежде всего имеющийся материал был систематизирован и представлен в обобщенной форме (см. рис. 1). Динамика развития сельских поселений XVII – первой четверти XVIII в. показывает устойчивый рост поселений во всех уездах до 1678 года. Перепись 1716 г. фиксирует некоторое падение числа населенных пунктов. Отметим, что переписчики в этом году исходили из границ уездов 1646 г., поэтому то обстоятельство, что административные территории уездов менялись, не повлияло на полноту данных [19].

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют проследить историю сельских поселений на протяжении ста лет. За это время населенные пункты в округе городов-крепостей появлялись, меняли свой статус, а

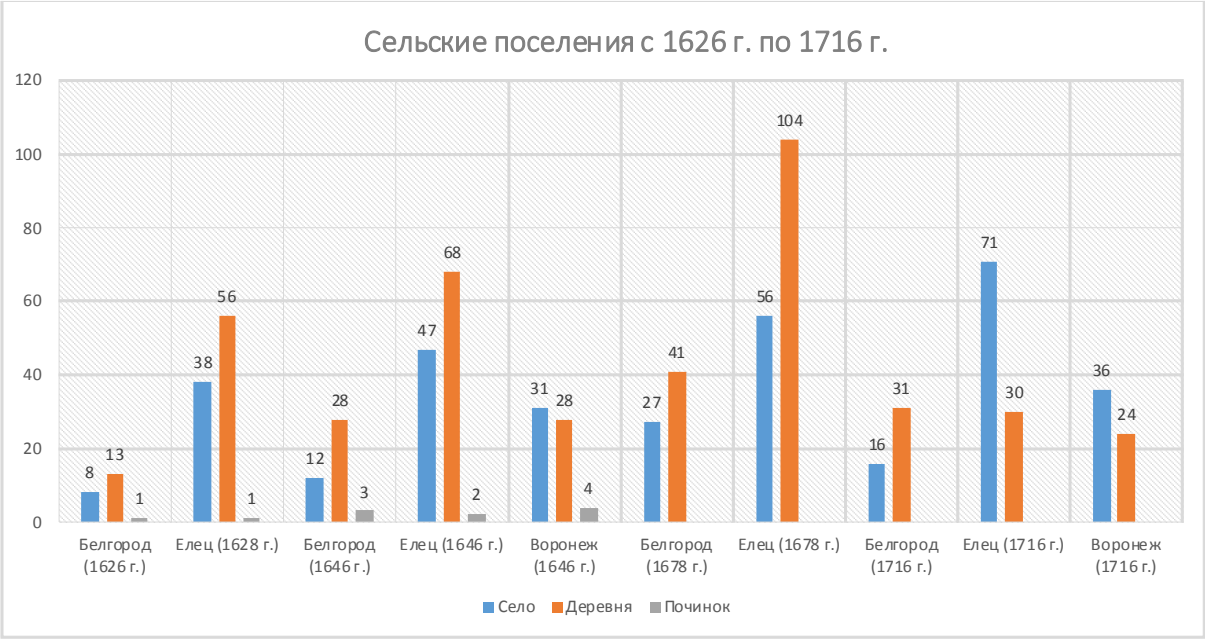

Рис. 1. Количество поселений и их градация (село, деревня, починок) в Белгородском, Воронежском и Елецком уездах с 1626 по 1716 год

Fig. 1. The number of settlements and their gradation (village, hamlet, settlement) in the Belgorod, Voronezh, and Yelets districts from 1626 to 1716

иногда и исчезали. Это было связано либо с татарскими набегами, либо с присоединением деревни к находившемуся рядом селу – явление, характерное для начала XVIII века. В связи с этим следует отметить рост сел и сокращение числа деревень к 1716 г. (кроме Белгородского уезда). В 1678 г. мы видим полное исчезновение починков. Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что свободное передвижение мелких помещиков почти остановилось. Переселения происходили в пределы уже существующих деревень и сел. Процесс слияния сел и деревень также может указывать на рост распашки земель в ближайшей округе.

В качестве наглядного примера можно рассмотреть изменения количественного состава населенных пунктов Воронежского уезда (рис. 2). С 1615 по 1716 г. количество сел увеличилось ровно в два раза. В отношении динамики развития деревень мы наблюдаем диаметрально противоположные процессы. До середины XVII в. их количество изменилось незначительно. За это время возникла всего одна деревня. Число починков сократилось с 5 до 3 единиц. Переписная книга 1710 г. Воронежского уезда зафиксировала значительное сокращение числа деревень – практически на 40 %.

Анализ социального состава и колебания численности населения уездов дает дополнительные данные, отражающие степень хозяйственной колонизации региона. Местное население подразделялось на следующие основные социальные группы: помещики, однодворцы (помещики без крестьян), крестьяне и бобыли, священнослужители, казаки и другие. К прочим категориям относим деловых, нищих, задворных и гулящих людей (см. таблицу).

Отметим, что численность однодворцев во всех уездах неуклонно росла: за 70 лет в период с 1646 по 1716 г. однодворческое население в целом выросло на 93 %. В численности крестьянства заметны колебания: их количество увеличилось в четыре раза с 1628 по 1646 г., но затем к 1678 г. сократилось на 40 %. Параллельно с резким увеличением числа однодворцев наблюдается рост количества сел. Однако не следует полагать, что численность сел была вызвана исключительно активностью однодворческого населения. Эта тенденция характерна для Елецкого и Белгородского уездов, но в Воронеже примерно в половине сел было преобладание крестьянского населения. В любом случае, как показывают данные таблицы 1, в рассматриваемый период времени за «селом» источника не скрывалось малодворное владельческое сельцо с церковью.

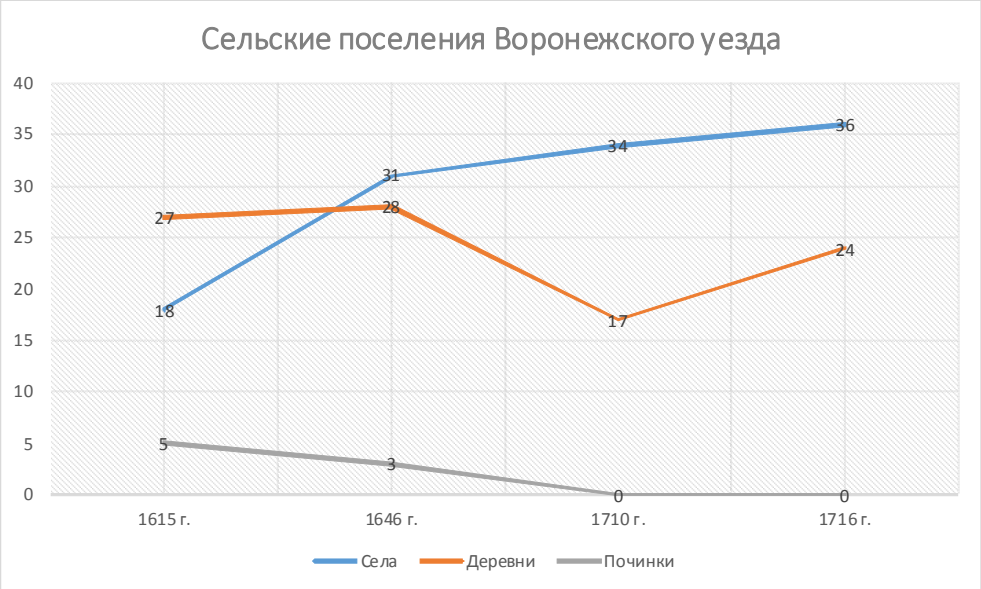

Рис. 2. Соотношение числа сельских поселений Воронежского уезда с 1615 по 1716 год

Fig. 2. Ratio of the number of rural settlements in the Voronezh district from 1615 to 1716

Представленные данные отражают происходившие на территории черноземных уездов важные перемены. В середине XVII в. начинается активное военно-оборонительное строительство в контексте возведения единой Белгородской черты. Это вызвало приток мелких помещиков в уезды, а затем начавшаяся в 1654 г. война с Речью Посполитой привела к тому, что крымские татары нанесли ряд существенных ударов по южным уездам, от которых сильно пострадало крестьянское население [1, с. 277]. До 1680-х гг. военная обстановка оставалась неспокойной, мелкие набеги татар и калмыков совершались ежегодно [23, с. 91–115].

Данные по социальному составу населения свидетельствуют о том, что уезды Черноземья не развивались равномерно. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить данные по Воронежскому и Козловскому уездам. Преобладающей по численности категорией населения в Воронежском уезде являлись крестьяне (около 80 %), а в Козловском абсолютно превалировали однодворцы (около 90 %).

Результаты. Таким образом, можно выделить два больших этапа в развитии сельских поселений черноземных уездов. Окончание первого и начало второго этапов фиксирует перепись 1678 г. Массовая хозяйственная колонизация и активное проникновение семейно-родовых групп («сябровых» общин) из других регионов на новые земли приостанавливается. К этому времени сложилась окончательно и закрепилась административно общая сеть поселений, составлявших сельскую округу каждого города-крепости. Резкий рост однодворческого населения за счет переселений, по-видимому, способствовал увеличению количества сел.

На втором этапе, к 1716 г. рост поселений замедляется, наблюдается преобладание сел (кроме Белгородского уезда), исчезают починки и пустоши. Это указывает на начало интенсивного освоения природных ресурсов в уездах. Что касается данных о росте населения до 1678 г., то они вполне коррелируются с общим ростом сельских поселений. Спад численности населения, впервые наблюдаемый в 1710–1716 гг., не повлиял на тенденцию увеличения количества сел и сокращения числа деревень. Он также сопровождался увеличением количества однодворцев во всех уездах. Военная необходимость вынуждала правительство переселять служилый контингент для обеспечения защиты региона во второй половине XVII века. Особенно наглядно это можно увидеть в Козловском уезде, где численность крестьянства была очень незначительной даже в 1716 году. Спад численности населения рассмотренных регионов связан, по всей вероятности, с ростом податей для пополнения казны, сильно опустевшей в годы Северной войны. Кроме того, можно предположить наличие эпидемиологических болезней, распространившихся в эти годы, хотя изученные массовые источники ничего об этом не сообщают.

Отмеченное в ходе изучения массовых источников повышение количества сельских поселений и происходившие изменения в их

Социальный состав сельских поселений Белгородского и Елецкого уездов в период с 1626 по 1716 год

Social composition of villages of Belgorod and Yelets districts in the period from 1626 to 1716

Уезд	Помещики	Однодворцы	Крестьяне	Казаки	Другое
1646 г.					
Белгородский	130	308	2 478		3
Елецкий	317	296	3 114	63	51
Воронежский	340	395	3 312	348	50
Козловский	70	1 224	189	14	5
1678 г.					
Белгородский	64	1 331	1 507		25
Елецкий	665	1 943	4 877		516
1716 г.					
Белгородский	7	4 578		66	88
Елецкий		1 589	5 585		91
Воронежский	80	112	913		23

внутренней структуре свидетельствуют о хозяйственных успехах русского населения в освоении «диких» черноземных территорий. Не приходится сомневаться в устойчивом демографическом росте, происходившем на протяжении всего XVII века. Данные факторы сыграли заметную роль в противостоянии России с Османской империей и Крымским ханством на южном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабулин И. Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М.: Фонд «Русские витязи», 2015. 399 с.
2. Багалей Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М.: Унив. тип., 1887. 634 с.
3. Багалей Д. И. К истории заселения и хозяйственного быта Воронежского и Курского края: отзыв об исследовании И.Н. Миклашевского «К истории хозяйственного быта Московского государства». СПб.: Унив. тип., 1896. 72 с.
4. Благовещенский Н. А. Четвертное право. М.: Тип. товарищества Н. Н. Кушнерев и К°, 1899. 538 с.
5. Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (по материалам южных уездов России). Воронеж: ВГПИ, 1974. 237 с.
6. Водарский Я. Е. К вопросу о достоверности переписных книг XVII в. // История СССР. 1968. № 2. С. 133–143.
7. Гайтерова К. Г. Освоение Верхнего Подонья в первой четверти XVII в.: сельские поселения Елецкого и Воронежского уездов в 1615 г. // История: факты и символы. 2024. № 1 (38). С. 43–53.
8. Глазьев В. Н. Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. 429 с.
9. Глазьев В. Н. Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI – начале XVIII вв. Воронеж: Издат. дом ВГУ, 2018. 270 с.
10. Глазьев В. Н. Города-крепости российского Черноземья в 1604–1618 гг.: гражданская война и ее преодоление // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 2. С. 103–112. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.9
11. Глазьев В. Н. Формирование Белгородского разряда как административно-территориальной единицы в середине XVII в. // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. С. 116–119.
12. Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1968. 304 с.
13. Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. 269 с.
14. Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. М.: Памятники ист. мысли, 2008. 221 с.
15. Иванов П. И. Сябры-помещики // Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП). 1903. Ноябрь. Часть CCCL. С. 406–442.
16. Камараули Е. В. Итоги аграрного освоения Центрального Черноземья в первой трети XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 2016 год. Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. 2016. С. 80–89.
17. Камараули Е. В. О применении норм «живущей четверти» в период писцового описания Воронежского уезда в 1627–1629 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 2 (72). С. 28–40.
18. Канищев В. В., Лямин С. К. Факторы фрактальной модели вхождения зоны южнорусского фронтира в состав Московского государства: новая версия // Журнал фронтирных исследований. 2018. № 4 (12). С. 60–74.
19. Ляпин Д. А. Ландратские книги исторического региона Белгородской черты 1716–1719 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 43–56.
20. Ляпин Д. А. На окраине царства: повседневная жизнь населения на Юге России в XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 416 с.
21. Мизис Ю. А., Кащенко С. Г. Проблема формирования русского фронтира на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2011. № 1. С. 9–16.
22. Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. М.: Тип. Д.И. Иноземцева, 1884. 245 с.
23. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: АН СССР, 1948. 452 с.
24. Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. М.: Наука, 1994. 221 с.
25. Опись городов 1678 г. // Дополнение к Актам историческим (ДАИ). Т. 9. СПб.: Тип. Второго отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1875. 350 с.
26. Переписная книга Белгородского уезда 1646 г. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15829. 145 л.

27. Переписная книга Белгородского уезда 1678 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15818. 184 л.

28. Переписная книга Белгородского уезда 1716 г. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 21. 769 л.

29. Переписная книга Воронежского уезда 1646 года / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. В. Н. Глазьева. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. 208 с.

30. Переписная книга Воронежского уезда 1678 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12286. 227 л.

31. Переписная книга Воронежского уезда 1716 г. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 94. Ч. 2. 723 л.

32. Переписная книга Елецкого уезда 1678 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8830. 214 л.

33. Переписная книга Елецкого уезда 1646 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 135. 319 л.

34. Переписная книга Елецкого уезда 1716 г. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 113. 746 л.

35. Переписная книга Козловского уезда 1646 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 230. 379 л.

36. Переписная книга Козловского уезда 1716 г. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 188. 201 л.

37. Писцовая книга Белгородского уезда 1626 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15817. 229 л.

38. Писцовая книга Елецкого уезда 1628/30 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 132–133. 1304 л.

39. Чепига Г. Г. К вопросу о датах основания некоторых городов Донбасса (по данным историографии и письменным источникам) // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. Т. 7. С. 284–286.

40. Чепига Г. Г. Северный Донбасс в экономической и политической системе Российского государства в XVI–XVII вв.: юрты, сторожи, города на Поле // Via in tempore. История. Политология. 2021. № 1 (48). С. 132–140.

41. Шамин С. М. Продвижение Российского государства на юг в XVI–XVII столетиях: освоение «Поля» // Труды Института российской истории РАН. 2023. № 17. С. 10–37.

42. Smith R. E. F., Christian D. Bread and Salt: A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 391 p.

43. Stevens Belkin C. Soldiers on the Steppe. Army Reform and Social Change in Early Modern Russia. Dekalb: Northern Illinois University Press, 1995. 240 p.

REFERENCES

1. Babulin I.B. *Borba za Ukrainu i bitva pod Konotopom (1658–1659 gg.)* [Struggle for Ukraine and Battle of Konotop (1658–1659)]. Moscow, Fond «Russkiye vityazi», 2015. 399 p.

2. Bagaley D.I. *Ocherki iz istorii kolonizatsii stepnoy okrainy Moskovskogo gosudarstva* [Essays on the History of Colonization of the Steppe Outskirts of the Moscow State]. Moscow, Univ. tip., 1887. 634 p.

3. Bagaley D.I. *K istorii zaseleniya i khozyaystvennogo byta Voronezhskogo i Kurskogo kraya: otzyv ob issledovanii I.N. Miklashevskogo «K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva»* [On the History of Settlement and Economic Life of the Voronezh and Kursk Territories: Review of the Study by I.N. Miklashevsky "On the History of Economic Life of the Moscow State"]. Saint Petersburg, Univ. tip., 1896. 72 p.

4. Blagoveshchensky N.A. *Chetvertnoye pravo* [Quaternary Law]. Moscow, Tip. tovarishhestva N.N. Kushnerev i K°, 1899. 538 p.

5. Vazhinsky V.M. *Zemlevladeniye i skladyvaniye obshchiny odnodvortsev v XVII veke (po materialam yuzhnykh uyezdov Rossii)* [Land Ownership and the Formation of a Community of Odnodvortsy in the 17th Century (Based on Materials from the Southern Counties of Russia)]. Voronezh, VGPI, 1974. 237 p.

6. Vodarsky Ya.E. K voprosu o dostovernosti perepisnykh knig XVII v. [On the Question of the Reliability of Census Books of the 17th Century]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1968, no. 2, pp. 133-143.

7. Gaiterova K.G. Osvoyeniye Verkhnego Podonya v pervoy chetverti XVII v.: selskiye poseleniya Yeletskogo i Voronezhskogo uyezdov v 1615 g. [Development of the Upper Don Region in the First Quarter of the 17th Century: Rural Settlements of Yelets and Voronezh Districts in 1615]. *Istoriya: fakty i simvoly* [History: Facts and Symbols], 2024, no. 1 (38), pp. 43-53.

8. Glazyev V.N. *Vlast i obshchestvo na yuge Rossii v XVII v.: protivodeystviye ugolovnoy prestupnosti* [Power and Society in the South of Russia in the 17th Century. Counteraction to Criminal Crime]. Voronezh, Izd-vo VGU, 2001. 429 p.

9. Glazyev V.N. *Ocherki istorii goroda Voronezha i Voronezhskogo uyezda v kontse XVI – nachale XVIII vv.* [Essays on the History of the City of Voronezh and the Voronezh District at the End of the 16th – Beginning of the 18th Centuries]. Voronezh, Izdat. dom VGU, 2018. 270 p.

10. Glazyev V.N. Goroda-kreposti rossiyskogo Chernozemya v 1604–1618 gg.: grazhdanskaya voyna i yeye preodoleniye [Fortress Cities of the Russian Black Earth Region in 1604–1618: Overcoming the Civil War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 2, pp. 103-112. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.9

11. Glazyev V.N. Formirovanie Belgorodskogo razryada kak administrativno-territorialnoy edinitsy v seredine XVII v. [Formation of the Belgorod Category as an Administrative-Territorial Unit in the Middle of the 17th Century]. *Naselenie i territoriya Tsentralnogo Chernozemya i Zapada Rossii v proshlom i nastoyashchem* [Population and Territory of the Central Black Earth Region and the West of Russia in the Past and Present]. Voronezh, Izd-vo VGU, 2000. pp. 116-119.

12. Zagorovskiy V.P. *Belgorodskaya cherta* [Belgorodskaya Line]. Voronezh, Izd-vo VGU, 1968. 304 p.

13. Zagorovskiy V.P. *Istoriya vkhozhdeniya Tsentralnogo Chernozemya v sostav Rossiyskogo gosudarstva v XVI veke* [History of the Entry of the Central Black Earth Region into the Russian State in the 16th Century]. Voronezh, Izd-vo VGU, 1989. 269 p.

14. Zenchenko M.Yu. *Yuzhnoye rossiyskoye porubezhye v kontse XVI – nachale XVII v.* [Southern Russian Border at the End of the 16th – Beginning of the 17th Century]. Moscow, Pamyatniki ist. mysli Publ., 2008. 221 p.

15. Ivanov P.I. Syabry-pomeshchiki [Syabry-Landowners]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya (ZhMNP)* [Journal of the Ministry of Public Education], 1903, Nov., pt. CCCL, pp. 406-442.

16. Kamarauli E.V. Itogi agrarnogo osvoyeniya Tsentralnogo Chernozemya v pervoy treti XVII v. [Results of the Agricultural Development of the Central Black Earth Region in the First Third of the 17th Century]. *Yezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Yevropy 2016 god. Agrarnoye osvoyeniye i demograficheskiye protsessy v Rossii X–XXI vv.* [Yearbook of the Agrarian History of Eastern Europe 2016. Agrarian Development and Demographic Processes in Russia in the 10th – 21st Centuries], 2016, pp. 80-89.

17. Kamarauli E.V. O primenenii norm «zhivushchey chetverti» v period pistsovogo opisaniya Voronezhskogo uyezda v 1627–1629 gg. [On the Application of the Norms of the "Living Quarter" During the Period of Scribal Description of the Voronezh District in 1627–1629]. *Drevnyaya Rus. Voprosy mediyevistiki* [Questions of Medieval Studies], 2018, no. 2 (72), pp. 28-40.

18. Kanishchev V.V., Lyamin S.K. Faktory fraktalnoy modeli vkhozhdeniya zony yuzhnorusskogo frontira v sostav Moskovskogo gosudarstva: novaya versiya [Factors of the Fractal Model of the Entry of the Zone of the South Russian Frontier into the Moscow State: New Version]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Research], 2018, no. 4 (12), pp. 60-74.

19. Lyapin D.A. Landratskiye knigi istoricheskogo regiona Belgorodskoy cherty 1716–1719 gg. [Landrat Books of the Historical Region of the Belgorod Line 1716–1719]. *Vestnik arkhivista* [Bulletin of the Archivist], 2024, no. 1, pp. 43-56.

20. Lyapin D.A. *Na okraine tsarstva: povsednevnaya zhizn naseleniya na Yuge Rossii v XVII v.* [On the Outskirts of the Tsarstvo: Everyday Life of the Population in the South of Russia in the 17th Century]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2020. 416 p.

21. Mizis Yu.A., Kashchenko S.G. Problema formirovaniya russkogo frontira na yuge Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. v otechestvennoy istoriografii [Problem of the Formation of the Russian Frontier in the South of Russia in the 16th – First Half of the 18th Centuries in Russian Historiography]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 2011, no. 1, pp. 9-16.

22. Miklashevsky I.N. *K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva* [On the Economic History of the Moscow State]. Moscow, Tip. D.I. Inozemtseva, 1884. 245 p.

23. Novoselskiy A.A. *Borba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII veka* [Struggle of the Moscow State with the Tatars in the First Half of the 17th Century]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1948. 452 p.

24. Novoselskiy A.A. *Issledovaniya po istorii epokhi feodalizma. Nauchnoye naslediye* [Research on the History of the Era of Feudalism. Scientific Heritage]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 221 p.

25. Opis gorodov 1678 g. [Register of Towns in 1678]. *Dopolneniye k Aktam istoricheskim (DAI). T. 9* [Supplement to Historical Acts. Vol. 9]. Saint Petersburg, Tip. Vtorogo otd-niya sobstv. E.I.V. kantselyarii, 1875. 350 p.

26. Perepisnaja kniga Belgorodskogo uezda 1646 g. [Census Book of the Belgorod District of 1646]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1209, inv. 1, d. 15829. 145 l.

27. Perepisnaja kniga Belgorodskogo uezda 1678 g. [Census Book of the Belgorod District of 1678]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1209, inv. 1, d. 15818. 184 l.

28. Perepisnaja kniga Belgorodskogo uezda 1716 g. [Census Book of the Belgorod District of 1716]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 350, inv. 1, d. 21. 769 l.

29. Glazyev V.N., ed. *Perepisnaya kniga Voronezhskogo uyezda 1646 goda* [Census Book of the Voronezh District of 1646]. Voronezh, Izd-vo VGU, 1998. 208 p.

30. Perepisnaja kniga Voronezhskogo uezda 1678 g. [Census Book of the Voronezh District of 1678]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1209, inv. 1, d. 12286. 227 l.

31. Perepisnaja kniga Voronezhskogo uezda 1716 g. [Census Book of the Voronezh District of 1716]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 350, inv. 1, d. 94, pt. 2. 723 l.

32. Perepisnaja kniga Eleckogo uezda 1678 g. [Scribe Book of Belgorod District 1626]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1209, inv. 1, d. 8830. 214 l.

33. Perepisnaja kniga Eleckogo uezda 1646 g. [Census Book of the Yelets District in 1646]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1209, inv. 1, d. 135. 319 l.

34. Perepisnaja kniga Eleckogo uezda 1716 g. [Census Book of Yelets District 1716]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 350, inv. 1, d. 113. 746 l.

35. Perepisnaja kniga Kozlovskogo uezda 1646 g. [Census Book of Yelets District 1646]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1209, inv. 1, d. 230. 379 l.

36. Perepisnaja kniga Kozlovskogo uezda 1716 g. [Census Book of Kozlovsky District in 1716]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 350, inv. 1, d. 188. 201 l.

37. Piscovaja kniga Belgorodskogo uezda 1626 g. [Census Book of Yelets District 1678]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1209, inv. 1, d. 15817. 229 l.

38. Piscovaja kniga Eleckogo uezda 1628/30 gg. [Scribe Book of Yelets District 1628/30]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1209, inv. 1, d. 132-134. 1304 l.

39. Chepiga G.G. K voprosu o datakh osnovaniya nekotorykh gorodov Donbassa (po dannym istoriografii i pismennym istochnikam) [On the Issue of the Founding Dates of Some Cities of Donbass (According to Historiography and Written Sources)]. *Donetskiye chteniya 2022: obrazovaniye, nauka, innovatsii, kultura i vyzovy sovremennosti* [Donetsk Readings 2022. Education, Science, Innovation, Culture and Challenges of Our Time]. Donetsk, Izd-vo DonNU, 2022, vol. 7, pp. 284-286.

40. Chepiga G.G. Severnyy Donbass v ekonomicheskoy i politicheskoy sisteme Rossiyskogo gosudarstva v XVI–XVII vv. [Northern Donbass in the Economic and Political System of the Russian State in the 16th – 17th Centuries: Yurts, Watchmen, Towns on the Field]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History. Political Science], 2021, no. 1 (48), pp. 132-140.

41. Shamin S.M. Prodvizheniye Rossiyskogo gosudarstva na yug v XVI–XVII stoletiyakh: osvoyeniye «Polya» [Advancement of the Russian State to the South in the 16th – 17th Centuries: Development of the "Field"]. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN* [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences], 2023, no. 17, pp. 10-37.

42. Smith R.E.F., Christian D. *Bread and Salt: A Social and Economic History of Food and Drink in Russia*. Cambridge, Cambridge University Press, 1984. 391 p.

43. Stevens Belkin C. *Soldiers on the Steppe. Army Reform and Social Change in Early Modern Russia*. Dekalb, Northern Illinois University Press, 1995. 240 p.

Information About the Authors

Denis A. Lyapin, Doctor of Sciences (History), Head of the Department of History and Historical and Cultural Heritage, Bunin Yelets State University, Kommunarov St, 28, 399770 Yelets, Russian Federation, Lyapin-denis@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2078-2404

Alena R. Melnikova, Postgraduate Student, Bunin Yelets State University, Kommunarov St, 28, 399770 Yelets, Russian Federation, alna.melnikova.2000@list.ru, https://orcid.org/0009-0002-9602-7963

Информация об авторах

Денис Александрович Ляпин, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, ул. Коммунаров, 28, 399770 г. Елец, Российская Федерация, Lyapin-denis@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2078-2404

Алена Романовна Мельникова, аспирант, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, ул. Коммунаров, 28, 399770 г. Елец, Российская Федерация, alna.melnikova.2000@list.ru, https://orcid.org/0009-0002-9602-7963

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.6

UDC 94(519)
LBC 63.3(5)5

Submitted: 03.05.2023
Accepted: 13.12.2023

YI IK: KOREAN PRACTICAL PHILOSOPHER AND MORALIST OF THE LATE JOSEON PERIOD

Yuri G. Smertin

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article analyzes the ideological and theoretical views of the Korean intellectual, scholar Yi Ik (1681–1763), on modern society and his proposed measures for its improvement. Yi Ik was one of the main pillars of the Sirhak intellectual movement, which became the basis for the profound transformation of Korean society in the 19th century. *Methods and materials.* The research was carried out on the basis of a civilizational approach to the study of history, proceeding from the specifics of cultural and historical societies (in this case, the so-called Confucian civilization covering the countries of East Asia) and the anthropological approach, which considers men as products of their epoch. The main source was Yi Ik's "Songho saseol," ("Miscellaneous Sayings of Songho"). *Analysis.* This work is a collection of thoughts, facts, and commentaries recorded by the author over the course of several decades. It is encyclopedic in nature and includes information on history, military affairs, philosophy, mathematics, astronomy, geography, medicine, agriculture, literature, and music. He was especially interested in the reorganization of Korean society on the basis of humanity and justice. This work was written in Wenyang (kor. Hanmun), the literary Chinese language that was the official script in medieval Korea. "Songho saseol" published in 1970 by Munhwasa publishers in Seoul, is used in this article. The pages are offset photographs and are not numbered. *Results.* The main focus of Yi Ik's writings was agriculture, the backbone of Korea's economy. His economic ideas, which were based on Confucian tenets, were largely idealistic. Other ideas concerning social reforms and the adoption of Western science and technology were in line with the demands of the times and later became the basis for the transformation of Korean society. The main conclusion is that in his scientific and practical work, Yi Ik sought to synthesize the humanitarian Confucian thought and practical knowledge from Western sources.

Key words: "Songho saseol", late Joseon, Seohak (Western learning), Sirhak (Practical learning), Neo-Confucianism, modernization, history of social thought.

Citation. Smertin Yu.G. Yi Ik: Korean Practical Philosopher and Moralist of the Late Joseon Period. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 61-72. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.6

УДК 94(519)
ББК 63.3(5)5

Дата поступления статьи: 03.05.2023
Дата принятия статьи: 13.12.2023

ЛИ ИК: КОРЕЙСКИЙ ПРАКТИЧЕСКИЙ ФИЛОСОФ И МОРАЛИСТ ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО ЧОСОНА

Юрий Григорьевич Смертин

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

© Смертин Ю.Г., 2024

Аннотация. В статье анализируются идейно-теоретические взгляды корейского интеллектуала, ученого Ли Ика (1681–1763) на современное ему общество и предлагавшиеся им меры по его улучшению. Ли Ик был одним из главных столпов интеллектуального движения сирхак, ставшего основой для глубоких преобразований корейского общества в XIX веке. Исследование выполнено на основе цивилизационного подхода к изучению истории, исходящего из специфики культурно-исторических обществ (в данном случае речь идет о так называемой конфуцианской цивилизации, охватывающей страны Восточной Азии), и антропологического подхода, рассматривающего человека в качестве продукта своей эпохи. Главным источником стало произведение Ли Ика «Сонхо сасоль» («Разные высказывания Сонхо»). Этот труд написан на литературном китайском языке *вэньян* (кор. *ханмун*), который был официальной письменностью в средневековой Корее. В данной статье использовано издание «Сонхо сасоль», предпринятое сеульским издательством Мунхваса в 1970 году. Страницы книги представляют собой офсетные фотографии и не имеют нумерации. Особое внимание Ли Ик в своих трудах уделял проблеме сельского хозяйства, основе экономики Кореи. Его экономические идеи, базировавшиеся на конфуцианских постулатах, во-многом носили идеалистический характер. Другие мысли, касающиеся социальных реформ, усвоения западной науки и технологий, вполне отвечали требованиям времени и в дальнейшем стали основой для преобразований корейского общества. Главный вывод заключается в том, что Ли Ик в своей научно-практической деятельности стремился к синтезу гуманитарной конфуцианской мысли и практических знаний, почерпнутых из западных источников.

Ключевые слова: «Сонхо сасоль», поздний Чосон, сохак (западное учение), сирхак (реальные науки), неоконфуцианство, модернизация, история общественной мысли.

Цитирование. Смертин Ю. Г. Ли Ик: корейский практический философ и моралист периода позднего Чосона // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 61–72. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.6

Введение. Изучение жизни и деятельности Ли Ика имеет большое значение для исторической науки. Он был одним из главных столпов интеллектуального движения в Корее в период позднего Чосона (XVII–XIX вв.), ставшего основой для глубоких преобразований корейского общества в XIX веке. Многие исследователи, ищущие истоки современной мысли в этот период, нашли в сочинении Ли Ика фундаментальную критику «средневекового» мировоззрения. Согласно мнению этих ученых, западные научные знания сыграли значительную роль при формировании его мировоззрения [11; 15; 21; 23]. В российской историографии нет работ, посвященных жизни и деятельности Ли Ика, хотя отдельные упоминания о нем содержатся в ряде трудов [7; 8].

Цель исследования – анализ идейно-теоретических взглядов Ли Ика на корейское общество и способы его модернизации. Задачами данной работы являются: во-первых, воссоздание исторической обстановки и духовной атмосферы в Корее в рассматриваемый период; во-вторых, исследование биографии Ли Ика, неотделимой от его общественного положения и деятельности; в-третьих, изучение идей реформатора и выявление их значения для истории Кореи.

Методы и материалы. Работа основывается прежде всего на принципе историзма, в соответствии с которым события и факты рассматриваются в их развитии, взаимной связи, обусловленной эпохой перемен в общественном сознании позднесредневековой Кореи. Применение историко-системного метода позволило рассмотреть взгляды Ли Ика на корейское общество и пути его модернизации в их взаимосвязи с трансформацией общественного сознания под влиянием западных знаний, распространявшихся католическими миссионерами из Китая. Историко-биографический метод позволил реконструировать жизнь и деятельность ученого в контексте политических событий и процессов.

Главным источником стало произведение Ли Ика (литературный псевдоним Сонхо) «Сонхо сасоль» («Разные высказывания Сонхо»). Это собрание мыслей, фактов, комментариев, записанных автором на протяжении нескольких десятилетий. Эта энциклопедическая по характеру работа включает в себя сведения по истории, военному делу, философии, математике, астрономии, географии, медицине, сельскому хозяйству, литературе, музыке. Особое внимание Ли Ика привлекали проблемы переустройства корейского обще-

ства на основах гуманности и справедливости. Труд «Сонхо сасоль» написан на литературном китайском языке *вэньян* (кор. *ханмун*), который был официальной письменностью в средневековой Корее. В статье использовано издание «Сонхо сасоль», предпринятое сеульским издательством Мунхваса в 1970 г. [26]. Страницы книги представляют собой офсетные фотографии и не имеют нумерации.

Анализ. ***Корея в период Позднего Чосона (XVII–XVIII вв.: государство, общество, этос).*** Прежде чем перейти к рассказу о жизни Ли Ика и его идеях, необходимо воссоздать политическую, социально-экономическую обстановку и духовную атмосферу в Корее периода позднего Чосона, определявшую взгляды и деятельность философа.

Корея в рассматриваемый период, как и в предшествующие века, была тесно связана с Китаем общей историей и культурными нормами. Отношения между двумя государствами базировались на принципе *садэ* (почитание старшего), то есть Корея традиционно признавала себя младшим партнером в межгосударственных отношениях, даже несмотря на то что в Китае у власти находилась маньчжурская династия Цин (1644–1912). В Пекин отправлялись посольства с дарами, считавшимися данью вассала, маньчжуры оказывали влияние на внутреннюю политику Чосона. Однако в правление королей Сукчона (1674–1720) и Ёнджо (1724–1776) растет интерес корейских интеллектуалов к истории и культуре своей страны [9, с. 119]. Как полагают многие ученые, именно после прихода к власти маньчжуров, а особенно в конце XVII – начале XVIII в., в Корее появились сомнения в синоцентричной модели мира, возникло ощущение, что Чосон остался единственным хранителем конфуцианских ценностей, «маленьким Китаем» *(сочжунхва*), и это повлияло в дальнейшем на эволюцию общественного сознания [12, p. 150].

В Корее господствующий класс оформился в сословие, получившее название янбаны. Это служилое дворянство делилось на две категории – гражданских (*мунбан*) и военных (*мубан*) чиновников, последние занимали подчиненное положение. На этой основе сложилась довольно устойчивая бюрократическая система, комплектование которой происходило через систему государственных экзаменов (*кваго*), к которым допускались преимущественно дети янбанов, что открывало путь к государственным постам, в том числе и самым высоким [7, с. 346].

Главным элементом государственных экзаменов и идеологией правящей элиты было неоконфуцианство (кор. *соннихак*), интеллектуальное течение, возникшее в Китае периода династии Сун и связанное прежде всего с именем Чжу Си (1130–1200). Он и его последователи провозгласили лозунги «Возвращение к прошлому», «Возвращение к старому порядку» (*фугу*). После социального и духовного кризиса, политических неурядиц конца династии Тан (618–907) возникла и утверждалась идея, что необходимо вернуться к животворным источникам китайской традиции, что конфуцианская классика, от которой отвернулись в Китае в предшествующие века триумфа буддизма, содержит в себе философию, пусть и не выраженную прямо, и если ее извлечь и систематизировать, то она поможет обеспечить социальную гармонию и общественный порядок. Это был поиск объяснений мироздания, который не имел бы ничего общего с иностранной буддийской религией и философией.

Чжу Си систематизировал идеи конфуцианских мыслителей от Конфуция до своих сунских предшественников, переосмыслил и интерпретировал их в соответствии с поставленными целями. В основу своей философии он положил принцип тождественности природного и человеческого устройства, единства морального и космического [16, p. 165]. Основными источниками этих идей стали четыре канонических книги, составленных Конфуцием и его последователями: «*Да сюэ*» («Великое учение»), «*Чжун юн*» («Следование середине»), «*Лунь юй*» («Суждения и беседы») и «*Мэн-цзы*». Вместе с комментариями Чжу Си они стали в последующие века непререкаемой догмой и господствующей идеологией не только в Китае, но и в Корее. Следует отметить, что китайские религии, несмотря на их отрицание неоконфуцианцами, оказали определенное влияние на эту философскую систему. Как отмечает Л.С. Васильев, «...для нужд обновленной и модернизированной интерпретации классиков была необходима новая метафи-

зическая система, которую неоконфуцианцы создали довольно легко, ибо она фактически уже существовала в даосизме и особенно в буддизме» [2, с. 367].

Янбанское сословие в идейном плане было разделено и по принадлежности к той или иной школе неоконфуцианства, и по политическим идеям, и по региональной принадлежности. Все это породило формирование фракций и соперничества между ними за влияние на трон, по поводу назначения чиновников на высокие посты, при определении наследника престола, по вопросам придворного этикета. Каких-то разногласий относительно политического курса между ними не было, поскольку, как считает А.Н. Ланьков, он «отсутствовал как таковой» [4, с. 93].

Раскол в политической и общественной мысли подпитывался также философскими спорами о соотношении двух диалектических начал, лежащих в основе мироздания, – *ли* и *ци* (кор. *ки*). Определение этих понятий, их содержание и соотношение были предметом давних дискуссий среди китайских конфуцианцев [3, с. 164–175]. Чжу Си разработал модель мира, согласно которой *ци* представляет собой жизненную энергию, «действительность», а *ли* – более абстрактные понятия: правила поведения, этикет, социальная иерархия и естественные законы природы. В Корее выдающийся неоконфуцианский философ Ли Хван (1501–1570), опираясь на чжусианскую модель, делал акцент на *ли* как на экзистенциальной силе, определяющей *ки*. Отсюда появился вывод о том, что нравственность человека в конфуцианском смысле и ее реализация является основой процветания государства. Противоположной позиции придерживался известный ученый и социальный реформатор Ли И (1534–1584). Он считал, что *ли*-принципы являются производной от *ли* и делал акцент на более конкретных, имевших материальное воплощение элементах бытия [5, с. 235]. В отличие от Ли Хвана, отстранившегося от политики, Ли И выступал за внедрение конфуцианских ценностей и принципов в государственное управление.

Этими философскими направлениями руководствовались последователи среди образованного сословия и видные ученые, а споры об абстрактных категориях служили дополнительным поводом для фракционной борьбы. Происходило определенное «окостенение» фракционных объединений в жестких идеологических и политических рамках, что предопределяло невозможность взаимных компромиссов и усиливало взаимную враждебность [19, p. 459].

Фракционное соперничество обострилось в 1574 г. и велось вокруг назначений на высшие государственные должности. Возникли две «партии», боровшиеся за своих ставленников: одна, включавшая Ли И, была известна как «Западные», поскольку ее руководители жили в западной части Сеула. Им противостояли «Восточные», вдохновлявшиеся учением Ли Хвана. Эти фракции попеременно делили политический контроль до 1589 г., когда окончательно рассорились по поводу назначения наследника престола. «Восточные» взяли верх, но вскоре возникли внутрифракционные противоречия, и они раскололись на склонных к социальным новациям «Южных», приверженцев философии Ли Хвана, и твердых традиционалистов «Северных», предпочитавших философию Чо Сика (1501–1572), критиковавшего власти с позиций конфуцианской морали [1, с. 89]. Эти фракции попеременно контролировали власть, но в конце XVII в., в правление короля Сукчона, «Западные» оттеснили конкурентов от трона и контролировали власть до середины XIX века.

Многие «южане», потеряв возможность реализации в политике, предпочитали находиться вдали от центра власти, селились в сельских районах и концентрировались на изучении конфуцианской классики, написании литературных и философских произведений, создании политических проектов, содержащих критику сложившейся ситуации; некоторые сочетали эту деятельность с занятием сельским хозяйством [21, p. 11–12]. Ли Ик был самым выдающимся из этих, мыслящих по-новому, людей.

Жизненный путь Ли Ика. Ли Ик (литературный псевдоним Сонхо) родился в 1681 г. на северо-западе провинции Пхёнан в уезде Унсан. Это было место ссылки его отца, занимавшего до этого видные посты в правительстве, но попавшего в опалу из-за принадлежности к отстраненной от власти за год до этого фракции «южан». Он умер через

год после рождения сына. После смерти отца Ли Ик переехал в родной город своей матери Ансан (провинция Кёнги).

Образованием Ли Ика занимался его старший брат Ли Чжам, имевший ученую степень *чинса* (впоследствии он был замучен в тюрьме за несогласие с политикой государства). Ли Ик оказался способным учеником, к тому же в доме было много книг, которые привез их отец, побывавший в Китае в составе дипломатической миссии. Среди них были и переведенные на китайский язык рукописи миссионеров-иезуитов Адама Шалля и Маттео Риччи, стремившихся приобщить Китай к западным наукам [15]. В 1705 г. Ли Ик попытался сдать государственный экзамен, но не был допущен до финальных испытаний. Причина, как считается, была все та же – передававшаяся по наследству принадлежность к опальной фракции [24]. Ли Ик удалился в родную деревню Чхомсонни в уезде Кванджу и продолжил самообразование, изучая китайские классические книги, исторические труды, произведения Чжу Си и его последователей.

В 1727 г. Ли Ику предложили незначительный пост на государственной службе, но он предпочел остаться в родовом поместье и сконцентрироваться на научной и образовательной деятельности [23, p. 38]. Ли был убежден, что все науки должны иметь практическую направленность и служить обществу, а для этого нужно понимать социальную реальность, критически к ней относиться и видеть историческую перспективу. Социально-экономическая и политическая система в стране находилась в состоянии системного кризиса. Он выражался в захвате власти могущественными семейными кланами и маргинализацией значительной части правящего класса; он проявлялся в массовом разорении крестьян, становившихся батраками и бродягами, и мелких и средних торговцев в городах, не выдерживавших конкуренции с оптовыми объединениями. В 1696–1698 гг. в стране разразился небывалый голод, унесший 300 тыс. жизней, за которым последовали эпидемии оспы и проказы, сопровождавшиеся многочисленными жертвами и бунтами бедноты [8, с. 139]. Действительность демонстрировала необходимость кардинальных общественных перемен.

Ли Ик не был одинок в стремлении поставить научные знания на службу обществу для его реформирования на основе конфуцианских ценностей. Значительная часть интеллектуалов приходила к идее изменения всех сторон жизни корейского общества. В этих условиях, в ответ на метафизическое видение человека и общества неоконфуцианством, оказавшимся оторванным от политических и экономических реалий того времени, получает развитие движение *сирхак* (реальные науки), теоретически обосновавшее необходимость кардинальных перемен. Его участниками были в основном ученые из отстраненных от власти фракций. Они выступали за сильную королевскую власть, за улучшение жизни народа, его образование и просвещение, за отмену сословных барьеров, развитие естественных наук, в частности географии и агротехники, за торговый и технологический обмен с другими, в том числе западными странами. Эти люди старались переосмыслить историю Кореи в связи с новыми знаниями о мире. Следует отметить, что власть выступала против новых идей и каких-либо изменений и часто преследовала реформаторов. Поддерживать *сирхак* в те дни означало быть человеком мужественным и убежденным. Такой личностью был Ли Ик, один из столпов этого во многом революционного движения [22, p. 41].

Ли Ик умер в 1763 г. в возрасте 82 лет, оставив после себя богатое интеллектуальное наследие и учеников, прославившихся своей деятельностью и трудами, повлиявшими на историю Кореи.

Взгляды Ли Ика на общество и государство. На становление мировоззрения Ли Ика значительно повлияли взгляды Лю Хёнвона (псевдоним Панге, 1622–1673), одного из первых пропагандистов «практического конфуцианства» (в противовес абстрактному конфуцианству Чжу Си), что подразумевало применение научных знаний для блага государства и общества. Его труд «*Панге сурок*» («Заметки Панге») стал первой работой, продемонстрировавшей эту новую интеллектуальную тенденцию. Лю Хёнвон описывал идеальное государство, в котором крестьяне должны быть обеспечены землей и платить в казну только 1/10 полученного урожая, все подданные равны перед государством,

экзаменационная система открыта для всех, количество чиновников и государственных учреждений оптимизировано под реальные нужды общества [13, p. 376–378]. Разумеется, превратить все эти проекты в реальность шансов не было, но они стали основой для дальнейших интеллектуальных поисков реформаторов, главным образом Ли Ика.

Сонхо, как и некоторые другие интеллектуалы, несомненно испытал влияние так называемого ханьского учения (*хань сюэ*) – влиятельного интеллектуального движения в цинском Китае, ставившего целью отказ от идеалистических и догматических установок учения Чжу Си, возврат к национальному духовному достоянию и отмежевание от иноземных влияний, выразившихся в ассимиляции сунским неоконфуцианством буддийских идей [3, с. 7]. Последователи и пропагандисты *хань сюэ* призывали к изучению оригинальных конфуцианских текстов с комментариями времен эпохи Хань (202 г. до н. э. – 220 г. н. э.) как наиболее соответствующих оригинальным источникам.

Ли Ик выступал за тщательное изучение шести канонических книг: «Пятикнижия» – «*И цзин*» («Книга перемен»), «*Шу цзин*» («Книга истории»), «*Ли цзи*» («Книга ритуалов»), «*Ши цзин*» («Книга поэзии»), «*Чунь цю*» («Весны и осени»), – а также «*Чжоу ли*» («Чжоуские ритуалы»). Эта интеллектуальная деятельность противопоставлялась догматическому следованию в Корее комментариям Чжу Си к неоконфуцианскому «Четверокнижию». Выражение «изучать шесть канонов» стало лозунгом для новой тенденции, противостоящей «вульгарному учению», то есть неоконфуцианской ортодоксии. Идея состояла в том, чтобы изучать старое для понимания нового [22, p. 63]. Хотя в «Пятикнижие» не входило сочинение «Мэн-цзы», многие мысли этого великого философа (372–289 гг. до н. э.) были созвучны взглядам Сонхо, считавшим, что правитель существует для блага народа, но народ не существует для блага правителя. Это утверждение близко к изречению Мэн-цзы; «Дороже всего народ. За ним следуют духи земли и злаков, а правитель дешевле всего. По этой причине Сыном Неба становится тот, кому удается получить расположение народа...» [6, с. 203].

Свои реформаторские идеи Ли Ик изложил в нескольких трудах, главным из которых является «*Сонхо сасоль*» [26]. Это собрание мыслей, фактов, комментариев, ответов на вопросы учеников, записанных автором на протяжении нескольких десятилетий. Оно включает сведения по истории, военному делу, философии, математике, астрономии, географии, медицине, сельскому хозяйству, литературе, музыке. Особое внимание Ли Ика привлекали проблемы переустройства корейского общества на основах гуманности и справедливости. После смерти Сонхо его видный последователь Ан Чонбок (1712–1791) систематизировал обширный материал и составил сочинение «*Сонхо сасоль юсон*». В 1915 г. оно было напечатано в двух томах. Это издание было отредактировано и издано в 1929 г. историком Чон Инбо с его предисловием в пяти томах. В 1967 г. южнокорейское издательство «Кёнхи чхульпанса» опубликовало двухтомник «*Сонхо сасоль*», составленный на основе оригинальных записей, сохранившихся у потомков Ли Ика, и это собрание стало эталонным для последующих переизданий [25]. «*Сонхо сасоль*» состоит из пяти разделов: «*Чхонджи*» («Небо и земля»), «*Манмуль*» («Все сущее»), «*Инса*» («Человеческие дела»), «*Кёнса*» («Класические сочинения и история»), «*Симун*» («Литература»).

Основное внимание Ли Ик уделял проблемам сельского хозяйства, которое считал главной и даже единственной отраслью экономики Кореи, поскольку все богатства создаются за счет земли. Он утверждал, что упадок сельского хозяйства провоцирует прежде всего эгоизм янбанов, стремящихся к безудержному расширению частной собственности на землю. В идеале (а идеалом был Китай) вся земля должна быть государственной, а государство наделяет крестьянские семьи землей и собирает с них налоги, составляющие основную часть казны. Чиновники же в соответствии с рангом получали за службу земельные наделы, с которых кормились. Однако в средневековом Китае эта система вводилась обычно в начале правления новой династии, но в дальнейшем приходила в упадок из-за ослабления центральной власти и роста частного землевладения. В то же время Ли Ик осознавал,

что в Корее, небольшой стране, территория которой на 70 % занята горами, такая система землепользования была невозможна. В Корее, заявлял Ли Ик, государственных земель почти не осталось, так как она занята могущественными семьями, не платящими налогов. Ли Ик отмечал, что влиятельные янбанские семьи владели большим количеством земли, не облагавшейся налогом, а обедневшие крестьяне имели небольшие участки для обработки, разорялись и покидали свои наделы. Его теория земельной реформы выглядела следующим образом. Государство определяет количество земли, необходимое для жизни крестьянской семьи, и закрепляет ее за ней как постоянную собственность. Если по факту этот минимум превышен, то потерять этот «излишек» семья не может. Он предлагал ввести запрет на продажу выделенной государством земли, что поможет сохранить ее и предотвратить захват богатыми людьми, а остальную землю разрешалось продавать и покупать, что будет способствовать ее равномерному распределению [27]. Как видно, он не собирался отнимать землю у янбанов, а только намеревался ограничить их аппетиты и, может быть, несколько урезать земельную собственность магнатов.

Кроме свободных крестьян в Корее были и лично зависимые крестьяне – *ноби*. Ли Ик резко выступал против крепостнической по сути системы, называя ее одним из главных зол, «как моль, поедающих государство». Он подвергал критике наследственный характер этого статуса, передававшегося по материнской линии через поколения, и сетовал, что эти люди, какими бы выдающимися способностями они ни обладали, не могли внести свой вклад в жизнь страны. К тому же *ноби* подвергались жестокому обращению со стороны землевладельцев, относившихся к ним как к «собственному скоту» [27]. Призывая к гуманному отношению к этому угнетенному сословию, Ли Ик действовал личным примером. Он посетил могилу своего умершего *ноби*, преподнес ему вино и фрукты в знак благодарности за проделанную работу и зачитал письмо с соболезнованиями, молясь о покое его души. Когда эта новость распространилась, многие ученые выступили с критикой в его адрес [23, p. 41].

Утверждая, что сельское хозяйство является основой государства, Ли Ик считал ремесло фактором, ее разрушающим. Аргументация была следующей: ремесло приносит ремесленникам прибыль, во много раз превышающую доходы крестьян; последние могут отказаться от земледелия ради большей прибыли, и сельское хозяйство будет разрушено. Если богатые люди не будут покупать и использовать ремесленные изделия, то эта отрасль естественным образом исчезнет и будет развиваться дух бережливости. Он полагал, что подъем или падение государства зависит от того, стремится ли народ к роскоши или ведет бережливый образ жизни. В этой связи Ли Ик критиковал королевский двор за безудержную роскошь и выступал за экономию государственных средств. Он указывал на чрезмерно большое количество придворных дам и евнухов. В то время ко двору были приписаны 335 евнухов и 684 дамы, получавшие ежегодное жалование рисом в размере 1 430 сомов (примерно 21,5 т) [27].

Ли Ик отрицательно относился к денежной экономике, полагая, что она делает богатых людей богаче, а бедных – беднее. Поэтому он призывал к отказу от валюты как средства обмена. Вред денег он видел прежде всего в том, что они способствуют росту потребления и стремлению к роскоши, поддерживают ростовщичество, причиняющее людям страдания, стимулируют отрасли, приносящие большую прибыль, что приводит к разорению сельского хозяйства. Ли Ик считал, что, поскольку монеты имеют небольшой размер и вес, их легко использовать при подкупе чиновников, а также легко украсть, что порождает воровство [27]. Вместо валюты он предлагал использовать ткани и зерно.

Безделье Ли Ик считал еще одним злом, разлагающим страну, и в большой степени этому способствовала существовавшая экзаменационная система. Экзамен для претендентов на государственные должности включал проверку знания конфуцианской классики и китайской литературы, а также написание сочинения на литературном китайском языке, включавшем сочиненные стихи, изложение «Пятикнижия» и комментарии Чжу Си к «Четверокнижию». Успешные кандидаты, говорил Ли Ик, определялись еще до начала испытаний, и это были

сыновья высокопоставленных чиновников. В этих условиях молодой человек из крестьянской семьи, обладавший необходимыми знаниями, не имел шансов. В результате те, кто отвечал за государственное управление, были плохо информированы о реальном положении дел в стране [27].

По словам Ли Ика, многие люди отказываются от своей профессии и даже продают свою усадьбу только для того, чтобы сдать экзамен. Успешно сдав его, человек становится надменным, его роскошь не знает предела, а жадность удовлетворяется за счет эксплуатации людей. Под его защиту стекаются не только собственные родственники, но и родственники его жены, все они бездельничают, презирают труд и живут на награбленное у людей. Они считают земледелие позором, поэтому урожаи снижаются из года в год [27]. Чтобы устранить эти порочные практики, Ли Ик предложил реформировать систему государственных экзаменов на государственную службу. Каждые шесть лет местные отборочные комиссии по всей стране должны рекомендовать 27 кандидатов, независимо от их социального происхождения. В целях повышения шансов для выходцев из сельских районов в экзаменационной комиссии должен быть специальный отдел для их испытаний. Такой протекционизм Ли Ик объяснял тем, что столица – это худшее место для жизни, где жители привыкли жить мошенничеством, а сыновья легко вырождаются [27].

Трудолюбие и бережливость для Ли Ика тесно связаны с нравственностью и контролем страстей, он выступал за запрет вина, сам воздерживался от него и призывал к этому своих учеников. Ли Ик был яростным противником курения табака, который попал в Корею во время японского вторжения на полуостров в конце XVI в. (японцев познакомили с ним португальцы), и затем вредная привычка широко распространилась среди всех слоев населения). Он писал, что курение ускоряет процесс старения, делает людей беднее, а поиск и покупка табака отрывает людей от работы. «Если перенести эти усилия на учебу, то можно стать великим ученым; если перенести их на литературное творчество, то можно стать плодовитым писателем; а если перенести их на заботу о своем хозяйстве, то можно стать богатым человеком» [28].

Будучи не только практическим философом, но и глубоким моралистом, Ли Ик не мог не затронуть сферу половых отношений. Его возмущало то, что мужчины вступали в незаконную связь с чужими женами, несмотря на наличие собственных жен и наложниц, а когда их жены старели, заменяли их на молодых женщин. Единственной ценностью брака он считал рождение сыновей, которые должны совершать обряды поминовения предков, что при выборе спутницы жизни не нужно руководствоваться внешней красотой женщины [28].

Ли Ик настаивал на ограничении количества буддийских храмов, монахов и монахинь. Священнослужители освобождались от налогов, трудовой и воинской повинностей, и число их в период династии Ли постоянно возрастало, что также было следствием тяжелого экономического положения народа. Стало обычным, когда семья, имевшая трех сыновей, отправляла одного из них в монастырь. Ли Ик считал, что монахи не приносят никакой пользы государству и называл их одним из зол страны [27]. Такое отношение к буддизму было характерно для всех неоконфуцианских интеллектуалов.

Влияние западной науки на мировоззрение Ли Ика. Ли Ик был сторонником активного процесса познания мира через постоянное накопление новых знаний. Он говорил: «Лучше уж постигнуть то, что не постигнуто, чем оставлять его в нетронутом виде; лучше уж разобраться в том, что неясно, чем оставаться вовсе в неведении; лучше уж сделать что-то еще не сделанное, чем быть непоследовательным или все забросить. В этом и заключается развитие» (цит. по: [10, с. 229]).

Многие идеи Ли Ика перекликаются с так называемым западным учением (кор. *сохак*, кит. *си сюэ*), распространившимся в XVII–XVIII вв. из цинского Китая. Оно подразумевало изучение западной культуры, включая философию, религию, этику, науку и технику. Этот интерес в Китае подогревался католическими миссионерами-иезуитами и был связан с осознанием элитой отставания от Запада в науке и технологиях и желанием получить через европейцев новые знания. В Корее в это время миссионеров еще не было; первый католический священник прибыл из португальского Макао в Сеул только в

1794 году. Однако западные идеи проникали через привозимые корейскими интеллектуалами и первыми христианами, обращенными в Срединной империи, китайские переводы католического катехизиса и переведенные на китайский язык работы иезуитов. Ро Санхе характеризует эти процессы как «первую волну глобализации, достигшую страны [Кореи], и ее последствия... можно обнаружить в интеллектуальной сфере» [20, p. XI]. Под влиянием западной учености некоторые корейские ученые стали ставить под сомнение доминирующую метафизическую парадигму, жестко связывавшую физический мир с универсальным моральным принципом-*ли*, и предлагали исследовать этот мир через использование эмпирических методов.

Ли Ик ценил «западное учение» на практическом уровне и хотел использовать его для обеспечения людей средствами к существованию. Он также рассматривал *сохак* как новый интеллектуальный ресурс, который расширит границы конфуцианства и обеспечит прочную основу для развития Чосона как цивилизованного государства. Такое отношение к западным знаниям естественным образом повлияло на его учеников, таких как Син Худам (1702–1761), Ан Чонбок (1712–1791), Квон Чхольсин (1736–1801), Ли Гахван (1742–1801). Среди ученых следующего поколения следует назвать Ли Бёка (1754–1786), братьев Чон – Якчёна (1758–1816) и Якчона (1760–1801), а также Чон Ягёна (псевдоним Тасан, 1762–1836), ученого-энциклопедиста, величайшего мыслителя и одного из интеллектуальных столпов движения сирхак [14, p. 199–200].

Ли Ик, как это видно из некоторых его писем и работ, был знаком с деятельностью христианских миссионеров и распространявшимися ими идеями, в частности с работой Маттео Риччи «Подлинный смысл Небесного Господа» (*Тяньчжу шии*), опубликованной в Пекине в 1603 году. В ней автор, настаивая на духовном родстве европейцев и китайцев, проводил параллели между христианским Богом и китайским Шанди (Владыкой Неба). Ли Ик в основном соглашался с этим утверждением, но отвергал западные религиозные доктрины, противоречившие конфуцианским догматам, в частности христианские концепции ада и рая, природы Христа и т. п. [11, p. 116, 119]. Но к самим иезуитским священникам и их деятельности он относился весьма положительно. В письме ученику Син Худаму он писал: «Хотя западные страны находятся на расстоянии более восьмидесяти тысяч ли от Китая, все эти священники-иезуиты проплыли такое большое расстояние с целью спасти мир. <...> Приехав в Китай, они не преклонялись перед государственными вельможами и не принимали императорских щедрот, а наставляли общество, оставаясь при этом непоколебимыми на своем пути. Я пришел к мысли, что грандиозность их цели и широта их мышления достаточны для того, чтобы преодолеть скупость, вульгарность и узость мышления» (цит. по: [11, p. 116]). Главную пользу от деятельности иезуитов Ли Ик видел в распространении западных наук и технологий. Он сам способствовал этому процессу в Корее, изучал «западные карты» мира, запрещенные властями, но ставшие важной частью культурной жизни образованных людей в Корее [18, p. 282].

Под впечатлением западных знаний Ли Ик в «*Сонхо сасоль*» в форме коротких эссе изложил новые для конфуцианской космологии взгляды. Он утверждал, что Земля имеет форму шара и вращается вокруг оси, Луна светит отраженным солнечным светом, существуют силы тяготения, удерживающие предметы на поверхности Земли и т. п. Кроме того, он дал научное объяснение землетрясений, осадков, колебаний температуры и пр. [28]. Это были совершенно новые знания для Кореи, следовавшей китайской идее о том, что все природные катаклизмы – это знаки, которые посылает Небо в случае неправедного императорского правления.

Ли Ик подверг сомнению и синоцетричную картину мира, согласно которой Китай был проекцией Неба на Землю и потому назывался «Поднебесной» (*Тяньця*). Эта монополия на Небо была построена на вере в то, что Китай – единственное место в мире, где Небо открыло свое предписание китайским мудрецам, которые, в свою очередь, положили начало цивилизации, основанной на так называемом небесном принципе (*тянь ли*). Под впечатлением от западных географических знаний Ли Ик сомневался, что все небеса могут законно соответствовать Китаю, который был не более чем «маленькой частью великой Земли»

[17, p. 48]. Однако принятие западной науки не заставило его отказаться от традиционного мировоззрения. Он использовал западную астрономическую модель как ресурс для придания китайской астрологии рациональной основы. Хотя статус Китая был несколько принижен в его новой картине мира, он по-прежнему в его системе оставался самой могущественной и процветающей страной, центром Земли, вокруг которой вращалась Вселенная (иезуиты распространяли аристотелевскую космологию, переработанную датским астрономом Тихо Браге во второй половине XVI в.; гелиоцентрическая система Галилея была осуждена церковью в 1636 г.). Потребуется еще одно столетие, чтобы китайская астрология окончательно уступила в Корее место современной западной астрономии.

В целом Ли Ик сохранял избирательную позицию ко всем аспектам *сохак* (западного учения). Он не мог легко отказаться от усвоенных ранее знаний и стандартов, которые были частью многовековой культурной традиции. Новые идеи он пытался вписать в конфуцианскую парадигму и создать синтез различных ценностей. Такая амбивалентность привела к идеологическому расколу школы Сонхо после смерти учителя. Она разделилась на две группы: более молодые последователи – Квон Чхольсин, Ли Гахван и др. – безоговорочно встали на сторону «западного учения», некоторые приняли католицизм; старшая группа, куда входили Син Худам и Ан Чонбок, в условиях гонения на западные идеи выступали за обновление неоконфуцианства, гарантирующего, по их мнению, общественный порядок и нравственное воспитание личности [14, p. 200]. Все они в той или иной степени готовили почву для кардинальных реформ конца XIX в., получивших в историографии название «реформы года кабо».

Результаты. Ли Ик был человеком своего времени, характерной чертой которого стал поиск путей модернизации корейского общества на основе синтеза западной науки и конфуцианских ценностей, ориентированных на гармонию и справедливость. В отличие от других ученых, склонных к схоластическому философствованию, его идеи базировались на конкретных практических данных.

Сонхо стал одним из идейных лидеров движения сирхак, расставлявшего приоритеты в задачах, решение которых необходимо для реформирования социальной и экономической системы. Ли Ик серьезно интересовался западными знаниями, в частности наукой и католицизмом, имевшими значительное влияние на Корею в XVIII веке. Он также отказался от традиционной установки на превосходство китайской культуры над культурой некитайских народов и сопутствующей ей теории китаизации «варваров». Он видел в католицизме некоторые идеи, способные усилить конфуцианскую этику, но критически подходил к западной религии.

Ли Ик – личность, глубоко уважаемая в современной Корее. В 1967 г. в Ансане, рядом с его могилой, был возведен монумент и открыт музей, посвященный жизни и деятельности этого великого человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андронова Л. А. «Партии» в традиционной Корее: истоки и эволюция // Вестник Томского университета. 2010. № 341. С. 87–90.

2. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Вост. лит., 2001. 488 с.

3. Кобзев А. И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Вост. лит., 2002. 606 с.

4. Ланьков А. Н. Политическая борьба в Корее XVI–XVIII вв. СПб.: Петерб. востоковедение, 1995. 195 с.

5. Ли Ги Бэк. История Кореи. Новая трактовка. М.: Первое Марта, 2000. 464 с.

6. Мэн-цзы / пер. с кит. В. С. Колоколова. СПб.: Петерб. востоковедение, 1999. 262 с.

7. Тихонов В. М. История Кореи. В 2 т. Т. 1. С древнейших времен до 1876 года. М.: Муравей, 2003. 461 с.

8. Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи. В 2 т. Т. 1. С древнейших времен до 1904 г. М.: Наталис, 2011. 739 с. URL: https://litvek.com/book-read/398019-kniga-vladimir-mihaylovich-tihonov-istoriya-korei-tom-1-s-drevneyshih-vremen-do-1904-g-chitat-online?p=139

9. Чеснокова Н. А. Дипломатия на грани фола: «верность», «долг» и «садэ» в Корее в XVII–XVIII вв. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017. № 2. С. 114–122.

10. Чон Чин Сок, Чон Сон Чхоль, Ким Чхан Вон. История корейской философии. М.: Прогресс, 1966. 415 с.

11. Choi Jeong-yeon. Reassessment of the Late Joseon Neo-Confucian Scholar Yi Ik's Attitude Toward Western Learning: With a Focus on His Perception of the Lord of Heaven // Korea Journal. 2016. Vol. 56, №2. P. 111–133.

12. Eckert C. J., Lee Ki-baik, Lew Y. I., Robinson M., Wagner E. W. Korea Old and New. A History. Seoul: Korea Institute, 1990. 454 p.

13. Kang Jae-eun. The Land of Scholars: Two Thousands of Korean Confucianism. N. Y.: Homa & Sekey Books, 2006. 515 p.

14. Kim Seonhee. The Challenge of Western Learning as Heterodoxy: Re-reading the Songho School's Controversies and Conflicts over Western Learning in Choson // Acta Koreana. 2016. Vol. 19, no. 2. P. 193–216.

15. Kim Seonhee. Seongho. Yi Ik's New Approach to Zhijue 知覺 and Weifa 未發: Stimulation by Western Learning and the Expansion of Confucianism // Religions. 2023. No. 14. URL: https://www.mdpi.com/journal/religions

16. Lidén J. Buddhist and Daoist Influences on Neo-Confucian Thinkers and Their Claim of Orthodoxy // Orientalia Suecana. 2011. Vol. LX. P. 163–184.

17. Lim Jongtae. The Introduction of Western Science and the Rationalization of Traditional Astrology: Reevaluating Yi Ik's "On Field-allocation" // Seoul Journal of Korean Studies. 2004. Vol. 1. P. 45–65.

18. Lim Jongtae. Matteo Ricci's World Maps in Late Joseon Dynasty // The Korean Journal for the History of Science. 2011. № 33. P. 277–296.

19. Palais J. D. Confucianism and the Aristocratic/Bureaucratic Balance in Korea // Harward Journal of Asiatic Studies. 1984. Vol. 44, № 2. P. 427–468.

20. Ro Sang-ho. Neo Confucianism and Science in Korea: Humanity and Nature. Abingon: Routledge, 2023. 234 p.

21. Seoh M. S. Yi Ik 李瀷 (1682–1763): An Eighteenth-Century Korean Intellectual // Journal of Korean Studies. 1969. Vol. 1, № 1. P. 9–22.

22. Setton M. Factional Politics and Philosophical Development in the Late Choson // Journal of Korean Studies, 1992, Vol. 8. P. 37–80.

23. Song Chu-Yong. Practical Learning of Yi Ik // Korea Journal. 1972. Vol. 1–2, № 3. P. 38–45.

24. 이익. URL: https://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0045562

25. 성호사설. URL: https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0029698

26. 李瀷. 星湖先生僿說. 1–2 권. 서울: 문화사, 1970.

27. 李瀷. 天地門 // 李瀷.星湖先生僿說. 1권. 서울: 문화사, 1970.

28. 李瀷. 萬物門 // 李瀷. 星湖先生僿說. 1 권. 서울: 문화사, 1970.

REFERENCES

1. Andronova L.A. «Partii» v tradicionnoj Koree: istoki i evolyuciya ["Parties" in Traditional Korea: Origins and Evolution]. *Vestnik Tomskogo universiteta* [Vestnik of Tomsk University], 2010, no. 341, pp. 87-90.

2. Vasilyev L.S. *Kulty, religii, tradicii v Kitae* [Cults, Religions and Traditions in China]. Moscow, Vost. lit. Publ., 2001. 488 p.

3. Kobzev A.I. *Filosofiya kitajskogo neokonfucianstva* [Philosophy of Chinese Neo-Confucianism]. Moscow, Vost. lit. Publ., 2002. 606 p.

4. Lankov A.N. *Politicheskaya borba v Koree XVI–XVIII vv.* [Political Struggle in 16th – 18th Century Korea]. Saint Petersburg, Peterb. vostokovedenie Publ., 1995. 195 p.

5. Li Gi Bek. *Istoriya Korei. Novaya traktovka* [History of Korea. New Interpretation]. Moscow, Pervoe Marta Publ., 2000. 464 p.

6. *Men-czy* [Mengzi]. Saint Petersburg, Peterb. vostokovedenie Publ., 1999. 262 p.

7. Tihonov V.M. *Istoriya Korei. V 2 t. T. 1. S drevnejshih vremen do 1876 goda* [History of Korea. In 2 Vols. Vol. 1. From Ancient Times to 1876]. Moscow, Muravej Publ., 2003. 461 p.

8. Tihonov V.M., Kan Mangil. *Istoriya Korei. V 2 t. T. 1. S drevnejshih vremen do 1904 g.* [History of Korea. In 2 Vols. Vol. 1. From Ancient Times to 1904]. Moscow, Natalis Publ., 2011. 739 p. URL: https://litvek.com/book-read/398019-kniga-vladimir-mihaylovich-tihonov-istoriya-korei-tom-1-s-drevneyshih-vremen-do-1904-g-chitat-online?p=139

9. Chesnokova N.A. Diplomatiya na grani fola: «vernost», «dolg» i «sade» v Koree v XVII–XVIII vv. [On the Rough Edges of Diplomacy. "Loyalty", "Debt" and "Sadae" in the 17th – 18th Centuries in Korea]. *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya»* [RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations"], 2017, no. 2, pp. 114-122.

10. Chon Chin Sok, Chon Son Chkol, Kim Chkan Von. *Istoriya korejskoj filosofii* [History of Korean Philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1966. 415 p.

11. Choi Jeong-yeon. Reassessment of the Late Joseon Neo-Confucian Scholar Yi Ik's Attitude Toward Western Learning: With a Focus on His Perception of the Lord of Heaven. *Korea Journal*, 2016, vol. 56, no. 2, pp. 111-133.

12. Eckert C.J., Lee Ki-baik, Lew Y.I., Robinson M., Wagner E.W. *Korea Old and New. A History*. Seoul, Korea Institute, 1990. 454 p.

13. Kang Jae-eun. *The Land of Scholars: Two Thousands of Korean Confucianism*. New York, Homa & Sekey Books, 2006. 515 p.

14. Kim Seonhee. The Challenge of Western Learning as Heterodoxy: Re-reading the Songho School's Controversies and Conflicts over Western Learning in Choson. *Acta Koreana*, 2016, vol. 19, no. 2, pp. 193-216.

15. Kim Seonhee. Seongho. Yi Ik's New Approach to Zhijue and Weifa: Stimulation by Western Learning and the Expansion of Confucianism. *Religions*, 2023, no. 14. URL: https://www.mdpi.com/journal/religions

16. Lidén J. Buddhist and Daoist Influences on Neo-Confucian Thinkers and their Claim of Orthodoxy. *Orientalia Suecana*, 2011, vol. LX, pp. 163-184.

17. Lim Jongtae. The Introduction of Western Science and the Rationalization of Traditional Astrology: Reevaluating Yi Ik's "On Field-Allocation". *Seoul Journal of Korean Studies*, 2004, vol. 1, pp. 45-65.

18. Lim Jongtae. Matteo Ricci's World Maps in Late Joseon Dynasty. *The Korean Journal for the History of Science*, 2011, no. 33, pp. 277-296.

19. Palais J.D. Confucianism and the Aristocratic/Bureaucratic Balance in Korea. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 1984, vol. 44, no. 2, pp. 427-468.

20. Ro Sang-ho. *Neo Confucianism and Science in Korea: Humanity and Nature*. Abingon, Routledge, 2023. 234 p.

21. Seoh M.S. Yi Ik (1682–1763): An Eighteenth-Century Korean Intellectual. *Journal of Korean Studies*, 1969, vol. 1, no. 1, pp. 9-22.

22. Setton M. Factional Politics and Philosophical Development in the Late Choson. *Journal of Korean Studies*, 1992, vol. 8, pp. 37-80.

23. Song Chu-Yong. Practical Learning of Yi Ik. *Korea Journal*, 1972, vol. 1-2, no. 3, pp. 38-45.

24. *Yi Ik*. URL: https://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0045562

25. *Songho saseol*. URL: https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0029698

26. Yi Ik. *Xinghu xiansheng sai shuo*. 1-2 guon. Seoul, Munhwasa, 1970.

27. Yi Ik. Tiandi men. *Xinghu xiansheng sai shuo.* 1 goun. Seoul, Munhwasa, 1970.

28. Yi Ik. Wanwu men. *Xinghu xiansheng sai shuo.* 1 goun. Seoul, Munhwasa, 1970.

Information About the Author

Yuri G. Smertin, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Foreign Regional and Oriental Studies, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, usmer@hotmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0432-0197

Информация об авторе

Юрий Григорьевич Смертин, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, usmer@hotmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0432-0197

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.7

UDC 398.1(=511.13)
LBC 63.521(=664.22)-7

Submitted: 13.11.2023
Accepted: 08.02.2024

KOMI-PERMIAN VIEWS ON THE CHARACTERS OF LEGENDS YUKSYA, PUKSYA, CHADZ AND BACH

Tatiana G. Goleva

Institute of Humanitarian Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences – branch of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The images of the characters of historical legends are part of folk knowledge and ideas about the past. The aim of the article is to identify the features of the Komi-Permian legends' heroes Yuksya, Puksya, Chadz, and Bach and the factors that influenced their folding. *Methods and materials.* The research is based on the methods of description, comparison, and generalization of data, as well as structural and semantic analysis. The sources are published folklore texts and materials, which were obtained during field research at the beginning of the 21st century. *Analysis.* The collective designation of heroes (chud, old people, and heroes), the description of their activities, and association with other characters – all this reveals characters' image. Different versions of the historical role of the characters fit into a concept about the glorious heroes of the past. Additional features of the heroes are revealed in the folk memorial tradition. *Results.* Four characters are presented as pioneers and founders of local history. They were strong, resisted strangers, and loved to have fun. They stand out for their joint activities. These features developed due to folklore patterns of text development and folk customs. Geographical objects (settlements and places of worship) have important conditions in the formation and preservation of the image of characters. The mention of memorial customs in folklore texts is an important condition for the transmission of tradition and indicates the connection of heroes with places of worship. *Funding.* The research was carried out in the framework of the state theme "Ethnocultural processes in the center of Eurasia: archeology and ethnography of the Urals," no. 124021500047-2.

Key words: Komi-Permyaks, historical legends, local legends, ancestor image, ancestor worship.

Citation. Goleva T.G. Komi-Permian Views on the Characters of Legends Yuksya, Puksya, Chadz and Bach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 73-84. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.7

УДК 398.1(=511.13)
ББК 63.521(=664.22)-7

Дата поступления статьи: 13.11.2023
Дата принятия статьи: 08.02.2024

ПЕРСОНАЖИ ПРЕДАНИЙ ЮКСЯ, ПУКСЯ, ЧАДЗ И БАЧ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КОМИ-ПЕРМЯКОВ

Татьяна Геннадьевна Голева

Институт гуманитарных исследований Уральского отделения РАН – филиал Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, г. Пермь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Образы персонажей исторических преданий – это часть народных знаний и представлений о прошлом. В настоящей статье определяются характерные черты героев коми-пермяцких преданий Юкся, Пукся, Чадз и Бач и факторы, которые повлияли на их складывание. *Методы и материалы.* Исследование строится на методах описания, сравнения и обобщения данных, структурно-семантическом анализе. Источниками служат опубликованные фольклорные тексты и материалы, полученные в ходе полевых изысканий начала XXI века. *Анализ.* Характеристика героев раскрывается в их собирательных обозначениях (чудь, старый народ, богатыри), описании их деятельности, при объединении в сюжете с другими персонажами. Разные роли персонажей в текстах свидетельствуют о народной фантазии, но одновременно все они соответствуют общим принципам построения образа героя прошлых веков. Дополнительные черты

© Голева Т.Г., 2024

героев раскрываются в народной поминальной традиции. Следами их деятельности считаются не только топонимы, но и рельефные особенности культовых мест, старые деревья. *Результаты.* Юкся, Пукся, Чадз и Бач представляются первожителями и зачинателями локальной истории. Они ведущие лица прошлого края, обладающие могучей силой, не поддающиеся чужакам и любящие повеселиться. Выделяются своей совместной деятельностью и сплоченностью. Складывание обозначенных черт обусловлено фольклорными закономерностями развития текстов и народными обычаями. Важными условиями в формировании и сохранении образа персонажей имеют географические объекты: населенные пункты, культовые места. Упоминание причин возникновения поминальных обычаев в фольклорных текстах является важным условием передачи народной традиции и указывает на связь героев с культовыми местами. *Финансирование*. Текст подготовлен в рамках государственной темы «Этнокультурные процессы в центре Евразии: археология и этнография Урала», № 124021500047-2.

Ключевые слова: коми-пермяки, исторические предания, топонимические предания, образ предка, культ предков.

Цитирование. Голева Т. Г. Персонажи преданий Юкся, Пукся, Чадз и Бач в представлениях коми-пермяков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 73–84. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.7

Введение. Народные тексты исторического содержания у коми-пермяков нередко повествуют о деятельности того или иного героя. В коми-пермяцкой фольклористике еще с советского времени особое внимание уделялось изучению образов эпических героев Кудым-Оша и Перы-богатыря [12; 22; 23], рассказы о которых имеют развернутые описания и несколько сюжетных линий. Сведения о других легендарных лицах в устной прозе зачастую лаконичны, в научных изысканиях они рассматриваются обычно в комплексе с другими примерами о народной традиции [13, с. 145–147]. К последней категории можно отнести повествования о *Юкся*, *Пукся*, *Чадз* и *Бач*. Однако наличие вариантов текстов о данных героях, записанных в разные годы, позволяет сделать более подробный анализ народных представлений. Цель исследования – определить характерные черты героев народных преданий как части этнических представлений о прошлых жителях края, выявить факторы, повлиявшие на их складывание и бытование текстов.

Методы и материалы. Исследование строится на описательном методе, сравнении и обобщении данных, структурно-семантическом анализе. В работе анализируются варианты идентификации персонажей, определяются их характерные качества, которые позволяют судить об образе первожителей у коми-пермяков. Обозначение связи преданий с ритуальными традициями и историческими реалиями помогает определить причины их складывания и бытования до настоящего времени.

В статье использованы тексты народных повествований, в которых называются имена героев: Юкся, Пукся, Чадз, Бач. Часть данных произведений опубликована [10, с. 205–206; 15; 21, с. 31, 45; 25, с. 106, 129–130]. В анализ включены архивные материалы Л.С. Грибовой 1960-х гг. и полевые фольклорные и этнографические данные, собранные автором статьи и участниками совместных экспедиций с 1999 по 2012 год. Данные полевых исследований представляют собой рассказы, полученные примерно от 20 человек, в которых речь идет об истории населенных пунктов, происхождении их названий, о местной поминальной обрядности и мантическом ритуале *черешлан*. Один из текстов, записанный в рамках совместной экспедиции с Пермской региональной общественной организацией «КАМВА», опубликован в фольклорном сборнике [1, с. 28–29].

Анализ. В народных текстах чаще звучат имена всех четырех персонажей, реже – три или одно. Они обычно называются в следующем порядке: Юкся, Пукся, Чадз, Бач (редко – Бадз); иногда наоборот: Чадз, Бач, Юкся, Пукся. Разница между первым и вторым вариантами перечислений в некоторых случаях объясняется местом проживания человека, который транслирует текст: имя, близкое к его населенному пункту, может звучать раньше. Порядок называния – это структурированная, ритмичная форма, которая является признаком народного творчества, свидетельством того, что народ сочетал имена между собой на основе их звучания. При со-

отношении данных перечислений с отдельными повествовательными мотивами оказывается, что Юкся считается либо старшим из всех, либо зачинателем действий.

Имена героев обращают на себя внимание еще вариативностью их произношения и написания. Первые два имени часто, остальные реже произносятся с окончанием -и (Юкси, Пукси, Чадзи, Бачи), что не встречается при обозначении других коми-пермяцких персонажей. Появление окончания -и можно объяснить этимологией антропонимов или топонимов, если их основа изначально имела данную форму [1]. Другой вариант появления окончания, актуальный для поздней традиции, – это использование русскоязычных ритуальных текстов, в которых окончание может являться формой множественного числа. В таком случае антропонимы называют группу лиц: семью, род, сообщество. У имен Чадз и Бадз на конце произносится аффрикат -дз, который иногда заменяется на -ч. Бач единственный раз назван Батя, а Чадз – Ачи. Появление приведенных вариантов может свидетельствовать о языковых процессах, постепенном забвении сюжетов преданий и влиянии русского языка (например, Ачи, Бачи созвучно атыбаты).

Героев преданий называют «старые люди» (*важ отир*), то есть прежние поколения или прежнее население этих мест. Синонимичным этому определению является обозначение их чудским народом [19, с. 45], так как одно из значений понятия «чудь» (*чучкие*) у коми-пермяков – это прежние жители, после которых остались древние поселения, могильники и различные артефакты. Этническая принадлежность чуди коми-пермяками определяется двояко: народ, обитавший в крае до прихода комиязычного населения, или, наоборот, предки коми-пермяков [18; 30]. В текстах преданий не уточняется генетическая или этническая связь Юкся, Пукся, Чадз и Бач с современными жителями названных населенных пунктов, хотя в начале XX в. местное население называло их своими «дедушками» [5, с. 295]. В преданиях описываемые события преподносятся как часть своей локальной истории. С другой стороны, со смертью персонажей, считается, завершается история чуди. Эта амбивалентность прослеживается и в ритуальном комплексе: коми-пермяки считают себя обязанными поминать героев преданий, но поминки проводят в субботу, а не в четверг (Семик) – день поминовения своих родителей. Идентификация или обозначение связи героев преданий с чудью является типичной чертой фольклорной традиции коми-пермяков, похожие мотивы присутствуют и в других текстах. Такая идентификация героев маркирует их как древнее, ушедшее поколение и позволяет включать в нарративы о них фольклорные мотивы о чуди. Отметим, что в современных текстах непосредственное обозначение персонажей *чучки народ* встречается редко. В отдельных повествованиях Юкся, Пукся, Чадз и Бач называются изначально неместными, пришлыми людьми, что в определенной степени можно противопоставить коренной чуди: *Я когда-то слышала, когда-то Чадз, Бач, Юкси, Пукси какие-то приезжие, что ли, какие-то нерусские...* [24]. Мотив прихода героев из другого места является удобным художественным приемом для зачина истории, и это обстоятельство отчасти объясняет их расселение с целью поиска лучших мест.

Один из распространенных сюжетов преданий – это основание героями новых поселений. Они считаются первопоселенцами конкретных деревень и сел, которые были названы по их именам: село Юксеево Кочевского района, село Пуксиб, деревни Чазево и Бачманово Косинского района Коми-Пермяцкого округа. Все названные пункты известны по первым переписным документам Перми Великой: Юксеево – с 1579 г., остальные – с 1623 г. (Пуксиб еще под названием Нестерова). Поселения разно отдалены друг от друга. Если выстроить прямой линейный маршрут Юксеево – Чазево – Бачманово – Пуксиб, то между ними будет примерно следующее расстояние: 12, 8, 22 км. В начале XVII в. на этом маршруте они были единственными поселениями в округе, уже позднее рядом с ними появились новые деревушки. Утверждение о наименовании мест поселений по именам первых жителей частично имеет исторические основания, что ранее уже отмечали исследователи. Имена двух персонажей (Чадз и Бач) соотносятся с антропонимами (отчествами и фамилиями), указанными в письменных

документах: Чазев (1579 г.), Бачманов (1623–1624 гг.) [5, с. 297; 19, с. 7, 15]. Хотя согласно одному современному преданию Юкся, Пукся, Чач и Батя – это прежние названия деревень [24]. Также отметим, что, по мнению Ю.И. Смирнова, топонимы обычно возникали раньше их фольклорных истолкований [28, с. 353].

Четыре героя часто считаются членами одной семьи. В преданиях говорится об отце Юкся с тремя сыновьями [10, с. 205] либо о четырех братьях. В текстах не всегда обозначается их старшинство. Лишь один носитель традиции в настоящее время обращает на это внимание, причем в его повествованиях за разные годы эти роли меняются. В рассказе за 2007 г. Юкся назван старшим, Пукся – самым младшим, первый остается на отцовском месте, а последний уходит дальше всех в поисках лучших угодий [24]; в рассказе 2015 г. Юкся уже назван младшим [25, с. 106].

Родственниками братьев, согласно народным рассказам, оказываются и другие персонажи – это Коч [21, с. 37], Пера, Адам и Ева, которые выступают в роли родителей или родоначальников: *У лупьинского Перы было четыре сына: Юкся, Пукся, Чадз и Бач...* [9, л. 246]; *Жили когда-то Ева и Адам, у них было четыре сына – Чач, Бач, Юкси, Пукси. Чазево, Бачманово, Юксеево и Пуксиб – сыновья Евы и Адама сели в этих деревнях, поэтому они так и называются* [24]. Современниками героев в разных текстах оказываются Купра, Чупра, Чурак, Пелым, Кудым-Ош, Степан Пермский [17, с. 73; 21, с. 31, 45]. Появление в предании имен Адама и Евы обусловлено катехизацией народа и связано с ритуальными текстами, о которых будет сказано ниже. Эта деталь имеет важное значение для народных представлений, потому что братья в этом случае приравниваются к древнейшим жителям Земли, они являются как бы зачинателями истории. Антропонимы Купра, Чурак и Пелым связаны с названиями местных поселений. Кудым-Ош и Пера, коми-пермяцкий князь и богатырь, известны как народные герои, защитники коми-пермяков. Прием объединения разных героев в одном сюжете позволяет уравнять их роли и функции в качестве выдающихся личностей, первых жителей этой территории.

В двух текстах, записанных среди иньвенских коми-пермяков, Юкся назван местным вождем или князем (*пан*). Согласно сюжету народного предания, из-за обиды на Кудым-Оша, который организовал большой пир, где главным угощением был хлеб, но не пригласил на него соседних вождей, Юкся решил силой отобрать деликатес того времени. Два войска встретились на реке Косе. Много людей погибло с обеих сторон, но никто не победил. В итоге вожди помирились, похоронили погибших, и с тех пор люди с Кудымкарской стороны приходят для поминовения на р. Косу [21, с. 28, 34]. Юкся в данном случае выступает антагонистом другого коми-пермяцкого героя, мстительным человеком, при этом он представлен сильным вождем, отстаивающим интересы своего племени.

Образ Юкся, Пукся, Чадз и Бач, как защитников, выстраивается в сюжете противостояния Степану Пермскому, который якобы вместе с атаманами начал разорять камские земли. Такой поворот событий излагается в поэтическом тексте, автором которого считается один из местных монахов начала XX в.[2] [17, с. 257; 27, с. 193–194]. Придя на помощь друг другу, персонажи отстояли свои земли от разорения.

Героев называют еще богатырями. Основной отличительной чертой богатырей является их сила, способность перебрасывать предметы на большие расстояния. Братья бросали топор, с помощью которого построили себе жилище. Мотив перебрасывания имеет несколько версий, по крайней мере некоторые из них звучат неоднозначно: 1) топор кидают с одного места и по его положению определяют направление пути в поисках подходящей для поселения территории: *Они ещё бросали топоры. У кого куда покажет, туда идут. Вот на Чазёво показало – Чазёво делали…* [24]; 2) топор забрасывают на новое, неизвестное место, куда он упал, там и строятся: *Было четыре брата, топоры кидали, один в Пуксиб упал, другой в Бачманово упал, который в Чезево, а который в Юксеево, здесь и разместились (поселились)* [24]; 3) топор перекидывают по очереди друг другу с одного места на другое по цепочке, чтобы каждый смог построить себе жилье [10, с. 205–206].

Перебрасывание или просто бросание вещей на дальнее расстояние в коми-пермяцком фольклоре присуще героям разных преданий. По местным народным рассказам, предметы перебрасывали еще жители (чудь) древних городищ, которые располагаются на возвышенностях [6, с. 147]. Мотив перебрасывания, по-видимому, является довольно архаичным, он распространен среди разных народов Евразии и связан с персонажами, которые выделяются незаурядными физическими данными [4; 28]. В локальных традициях с помощью таких историй объясняют необычные находки, также исследователи соотносят их с отдельными историческими реалиями, в частности, с боевыми поединками [3, с. 204]. Ю.И. Смирнов отмечает, что расселение героев по горам является традиционным элементом преданий о первожителях, перебрасывающихся топором [28, с. 372]. Вероятно, привязку акта бросания к возвышенностям можно объяснить тем, что на вершине холмов открывается хороший обзор окрестностей, на них меняется ощущение пространства, создается представление о близости отдаленных объектов, до которых как будто легко докинуть предмет. В случае с Юкся, Пукся, Чадз и Бач такое объяснение отчасти тоже верно, так как поселения располагаются на возвышенностях. Возможно, что известный в народе мотив был перенесен на данных персонажей как выдающихся личностей прошлого. Кроме этого, в вариантах преданий могли отразиться народные обычаи, с помощью которых выбирали место для жилища. Коми-пермяки с этой целью совершали разные мантические действия, например, выбрасывали из мешка через левое плечо каравай и икону, по их положению (какой стороной кверху) определяли, подходит ли данное место для возведения дома [26, с. 96].

В одном из преданий герои называются выходцами соответствующих деревень, получившими в армии прозвища по месту рождения: *Четыре солдата были. Один Юкся, другой Пукся, Чадз и Бач. (Родом они из этих деревень?) Да. И им дали клички. Служили вместе в Гражданскую войну. Шутили между собой* [24]. То есть в этой версии деревни появились раньше, чем герои с известными именами, при этом связующей нитью с другими текстами является их воинская служба, они представляются сильными людьми, защитниками.

Юкся и Пукся в записях Л.С. Грибовой величаются еще графами, которых выслал в эти края царь за то, что они проиграли в карты весь свой лес. Рассказчик ссылается на книгу по истории, из которой он вычитал данные факты. Граф Пукся за что-то наказал местного Изосима и довел его до смерти. В середине XX в. Изосима поминали в местечке Сюзьпоз Косинского района [8, л. 36–37, 41]. В этом примере герои имеют отрицательные черты, но с другими преданиями его связывает принадлежность героев к знатным представителям местного сообщества, приход из других земель, а также появление обычая поминовения.

Среди жителей с. Юксеево существует мнение, что первоначально семья героев проживала в их местности. До ухода братья построили часовню и посадили по углам ели. Одна из елей якобы еще стояла на краю тракта до 2006 года [24]. По другой версии, братья жили между деревнями Чазево и Бачманово. В 1960-е гг. Л.С. Грибовой показывали яму в виде воронки, на месте которой в прошлом будто бы стоял дом «чучких». По другой версии, в этом месте находилась «чучкая» часовня [7, л. 15].

Местное население также считает, что в Важ Чазево четыре брата погребены: *Юкси, Пукси, Чадзи, Бачи жили где-то, потом они захоронились на Чазевской дороге. Туда ходили поминать…* [24]. Их гибель – это еще один популярный мотив устных повествований. Считается, что они сами себя захоронили. Эти истории в целом характерны для рассказов о древней чуди. В записях преданий причиной такого шага называется голод, плохая жизнь. По одной из версий, один брат умер, а остальные трое решили уйти в мир иной вместе с ним [24].

Место предполагаемого погребения героев регулярно посещается с целью поминовения. Впервые о поминовении Юкся, Пукся, Чадз и Бач писал антрополог Б. Вишневский в 1928 году. В 1917 г. местные жители сообщили ему, что на урочище поминают «неизвестно кого», «старинных людей, наших дедушек», «“старых людей” вообще и, в частности,

четырех, имена которых известны». Респондентами Б. Вишневского «отмечались более многолюдные и пышные поминки в старые времена». Приведем описание места поминовения в начале XX в.: «Расположено оно в лесу неподалеку от дороги (по правую руку, если ехать из д. Чазёвой), и представляет собой площадку круглых очертаний, обнесенную изгородью из жердей. Лес на этом месте не растет, пней не видно, травы почти нет. Ближе к СВ краю площадки врыт в землю столб. На нем прикреплена маленькая икона типа старообрядческих складней. Столб ветхий. Несомненно, это был крест. Упавшая покрышка, отставленная кем-то в сторону, при нас была надета на столб спутниками-пермяками. Перед столбом заметно на земле некоторое понижение, как бы следы ямы» [5, с. 295–296]. Это место до настоящего времени посещают для совершения поминок в субботу накануне Троицы (см. приложение).

Место Важ Чазево включено в список археологических памятников как Чазевский III могильник. Раскопки на нем не дали особых результатов [20, с. 125]. Поиски местных жителей тоже не увенчались успехом, по словам Л.С. Грибовой, «любопытные раскапывали кое-чего, но ничего не нашли, кроме одного конского черепа» [7, л. 15]. С данным могильником связывают находящееся рядом селище Кушдор (этим же названием некоторые обозначают могильник), где имеется яма, которую, скорее всего, и называли местом жилища братьев или домом чучких. Оба памятника относят к эпохе позднего Средневековья, датируются они примерно XVI в. [20, с. 125]. На Кушдоре находили различные «чудские» вещи и человеческие кости [5, с. 297]. Л.С. Грибова предполагала, что в Важ Чазево на самом деле нет погребения, а данное место было древним языческим святилищем [7, л. 18]. И.Я. Кривощеков, обследовавший селения Чердынского уезда в конце XIX в., отмечал, что в 1850-е гг. для поминовений «старых людей» местное население ходило на другой чудский могильник в местечке Шойнаыб [14, с. 117]. О поминках на Шойнаыб еще знают современные поколения коми-пермяков, но регулярно его не посещают и не связывают с именами братьев-богатырей, хотя на его месте действительно находятся погребения, датируемые примерно VI веком.

Во время поминок в Важ Чазево пришедшие сначала совершают молебен и трапезу. Затем посещают Кушдор, там умываются на речке, некоторые опускают в воду больные ноги. В реку бросают стряпню и смотрят: утонет она или нет. Если не утонет, значит, человек в течение года будет жив и здоров. После ритуальных актов на поляне начинается веселье, песни, пляски, игры, так как в народе существует поверье, что «“старые” не любят, когда по ним плачут, поминать их надо весельем» [7, л. 15]. Во время нашего наблюдения за ритуалом в 2009 г. женщины специально, вспоминая старинный обычай, спели несколько частушек.

Поминки «старых» людей, в том числе Юкся, Пукся, Чадз и Бач, связаны с представлением о *мыжа* – каре в виде болезни или пропажи скота, которую могут наслать умершие, если их не поминать. Именно поэтому к предполагаемому месту погребения героев преданий ежегодно приходят жители ближайших деревень: *Сюда очень много людей приходят мыжа да что отплачивать* [24]. Имена героев преданий коми-пермяки перечисляют во время ритуала *черешлан*, когда определяют лицо, покаравшее человека, и в поминальных молитвах. В некоторых версиях молитв помимо имен святых, героев местных преданий, умерших родителей, названий мест погребения неизвестных людей называются христианские прародители Адам и Ева. Для наглядности приводим вариант ритуального текста: *Помяни Господи Ева, Адама, Варавара, Моисея, Царя Давида, чачи, бачи, юкси, пукси. Помяни Господи Ивана Ботажника, Исус Христос. Помяни Господи все странник и всех православныя христиан. Аминь* (сохранена орфография тетрадной записи) [24]. По-видимому, благодаря объединению разных персонажей в одном тексте, появилась версия предания о том, что братья являются сыновьями Евы и Адама. Называние имен героев преданий в молитве предполагает не только обозначение конкретных лиц, но и еще других погребенных в данном месте безымянных покойников, о которых писал Б. Вишневский. Это обстоятельство могло повлиять на появление или закрепление

имен персонажей с окончанием -и как формы множественного числа (Юкси, Пукси и др.).

По одной из современных версий, Юкся, Пукся, Чадз и Бач – это старые люди, которые жили в соответствующих деревнях и погребены рядом с ними, то есть каждый на своем месте; и у каждого из населенных мест есть своя могила «старых», куда приходят на поминки [24]. Такое утверждение отчасти соответствует известным ритуальным практикам. Данная трактовка хотя и отличается от предания об общей могиле, тем не менее укладывается в рамки единой концептуальной установки о похожей судьбе героев и общей истории поселений.

Следует также отметить, что среди жителей села Пуксиба бытуют другие версии появления топонима, не только от имени предка, но и еще от слова *пуксьыны* ‘сесть’. И.Я. Кривощеков так писал о народной интерпретации названия: Пукси-пи, то есть ‘сел’ ‘сын’ – на поле сел (поселился) отделившийся сын [14, с. 644]. Другая современная версия: Пукся – это название места, существовавшего недалеко от села. Одной из возможных причин нивелирования образа предка среди жителей Пуксиба может быть отдаленность от остальных поселений и места ритуального поминовения братьев.

Результаты. Образы Юкся, Пукся, Чадз и Бач в коми-пермяцких преданиях, несомненно, являются собирательными. Согласно народным представлениям, в прошлом существовали герои, которые оставили после себя определенный след. Выбор персонажами преданий удобного места для жительства отмечается как значимый акт, особая веха, ведь именно от нее и начинается местная история, происходит зарождение родовых сообществ. Мотив прихода героев с иных земель дополняет роль зачинателей функцией первопроходцев. Для народных исторических повествований характерно усиление образа персонажей через выстраивание связей с другими фигурами, наделение их чрезмерной силой, обозначение их главенствующего социального статуса. В народных представлениях Юкся, Пукся, Чадз и Бач являются сплоченным содружеством. В рассказах постоянно отмечается их единство, сходство в действиях: все они основатели деревень, богатыри, их объединяют родственные отношения, участие в одних и тех же событиях и общая смерть. Данное единство стирает какие-либо возможные различия между героями и выделяет среди других коми-пермяцких персонажей преданий. В целом выстраивается доблестный образ представителей прошлых поколений или жителей данных мест. Отличительные толкования имен и топонимов (версии о прозвищах солдат, о графах, сыновьях Евы и Адама) так или иначе поддерживают общую идею о неординарных персонах.

Складывание обозначенных черт персонажей обусловлено фольклорными закономерностями развития текстов, народными обычаями и ритуалами. Отдельные представления могут быть связаны с местными природными объектами (холмы, ямы на культовом месте, старые ели). Не случайно тексты с разными сюжетами завершаются упоминанием обычая поминовения погибших соратников Кудым-Оша и Юкси, некоего Изосима и четырех братьев. Данный ритуал связывает современных людей с прошлыми поколениями. На его основе в том числе складываются образы о сильных, не поддающихся чужакам, своенравных и любящих повеселиться древних жителях края. Во время поминок имена героев воспринимаются еще как обозначение совокупности ушедших поколений. Повествование о ритуале в предании выполняет функцию передачи традиции неофитам. Важное значение для формирования образов имеют собственно наименования населенных пунктов, которые для современников кажутся необычными. Топонимы вместе с культовыми местами способствуют сохранению народных представлений о легендарных первопоселенцах.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Данные антропонимы связаны с топонимами. Название Юксеево, считается, было дано выходцами д. Юски Вятской губернии, предположительно удмуртами, так как в их языке встречаются антропонимы с окончанием -ся, -си [15; 16]. В окончании топонима Пуксиб Б. Вишневский видел слово *ыб*, как и в названии села Ошиб ‘медвежье поле’, то есть оно означает «поле Пукси» [5, с. 297]. А.С. Кривощекова-Гантман переводит его

«сын Пукси», считает его не комиязычным из-за несвойственного для языка окончания -си. Название Чазево связывают с языческим именем Чадз, Бачманово – именем *Бачман* тюркского происхождения [16]. Бачман известен как историческая личность, ведшая боевые действия против монголов в Нижнем Поволжье в XIII в., сказания о нем бытуют среди татар [11; 29, с. 353, 374]. Происхождение фамилии Бачманов исследователи объясняют названием должности ее основателя – таможенного чиновника собирателя пошлин, которое имеет арабоязычное происхождение [2, с. 227–228]. Появление данных антропонимов среди коми-пермяков свидетельствует о связях с тюрками или тюркских компонентах в составе этноса. Своеобразную расшифровку имен героев на основе финно-угорских языков дает М.Е. Мартынов. Отметим его интересную версию о созвучии имен Юкси и Пукси (Кукси) с числительными «один» и «два» в прибалтийско-финских языках [19, с. 30–37].

[2] Поэтические тексты были найдены в записях монаха А.И. Чугайнова учителем С.И. Исаевым. Один вариант текста опубликован на коми-пермяцком и русском языках в сборниках, подготовленных В.В. Климовым [10, с. 237; 17, с. 257]. Другой вариант текста на русском языке опубликован В.А. Семеновым и В.Э. Шараповым из дневниковых записей Л.С. Грибовой [27, с. 193–194]. По сюжету тексты сходны, но начало произведений отличается. Скорее всего, автор-монах в своем творчестве опирался на народные рассказы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Важ Чазево, поминки «старых людей», Юкся, Пукся, Чадз и Бач, 2009 г.
Vazh Chazevo, funeral of "old people," Yuksya, Puksya, Chadz, and Bach, 2009

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология традиционного фольклора народов Прикамья. Пермь: ООО «Типография ЗЁБРА», 2013. 352 с.

2. Баскаков Н. Л. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. 279 с.

3. Белова О. В., Петрухин В. Я. Бросание каменного топора: фольклорный мотив в свете исторических и мифологических параллелей // Русский сборник. Брянск: Брян. гос. ун-т им. акад. И.Г. Петровского, 2021. Вып. 10. С. 200–205.

4. Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin

5. Вишневский Б. Н. К топонимике Коми-Пермяцкого края // Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сборник, посвященный академику А.И. Соболевскому. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1928. Т. 101, № 3. С. 295–298.

6. Голева Т. Г. Предания коми-пермяков о древнем городище Курэгкар // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь: Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т, 2021. Вып. XIX. С. 145–152. DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-145-152

7. Грибова Л. С. Культ «старых» у коми-пермяков и его исторические корни, по данным пережитков, верований, языка и фольклора. Дипломная работа, 1961 // Архив Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П.И. Субботина-Пермяка. Ф. 940. Оп. 1. Д. 4. 100 л.

8. Грибова Л. С. Отчет об этнографической экспедиции в Коми-Пермяцкий автономный округ, 1964 г. // Архив Коми научного центра Уральского отделения РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 36-2. 43 с.

9. Грибова Л. С. Полевые дневники, 1964 // Архив Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П.И. Субботина-Пермяка. Ф. 75. Оп. 1. Д. 4938/18. Л. 215–290.

10. Заветный клад: избранная коми-пермяцкая народная проза и поэзия / пер. с коми-перм. и сост. В. В. Климов. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2007. 392 с.

11. Закирова И. Г. Сказания о Бачман хане // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 279–283.

12. Коми-пермяцкие народные предания о Пере-богатыре / сост. Д. И. Гусев. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1956. 100 с.

13. Королева С. Ю., Четина Е. М. Великаны, перебрасывающие топор или камни: славянские варианты сюжета в «своих» и «чужих» традициях // Уникальное и типичное в славянском фольклоре. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2019. С. 124–157.

14. Кривощеков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь: Электро-Типография «Труд», 1914. 839 с.

15. Кривощекова-Гантман А. С. Ономастика на службе истории края // Языки и ономастика Прикамья. Пермь: [б. и.], 1973. С. 20–37.

16. Кривощекова-Гантман А. С. Географические названия Верхнего Прикамья. С кратким топонимическим словарем. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1983. 176 с.

17. Куда же вы уходите? Коми-пермяцкие сказки, песни, частушки, детский фольклор, заговоры, малые жанры фольклора / сост. В. В. Климов. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1991. Т. 2. 287 с.

18. Лимеров П. Ф. Легенды о чуди: предки, не принявшие новую веру // Словесность и история. 2020. № 2. С. 64–78.

19. Мартынов М. Е. Предания старины глубокой (Чадз, Бадз, Юкся, Пукся). Пермь: Изд. Богатырев П. Г., 2013. 262 с.

20. Мингалев В. В. Керамика Чезевского I могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2009. № 6. С. 125–133.

21. Ожегова М. Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. Пермь: ПГПИ, 1971. 132 с.

22. Ожегова М. Н. Традиционность тотемических мотивов в коми-пермяцких преданиях о Кудым-Оше // Роль традиции в развитии литературы и фольклора. Пермь: Гос. пед. ин-т, 1974. С. 99–116. (Ученые записки; т. 137).

23. Подюков И. О нынешнем состоянии эпических преданий о Пере-богатыре // Арт. 2010. № 2. С. 128–133.

24. Полевые материалы автора. Экспедиции в Кочевский и Косинский районы Пермского края, 1999–2012 гг.

25. Пономарева Л. Г. Речь северных коми-пермяков. М.: Языки народов мира, 2016. 513 с.

26. Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков // Журнал Министерства внутренних дел. 1858. Т. 29, № 4. Отд. 3. С. 45–126.

27. Семенов В. А., Шарапов В. Э. Два фольклорных текста о Стефане Пермском из полевых записей Л.С. Грибовой по коми-пермякам (1964 г.) // Историческое произведение как феномен культуры: материалы VIII Междунар. науч. конф. Сыктывкар: Коми пединститут, 2013. Вып. 8. С. 186–194.

28. Смирнов Ю. И. Первожители с единственным топором // Балто-славянские исследования 1997. М.: Индрик, 1998. С. 350–373.

29. Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, 2005. 557 с.

30. Чагин Г. Н. Чудь историческая и чудь мифологическая // Парма – земля чуди. Правда и мифы. Кудымкар: Коми-Пермяц. кн. изд-во, 2009. С. 8–27.

REFERENCES

1. *Antologiia traditsionnogo folklora narodov Prikamia* [Anthology of Traditional Folklore of the Peoples of the Kama Region]. Perm, OOO «Tipografiia ZEBRA» Publ., 2013. 352 p.

2. Baskakov N.L. *Russkie familii tiurkskogo proiskhozhdeniia* [Russian Surnames of Turkic Origin]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 279 p.

3. Belova O.V., Petrukhin V.Ia. Brosanie kamennogo topora: folklornyi motiv v svete istoricheskikh i mifologicheskikh parallelei [Throwing a Stone Ax: A Folklore Motive in the Light of Historical and Mythological Parallels]. *Russkii sbornik* [Russian Collection]. Bryansk, Brian. gos. un-t im. akad. I.G. Petrovskogo, 2021, iss. 10, pp. 200-205.

4. Berezkin Iu.E., Duvakin E.N. *Tematicheskaia klassifikatsiia i raspredelenie folklorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskii katalog* [Thematic Classification and Distribution of Folklore and Mythological Motifs by Areas. Analytical Catalog]. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin

5. Vishnevskii B.N. K toponimike Komi-Permiatskogo kraia [To the Toponymy of the Komi-Permian Region]. *Stati po slavianskoi filologii i russkoi slovesnosti. Sbornik, posviashchennyi akademiku A.I. Sobolevskomu* [Articles on Slavic Philology and Russian Literature. Collection Dedicated to Academician A.I. Sobolevsky]. Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1928, vol. 101, no. 3, pp. 295-298.

6. Goleva T.G. Predaniia komi-permiakov o drevnem gorodishche Kuregkar [Komi-Permian Legends About the Ancient Settlement of Kuregkar]. *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition]. Perm, Perm. gos. gumanit.-ped. un-t, 2021, iss. XIX, pp. 145-152. DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-145-152

7. Gribova L.S. Kult «starykh» u komi-permiakov i ego istoricheskie korni, po dannym perezhitkov, verovanii, iazyka i folklora. Diplomnaia rabota, 1961 [Cult of the "Old" Among the Komi-Permians and Its Historical Roots, According to Remnants, Beliefs, Language and Folklore. Graduate Work, 1961]. *Arkhiv Komi-Permiatskogo kraevedcheskogo muzeia im. P.I. Subbotina-Permiaka* [Archive of the Komi-Permian Local History Museum Named After P.I. Subbotin-Permyak], f. 940, inv. 1, d. 4. 100 l.

8. Gribova L.S. Otchet ob etnograficheskoi ekspeditsii v Komi-Permiatskii avtonomnyi okrug, 1964 g. [Report on an Ethnographic Expedition to the Komi-Permyak Autonomous Okrug, 1964]. *Arkhiv Komi nauchnogo tsentra Uralskogo otdeleniia RAN* [Archive of the Komi Science Centre of the Ural Branch Russian Academy of Sciences], f. 11, inv. 1, d. 36-2. 43 p.

9. Gribova L.S. Polevye dnevniki. 1964 g. [Field Diaries, 1964]. *Arkhiv Komi-Permiatskogo kraevedcheskogo muzeia im. P.I. Subbotina-Permiaka* [Archive of the Komi-Permian Local History Museum Named After P.I. Subbotin-Permyak], f. 75, inv. 1, d. 4938/18, pp. 215-290.

10. Klimov V.V., ed. *Zavetnyi klad: izbrannaia komi-permiatskaia narodnaia proza i poeziia* [Cherished Treasure: Selected Komi-Permian Prose and Poetry]. Kudymkar, Komi-Perm. kn. izd-vo, 2007. 392 p.

11. Zakirova I.G Skazaniia o Bachman khane [Legend About Bachman Khan]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2011, no. 1, pp. 279-283.

12. Gusev D.I., ed. *Komi-permiatskie narodnye predaniia o Pere-bogatyre* [Komi-Permian Folk Legends About the Pera-Bogatyr]. Kudymkar, Komi-Perm. kn. izd-vo, 1956. 100 p.

13. Koroleva S.Iu., Chetina E.M. Velikany, perebrasyvaiushchie topor ili kamni: slavianskie varianty siuzheta v «svoikh» i «chuzhikh» traditsiiakh [Giants Throwing an Axe or Stones: Slavic Versions of the Plot in "Their" and "Foreign" Traditions]. *Unikalnoe i tipichnoe v slavianskom folklore* [Unique and Typical in Slavic Folklore]. Moscow, Ros. gos. gumanit. un-t, 2019, pp. 124-157.

14. Krivoshchekov I.Ia. *Slovar geograficheskostatisticheskii Cherdynskogo uezda Permskoi gubernii* [Dictionary of Geographical and Statistical Cherdynsky Uyezd of Perm Province]. Perm, Elektro-Tipografiia «Trud», 1914. 839 p.

15. Krivoshchekova-Gantman A.S. Onomastika na sluzhbe istorii kraia [Onomastics in the Service of the History of the Region]. *Iazyki i onomastika Prikamia* [Languages and Onomastics of the Kama Region]. Perm, s.n., 1973, pp. 20-37.

16. Krivoshchekova-Gantman A.S. *Geograficheskie nazvaniia Verkhnego Prikamia. S kratkim toponimicheskim slovarem* [Geographical Names of the Upper Kama Region. With a Short Toponymic Dictionary]. Perm, Perm. kn. izd-vo, 1983. 176 p.

17. Klimov V.V., ed. *Kuda zhe vy ukhodite? Komi-permiatskie skazki, pesni, chastushki, detskii folklor, zagovory, malye zhanry folklora* [Where Are You Going? Komi-Permian Fairy Tales, Songs, Ditties, Children's Folklore, Conspiracies, Small Genres of Folklore]. Kudymkar, Komi-Perm. kn. izd-vo, 1991, vol. 2. 287 p.

18. Limerov P.F. Legendy o chudi: predki, ne priniavshie novuiu veru [Legends About the Chude: the Ancestors Who Did Not Accept the New Faith]. *Slovesnost i istoriia* [Texts and History], 2020, no. 2, pp. 64-78.

19. Martynov M.E. *Predaniia stariny glubokoi (Chadz, Badz, Iuksia, Puksia)* [Legends of the Deep

Antiquity (Chadz, Badz, Yuksia, Puksia)]. Perm, Izd. Bogatyrev P.G., 2013. 262 p.

20. Mingalev V.V. Keramika Chezevskogo I mogilnika [Ceramics of the Cesevo I Burial Ground]. *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* [Works of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition], 2009, no. 6, pp. 125-133.

21. Ozhegova M.N. *Komi-permiatskie predaniia o Kudym-Oshe i Pere-bogatyre* [Komi-Permian Legends About Kudym-Osh and Pera-Bogatyr]. Perm, PGPI, 1971. 132 p.

22. Ozhegova M.N. Traditsionnost totemicheskikh motivov v komi-permiatskikh predaniiakh o Kudym-Oshe [Traditionality of Totemic Motifs in Komi-Permian Legends About Kudym-Osh]. *Rol traditsii v razvitii literatury i folklora* [Role of Tradition in the Development of Literature and Folklore]. Perm, Gos. ped. in-t, 1974, pp. 99-116. (Uchenye zapiski [Scientific Notes], no. 137).

23. Podiukov I. O nyneshnim sostoianii epicheskikh predanii o Pere-bogatyre [About the Current State of Epic Legends About the Pera-Bogatyr]. *Art*, 2010, no. 2, pp. 128-133.

24. *Polevye materialy avtora. Ekspeditsii v Kochevskii i Kosinskii raiony Permskogo kraia, 1999–2012 gg.* [Field Materials of the Author. Expeditions to the Kochevo and Kosa Districts of Perm Krai, 1999–2012].

25. Ponomareva L.G. *Rech severnykh komi-permiakov* [Speech of the Northern Komi-Permians]. Moscow, Iazyki narodov mira Publ., 2016. 513 p.

26. Rogov N.A. Materialy dlia opisaniia byta permiakov [Materials for Describing the Life of Permyaks]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* [Journal of the Ministry of Internal Affairs], 1858, vol. 29, no. 4, pt. 3, pp. 45-126.

27. Semenov V.A., Sharapov V.E. Dva folklornykh teksta o Stefane Permskom iz polevykh zapisei L.S. Gribovoi po komi-permiakam (1964 g.) [Two Folklore Texts About Stefan Permsky from L.S. Gribova's Field Notes About Komi-Permyaks (1964)]. *Istoricheskoe proizvedenie kak fenomen kultury: materialy VIII Mezhdunar. nauch. konf.* [Historical Work as a Cultural Phenomenon. Proceedings of the 8th International Scientific Conference]. Syktyvkar, Komi pedinstitut, 2013, iss. 8, pp. 186-194.

28. Smirnov Iu.I. Pervozhiteli s edinstvennym toporom [The First Inhabitants with a Single Axe]. *Balto-slavianskie issledovaniia 1997* [Balto-Slavic Studies 1997]. Moscow, Indrik Publ., 1998, pp. 350-373.

29. Khrapachevskii R.P. *Voennaia derzhava Chingiskhana* [Military Power of Genghis Khan]. Moscow, AST Publ., 2005. 557 p.

30. Chagin G.N. Chud istoricheskaia i chud mifologicheskaia [Chud Historical and Chud Mythological]. *Parma – zemlia chudi. Pravda i mify* [Parma: The Land of the Chud. Truth and Myths]. Kudymkar, Komi-Permiats. kn. izd-vo, 2009, pp. 8-27.

Information About the Author

Tatiana G. Goleva, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of History, Archeology and Ethnography, Institute of Humanitarian Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences – branch of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Lenina St, 13A, 614990 Perm, Russian Federation, golevat@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4462-0474

Информация об авторе

Татьяна Геннадьевна Голева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел истории, археологии и этнографии, Институт гуманитарных исследований Уральского отделения РАН – филиал Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, ул. Ленина, 13А, 614990 г. Пермь, Российская Федерация, golevat@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4462-0474

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.8

UDC 930.2(47+57)“16/17”
LBC 63.3(2)511-4

Submitted: 10.03.2024
Accepted: 20.08.2024

“OLD FIELD”, “REGULARITY” AND “OF BLESSED MEMORY” DEFENDER OF THE COSSACKS: JUSTICE AND ANTIQUITY AS VALUES IN THE MOVEMENTS OF THE DON COSSACKS OF THE 17th – 18th CENTURIES

Nikolai A. Mininkov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. During the period of transition from freedom and independence during the time of the Moscow state, the Don Cossacks experienced the process of their formation as a military estate of the Russian Empire and constantly fought for justice in relations with the Russian authorities. This is how the transition to the status of the service class of the Russian Empire took place. Justice found the realization through an attitude towards antiquity, which was recognized as corresponding to justice, and to novelty, which was perceived as a violation of justice, but over time, it became a new tradition that corresponded to ideas of justice. *Methods*. Modern historical research is characterized by a reliance on a value-based approach for analyzing specific phenomena and processes of the past. Such an analysis makes it possible to identify the presence of significant social value and its realization in certain historical conditions. Justice was such a value for the Don Cossacks. *Analysis and results.* The Don Cossacks defended the traditions of the “old field” during the Bulavin Rebellion and persistently resisted threats of conversion to “regularity” in the second half of the 18th century for justice and observance of the traditions of Cossack antiquity in the organization of resettlement to the Caucasian line. A value-based approach to the study of the history of the Don Cossacks allows us to fully, deeply, and precisely achieve understanding of the community itself about new living conditions, its attitude towards them, and its perception of changes when correlating them with its idea of justice as a social value.

Key words: value-based approach, justice us a value of Russian society, movement of Old Believers on the Don at the end of the 18th century, Bulavin Rebellion, Pugachev’s Rebellion, movement of the Don Cossacks of 1792–1794.

Citation. Mininkov N.A. “Old Field”, “Regularity” and “Of Blessed Memory” Defender of the Cossacks: Justice and Antiquity as Values in the Movements of the Don Cossacks of the 17th – 18th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 85-96. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.8

УДК 930.2(47+57)“16/17”
ББК 63.3(2)511-4

Дата поступления статьи: 10.03.2024
Дата принятия статьи: 20.08.2024

«СТАРОЕ ПОЛЕ», «РЕГУЛЯРСТВО» И «БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ» ЗАЩИТНИК КАЗАЧЕСТВА: СПРАВЕДЛИВОСТЬ И СТАРИНА КАК ЦЕННОСТИ В ДВИЖЕНИЯХ ДОНСКИХ КАЗАКОВ XVII–XVIII ВЕКОВ

Николай Александрович Мининков

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Донское казачество в период перехода от вольности и самостоятельности во времена Московского государства переживало процесс своего становления в качестве служилого сословия Российской империи и постоянно вело борьбу за справедливость в отношениях с российскими властями. Эта борьба проявлялась через отношение к старине, признававшейся соответствовавшей справедливости, и к

© Мининков Н.А., 2024

новизне, которая воспринималась как нарушение справедливости, но со временем становится новой традицией, соответствовавшей представлениям о справедливости. *Методы.* Для современного исторического исследования характерна опора на ценностный подход для анализа конкретных явлений и процессов прошлого. Такой анализ позволяет выявить наличие значимой общественной ценности и ее реализации в определенных исторических условиях. Справедливость выступала для донских казаков в качестве такой ценности. *Анализ и результаты.* Донское казачество отстаивало традиции «старого поля» в период Булавинского восстания, упорно противостояло угрозам обращения в «регулярство» во второй половине XVIII в., за справедливость и соблюдение традиций казачьей старины при организации переселений на Кавказскую линию. Ценностный подход к изучению истории донского казачества позволяет более полно, глубоко и конкретно выявить представления самого казачьего сообщества о новых условиях жизни, отношение его к ним, восприятия им перемен при соотнесении их с своим представлением о справедливости как об общественной ценности.

Ключевые слова: ценностный подход, справедливость как ценность русского общества, движение старообрядцев на Дону в конце XVII в., Булавинское восстание, Пугачевское восстание, движение донских казаков 1792–1793 годов.

Цитирование. Мининков Н. А. «Старое поле», «регулярство» и «блаженныя памяти» защитник казачества: справедливость и старина как ценности в движениях донских казаков XVII–XVIII веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 85–96. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.8

Введение. Тема участия казачества в массовых народных движениях в России, в том числе за XVIII в., достаточно традиционная. Она пережила не столь уж давно недолгий период отхода на второй план исследовательского внимания. В настоящее время комплексное исследование истории казачества вновь выдвинуло ее на одно из ведущих мест в проблематике социальной истории российского общества, частью которой является история казачества и народных выступлений с его участием. Но вместе с тем в социокультурном и социально-психологическом измерении все большее внимание уделяется аксиологическому, или ценностному подходу, тесно связанному с выявлением и учетом системы ценностей казачьего сообщества.

Обсуждение. Донское казачество рассматривалось в историографии как сообщество со своим особым внутренним укладом и вольным образом жизни. Мысль о том, что образ жизни на Дону резко отличался от образа жизни в холопской России, была особенно популярна среди тех, кого исследователь политической истории Дона начала XX в. Б.С. Корниенко назвал казачьими националистами. Она отчетливо выражалась донским писателем и публицистом Е.П. Савельевым [14, с. 136]. В современной отечественной историографии также указывается на особенности структуры сознания казаков, которые свидетельствуют о том, какие стороны своего существования ценили казаки, что было характерно для социокультурного облика казачества. Современный исследователь А.А. Каменцев, рассматривая сознание казачества раннего периода по данным фольклора, сделал вывод, что в нем наглядно выступает «свобода, подчеркнутая казачья вольница» [11, с. 159] как основополагающая ценность, объединяющая все казачество. В этом он видел признак того, что донские «казаки к концу XVII в. представляли собой качественно новое этносоциальное образование», и имели «самосознание, отличное от населения Московского государства» [11, с. 159]. Тем самым он подчеркивал наличие особенностей в системе ценностей донского казачества, отличавших его от людей Московского государства.

Далеко не все историки разделяли эту точку зрения. Едва ли в сознании народа внутренней России XVII–XVIII вв. свобода и вольность отсутствовали в качестве ценности. Советские историки правомерно подчеркивали, что в сознании народа внутренней России XVII–XVIII вв. такая ценность присутствовала, но также указывали, что для казаков эта ценность имела особое значение. Советский историк И.Г. Рознер отмечал, что казаки в своей истории «стойко защищали добытую свободу и независимость» [26, с. 8]. С ценностью свободы были связаны «демократия и общественный эгалитаризм казачества», которые также составляли ценность казачьих сообществ [1, с. 18], – отмечал историк из

США Д.Т. Александер. Не случайно современный историк Разинского восстания В.М. Соловьев отмечал популярность казаков среди народа внутренних русских городов и уездов в ходе восстания, поскольку вольности казачьей жизни высоко ценились в русских землях. Но он же правомерно указывал на отличия между образом жизни казаков и населения внутренней России, и даже на разрыв «интересов крестьянского мира, посадской общины и казачьего круга» [33, с. 188].

К ценностной ориентации донского казачества в период Булавинского восстания относится точка зрения, согласно которой это восстание было связано со слухом на Дону о гибели Петра I и царевича Алексея. Поэтому казаки «решили “побить бояр и немцев... за их злое дело”» [17, с. 31]. Также указывалось на «слух о том, что “царь находится за границей, ...а на троне сидит узурпатор”» [37, с. 158]. Такое объяснение прямо ведет к выводу о монархизме в качестве казачьей ценности, когда ради царя на Дону поднимали восстание. Подобная точка зрения не получила поддержки в современной историографии [36, с. 18]. Так, В.М. Соловьев верно указывал: «На Дону царская особа не пользовалась особым почтением» [33, с. 152], что не исключало позитивных высказываний в отношении «великого государя» в источниках, исходивших от Войска Донского.

В свете психологического подхода изучал Пугачевское восстание В.Я. Мауль. Он обращал внимание на психологические предпосылки массовых народных движений XVII–XVIII вв., которые являлись «прежде всего, явлением культуры», «выступали в качестве регуляторов традиционного общества, гарантов его стабильности, реставраторов старины, которая мыслилась как норма», и безусловно воспринималась казаками как ценность [21, с. 35, 39].

Как указывает М.А. Рыблова, «архаичный характер» на Дону еще в XVII в. имел «институт власти» [29, с. 376], что соответствовало образу жизни казаков и предопределяло сохранение старины в качестве ценности. При этом ценность лежала в основе «донского братства», или системы отношений в казачьей среде, которое составляет объект исследования М.А. Рыбловой.

На принципиальную близость ценностных установок казачества и народа внутренней России указывают ритмы казачьей истории, когда, как обращал внимание И.О. Тюменцев, периоды так называемого «показаченья» и расказачивания периодически сменяли друг друга. Периоды внутренних потрясений способствовали росту численности казачества за счет населения внутренних уездов страны [2; 3, с. 129–131; 10, с. 209; 13, с. 224], в более спокойные периоды этот приток сокращался. Возможность пополнения рядов казачества за счет народа внутренней России и утверждения новопришлых людей на Дону свидетельствует о том, что эти люди разделяли ценности казачества, его представления о справедливости.

Таким образом, в историографии заметно внимание к вопросу о ценностях, разделявшихся казаками, которые в значительной мере объясняют особенности истории и культуры казачьих сообществ. Это предполагает необходимость специального его исследования, которое до сих пор не проводилось, в том числе в отношении таких основополагающих ценностей, как справедливость и старина.

Методы и материалы. Теоретические основы ценностного подхода были разработаны еще в конце XIX в., на базе неокантианского положения о ценностях как о движущей силе процессов в разных сферах исторической жизни общества. Четкое указание на роль ценностей в историческом процессе и в социально-гуманитарном научном познании обозначил еще Г. Риккерт, развитие ценностного подхода к историческому познанию предлагалось в отечественной историографии А.С. Лаппо-Данилевским [24, с. 95–96], Л.П. Карсавиным. Ценностная ориентация сообщества определяется его образом жизни, с которым связана его психология и ментальные установки. К ценностям сообщества относится все то, что оно готово было отстаивать в борьбе с различными угрозами.

Такой подход возможен при анализе разных сторон внутренней жизни отдельных сообществ, в том числе казачества, за разные периоды его существования начиная с эпохи позднего средневековья. В том числе это относится к донскому казачеству XVII–XVIII вв. и к его массовым движениям. Ана-

лиз этих событий в свете учета системы ценностей, сложившейся в сознании казаков, и понимания участвовавших в них людей представляется перспективным и необходимым для углубленного понимания особенностей культуры казачества.

Ценностный подход, ориентированный на анализ психологии культурно-исторических сообществ, предполагает опору на методологический принцип понимания человека другой культуры. Историко-психологический метод связан с учетом тесной связи между историческими условиями существования сообщества, системой ценностей и общественной психологией. Историко-сравнительный метод позволяет сопоставить отношение казаков к ценностям в ходе их выступлений, или как за защитой общих традиционных ценностей казачьего сообщества стояло разное содержание, зависевшее от конкретных условий жизни Войска Донского в XVII и XVIII вв., а также отношение к ценностям казаков и разных слоев населения России, участвовавших в народных движениях.

Источники для исследования ценностной ориентации казачества содержит документальный материал, относящийся к донской истории XVII–XVIII вв. и представлявший документы центральных и войсковых органов управления. В этих документах содержатся свидетельства отношения казаков к событиям и изменениям в положении казачества, а также воззрения на события истории Войска Донского. К источникам относится донской казачий фольклор, в котором нашло отражение отношение казачества к прошлому, в его мифологизированном виде, и наглядно проявляется система его ценностей.

Анализ. Справедливость при этом может быть указана в качестве общей ценности, причем характерной для культуры разных народов и сообществ. На ее основе выстраивались крестьянские миры и посадские общины. Как отмечал Н.Н. Покровский, в период Томского восстания 1648–1649 гг. выделялась такая особенность «крестьянского мирского сознания», как «представление о справедливой “старине”» [22, с. 153]. И, соответственно, нарушение старины воспринималось как нарушение справедливости. Тем самым в сознании крестьянского мира, посадской общины и служилых людей получили соединение понятия о справедливости и старине. При этом справедливость выступала в качестве общественной ценности, а старина – как способ ее практической реализации. Аналогией понятия о справедливости выступало понятие правды. По замечанию А.И. Клибанова, у старообрядческого проповедника на Дону Кузьмы Косого, предводителя старообрядцев, поселившихся на Медведице, его борьба «за “правую веру”» выступала «как борьба за “мирскую правду”» [12, с. 121]. Антитезой справедливости выступало ее нарушение в форме несправедливого устройства общества. Советский историк В.В. Мавродин верно указал на пример понимания несправедливости крестьянством, когда оно «считало феодальную собственность на землю несправедливостью и исключало саму возможность ее существования» [19, с. 42].

Понятие о справедливости было близко донским казакам. На нем строились их представления о взаимоотношениях с государством, в основе которых был принцип жалованья за службу и признание русскими властями права казаков Войска Донского на «реку Дон». Справедливость была связана со стариной. Всякое нарушение старины понималось донскими казаками как покушение власти на справедливость.

С подавлением Разинского восстания такие несправедливости в отношении между московской властью и Войском Донским следовали, в глазах казаков, одна за другой. Особенно болезненным для донского казачьего сообщества стали требования о выдаче «к Москве» людей с Дона. Этой составной частью донской старины казаки особенно дорожили. Требованию московских властей в 1675 г. «о присылке вора Сеньки Буянка» к Москве казаки решительно воспротивились. Они говорили, что «естьли де ево отдать, то де и по последнего их брата казака с Москвы пришлют». И выражали сожаление, «что и Разина отвезли, и тем де они на себя повадку (дали)» [15, с. 349]. Самого же атамана Корнилу Яковлева на круге казаки обвиняли в том, что «повадился де он их к Москве возить, бутто азовских ясырей, связав, полно де и той ему удачи, что Разина отвез» [15, с. 351].

Частью старины в сознании казаков был также образ великого государя. Уже в то время,

как видно по сведениям фольклора, с образом великого государя казаки вообще связывали свое появление и жительство на Дону, свое право на это жительство. Они объясняли появление его тем, что «Грозный царь Иван Васильевич» [9, с. 529] пожаловал их предков Доном за взятие Казани. В фольклоре, записанном у казаков (станица Багаевская), имеется по существу фольклорный образ вассального договора Грозного царя с атаманом Ермаком, поскольку «казанскую службу» их якобы предков фольклор связывал с популярным историческим именем. Ермак в песне попросил царя: «отдай, государь, нам тихой Дон снизу доверху, сверху донизу, с его реками и вершинами» [9, с. 528]. И «славный тихий Дон с потоками и белой Манычью» [9, с. 505] царь казакам пожаловал. В дальнейшем традиционный образ «великого государя» закреплялся. В значительной мере этому способствовали положения жалованной грамоты царя Михаила Федоровича на Дон от сентября 1615 г., устанавливавшей сложившиеся по старине виды службы донских казаков. За эту службу государь не только обязывался давать казакам жалованье, но и жаловал их правом свободного проезда «в наши украинные городы» для свиданий с родными и для беспошлинной торговли [20, с. 23–24]. Этот своего рода договор царя с войском Донским, напоминавший установление отношений сюзеренитета – вассалитета, соответствовал старине в отношениях между царской властью и казаками. С точки зрения казаков, он соответствовал справедливости, включавшей жалованье за службу без крестного целованья. Казаки считали также, что он дополняется признанием вольности казачества, в том числе права приема беглых на Дону и невыдачи их.

Такие изменения после поражения Разинского восстания, как выдача людей по распоряжению из Москвы и вынужденное принесение казаками присяги, показывали, что старина во взаимоотношениях между Москвой и Доном уходила в прошлое. Наступала новая реальность, в которой Войско Донское утрачивало свою самостоятельность, характерную для вассальных свобод. Такие перемены не могли, с точки зрения казаков, соответствовать основам справедливого устройства, в котором казаки были вольными слугами царя. Все это вызывало их глубокое недовольство. Но преодолеть традицию почитания царя могли далеко не все. Заметно это только в словах такого старшины времени движения старообрядцев на Дону, как Кирей Чюрносов, своеобразного донского интеллектуала того времени. В связи со сбором походного войска в 1687 г. для участия в походе на Крым во главе с князем В.В. Голицыным он заявил, что «лучше де ныне крымской, нежели наши цари на Москве» [7, с. 151]. Несмотря на такое заявление, он пошел в поход походным полковником. Нарушение сложившейся традиции во взаимоотношениях между Доном и Москвой создавало, таким образом, предпосылки для нарушения традиции в отношении казаков к царю. К. Чюрносов был казнен вместе с другими предводителями донских старообрядцев в мае 1688 г., других высказываний непосредственно в адрес царя в его время не фиксировалось.

Однако с начала XVIII в. складывались условия для дальнейшего изменения традиционного представления казаков о царе, поскольку политика Петра I в отношении Дона расходилась с представлениями казаков об основах справедливости царской власти, о достойном учете ей воинских заслуг казаков. Кроме того, до донских казаков доходили известия о разных слухах о Петре I как о цареантихристе или царе-немце. Так, в Преображенском приказе в 1701 г. один русский доносчик сообщал, что казак Игнат Пчелинец сказал «про великого государя, царя Петра Алексеевича (т), что он де, государь, не царь, а антихрист». Проявилось также представление о царе не только как об антихристе, но и как о царе подменном. По словам казака, «царица де Наталья Кирилловна родила царевну девицу, и вместо де той царевны своровали бояре, подменили иноземца, Францова сына Лефорта» [27, л. 11–12]. Эти слова показательны еще и в связи с тем, что в «лихих боярах» народ традиционно видел своих врагов. А в условиях восприятия верхами русского общества при Петре I западной культуры врагов стали видеть и в «иноземцах», «немцах», связанных с этой новой культурой.

Нарушение справедливости казаки видели в стремлении власти к выявлению беглых на Дону и к высылке их в Россию, к отнятию

соляных промыслов на Бахмуте у Войска Донского с передачей их Изюмскому слободскому полку. Все это сказалось на идеях, с которыми выступали донские казаки в Булавинском восстании. Они отстаивали справедливость по отношению к себе как ценность, причем конкретным выражением этой ценности был для них старый порядок во взаимоотношениях с Москвой, основанный на признании вольностей Дона. В прелестном письме булавинцев от апреля – мая 1708 г. содержался призыв «стоять им всем вкупе за дом пресвятые богородицы, за истинную христианскую веру, и за благочестивого государя, и за все Войско Донское». Врагами объявлялись «злые бояря и немцы», которые «вводят в них еллинскую веру». Что касается указания на «еллинскую веру», то в нем прослеживается влияние казаков-старообрядцев, для которых справедливость означала право на религиозное самоопределение, а старина – на возможность свободного вероисповедания и сохранение старого обряда в церковной службе. Мотив нежелания принимать «еллинскую веру» может быть объяснен значительным количеством донских старообрядцев среди участников Булавинского восстания. В этом обращении нашло сочетание упоминание о традиционных врагах, которыми народу, в том числе и казакам, виделись «злые бояря и немцы», но в то же время упоминалось о защите «благочестивого государя» вместе с Войском Донским. Таким образом, традиция упования на государя среди восставших сохранялась. Единство казаков Войска Донского в письме обусловливалось тем, что «преже сего старое поле крепко было и держалось». Так еще «деды их и отцы положили», и поэтому необходимо казакам быть вместе, «чтоб им старое поле не потерять» [4, с. 452].

Более решительно разрывали с такой важной составной частью старины, как монархизм, донские казаки-некрасовцы. О таком разрыве говорится в «Заветах Игната», которые, по словам Д.В. Сеня, «представляют собой комплекс социокультурных нормативов, соблюдением (или нарушением) которых некрасовцы объясняли многие события своей жизни» [32, с. 54]. В том числе они касались отношения к царю и царской власти. Первым пунктом этих «Заветов» стало положение о том, чтобы «царю не покоряться, до царя в Расею не возвертаться» [32, с. 55]. В некрасовском фольклоре содержится резко негативный образ Петра I. Упоминается он как «царь Ероха» [28, с. 107, 189, 192, 194, 200, 205; 35, с. 143, 144, 146, 147, 150–152, 154, 166, 169, 214].

Некрасовцы, однако, представляли собой отколовшуюся часть донского казачества, которая в пределах Крымского ханства на Кубани, а затем Османской империи жила своей обособленной жизнью. Оставшееся на Дону казачество, пережив разгром Булавинского восстания, постепенно вписывалось в новые реалии Российской империи, принимая свое положение замкнутого военно-служилого сословия. Новые порядки, противостоявшие старине периода донской казачьей вольности, также постепенно выходили на уровень старины и традиции. Менялось вместе с тем представление о справедливости. В качестве ценности она сохранялась, однако получала иное наполнение, соответствовавшее новым порядкам и новому месту донского казачества в российском обществе. Казаки в то же время видели, что государственная власть признала за ними особые права на Земле Войска Донского, и такое признание считало соответствовавшим справедливости. Конечно, и ранее донское казачество отделяло себя от новопришлых людей. Такое отчуждение помешало, например, объединиться в 1687 г. донским казакам-старообрядцам и прибывшим из внутренних городов и уездов России старообрядцам во главе с Кузьмой Косым. Поэтому казаки-старообрядцы отказались видеть во главе своего выступления пришлого проповедника, и не протестовали против выдачи его в Москву по настоянию войскового атамана Фрола Минаева [8, с. 151–152]. Но ко второй половине XVIII в., когда пришлых людей на Дону становилось значительно больше, среди казаков стремление к такому отчуждению стало еще более заметно. Об этом писал строитель крепости Святого Дмитрия Ростовского, инженер-генерал-майор А.И. Ригельман, глубоко знавший казачество. По его сведениям, казаки нередко «мнят, будто они от некоих вольных людей, а более от Черкес и Горских народов, взялися». Поэтому они «считают себя природою не от московских людей», и говорят: «Я, де, не Москаль, но Русской, и то по закону и вере Православной, а не по природе» [25, с. 17].

Обособление казачества от неказачьего населения определялось, помимо всех других различий, иным характером службы. Во второй половине XVIII в. статус иррегулярной службы казаков формально считался ниже, чем регулярной. Это нашло отражение в донесении инженер-капитана Александра Ригельмана 1762 г. в связи с увозом казаками в Черкасск кирпича «из бывъших Таганъ Рогской и Азовской крепостей». По словам А.И. Ригельмана, тот кирпич должен был идти не казакам в Черкасск, но на строительство крепости Святого Дмитрия. Он писал, что до сих пор не было «ни в каких правах Е.И.В., дабы иррегулярным войскам над регулярными команды» было преимущество [6, л. 52], в том числе это относилось в праве на старый кирпич.

Тем не менее, хорошо зная о тяжести службы солдат регулярной армии, казаки своим особым положением по воинской службе дорожили. Как отмечал В.В. Мавродин со ссылкой на показания на допросе казака Ивана Пономарева (Самодурова), на Яике «правительство начало вводить “регулярство”» [18, с. 509–510]. Эта мера послужила толчком для разделения Яицкого войска на «послушную» и «непослушную» стороны, результатом которого стало выступление в 1772 г. казаков. Таким образом, «регулярство» казаки стали считать угрозой своему традиционному порядку службы в иррегулярном войске, которая воспринималась уже как «старина». «Яик перед бурей» [26], – так назвал это время на Яике И.Г. Рознер, или «бурей» Пугачевского восстания.

События на Яике способствовали выступлению волжских казаков. На Дону в том же году также произошло выступление казаков, известное как «череповский бунт», или «ефремовский бунт». Связано оно было со стремлением правительства арестовать атамана Степана Ефремова. Но главными причинами было нежелание казаков выполнять «поголовные мобилизации». А.П. Пронштейн указывал на качественное отличие новых мобилизаций от предыдущих. Ранее переселявшиеся по мобилизации казаки сохраняли свои казачьи права. Теперь же «новые полки становились служилыми». На таких условиях переселяться в Азовскую и Таганрогскую крепости желающих не находилось [23, с. 296]. Переселенных ранее казаков приравняли «почти во всем» к солдатам регулярной армии. А.П. Пронштейн приводил слова, сказанные Пугачеву его тестем, служившим в Таганрогской крепости: «Нас де хотят обучать по-гусарски, и всяким регулярным военным подвигам» [23, с. 297]. Не удивительно, что на Дону распространялись слухи о «регулярстве»; эти слухи поддерживал войсковой атаман Степан Ефремов, стремившийся предстать перед казаками в роли защитников их прав. Атаман был арестован и препровожден в Ростовскую крепость, а казакам, выступавшим в его защиту, было сказано, что приказ на арест атамана исходил от самой Екатерины II. Это кратковременное, но решительное движение на Дону 1772 г. свидетельствовало о стремлении казаков защищать старину, соответствовавшую в их представлении справедливости в порядке несения ими военной службы. Такая справедливость, по их мнению, могла сохраняться только в том случае, если казаки служат на правах иррегулярного войска.

Справедливость, как видели ее казаки, заключалась в сохранении старины не только в отношении сохранения своего положения иррегулярного войска. Она также заключалась в следовании традициям переселения казаков на новые места жительства и службы, сложившимся в период существования Российской империи. Между тем в конце XVIII в., когда создавались укрепленные линии на Северном Кавказе, государство стало переселять донских казаков на Кубань, Терек и Сунжу. В 1792–1794 гг. в Войске Донском произошло массовое движение казаков против грубейших нарушений властями порядков и традиций переселения. Подлежало по плану переселение с Дона трех тысяч казачьих семей. Историография этого крупного движения весьма велика. Член Статкомитета Области войска Донского И.В. Тимощенков считал, что в ходе этого движения казаки не выступали против власти. Это был не «дерзкий мятеж и бунт, а лишь как бы смелый и мужественный голос стойкого и заслуженного населения края, протестующего против нарушения коренных основ своего быта» [34, с. 63]. И.В. Тимощенков при этом уменьшал размах репрессий правительства против участников движения.

Донской автор Е.П. Савельев, видевший в донском казачестве особый «арийский» народ, полностью подчиненный самодержавием при Петре I, подчеркивал, что «бесцеремонное обращение с казачеством вывело его из терпения» [30, с. 63]. Историк-юрист С.Г. Сватиков указывал на выступление казаков против нарушения властями старого донского обычая переселения «по жребию и по очереди» [31, с. 235]. Историк Кубанского казачьего войска Ф.А. Щербина провел количественный анализ отношения в донских станицах к переселению. Он делал вывод, что, «по крайней мере половина всех станиц явно противилась выселению казаков на Кубань». Часть же станиц «обуславливала свое нежелание дать переселенцев разными отговорками» [38, с. 691]. Он также отметил социальную сторону, относящуюся к переселению. Оно происходило, писал Ф.А. Щербина, когда «на Дону фактически сложилось уже два класса казачества и когда интересы этих классов уже резко расходились» [38, с. 694]. Отсюда он видел участие донской старшинской верхушки в проведении в жизнь правительственной политики переселения на Кубань.

А.П. Пронштейн считал главной причиной движения на Дону 1792–1794 гг. и восстания в пяти донских станицах угрозу «обращения казаков "в регулярство"». Конкретное ее выражение он видел «в попытке насильно переселить на Кубанскую линию казаков 6 полков с их семьями» [23, с. 350]. Он указывал, что подавление движения шло для правительства с большим трудом, причем не только с помощью «почти 8,5 тысячи солдат регулярной армии и 5 казачьих карательных полков», но и при опоре «на зажиточную верхушку казачества» [23, с. 351]. Донской историк В.И. Лесин писал об участии генерал-майора М.И. Платова в подавлении движения. «Обычно полицейские функции, возлагаемые на военных, вызывали негодование в офицерской среде. Матвей Иванович – не из таких. Он выполнил поручение с видимым удовольствием» [16, с. 40–41], – писал В.И. Лесин, отмечая, что Платов выступал в данном случае в роли одного из наиболее рьяных карателей. Очерк, посвященный этому крупному выступлению донских казаков в популярном изложении, представил за последнее время А.Т. Урушадзе, подчеркивая при этом самоотверженность донского казачества [36, с. 61–89].

Таким образом, историки, рассматривая это массовое выступление донских казаков, отмечали их упорство в борьбе с властями и стремление отстоять традиции казачьей службы и сложившийся порядок переселения казаков. Представляет интерес аргументация казаков, которую они приводили в ответ на стремление властей к принятию ими грамот по переселению на Кавказскую линию, она соответствовала ценностным установкам самого казачества. Но она же должна была также содержать в себе то, что могла принять власть. Такая аргументация казаками была найдена. Она отвечала стремлению властей укреплять в сознании казачества основы монархизма, веру во всемогущество царской власти и в способность ее к защите казаков.

Аргументация казаков присутствует в общем прошении, написанном «мятущимися станицами» Верхней и Нижней Чирской, Кобылянской, Пятиизбянской и Есауловской от 26 декабря 1793 года. Казаки в своем прошении, направленном войсковому атаману А.И. Иловайскому, писали, что «как наряд на линию есть им чувствителен, и важнее болших нарядов на службу в заграничьныя армии, то потом и приступить не согласны». Но главным в их прошении было указание на старину, на то еще «блаженной и вечнодостойной памяти царь Иван Васильевич по заслугам предъков их жаловал непременным жителством на Дону». Но при этом они подчеркивали, что «до сканчания жизни служить ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ не престанут». И только лишь «просят о учине[ни]и обще с войсковым гражданским правительством об отмене сего наряда к ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ предъставления» [5, д. 165, л. 10, 14]. Прошения, поданные «мятущимися станицами» с упоминанием о пожаловании от Ивана Грозного «жителством на Дону» «по заслугам предъков», содержали несомненную историческую мифологему. Никакого пожалования таким «жителством» от Грозного царя не было и не могло быть, поскольку формирование казачества в середине XVI в. происходило вовсе не по царским указам. Но эта мифологема, во-первых, в полной мере соответствует феодальному порядку пожалования землей за службу,

прежде всего военную. Принимая эту мифологему, казачество, не осознавая ее мифологической сущности, считая ее исторической реалией, как бы вписывало себя в систему отношений средневекового общества. Во-вторых, оно видело в ней основу своего исторического права жительства на Дону. И, в-третьих, она вполне соответствовала понятию о справедливости, сложившемуся в казачьей среде и заключавшемуся в неотъемлемом праве на землю за службу. Так что, следовательно, в данном случае «блаженной и вечнодостойной памяти» царь Иван Васильевич выступал в роли защитника казачества и его исторического права на землю и на реку Дон. Отсюда можно говорить о своеобразном культе Ивана Грозного на Дону, державшемся еще в начале XX века.

Но в своей аргументации казаки обращались не только ко времени Грозного царя, уже вполне легендарному, но и к более близким временам, о которых сохранялась еще живая память близких поколений. Поэтому такие сведения были несомненно более точными с исторической точки зрения. В экстракте из сообщений о событиях, сделанном в Войсковом гражданском правительстве в январе 1794 г., отмечалось, что казаки пяти выступивших станиц в своих прошениях указывали, что «прежних государей в семейство писано и отражаемо бывало, как то при Петре Первом на Терик, и при государыне Анне Иоанновне на Волгу, но толко охотников, а не неволников, для чего прежния войсковыя атаманы всего войска общественные круги собирали». Ничего такого не было при наборе, как они писали, в нынешнее время на Кавказскую линию, когда «общественного круга собираемо не бывало, и именное высочайшее повеление выслушано не было». Острейшая социально-политическая борьба между «мятущимися станицами» и усмирителями движения содержала в себе форму, судя по сведениям из этого экстракта, своего рода исторической дискуссии. Казаков этих станиц обвиняли в том, что «оне важное (так! – *Н. М.*) варвар, которые всегда тщатся Россию наказ вредить, и помянутых извергов человечества Стенке Разине, и Отрепьеве, Булавине и протчих» [5, д. 60, л. 1–1 об.]. Все эти исторические образы были казакам понятны.

Таким образом, исторической аргументации казаков, видевших справедливость в сохранении старины, их противники противопоставляли свою историческую аргументацию, в которой напоминали о тяжелых последствиях для казаков сопротивления власти.

Результаты. Категории общего и особенного находятся в сложном диалектическом взаимодействии, при котором общие черты и признаки могут иметь в качестве своей оборотной стороны особенности в культуре. Все это относится к такой исторической и социокультурной ценности, как справедливость. Несомненно, что эта ценность, присущая сознанию казачества и проявлявшаяся в ориентации на старину, представляла собой общенародную ценность. Вместе с тем у казаков эта ценность имеет свою специфику. Справедливость находила выражение в привычной для казаков старине, в сложившемся у них за длительное историческое время образе жизни. Между тем со временем устои жизни казачества и его службы не могли не меняться. Вольная служба московскому государю как сюзерену менялась на службу военно-служилого сословия империи, утратившую свою вольность. Вызывавшая неприязнь казачества новизна отношений постепенно становилась традицией, превращалась со временем в старину и реализовывалась в привычной рутине повседневной жизни. Но остатки своего особого положения, связанные со службой в качестве иррегулярного войска, с безусловным правом жительства на Дону казаки ценили и отстаивали как могли.

Ценностный подход к изучению истории донского казачества в XVII–XVIII вв. позволяет, таким образом, более полно, глубоко и конкретно выявить отношение казачьего сообщества к новым условиям, восприятие казаками перемен. Он дает возможность уяснить процесс постепенного принятия казаками новизны как традиции и даже рутины, в которой они готовы были видеть определенные черты справедливого устройства, нарушение которых расходилось с понятием справедливости как общественно-исторической ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александер Дж. Т. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. Уфа: Галиуллин Д.А. 2011. 162 с.

2. Андреев И. Л. Движение балашовцев // Вопросы истории. 1977. № 7. С. 118–122.

3. Буганов В. И. Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. М.: Просвещение, 1986. 239 с.

4. Булавинское восстание. Сборник документов (1707–1708 гг.). М.: Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. 528 с.

5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 341. Канцелярия Войска Донского. Оп. 1. Д. 1. Краткие выписки о противодействии казаков при переселении на Кавказскую линию. 218 л.

6. ГАРО. Ф. 518. Крепость Святого Дмитрия Ростовского. Оп. 1 Д. 1. Входящие дела гарнизонной канцелярии крепости Святого Дмитрия Ростовского. 207 л.

7. Дополнения к Актам историческим. СПб.: Тип. В.В. Пратц, 1872. Т. 12. VIII; 423; 24 с.

8. Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1889. 330 с.

9. Исторические песни XIII–XVI веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 695 с.

10. История донского казачества: в 3 т. Ростов н/Д: Омега Паблишер, 2020. Т. 1. 288 с., ил.

11. Каменцев А. А. Самосознание казаков как фактор идентичности: по материалам казачьего эпоса и фольклора // Палеороссия. 2019. № 1 (11). С. 147–160.

12. Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М.: Наука, 1977. 335 с.

13. Козляков В. Н. Михаил Федорович. М.: Молодая гвардия 2010. 346 [6] с.: ил.

14. Корниенко Б. С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2013. 232 с.: ил.

15. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 3. 491 с.

16. Лесин В. И. Атаман Платов. М.: Молодая гвардия, 2005. 403 с., [16] л. ил.

17. Лесин В. И. Силуэты русского бунта. М.: Центрполиграф, 2007. 332 [2] с., [8] л. ил.

18. Мавродин В. В. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева: в 3 т. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. Т. 1. 587 с.

19. Мавродин В. В. По поводу характера и исторического значения крестьянских войн в России // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М.: Наука, 1974. С. 35–51.

20. Материалы по истории Войска Донского. Грамоты / сост. И. Прянишников. Новочеркасск: Войсковая типография, 1864. 332 с.

21. Мауль В. Я. Харизма и бунт: психологическая природа народных движений в России XVII–XVIII веков. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. 218 с.

22. Покровский Н. Н. Томск 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск: Наука, 1989. 388 с.

23. Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1961. 375 с.

24. Рамазанов С. П. Кризис в российской историографии начала XX века. В 2 ч. Волгоград: Изд-во ВГУ, 1999. Ч. 1. 144 с.

25. Ригельман А. И. История о донских казаках. Ростов н/Д: Ростиздат, 1992. 224 с.

26. Рознер И. Г. Яик перед бурей. М.: Мысль, 1966. 204 с.

27. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 371. Преображенский и Семеновский приказы. Оп. 1. Д. 291. Дело о доносе солдата Аристова на казака Игната Пчелинца. 301 л.

28. Русские народные сказки казаков-некрасовцев / собраны Ф. В. Тумилевичем. Ростов н/Д: Ростиздат, 1958. 269 с.

29. Рыблова М. А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 544 с.

30. Савельев Е. П. История казачества. Новочеркасск: Донской печатник, 1918. 443 с.

31. Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). [б. м.], 1924. 592 с.

32. Сень Д. В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар: Изд-во КубГУ, 2001. 385 с.

33. Соловьев В. М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М.: ТИМР, 1994. 252 с.

34. Тимощенков И. В. Очерк переселения казаков с Дона на Терек, Кубань и Сунжу // Сборник Областного войска Донского Статистического Комитета. Новочеркасск: Частная Донская типография, 1901. Вып. 1. С. 62–77.

35. Тумилевич Ф. В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов н/Д: Ростиздат, 1961. 272 с.

36. Урушадзе А. Т. Вольная вода. История борьбы за свободу на Дону. М.: НЛО, 2020. 394 с.: ил.

37. Усенко О. Г. Идеология булавинщины: динамика целей и планов повстанцев. Саратов, 2019. Вып. 12–13. С. 152–179.

38. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска: в 2 т. Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1910. Т. 1. 734 с., 8 л. ил.

REFERENCES

1. Alexander D.T. *Emelian Pugachev i krestianskoe vosstanie na okraine Rossii v 1773–1775 gg.* [Emelian Pugachev and Peasant War on the Outskirts of Russia in 1773–1775]. Ufa, Galliulin D.A., 2011. 162 p.

2. Andreev I.L. Dvizhenie balashovcev [Balashov Movement]. *Voprosy istorii*, 1977, no. 7, pp. 118-122.

3. Buganov V.I. *Ocherki istorii klassovoi borby v Rossii XI–XVIII vv.* [Essays on the History of the Class Struggle in Russia in the 11th – 18th Century]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 239 p.

4. *Bulavinskoe vosstanie. Sbornik dokumentov (1707–1708 gg.)* [Bulavin Rebellion. Collection of Documents (1707–1709)]. Moscow, Vsesoius. o-vo politkatorzhan i ssylnoposelencev, 1935. 528 p.

5. *Gosudarstvennyi arhiv Rostovskoi oblasti (GARO)* [State Archive of the Rostov Region], f. 341. Kancelaria Voiska Donskogo [Office of the Don Army], inv. 1, d. 1. Kratkie vypiski o protivodeistvii kazakov pri pereselenii na Kavkazskuu liniu [Brief Extracts of the Opposition of the Cossacks During the Resettlement to the Caucasian Line]. 218 l.

6. *GARO* [State Archive of the Rostov Region], f. 518. Krepost Sviatogo Dmitria Rostovskogo [Fortress of St. Dmitry of Rostov], inv. 1, d. 1. Vhodiashie dela garnizonnoi kancelarii kreposti Sviatogo Dmitria Rostovskogo [Incoming Affairs of the Garnison Office of the Fortress of St. Dmitry of Rostov]. 207 l.

7. *Dopolnenia k Aktam istoricheskim* [Additions to Historical Acts]. Saint Petersburg, Tip. V.V. Pratz, 1872, vol.12. VIII; 423; 24 p.

8. *Druzhinin V.G. Raskol na Donu v konce XVII veka* [Split on the Don at the End of the 17th Century]. Saint Petersburg, Tip. I.N. Skorohodova, 1889. 330 p.

9. *Istoricheskie pesni XIII–XVI vekov* [Historical Songs of the 13th – 16th Centuries]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1960. 695 p.

10. *Istoria donskogo kazachestva: v 3 t.* [History of the Don Cossacks: In 3 Vols.]. Rostov-on-Don, Omega Publisher, 2020, vol.1. 288 p., ill.

11. Kamencev A.A. Samosoznanie kazakov kak factor identichnosti: po materialam kazachego eposa i folklora [Self-Awareness of the Cossacks as a Factor of Identify Based on the Materials of the Cossacks Epic and Folklore]. *Paleorossia*, 2019, no. 1 (11), pp. 147-160.

12. Klibanov A.I. *Narodnaia socialnaia utopiya v Rossii. Period feodalizma* [Popular Social Utopia in Russia. Period of Feudalism]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 335 p.

13. Kozliakov V.N. *Mihail Fedorovich*. Moscow, Molodaia gvardia Publ., 2010. 346 (6) p., ill.

14. Kornienko B.S. *Pravy Don: kazaki i ideologia nacionalizma (1909–1914)* [Right Don: Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909–1914)]. Saint Petersburg, Izd-vo Evrop. un-ta, 2013. 232 p., ill.

15. *Krestianskaia voina pod predvoditelstvom Stepana Razina: v 4 t.* [Peasant War Led by Stepan Razin. In 4 Vols.]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962, vol. 3. 491 p.

16. Lesin V.I. *Ataman Platov*. Moscow, Molodaia gvardia Publ., 2005. 403 p., 16 l. ill.

17. Lesin V.I. *Siluety russkogo bunta* [Silhouettes of the Russian Riot]. Moscow, Centrpoligraph Publ., 2007. 332 (2) p., 8 l. ill.

18. Mavrodin V.V. *Krestianskaia voina v Rossii v 1773–1775 godah. Vosstanie Pugacheva: v 3 t.* [Peasant War in Russia in 1773–1775. Pugachevs Uprising. In 3 Vols.]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1961, vol. 1. 587 p.

19. Mavrodin V.V. Po povodu haraktera i istoricheskogo znachenia krestianskih voin v Rossii [On the Nature and Historical Significance of the Peasant Wars in Russia]. *Krestianskie voiny v Rossii XVII–XVIII vekov: problemy, poiski, reshenia* [Peasant Wars in Russia of the 17th – 18th Centuries: Problems, Searches, Solutions]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 35-51.

20. Prianishnikov I., ed. *Materialy po istorii Voiska Donskogo. Gramoty* [Materials of the History of the Don Army. Certificates]. Novocherkasssk, Voiskovaia tipografia, 1864. 332 p.

21. Maul V.Ia. *Charisma i bunt: psychologicheskaia priroda narodnyh dvizhenii v Rossii XVII–XVIII vekov* [Charisma and Rebellion: Psychological Nature of Popular Movements in Russia of the 17th – 18th Centuries]. Tomsk, Izd-vo TGU, 2003. 218 p.

22. Pokrovski N.N. *Tomsk 1648–1649 gg. Voevodskaia vlast i semskie miry* [Tomsk 1648–1649. Voevodeship Authorities and Zemstvo Worlds]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989. 388 p.

23. Pronstein A.P. *Zemlia Donskaia v XVIII veke* [Don Land in the 18th Century]. Rostov-on-Don, Izd-vo RGU, 1961. 375 p.

24. Ramazanov S.P. *Krizis v rossiiskoi istoriografii nachala XX veka. V 2 ch.* [Crisis in Russian Historiography in the Early Twentieth Century. In 2 Pts.]. Volgograd, Izd-vo VGU, 1999, pt. 1. 144 p.

25. Rigelman A.I. *Istoria o donskih kazakah* [Story of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don, Rostizdat, 1992. 224 p.

26. Rozner I.G. *Yaik pered burei* [Yaik Before the Storm]. Moscow, Mysl Publ., 1966. 204 p.

27. *Rossiiskii gosudarstvennyi arhiv drevnih actov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 371. Preobrazhenskii i Semenovskii prikazy, inv. 1, d. 291. Delo o donose soldata Aristova na kazaka Ignata Pchelinca [Case of Soldier Aristov's Denunciation of Cossack Ignat Pchelinec]. 301 l.

28. Tumilevichem F.V., ed. *Russkie narodnye skazki kazakov-nekrasovcev* [Russian Folk Tales of the Nekrasov Cossacks]. Rostov-on-Don, Rostizdat, 1958. 269 p.

29. Ryblova M.A. *Donskoe bratstvo: kazachyi soobshestva na Donu v XVI – pervoi treti XIX veka*

[Don Brotherhood: Cossacks Communities on the Don in the 16th – First Third of the 19th Century]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2006. 544 p.

30. Saveliev E.P. *Istoria kazachestva* [History of the Cossacks]. Novocherkassk, Donskoi pechatnik Publ., 1918. 443 p.

31. Svatikov S.G. *Rossia i Don (1549–1917)* [Russia and Don (1549–1917)]. S.l., 1924. 592 p.

32. Sen D.V. *«Voisko Kubanskoe Ignatovo Kavkazskoe»: istoricheskie puti kazakov-nekrasovcev (1708 g. – konec 1920-h gg.)* ["Kuban Ignatov Caucasian Army": Historical Paths of the Nekrasov Cossacks (1708 – The End of the 1920s)]. Krasnodar, Izd-vo KubGU, 2001. 385 p.

33. Soloviov V.M. *Anatomia russkogo bunta. Stepan Razin: mify i realnost* [Anatomy of Russian Rebellion. Stepan Razin: Myths and Reality]. Moscow, TIMR, 1994. 252 p.

34. Timoshchenkov I.V. Ocherk pereselenia kazakov s Dona na Terek, Kuban i Sunzhu [Essay on the Relocation of Cossacks from the Don to the Terek, Kuban and Sunzha]. *Sbornik Oblastnogo voiska Donskogo Statisticheskogo Komiteta* [Collection of the Don Army Statistical Committee]. Novocherkassk, Chastnaia Donskaia tipografia, 1901, iss. 1, pp.62-77.

35. Tumilevich F.V. *Skazki i predania kazakov-nekrasovcev* [Fairy Tales and Legends of the Nekrasov Cossacks]. Rostov-on-Don, Rostizdat, 1961. 272 p.

36. Urushadze A.T. *Volnaia voda. Istoria borby za svobodu na Donu* [Free Water. History of the Struggle for Freedom on Don]. Moscow, NLO Publ., 2020. 394 p., ill.

37. Usenko O.G. *Ideologia bulavinshchiny: dinamika celei i planov povstancev* [Ideology of the Bulavin Uprising: Dynamic of the Goals and Plans of the Rebels]. Saratov, 2019, iss. 12-13, pp. 152-179.

38. Shcherbina F.A. *Istoria Kubanskogo kazachego voiska: v 2 t.* [History of the Kuban Cossack Army. In 2 Vols.]. Ekaterinodar, Tip. Kuban. obl. pravleniya, 1910, vol. 1. 734 p., 81. ill.

Information About the Author

Nikolai A. Mininkov, Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of History and International Relations of the Southern Federal University, Pushkinskaya St, 140, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, namininkov@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0003-2390-4208

Информация об авторе

Николай Александрович Мининков, доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет, ул. Пушкинская, 140, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, namininkov@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0003-2390-4208

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.9

UDC 94(470)“08/16”
LBC 63.3(2)45

Submitted: 10.10.2023
Accepted: 31.01.2024

ELDER KAPITON AND THE MONASTERIES FOUNDED BY HIM

Nikita V. Bashnin

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation;
Saint Petersburg Ilya Repin Academy of Arts, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The scientific literature pays considerable attention to the Old Believers and religious movements in the 17th century. It is believed that one of the leaders of the mass peasant movement of Old Believers was the preacher elder Kapiton. According to historians, from 1666 to 1897, about 20 thousand people burned down in Russia. These figures, as well as the fact that the tradition of self-immolation has existed for several centuries, indicate the relevance of covering the biography of one of the founders of the radical trend in the Old Believers of the 17th century, Elder Kapiton. *Methods and materials.* The method of archival heuristics made it possible to identify new documents in the fund 1260 in GAVO, collection 117 in the Archive of the SPBI RAS, and the fund 281 in RGADA. Comparative and retrospective methods were used to analyze these documents. *Analysis.* In the 1660s and 80s, self-immolations of “kapitons” took place in the Vologda and Belozersk dioceses, but they were not connected with the Kapiton monastery. Elder Kapiton came to the Vologda diocese and in 1630 founded the monastery of Holy Savior at Knyaginino, after which in 1634 he went to Kostroma county, where he built the Trinity Kolesnikov monastery, where the conflict occurred in 1639. In the monastery of Holy Savior at Knyaginino, after Kapiton’s departure, Daniel became abbot, but after his death, monastic life was interrupted in the 1660s and 90s. *Results.* In historiography, conflicts were associated with spiritual pursuits and the teachings of elder Kapiton, which contradicted the position of the official Church. However, one should also take into account the factor of a possible clash for land and commercial lands with peasants in Totemsky district and the rivalry for spiritual influence in the lively roadside village Danilovskiy, combined with the struggle for land in the district of this settlement with the Transfiguration Monastery. *Funding.* Research for this article was funded by a grant from the Russian Science Foundation, Grant No. 20-78-10060-П, https://rscf.ru/project/20-78-10060/.

Key words: elder Kapiton, medieval monasteries, folk religious movements of the 17th century, Vologda Archbishop’s House, monastery of Holy Savior at Knyaginino, clerical work, source studies.

Citation. Bashnin N.V. Elder Kapiton and the Monasteries Founded by Him. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 97-110. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.9

УДК 94(470)“08/16”
ББК 63.3(2)45

Дата поступления статьи: 10.10.2023
Дата принятия статьи: 31.01.2024

СТАРЕЦ КАПИТОН И ОСНОВАННЫЕ ИМ ОБИТЕЛИ

Никита Викторович Башнин

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Санкт-Петербургская академия художеств им. Ильи Репина, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

© Башнин Н.В., 2024

Аннотация. *Введение.* В научной литературе уделено значительное внимание староверам и религиозным движениям в XVII веке. Считается, что одним из лидеров массового крестьянского движения староверов был проповедник старец Капитон. Согласно подсчетам историков, с 1666 по 1897 г. в России сгорело около 20 тыс. человек. Эти цифры, а также то, что традиция самосожжения просуществовала несколько столетий, указывают на актуальность освещения биографии одного из основателей радикального направления в старообрядчестве XVII в. – старца Капитона. *Методы и материалы.* Метод архивной эвристики позво-

лил выявить в фонде 1260 в ГАВО, коллекции 117 в Архиве СПбИИ РАН и фонде 281 в РГАДА царские и архиерейские грамоты, а также делопроизводственные документы. Для анализа этих источников были использованы сравнительный и ретроспективный методы. *Анализ.* Старец Капитон пришел в Вологодскую епархию и в 1630 г. основал Спасскую Княгинину пустынь, после чего в 1634 г. ушел в Костромской уезд, где построил Троицкую Колесникову пустынь. В 1639 г. там произошел конфликт, после чего туда были переселены иноки Преображенского монастыря. В Спасской Княгининой пустыни после ухода Капитона игуменом стал Даниил, но после его смерти иноческая жизнь в 1660–1690-х гг. прервалась. В 1660–1680-х гг. в Вологодской и Белозерской епархии произошли самосожжения «капитонов», но они не были связаны с Капитоновой Спасской Княгининой пустынью. *Результаты.* В историографии религиозные конфликты в середине XVII в. связывали с духовными исканиями и учением старца Капитона, которое противоречило позиции официальной Церкви. Однако проанализированные факты свидетельствуют о противоречиях из-за земельных и промысловых угодий с крестьянами в Тотемском уезде. В оживленном придорожном селе Даниловском старец Капитон соперничал за духовное влияние и земли в округе этого поселения с братией Преображенского монастыря. *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-78-10060-П, https://rscf.ru/project/20-78-10060/.

Ключевые слова: старец Капитон, средневековые монастыри, народные религиозные движения XVII в., Вологодский архиерейский дом, Спасская Княгинина пустынь, делопроизводство, источниковедение.

Цитирование. Башнин Н. В. Старец Капитон и основанные им обители // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 97–110. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.9

Введение. Народные религиозные движения (староверие) зародились в 1620–1630-х годах. Считается, что одним из лидеров массового крестьянского движения староверов стал проповедник старец Капитон, который основал несколько обителей в вологодских и костромских лесах. По его имени участников этого движения в официальных документах второй половины XVII в. стали именовать «капитонами». Согласно подсчетам историков, с 1666 по 1897 г. в России сгорело около 20 тыс. человек, при этом некоторые ученые считают, что такое количество самоубийц было уже к 1690-м гг. [26, с. 7]. Эти цифры, а также то, что практика самосожжений просуществовала несколько столетий, указывают на актуальность изучения истоков этих событий. Само понятие старообрядец получило широкое распространение в XIX в., но в источниках XVII в. его нет. В конце XVII в. противников реформы патриарха Никона называли староверами.

Методы и материалы. Рукописей, содержащих записи учения старца Капитона, его грамот, а также записей допросов этого человека среди дел Тайного приказа не известно. В связи с этим о его деятельности и судьбе в основном судят по источникам, которые возникли в 1660-х гг. после его смерти. Это допросы пойманных стрельцами людей, которых представители власти называли «капитонами». Однако сохранились документы, свидетельствующие о другой стороне деятельности старца Капитона в 1630–1640-х гг. и судьбах обителей, которые он основал. В фонде 1260 в Государственном архиве Вологодской области (ГАВО) и коллекции 117 в Архиве СПбИИ РАН (оба собрания состоят из материалов архиерейского дома XVII в.) выявлены документы, связанные с Капитоновой пустынью, которая подчинялась Вологодской кафедре. Эта обитель, как и Троицкая Колесникова пустынь в Костромском уезде, имели вотчины, поэтому при секуляризации в середине XVIII в. поземельные акты поступили в Коллегию экономии и выявлены в фонде 281 в РГАДА. Для анализа этих источников были использованы сравнительный и ретроспективный методы.

Дискуссия. Т.А. Опарина подчеркнула, что еще в 1620-х гг. в Вологодских землях возникали еретические движения. Полностью с ее выводом о том, что «вологодские еретики, выразившие столь редкое для русского общества сопротивление правительственной программе и говорившие о защите запрещенного сочинения, так же стали символом противодействия и запомнились» согласиться нельзя [18, с. 445–446]. Все же это не редкий случай, скорее, он хорошо документирован и представляет собой верхушку айсберга, когда во время сыска были зафиксированы сведения о грамотных полемистах.

В.С. Румянцева проанализировала историографию о старце Капитоне, его воззрениях и показала основные направления: 1) Капитон как предшественник старообрядческого раскола (М.Я. Диев, А.А. Титов); 2) Капитон как основатель секты (П.И. Мельников, Н.В. Реутский, Х.М. Лопарев, А.И. Клибанов); 3) Капитон как выразитель апокалиптических идей (В.С. Шульгин, Р. Крамми, С. Зеньковский) [27, с. 66–68]. Е.А. Агеева в энциклопедической статье суммировала сведения из историографии и источников об этой фигуре [1]. А.С. Лавров и А.В. Морохин ввели в научный оборот челобитную иноков Колесниковой пустыни, выступавших на стороне старца Капитона [13, с. 623]. Авторы считают, что благодаря этому документу «появляется возможность услышать голос... сторонников Капитона» [13, с. 623], при этом выявленный документ «дает возможность "дерадикализовать" Капитона» [13, с. 624]. В статье, тем не менее, не поставлен вопрос о том, почему фрагмент этой челобитной хранится среди бумаг Вологодского архиерейского дома. Ведь речь в ней идет о Троицкой Колесниковой пустыни в Костромском уезде около с. Даниловского, которая была в Патриаршей области (согласно приходной книге патриаршего Казенного приказа 1640/41 г., Воскресенская церковь в с. Даниловском и другие храмы в округе были подведомственны патриарху [33, с. 32]). Итак, только частично известна биография старца Капитона, которая изучена без учета сведений об обителях, которые он основал.

Анализ. А.С. Лавров и А.В. Морохин считают, что «Начальный этап деятельности Капитона был связан с Троицкой Колесниковой пустынью, основанной в 1625 г.» [13, с. 622]. Однако В.С. Румянцева пишет о том, что старец Капитон в 1620-х гг. был на р. Ветлуге (заметим, что от современного г. Ветлуга до г. Данилова расстояние по прямой около 334 км) [27, с. 70–72]. В любом случае остается неясным, почему Капитон ушел из Троицкой пустыни или из Ветлужских лесов? Судя по всему, здесь видим целую серию конфликтов: Капитон уходит в Вологодскую епархию и в 1630 г. основывает Спасскую Княгинину пустыню, после чего в 1634 г. уходит в Костромской уезд, где строит Троицкую Колесникову пустынь (современная запустевшая д. Троица-Колясники, приблизительно в 5 км от г. Данилова), но опять через несколько лет в 1639 г. возникают противоречия, после чего судьба старца Капитона по источникам ясно не прослеживается.

Дополним сведения о конфликте в Троицкой Колесниковой пустыни, разобранном А.С. Лавровым и А. В. Морохиным [13, с. 622–625]. Заметим, что старец Сергий, ездивший в Москву и бывший противником старца Капитона, – это может быть Сергий Булычев, который в 1626 г. основал Преображенский монастырь в с. Даниловском и в 1631 г. получил выпись на владения обители [11, № 1229, с. 355–356]. Также выявлена грамота от 19 января 1640 г. из приказа Большого дворца в с. Даниловское к векошнику Федору Бохину [8]. Из нее узнаем, что еще раньше («в нынешнем во 148-м году») он уже получил указ из Москвы о том, чтобы «ис Преображенского монастыря строителю старцу Пимину з братьею перейти жить и кельи им все снесть в Троицком монастыре, где жил затворник старец Капитон, а церкви оставить на старом месте. И тот Троицкой монастырь и всякое монастырьское строенье, пересмотря, описать» [8, сст. 1]. Подчеркнем, что единственный эпитет по отношению к старцу Капитону в этом документе – «затворник». Принципиальной является фраза: «А чорного попа Мирона и старцов, которые ис того Троицкого монастыря розошлися, поимать и держать под крепким началом» [8, сст. 1]. Из этого сообщения источника следует, что старца Капитона в январе 1640 г. в монастыре уже не было, а его сподвижники ушли.

Также становится известно об отписке от 15 января 1640 г., в которой Ф. Бохин сообщил в столицу, что «черный поп Перфирий з братией из Преображенского монастыря перейти в Троицкий не могут», так как «у них служебников и крестьян нет, а они древние и болные и келей перевесть им... нечем» [8, сст. 2]. Для организации помощи в переезде в Москву отправился строитель старец Пимин. Челобитчик сообщил в столице, что «последе Капитона старцы ево, Капитоновы ученики ис того Троицкого монастыря ис церкви образы, и ис приделов царьские двери, и деисусы... и всякое монастырьское строенье розвозили по друзьям и по советником и, розвозя, монастырь покинули пуст» [8, сст. 2].

Кроме этого, становится известно, что в обители, организованной Капитоном, не было теплой церкви, а для перевозки имущества Преображенской обители («всякое... строенье и запасы все их и строили они тот Преображенской монастырь вкладами и своим посильем») в опустевший монастырь строитель Пимен добился указа, фиксирующего перемещение ценностей с помощью пашенных и непашенных крестьян с. Даниловского. Крестьяне должны были перевезти: «Образ Пречистые Богородицы чюдотворные иконы Казанские, и теплую церковь с трапезою, и образы, и колокола, и часы, и кельи, и ограду, и житницы с хлебом, и лошади, и коровы, и всякое строенье» [8, сст. 3]. Однако в с. Даниловском была оставлена большая холодная церковь Преображения и часовня рядом с ней, для церковной службы необходимо было посылать туда «попа понеделно» [8, сст. 4]. Таким образом, эти сведения указывают на то, что, очевидно, возник конфликт (заметим, что в 1636 г. Преображенский монастырь был приписан к Троицкой пустыне; в апреле 1639 г. в Преображенском монастыре произошел пожар, а 22 августа 1639 г. ярославский воевода получил грамоту об аресте Капитона) между двумя близко расположенными обителями (расстояние между ними было около 5–6 верст), в который было втянуто население с. Даниловского [11, № 1229, с. 355–356; 12, № 1937, с. 137–138]. Верх одержал строитель старец Пимен, в результате чего остался один монастырь, а в селе появилась приходская церковь.

Из указной с прочетом грамоты Михаила Федоровича стряпчему Сытного дворца Ивану Носову от 31 марта 1641 г. становится известно, что строитель «Троицкого монастыря Колесниковы пустыни чюдотворные иконы Пречистые Богородицы Казанские» Пимен получил подтверждение прав на пустошь Колесниково и другие владения в Костромском уезде [9]. Подчеркнем, что первоначально документы на эти земли были получены старцем Капитоном. Судя по выписи от 8 декабря 1679 г. из писцовой книги, эти владения так и остались за Троицким Колесниковым монастырем [22].

Итак, после этого конфликта судьба старца Капитона доподлинно не известна. Ученые предлагают разные версии: «По мнению А.А. Титова, Капитон был отправлен в Спасский монастырь в Ярославле, где и умер. В.С. Румянцева утверждала, что он бежал из монастыря в Костромские леса. С.А. Зеньковский считал, что в монастырское заключение в Ярославле Капитон так и не попал» [13, с. 622, примеч. 2].

А.А. Преображенский предположил, что в отписке тобольских воевод от 27 декабря 1640 г. упоминается «известный противник официальной церкви – Капитон, давший имя одному из сектантских направлений («капитоны»)». Приведем цитату из документа: «В прошлом, государь, во 147-м году писали к тебе, ко государю, из Сибири с Тобольска стольник и воеводы князь Михайло Темкин-Ростовской с товарыщи, что они по твоему государеву указу Знаменского монастыря ссыльного чернца Малаха против ево прежнево извету, что он извещал Знаменсково же монастыря на чернова попа Галактиона в воровском непристойном слове и на архиепископлих ссыльных старцов на Капитона да на Михаила, у пытки роспрашивали и пытать велели накрепко» [24, с. 63–64]. Однако из сообщения этого источника не ясно, действительно ли это тот самый старец, который был основателем обителей в Вологодском и Костромском уездах, иноческое имя Капитон неоднократно встречается в XVII в. и поэтому требуются дополнительные сведения для подтверждения того, что в Тобольском доме Св. Софии в «147-м» году, то есть в 1638/39 г., оказался тот самый Капитон из Троицкой Колесниковой пустыни. Если предположить, что пересылка арестованного старца Капитона была произведена через Вологду в Сибирь, тогда становится более понятно, почему один из документов, опубликованный А.С. Лавровым и А.В. Морохиным [13], оказался в архиерейской казне. Однако все это требует дополнительных архивных изысканий.

Обратимся к истории другой обители, основанной старцем Капитоном. Согласно П.М. Строеву, около 1630 г. возникла Спасская пустынь при озере Княгинине в Вологодском уезде. Кроме Капитона ученый называет в этой обители игумена Даниила в 1650–1654 гг. [32, стб. 770]. Из царской грамоты от 8 февраля 1650 г. архиепископу Вологодскому и

Великопермскому Маркеллу становится известно, что старец Капитоновской пустыни Нифонт в сентябре 1649 – январе 1650 г. бил челом на Москве о том, что в пустыне нет иеромонаха и «братья у них многие помирают без даров и без покаяния», церкви «стоят без пения, впусте... а ему-де старцу Нифонту тех церквей построить и попа призвать нечем». Фраза «братья у них многие» противоречит сообщению о том, что вместе со старцем Нифонтом живут «два брата», получается, что в предыдущие годы другие «многие» монашествующие скончались и были погребены без исповеди, или для их похорон долго ждали священника из отдаленной от пустыни церкви. Монастырь был без иеромонаха «впусте» десять лет [2, № 37, с. 127; 6]. Если это сообщение верно, то после ухода старца Капитона из Преображенской Княгининой пустыни в 1634 г. в Костромской уезд, до 1639 г. на р. Ихалице был иеромонах и, очевидно, более двух чернецов. Другие иноки могли уйти с Капитоном на новое место. Согласно челобитной, датируемой «незадолго... до 1639 г.», старец Капитон «по царьской светлости и жалованью приехал на пустошь Колесниково сам-пят и с Сергием» [13, с. 625]. Возможно, это и есть бывшие насельники Капитоновой пустыни?

Вторая часть царской грамоты от 8 февраля 1650 г. содержит ответ на просьбу архиепископа Маркела: «Тое прежнюю Капитоновскую Княинину пустыню, на Шуе Пустой, церкви построить тебе, богомольцу нашему, Софейскою домовою казною и черного попа в той пустыне устроить» [2, № 37, с. 128; 6]. Таким образом, Капитонова пустынь становится домовой, приписной к архиерейской кафедре [42, с. 356]. В РГАДА выявлен подлинник этой грамоты от 8 февраля 1650 г. с подтверждением от 12 марта 1677 г. при ц. Федоре Алексеевиче [7].

Сохранился черновик грамоты вологодского владыки Маркелла игумену Арсениевой Масленой пустыни Даниилу о назначении его строителем в Княгинину Капитоновскую пустынь [5]. Акт не датирован, но исходя из того, что 9 марта 1654 г. Даниил назван уже игуменом Капитоновой пустыни: «Игумен Данило да старец Симон з братьею» [35; 36, сст. 1], полагаем, что этот источник возник незадолго до этого – в 1653 году. Согласно черновику документа, игумен Даниил просил архиепископа Маркелла отпустить «на его обещание в Вологодской же уезд в Пустую Шую во Княинину Капитоновскую пустыню», чтобы «церковь Преображение Господне, и Пресвятой Богородицы Казанские, и преподобных отцов Зосимы и Саватея Соловецких чюдотворцев велеть строить и братию в тое пустыню призывать и пашнею, и сенными покосы, и рыбною ловлею и всеми угодьи той пустыни, чем старец Капитон владел» распоряжаться [5]. Этот документ указывает на то, что Капитонова пустынь подчинялась Вологодской кафедре, а также подчеркивает, что Капитон был только старцем. Он был основателем обители, вероятно, получив на это благословение от епископа Вологодского и Великопермского Варлаама II (1626–1645), но так и не стал игуменом, хотя и был получателем документов от светской власти на землю под пустынью, сенные и рыболовные угодья. Эти факты говорят о признании старца Капитона властями, однако остается неясным, почему он не стал игуменом или строителем. Отметим еще одну существенную деталь – в пустыни была возведена церковь с двумя приделами (или же это три церкви?), очевидно, деревянная, при этом, судя по посвящениям, они были освящены и имели антиминсы, а их существование признавали в Вологде.

Сохранился подлинник и список с царской грамоты от 9 марта 1654 г., адресованной тотемскому воеводе К.А. Трусову о пожаловании игумена Капитоновой пустыни Данила и старца Симона «з братьею» рыбными ловлями, сенными покосами и другими угодьями, а также память [21; 35; 36]. В этом акте содержится указание, что первичным получателем этих угодий был старец Капитон [36, сст. 1]. Из этой грамоты остается неясной дата пожалования старца, а также формулировка «к пустыни, что под монастырем». Означает ли это, что основанная им обитель названа в источнике монастырем, а речь идет о пустыни в значении слова пустошь, в дополнение к которой инок получил озеро Княгинино. В этом случае предположим, что была не только грамота на Княгинино озеро, но и до нее старец получил документ о владении пустошью и землей, на которой он стал строить монастырь.

Примечательной является фраза о том, что основатель пустыни «старец Капитон съехал неведомо куды, покиня их» [36, сст. 1]. Очевидно, это сообщение говорит о том, что старец не только уехал, но и забрал документы на те угодья, которые были пожалованы Спасской обители. В противном случае зачем понадобилось челобитье от нового игумена Данила о документальном подтверждении владения тем, что было уже пожаловано. Результатом челобитья стала царская грамота тотемскому воеводе. Похожая ситуация с документами сложилась в Троицкой Колесниковой пустыни в 1639 г., когда строитель старец Пимен заново оформлял документы на монастырскую собственность [27, с. 73].

Вот как описано состояние Капитоновой пустыни и принадлежность угодий в Тотемском уезде: «И у них-де к тому озерку нашего жалованья никакия руги нет, место пустое, от людей отдалело верст з дватцать и монастырсково и церковнаго всякаго строения построить им-де и питатца нечем. А с тово-де Княинина озерка вышла речка Ихалица... владеют Кожюховские деревни крестьяне... да Голубинские пустыни старец Иасаф» [36, сст. 1–2]. Отметим указание на удаленность местности «от людей», а также то, что частью угодий владел старец Голубинской пустыни, которая располагалась приблизительно в 40 верстах от Капитоновой, вверх по течению р. Сухоны [14, с. 246, № 31–14; 15, с. 98, № 31–14].

Царская грамота от 9 марта 1654 г. пришла на Тотьму 17 апреля 1654 г., после чего была составлена память от имени воеводы К.А. Трусова, в которой описаны рыбные ловли и сенокосные угодья, которыми теперь владел игумен Данил «безоброчно» [36]. Подчеркнем, что обитель поименована как «Вологоцкого уезду Капитоновские пустыни игумену Данилу з братьею» [36, сст. 2], при этом угодья были в «Тотемском уезде» [36, сст. 1] и «Тотемского же уезду Голубинские пустыни старцу Иасафу з братьею» во владении ими следовало «отказать» [36, сст. 3]. Итак, итогом деятельности первого и последнего игумена Капитоновой пустыни Даниила стало закрепление за обителью сенокосных и рыболовных угодий.

Кратко о том, что произошло потом, узнаем из выписки с окладных книг на владения Капитоновой пустыни 1666/67 года. В документе сообщается, что «в прошлом во 174-м году апреля в 4 день по челобитью... крестьян Замятки Еремеева с товарищи те рыбные ловли и сенные покосы и лука... отданы прежним владелщиком Ихалицкие слободки всем крестьянем... потому что-де Капитонова пустыня ныне пуста, запустела тому годов с семь, а игумен Данило умер, а старец Симон и братья розошлась врознь» [4, сст. 2–3]. Из этой цитаты становятся известны принципиально важные сведения о том, что в 1658/59 г. скончался игумен Даниил. После него других игуменов не появилось, и старец Симон с братией ушли из обители.

К 1663 г. часть имущества Капитоновой пустыни была вывезена в Вологодский архиерейский дом [19, с. 86]. При архиепископе Вологодском и Белозерском Симоне 12 декабря 1669 г. начался поиск документов, выданных игумену Капитоновой пустыни Даниилу в 1650-х годах. Поскольку Даниил до этого был в Арсеньевой Масляной пустыни, то по архиерейскому указу сын боярский Федор Блинов отправился искать грамоты именно туда: «Игумен Иона з братею сказал... грамот ни крепостей не бывало никаких. А была у нас великого государя грамота даная, дал ея тое же пустыни строитель Симон» [29]. Итак, старец Симон, известный по предыдущим документам, как сопровождающий игумена Даниила, назван строителем. Это дает основание предположить, что после смерти настоятеля какое-то время в Капитоновой пустыни жили иноки, а во главе братии был старец Симон в чине строителя.

Через какое-то время акты Капитоновой пустыни все же были найдены, так как в описи казны Вологодского архиерейского дома 1676 г. они зафиксированы [19, с. 126]. Разобранные выше документы от 8 февраля 1650 г. и от 9 марта 1654 г. имеют подтверждения, датированные 12 марта 1677 г., что говорит об их актуальности для Вологодской кафедры [36]. В описи 1681 г. не только упомянуты эти две грамоты, но и отмечено, что они посланы в Москву [34, с. 452]. Очевидно, в марте 1682 г. эти акты понадобились в столице в связи с тем, что именно в это время происходило обсуждение вопроса об учреждении Великоустюжской епархии [43]. Одной из причин

ее учреждения была борьба со староверами [31]. М.С. Черкасова опубликовала челобитную устюжан патриарху Иоакиму 1683 г., в которой они отмечают, что владыка уже успел осуществить возвращение ряда «капитонов» в Церковь [43, с. 232].

О пограничном статусе Капитоновой пустыни и ее угодий становится известно из двух документов. Так, из челобитной подьячего Вологодского архиерейского дома Григория Георгиева митрополиту Ростовскому и Ярославскому Ионе узнаем, что никольский священник Иван из Ихалицкой Слободки за пользование «Софейскими домовыми угодьи Капитоновской пустыни сенными покосы..., что старец Данило владел игумен» оброка платил в год по рублю [39]. В этом документе принципиально упоминание давно умершего игумена Даниила, а также сама ситуация, когда Капитоновская пустыня с угодьями принадлежит Вологодскому архиерейскому дому, но пользуется ими священник Иван, подчиняющийся Ростовскому архиерейскому дому. В данном случае вологодскому «архиерейскому холопу» пришлось бить челом Ростовскому владыке. Сохранился список с челобитной аналогичного содержания, но написанной стряпчим Вологодского архиерейского дома Иваном Александровым и также адресованный в Ростов [41]. Итак, после возникновения новой епархии Капитонова пустынь осталась в ведении вологодского владыки.

Угодья, которые принадлежали Капитоновой пустыне, во второй половине XVII в. сдавали на оброк крестьянам и священникам [30]. В 1672 г. подьячий Григорий Юрьев в челобитной архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону сообщал, что крестьянин Федор Тихонов вместе с соседями самовольно пользуется этими землями [40]. Вскоре стряпчий вологодского владыки Акинфей Ермолаев сын Горяинов подписал с ними мировую грамоту [16]. Из еще одной крестьянской челобитной 1676 г. узнаем, что взятые на оброк Никитой Осиповым сыном Вепревым угодья были использованы незаконно другими крестьянами, скосившими сено и собравшими лыко [37]. В 1678 г. архиерейский казначей старец Никон принимал оброчные деньги за пользование владениями Капитоновой пустыни [20]. Известна челобитная крестьянина Семена Карпова к архиепископу Вологодскому и Белозерскому Гавриилу, в которой он просит «отдать ис своей святительской домовой казны свои архиерейские домовые Капитоновской пустыни угодья из рощистки под жило, под пашню и под сенной покос на урочные годы на дватцать лет» [38]. О принятом решении по этой челобитной неизвестно.

Согласно приходо-расходной книге 1677/78 г. Вологодского архиерейского дома, Капитонова пустынь с угодьями были отданы на оброк за 1 рубль в год [25, с. 394]. В 1702 г. с ее сенных покосов собирали 20 алтын в год [34, с. 280]. При этом возникали судебные дела, связанные с определением принадлежности этих земель и езов [19, с. 247].

Обратимся к документам из приказа Тайных дел для того, чтобы понять, были ли как-то связаны «капитоны» из Вологодского уезда с Капитоновой пустынью. В указной грамоте из приказа Тайных дел от 20 марта 1666 г. к воеводе С.А. Зубову на Вологду находим характеристику поведения крестьянина, которого считали последователем Капитона: «Фомка Артемьев з женою и детьми капитонит и к церкви Божии не ходят, и у отца духовного не бывают, и умерли ис семьи ево четыре человека без покаяния» [17, с. 158]. В результате сыска в Вологодском уезде весной 1666 г. было выявлено 58 последователей старца Капитона [17, с. 168]. По подсчетам В.С. Румянцевой, всего известно о 71 человеке [28, с. 173].

При расспросах крестьян Вологодского уезда выяснилось, что в поведении сочетались религиозные и бытовые установки. Крестьяне не ходили в церковь, не причащались, соблюдали посты не по канонам, некоторые «опричь хрену да ретки и в светлое Христово воскресенье не ели» [17, с. 168]. Нежелание ходить в церковь объясняли тем, что «ныне поют и говорят по-новому не против прежняго» [17, с. 168]. Некоторые сказали, «что они з женами своими, а жены с мужьями своими вместе не ели и с ними не спали года по 2 и болши» [17, с. 168]. Кирилко Перфильев сын Неусыпаев ходил в церковь и пускал к себе священников, но «мяса он, Кирилко, ни рыбы ни молока не ест», а его отец «умер без покаяния, а лежало тело ево недели с три, а погребен у церкви» [17, с. 170]. При этом некото-

рые, узнав о сыске, сожгли себя: «В марте месяце 4 человека, нанося в избу сена да склав и запершись, и изнутри зажги сами и згорели» [17, с. 169]. Другая группа «капитонов» поступила иначе: «7 человек утаясь от людей вышли из деревни ночью в поле и сели в дехтярном струбе и зажгли сами и в том струбе згорели» [17, с. 169]. Этим трагедиям и сыску предшествовала поездка крестьян Павло-Обнорского монастыря Федьки Микитина да Ларки Антропова в 1665 г. с другими людьми в Вязниковский уезд «в пустыню от Везников верст з десеть в лесах. А та пустыня словет Капитонова, а живет-де в ней старец, Вавилом зовут...» [17, с. 163].

Сведения о «капитонах» есть в Вологодской летописи за ноябрь 1686 г. и март 1687 г.: «Ноября в 9 день в селе на Великой реке погорели самовольным пожаром Василей Омельянов, Лука Андреев, Алексей Кузнец с товарыщи, и з женами, и з детми, и того числом пятьдесят семь человек монастырьских крестьян, будучи в капидонстве, на лесу в двух избах; а учитель их был неведомо чей крестьянин, Першуткою звали, и того сожгли по указу великих государей на Вологде в струбе с ыными капидоны» [23, с. 186].

Выявлено дело 1690 г. по изветной челобитной дьячка Якова Иванова на священников Ивана Поликарпова и его сына Никифора с несколькими десятками прихожан церкви Бориса и Глеба в Обнорской волости Вологодского уезда [10, сст. 2]. В этих документах встречаем оправдание обвиняемых в том, что священник «без причастия ямщичьих жен и нас прихоцких людей без причастия никого не погребывал и дву рублев ни с кого не бирывал, а капитонов у себя мы в приходе не знаем...» [10, сст. 3]. Из дальнейшего знакомства с делом становится очевидно, что причиной спора стало распределение церковных доходов, с которым не согласился дьячек Яков Иванов и решил обвинить в «капитонстве» своих противников. Таким образом, это обвинение стало инструментом борьбы в повседневной жизни.

В приведенных выше документах не упоминается Капитонова пустынь, а также нет сведений о том, что крестьяне общались со старцем Капитоном. Подчеркнем, что упоминается только его имя, уже к 1660-м гг. ставшее нарицательным для людей, не соблюдавших церковные каноны, и его ученики, которые распространяли это радикальное учение. Очевидно, это свидетельствует о том, что бывший монастырь не являлся опорой этого движения.

Результаты. Н.М. Македонская локализовала на топографической карте местонахождение Капитоновой пустыни. С севера от р. Сухоны нужно подняться вверх по течению р. Ихалицы около 22 км. С юга – от современного населенного пункта Разливное вниз по течению р. Мизюги и до слияния ее с р. Килехмой и образования р. Ихалицы, по которой вниз по течению до пустыни – около 26 км. С запада находится болото Ихалицкое, с востока – болото Большая Чисть [14, с. 246, № 33–14; 15, с. 98, № 33–14]. Таким образом, в радиусе 20 км и более нет мест, пригодных для размещения населенных пунктов. Очевидно, что строительство обители в таких труднодоступных местах может свидетельствовать об определенном духовном радикализме, искании уединенности, сопровождаемой бытовыми тяготами, а также поиском независимости от церковного начальства.

Однако в 1634 г. старец Капитон строит Троицкую Колесникову пустынь в 5 верстах от с. Даниловского, которое располагается на оживленной дороге Москва – Вологда [3]. Сама пустынь находилась на сухом месте в окружении небольших лесов, за которыми располагались деревни. Таким образом, выбор места для устройства этого монастыря явно преследовал цель его материального благополучия. Уже в первые годы существования обители в ней началось каменное строительство. Этот факт указывает на возможное изменение в мировоззрении Капитона и, вероятно, на его желание обратиться к большему количеству людей, чем те, что были ему доступны в Княгининой пустыни. Отметим любопытное совпадение – один из приделов или храм в Капитоновой пустыни был посвящен Богоматери Казанской, а в Преображенском монастыре в Данилове фигурирует чудотворная икона Богородицы Казанской, которая потом будет перенесена в Троицкую Колесникову обитель.

Принципиальной общей деталью в этих ситуациях является то, что старец Капитон в

обоих случаях смог добиться разрешения на основание монастырей, а затем оформил документы на собственность окружающих земельных участков, которая в одном случае не получила развития, а во втором закрепилась за обителью и разрослась. По сути он был инициатором формирования монастырских вотчин. Однако этот инок неоднократно покидает основанные им пустыни. Обратим внимание, что как в официальных документах, так и в челобитной от сторонников Капитона рефреном звучит фраза о том, что он уходит: «И он пошел в темныя места, старец Капитон» [13, с. 625]. Из этого и других скупых свидетельств источников складывается впечатление, что во время столкновений Капитон предпочитал уходить. В историографии эти конфликты связывали с его духовными исканиями и учением, которое противоречило позиции официальной Церкви. Однако следует учесть еще фактор возможного столкновения за промысловые угодья с крестьянами в Тотемском уезде и соперничество за духовное влияние в оживленном придорожном с. Даниловском в сочетании с борьбой за земли в округе этого же поселения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева В. А. Капитон // Православная энциклопедия. М.: Православ. энцикл., 2012. Т. 30. С. 547–551.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1842. Т. IV. 604 с.
3. Башнин Н. В. К вопросу о транспортных путях и средствах передвижения в XVII в. (по материалам приходо-расходных книг Вологодского архиерейского дома) // Вестник церковной истории. 2018. № 3/4 (51/52). С. 303–330.
4. Выписка из окладных книг на владения Капитоновой пустыни, 1666/67 г. // Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1260. Оп. 1. Ед. хр. 2770. Сст. 1–4.
5. Грамота архиепископа Вологодского и Белозерского Маркелла игумену Арсениевой пустыни Даниилу о назначении его строителем в Княгинину Капитонову пустынь, 1653 г. // Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПбИИ РАН). Кол. 117. Оп. 1. Ед. хр. 361. Сст. 1.
6. Грамота царя Алексея Михайловича архиепископу Маркеллу о строительстве Капитоновой пустыни, 1650 г., февраля 8 // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Ед. хр. 839. Сст. 1–2.
7. Грамота царя Алексея Михайловича архиепископу Маркеллу о строительстве Капитоновой пустыни, 1650 г., февраля 8 // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 281. Ед. хр. 12348. Сст. 1–2.
8. Грамота царя Михаила Федоровича в Костромской уезд в дворцовое село Даниловское Федору Бохину о перевозе строений и имущества Спасо-Преображенского монастыря на место Троицкого на пустошь Колесниково, 1640 г., января 19 // РГАДА. Ф. 281. Ед. хр. 5246. Сст. 1–4.
9. Грамота царя Михаила Федоровича в Костромской уезд в дворцовое село Даниловское Ивану Носову, подтверждающая владельческие права Троицкого монастыря на пустошь Колесниково, Маремьянин починок и Комаров починок в Костромском уезде, 1641 г., марта 31 // РГАДА. Ф. 281. Ед. хр. 5248. Сст. 1–7.
10. Дело по изветной челобитной бывшего дьячка Якова Иванова на священника Ивана Поликарпова и его сына с прихожанами ц. Бориса и Глеба по обвинению в капитонстве, 1690 г., сентября 16 – декабря 2 // Архив СПбИИ РАН. Кол. 117. Оп. 1. Ед. хр. 1873. Сст. 1–3.
11. Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 2. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1892. 462 с.
12. Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 3. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1897. 259 с.
13. Лавров А. С., Морохин А. В. «Старообрядец до раскола»: новый документ XVII века о старце Капитоне // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 2. С. 619–630.
14. Македонская Н. М. Церковно-исторический атлас Вологодской области. Т. 1. Списки церквей и монастырей. Вологда: Древности Севера, 2007. 256 с.
15. Македонская Н. М. Церковно-исторический атлас Вологодской области. Т. 2. Картографический материал. М.; Вологда: Древности Севера, 2007. 128 с.
16. Мировая запись крестьян Федора Кулпа и Авраама Монзикова стряпчему вологодского архиепископа Симона Акинфу Ермолаеву сыну Горяинова с обязательством не вступаться в земли Капитоновой пустыни по речкам Ихалеце и Молонге в Тотемском уезде, 1672 г., мая 23 // РГАДА. Ф. 281. Ед. хр. 12368. Сст. 1–2.
17. Народное антицерковное движение в России XVII века. Документы приказа Тайных дел о раскольниках. 1665–1667 гг. / сост. В. С. Румянцева. М.: Ин-т истории АН СССР, 1986. 244 с.

18. Опарина Т. А. Дело вологодских еретиков // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск: [б. и.], 2003. С. 439–446.

19. Описи Вологодского архиерейского дома Св. Софии второй половины XVII – начала XVIII в. / сост. Н. В. Башнин. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. 357 с.

20. Отпись о приеме оброчных денег с угодий Капитоновой пустыни в архиерейскую казну, 1678 г., сентября 29 // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Ед. хр. 5066. Сст. 1.

21. Память тотемского воеводы К.А. Трусова игумену Капитоновой пустыни Данилу с братией, 1654 г., апреля 7 // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 6. Ед. хр. 269. Сст. 1–3.

22. Писцовая и межевая выпись Максима Петровича Кругликова и подьячего Прокофия Стахеева строителю Троицкой Колесниковой пустыни Моисею на монастырские владения в Костромском уезде, 1679 г., декабря 8 // РГАДА. Ф. 281. Ед. хр. 5339. Л. 1–29.

23. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. / сост. Н. А. Казакова, К. Н. Сербина. Л.: Наука, 1982. 228 с.

24. Преображенский А. А. Неизвестный автограф Сибирского летописца Саввы Есипова // Советские архивы. 1983. № 2. С. 63–65.

25. Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII – начало XVIII в. / сост. Н. В. Башнин. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2016. 872 с.

26. Романова Е. В. Массовые самосожжения старообрядцев в России в XVII–XIX веках. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. 288 с.

27. Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М.: Наука, 1986. 262 с.

28. Румянцева В. С. Сыскное дело Тайного приказа о вологодских капитонах // История СССР. 1978. № 2. С. 170–180.

29. Сказка игумена Арсеньевой пустыни Ионы с братьею о неимении у них государевых грамот и крепостей на Капитонову пустынь, 1669 г., декабря 12 // Архив СПбИИ РАН. Кол. 117. Оп. 1. Ед. хр. 839. Сст. 1.

30. Сказка крестьян Тотемского уезда о том, что они 10 лет пользовались угодьями Капитоновой пустыни, 1670 г., мая 23 // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Ед. хр. 3299. Сст. 1.

31. Смирнова С. С. Великоустюжская и Тотемская епархия // Православная энциклопедия. М.: Православ. энцикл., 2004. Т. 7. С. 516–523.

32. Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1877. 1064 стб.

33. Устинова И. А. Делопроизводственные документы патриарших приказов 1-й половины XVII в.: Приходная книга патриаршего Казенного приказа 1640/41 г. Ч. 5 // Вестник церковной истории. 2016. № 1/2 (41/42). С. 30–54.

34. Хозяйственные книги Вологодского архиерейского дома Святой Софии XVII – начала XVIII в. / сост. Н. В. Башнин. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. 896 с.

35. Царская грамота Тотемскому воеводе К.А. Трусову о пожаловании игумену Капитоновой пустыни Даниилу с братьею угодий, 1654 г., марта 9 // РГАДА. Ф. 281. Ед. хр. 12349. Сст. 1–4.

36. Царская грамота Тотемскому воеводе К.А. Трусову о пожаловании игумену Капитоновой пустыни Даниилу с братьею угодий, 1654 г., марта 9 // Архив СПбИИ РАН. Кол. 117. Оп. 1. Ед. хр. 364. Сст. 1–3.

37. Челобитная крестьянина Н.О. Вепрева архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону на П. Стефанова и других, которые самовольно используют угодья Капитоновой пустыни, 1676 г., июня 10 // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Ед. хр. 4730. Сст. 1.

38. Челобитная крестьянина Тотемского уезда С. Карпова архиепископу Вологодскому и Белозерскому Гавриилу о получении на оброк на 20 лет угодий Капитоновой пустыни, после 1685 г. // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Ед. хр. 7052. Сст. 1.

39. Челобитная подьячего Вологодского архиерейского дома Г. Георгиева митрополиту Ростовскому и Ярославскому Ионе о взыскании со священника Ивана 60 рублей за неправомерное использование угодий Капитоновой пустыни, около 1670 г. // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. Ед. хр. 279. Сст. 1.

40. Челобитная подьячего Г. Юрьева архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону на крестьян Тотемского уезда, которые владеют землями Капитоновой пустыни, 1671 г. // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Ед. хр. 3595. Сст. 1.

41. Челобитная стряпчего Вологодского архиерейского дома И. Александрова митрополиту Ростовскому и Ярославскому Ионе о взыскании со священника Ивана 60 рублей за неправомерное использование угодий Капитоновой пустыни, около 1670 г. // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Ед. хр. 5562. Сст. 1.

42. Черкасова М. С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда: Древности Севера, 2012. 575 с.

43. Черкасова М. С. Великоустюжский архиерейский дом: открытие и начальный этап деятельности (1682–1700) // Вестник церковной истории. 2017. № 1/2 (45/46). С. 193–271.

REFERENCES

1. Ageeva V.A. Kapiton [Capiton]. *Pravoslavnaya enciklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Pravoslav. entsikl. Publ., 2012, vol. 30, pp. 547-551.

2. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoj komissiej* [Historical Acts Collected and Published by the Archaeological Commission]. Saint Petersburg, Tip. Ekspedicii zagotovleniya gos. bumag, 1842, vol. IV. 604 p.

3. Bashnin N.V. K voprosu o transportnyh putyah i sredstvah peredvizheniya v XVII v. (po materialam prihodo-raskhodnyh knig Vologodskogo arhierejskogo doma) [On the Issue of Transport Routes and Means of Transportation in the 17th Century (Based on the Materials of the Parish and Expense Books of the Vologda Episcopal House)]. *Vestnik cerkovnoj istorii* [Bulletin of Church History]. 2018, vol. 3/4 (51/52), pp. 303-330.

4. Vypiska iz okladnyh knig na vladeniya Kapitonovoj pustyni, 1666/67 g. [1666/67 – Extract from the Salary Books on the Possessions of the Kapitonova Desert]. *Gosudarstvennyj arhiv Vologodskoj oblasti (GAVO)* [State Archive of the Vologda Region], f. 1260, inv. 1, no. 2770, l. 1-4.

5. Gramota arhiepiskopa Vologodskogo i Belozerskogo Markella igumenu Arsenievoj pustyni Daniilu o naznacheny ego stroitelem v Knyagininu Kapitonovu pustyn', 1653 g. [Letter from the Archbishop of Vologda and Belozersk Markell to Abbot Daniil of the Arsenievo Hermitage About Being Appointed as His Builder in the Knyaginina Kapitonov Hermitage, 1653]. *Arhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossijskoj akademii nauk (Arhiv SPbII RAN)* [Archive of Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences], coll. 117, inv. 1, dep. item 361, l. 1.

6. Gramota carya Alekseya Mihajlovicha arhiepiskopu Markellu o stroitelstve Kapitonovoj pustyni, 1650 g., fevralya 8 [February 8, 1650 – A Letter of Tsar Alexei Mikhailovich to Archbishop Markell on the construction of the Kapitonov Hermitage]. *GAVO* [State Archive of the Vologda Region], f. 1260, inv. 1, dep. item 839, l. 1-2.

7. Gramota carya Alekseya Mihajlovicha arhiepiskopu Markellu o stroitelstve Kapitonovoj pustyni, 1650 g., fevralya 8 [Letter from Tsar Alexei Mikhailovich to Archbishop Markell on the Construction of the Kapiton Hermitage, 1650, February 8]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 281, dep. item 12348, l. 1-2.

8. Gramota carya Mihaila Fedorovicha v Kostromskoj uezd v dvorcovoe selo Danilovskoe Fedoru Bohinu o perevoze stroenij i imushchestva Spaso-Preobrazhenskogo monastyrya na mesto Troickogo na pustosh Kolesnikovo, 1640 g., yanvarya 19 [Letter from Tsar Mikhail Fedorovich in the Kostroma District to the Palace Village of Danilovskoye to Fyodor Bokhin on the Transportation of Buildings and Property of the Transfiguration Monastery to the Site of the Trinity Monastery on the Kolesnikovo Wasteland, 1640, January 19]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 281, dep. item 5246, l. 1-4.

9. Gramota carya Mihaila Fedorovicha v Kostromskoj uezd v dvorcovoe selo Danilovskoe Ivanu Nosovu, podtverzhdayushchaya vladelcheskie prava Troickogo monastyrya na pustosh Kolesnikovo, Maremyanin pochinok i Komarov pochinok v Kostromskom uezde, 1641 g., marta 31 [Letter from Tsar Mikhail Fedorovich in the Kostroma District in the Palace Village of Danilovskoye to Ivan Nosov, Confirming the Ownership Rights of the Trinity Monastery to the Kolesnikovo Wasteland, Maremyanin Pochinok and Komarov Pochinok in the Kostroma District, 1641, March 31]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 281, dep. item 5248, l. 1-7.

10. Delo po izvetnoj chelobitnoj byvshego dyachka Yakova Ivanova na svyashchennika Ivana Polikarpova i ego syna s prihozhanami c. Borisa i Gleba po obvineniyu v kapitonstve, 1690 g., sentyabrya 16 – dekabrya 2 [Case of the Petition of the Former Lector Yakov Ivanov Against the Priest Ivan Polikarpov and His Son with the Parishioners of the Church of Boris and Gleb on the Charge of Capitonism, 1690, September 16 – December 2]. *Arhiv SPbII RAN* [Archive of Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences], coll. 117, inv. 1, dep. item 1873, l. 1-3.

11. Zverinskij V.V. *Materialy dlya istoriko-topograficheskogo issledovaniya o pravoslavnyh monastyryah v Rossijskoj imperii. T. 2* [Materials for Historical and Topographical Research on Orthodox Monasteries in the Russian Empire. Vol. 2]. Saint Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i K°, 1892. 462 p.

12. Zverinskij V.V. *Materialy dlya istoriko-topograficheskogo issledovaniya o pravoslavnyh monastyryah v Rossijskoj imperii. T. 3* [Materials for Historical and Topographical Research on Orthodox Monasteries in the Russian Empire. Vol. 3]. Saint Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i K°, 1897. 259 p.

13. Lavrov A.S., Morohin A.V. «Staroobryadec do raskola»: novyj dokument XVII veka o starce Kapitone ["The Old Believer Before the Split": New Document of the 17th Century About the Elder Kapiton]. *Quaestio Rossica*, 2023, vol. 11, no. 2, pp. 619-630.

14. Makedonskaya N.M. *Cerkovno-istoricheskij atlas Vologodskoj oblasti. T. 1. Spiski cerkvej i monastyrej* [Church-Historical Atlas of the Vologda Region. Vol. 1. Lists of Churches and Monasteries]. Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2007. 256 p.

15. Makedonskaya N.M. *Cerkovno-istoricheskij atlas Vologodskoj oblasti. T. 2. Kartograficheskij*

material [Church-Historical Atlas of the Vologda Region. Vol. 2. Cartographic Material]. Moscow, Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2007. 128 p.

16. Mirovaya zapis krestyan Fedora Kulpa i Avraama Monzikova stryapchemu vologodskogo arhiepiskopa Simona Akinfu Ermolaevu synu Goryainova s obyazatelstvom ne vstupatsya v zemli Kapitonovoj pustyni po rechkam Ihalece i Molonge v Totemskom uezde, 1672 g., maya 23 [Record of the Peasants Fyodor Kulp and Abraham Monzikov to the Solicitor of the Vologda Archbishop Simon Akinfa Ermolaev, Son of Goryainov, with the Obligation Not to Enter the Lands of the Kapitonov Hermitage Along the Rivers Ikhalets and Molonga in Totemsky District, 1672, May 23]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 281, dep. item 12368, l. 1-2.

17. Rumyanceva V.S., ed. *Narodnoe anticerkovnoe dvizhenie v Rossii XVII veka. Dokumenty prikaza Tajnyh del o raskolnikah. 1665–1667 gg.* [Popular Anti-Church Movement in Russia of the 17th Century. Documents of the Prikaz of Secret Affairs About Schismatics. 1665–1667]. Moscow, In-t istorii AN SSSR, 1986. 244 p.

18. Oparina T.A. Delo vologodskih eretikov [Case of the Vologda Heretics]. *Kniga i literatura v kulturnom kontekste* [Book and Literature in a Cultural Context]. Novosibirsk, s.n., 2003, pp. 439-446.

19. Bashnin N.V., ed. *Opisi Vologodskogo arhierejskogo doma Sv. Sofii vtoroj poloviny XVII – nachala XVIII v.* [Inventories of the Vologda Bishop's House of St. Sophia of the Second Half of the 17th – Beginning of the 18th Century]. Moscow, Saint Petersburg, Alyans-Arheo Publ., 2020. 357 p.

20. Otpis o prieme obrochnyh deneg s ugodij Kapitonovoj pustyni v arhierejskuyu kaznu, 1678 g., sentyabrya 29 [Record of the Acceptance of Quitrent Money from the Lands of the Kapiton Hermitage to the Bishop's Treasury, 1678, September 29]. *GAVO* [State Archive of the Vologda Region], f. 1260, inv. 1, dep. item 5066, l. 1.

21. Pamyat totemskogo voevody K.A. Trusova igumenu Kapitonovoj pustyni Danilu s bratiej, 1654 g., aprelya 7 [Memory of the Totma Governor K.A. Trusov to the Abbot of the Kapiton Hermitage Danila with the Brethren, 1654, April 7]. *GAVO* [State Archive of the Vologda Region], f. 1260, inv. 6, dep. item 269, l. 1-3.

22. Piscovaya i mezhevaya vypis Maksima Petrovicha Kruglikova i podyachego Prokofiya Staheeva stroitelyu Troickoj Kolesnikovoj pustyni Moiseyu na monastyrskie vladeniya v Kostromskom uezde, 1679 g., dekabrya 8 [Scribe and Survey Discharge from Maxim Petrovich Kruglikov and Clerk Prokofy Stakheev to the Builder of the Trinity Kolesnikov Hermitage Moses for Monastic Property in Kostroma District, 1679, December 8]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 281, dep. item 5339, l. 1-29.

23. Kazakova N.A., Serbina K.N., eds. *Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 37. Ustyuzhskie i Vologodskie letopisi XVI–XVIII vv.* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 37. Ustyuzhsky and Vologda Chronicles of the 16th – 18th Centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 228 p.

24. Preobrazhenskiy A.A. Neizvestnyy avtograf Sibirskogo letopistsa Savvy Yesipova [Unknown autograph of Siberian chronicler Savva Esipov]. *Sovetskiye arkhivy*, 1983, no. 2, pp. 63-65.

25. Bashnin N.V., ed. *Prikhodo-raskhodnyye denezhnyye knigi Vologodskogo arkhiyereyskogo doma svyatoy Sofii i okladnyye knigi tserkvey Vologodskoy yeparkhii. XVII – nachalo XVIII v.* [Income and Expenditure Books of the Vologda Bishop's House of Saint Sophia and Tax Books of the Churches of the Vologda Diocese. 17th – Early 18th Century]. Moscow, Saint Petersburg, Alyans-Arkheo Publ., 2016. 872 p.

26. Romanova E.V. *Massovye samosozhzheniya staroobryadcev v Rossii v XVII–XIX vekah* [Mass Self-Immolations of Old Believers in Russia in the 17th – 19th Centuries]. Saint Petersburg, Izd-vo Yevrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 2012. 288 p.

27. Rumyanceva V.S. *Narodnoe anticerkovnoe dvizhenie v Rossii v XVII veke* [Popular Anti-Church Movement in Russia in the 17th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 262 p.

28. Rumyanceva V.S. Sysknoe delo Tajnogo prikaza o vologodskih kapitonah [Detective Case of the Secret Prikaz on the Vologda Capitons]. *Istoriya SSSR* [History of USSR], 1978, no. 2, pp. 170-180.

29. Skazka igumena Arsenyevoj pustyni Iony s bratyeyu o neimenii u nih gosudarevyh gramot i krepostej na Kapitonovu pustyn, 1669 g., dekabrya 12 [Report of the Abbot of the Arsenyev Hermitage Jonah and His Brothers About the Lack of Sovereign Charters and Fortresses on the Kapitonov Hermitage, 1669, December 12]. *Arhiv SPbII RAN* [Archive of Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences], coll. 117, inv. 1, dep. item 839, l. 1.

30. Skazka krestyan Totemskogo uezda o tom, chto oni 10 let polzovalis ugodyami Kapitonovoj pustyni i platili obrok, 1670 g. maya 23 [Report Monastery of the Peasants of Totemsky District that They Used the Lands of the Kapiton for 10 Years and Paid the Rent, 1670, May 23]. *GAVO* [State Archive of the Vologda Region], f. 1260, inv. 1, dep. item 3299, l. 1.

31. Smirnova S.S. Velikoustyuzhskaya i Totemskaya eparhiya [Velikoustyuzhskaya and Totemskaya Diocese]. *Pravoslavnaya enciklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Pravoslav. encikl. Publ., 2004, vol. 7, pp. 516-523.

32. Stroev P.M. *Spiski ierarhov i nastoyatelej monastyrej Rossijskoj cerkvi* [Lists of Hierarchs and

Abbots of Monasteries of the Russian Church]. Saint Petersburg, Tip. V.S. Balasheva, 1877. 1064 cols.

33. Ustinova I.A. Deloproizvodstvennye dokumenty patriarshih prikazov 1-j poloviny XVII v.: Prihodnaya kniga patriarshego Kazennogo prikaza 1640/41 g. Ch. 5 [Office Documents of the Patriarchal Prikazes of the 1st Half of the 17th Century: Receipt Book of the Patriarchal Treasury Prikaz of 1640/41, Part 5]. *Vestnik cerkovnoj istorii* [Bulletin of Church History], 2016, no. 1/2 (41/42), pp. 30-54.

34. Bashnin N.V., ed. *Hozyajstvennye knigi Vologodskogo arhierejskogo doma Svyatoj Sofii XVII – nachala XVIII v.* [Household Books of the Vologda Episcopal House of St. Sophia of the 17th – Beginning of the 18th Century]. Moscow, Saint Petersburg, Alyans-Arheo Publ., 2018. 896 p.

35. Carskaya gramota Totemskomu voevode K.A. Trusovu o pozhalovanii igumenu Kapitonovoj pustyni Daniilu s bratyeyu ugodij, 1654 g., marta 9 [Tsar's Charter to the Totemsky Governor K.A. Trusov on the Granting of Lands to the Abbot of the Kapiton Hermitage Daniil and His Brothers, 1654, March 9]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 281, dep. item 12349, l. 1-4.

36. Carskaya gramota Totemskomu voevode K.A. Trusovu o pozhalovanii igumenu Kapitonovoj pustyni Daniilu s bratyeyu ugodij, 1654 g., marta 9 [Tsar's Charter to the Totemsky Governor K.A. Trusov on the Granting of Lands to the Abbot of the Kapiton Hermitage Daniil and His Brothers, 1654, March 9]. *Arhiv SPbII RAN* [Archive of Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences], coll. 117, inv. 1, dep. item 364, l. 1-3.

37. Chelobitnaya krestyanina N.O. Vepreva arhiepiskopu Vologodskomu i Belozerskomu Simonu na P. Stefanova i drugih, kotorye samovolno ispolzuyut ugodya Kapitonovoj pustyni, 1676 g., iyunya 10 [Petition of the peasant N.O. Veprev to Archbishop Simon of Vologda and Belozersk against P. Stefanov and others who are unauthorizedly using the lands of the Kapiton Hermitage, 1676, June 10]. *GAVO* [State Archive of the Vologda Region], f. 1260, inv. 1, dep. item 4730, l. 1.

38. Chelobitnaya krestyanina Totemskogo uezda S. Karpova arhiepiskopu Vologodskomu i Belozerskomu Gavriilu o poluchchenii na obrok na 20 let ugodij Kapitonovoj pustyni, posle 1685 g. [Petition of a Peasant from Totemsky District S. Karpov to the Archbishop of Vologda and Belozersk Gavriil for Receiving the Lands of the Kapiton Hermitage for 20 Years as a Quitrent, After 1685]. *GAVO* [State Archive of the Vologda Region], f. 1260, inv. 1, dep. item 7052, l. 1.

39. Chelobitnaya podyachego Vologodskogo arhierejskogo doma G. Georgieva mitropolitu Rostovskomu i Yaroslavskomu Ione o vzyskanii so svyashchennika Ivana 60 rublej za nepravomernoe ispolzovanie ugodij Kapitonovoj pustyni, okolo 1670 g. [Petition of the Podyachy of the Vologda Bishop's House G. Georgiev to the Metropolitan of Rostov and Yaroslavl Jonah on the Recovery of 60 Rubles from the Priest Ivan for the Illegal Use of the Lands of the Kapiton Hermitage, circa 1670]. *GAVO* [State Archive of the Vologda Region], f. 1260, inv. 3, dep. item 279, l. 1.

40. Chelobitnaya podyachego G. Yuryeva arhiepiskopu Vologodskomu i Belozerskomu Simonu na krestyan Totemskogo uezda, kotorye vladeyut zemlyami Kapitonovoj pustyni, 1671 g. [Petition from Podyachy G. Yuryev to Archbishop Simon of Vologda and Belozersk Against the Peasants of Totemsky District Who Own the Lands of the Kapitonov Hermitage, 1671]. *GAVO* [State Archive of the Vologda Region], f. 1260, inv. 1, dep. item 3595, l. 1.

41. Chelobitnaya stryapchego Vologodskogo arhierejskogo doma I. Aleksandrova mitropolitu Rostovskomu i Yaroslavskomu Ione o vzyskanii so svyashchennika Ivana 60 rublej za nepravomernoe ispolzovanie ugodij Kapitonovoj pustyni, okolo 1670 g. [Petition of the Solicitor of the Vologda Bishop's House, I. Alexandrov, to the Metropolitan of Rostov and Yaroslavl Jonah on the Recovery of 60 Rubles from the Priest Ivan for the Illegal Use of the Lands of the Kapitonova Pustyn, Circa 1670]. *GAVO* [State Archive of the Vologda Region], f. 1260, inv. 1, dep. item 5562, l. 1.

42. Cherkasova M.S. *Arhivy vologodskih monastyrej i cerkvej XV–XVII vv.: issledovanie i opyt rekonstrukcii* [Archives of Vologda Monasteries and Churches of the 15th – 17th Centuries: Research and Reconstruction Experience]. Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2012. 575 p.

43. Cherkasova M.S. Velikoustyuzhskij arhierejskij dom: otkrytie i nachalnyj etap deyatel'nosti (1682–1700) [Velikoustyuzhsky Episcopal House: Opening and Initial Stage of Activity (1682–1700)]. *Vestnik cerkovnoj istorii* [Bulletin of Church History], 2017, no. 1/2 (45/46), pp. 193-271.

Information About the Author

Nikita V. Bashnin, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Science, Petrozavodakaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation; Associate Professor, Saint Petersburg Ilya Repin Academy of Arts, Universitetskaya Emb., 17, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, nvbashnin@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-2209-8750

Информация об авторе

Никита Викторович Башнин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; доцент, Санкт-Петербургская академия художеств им. Ильи Репина, Университетская наб., 17, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, nvbashnin@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-2209-8750

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.10

UDC 94(47+57):323.2“1829/1830”
LBC 63.3(2)521.2-4

Submitted: 25.02.2024
Accepted: 04.09.2024

THIN SQUEAK OF A SPARROW. THE CASE OF HIEROMONK HIERONYMUS OF SOLOVKI AS A MANIFESTATION OF AN INTERNAL IDEOLOGICAL CONFLICT IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE REIGN OF NICHOLAS I (1829–1830)

Aleksandr A. Orlov

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* By the time of Alexander I’s death in November 1825, the internal ideological conflict in Russia had reached its peak. The Decembrist Uprising proved that liberal reforms had put the country on the brink of revolution. In this regard, the aim of the article is to show the chaotic situation in which the new emperor, Nicholas I, had to develop and affirm in the public consciousness different versions of state policy from the previous ones. *Methods.* The research methods are the case study method, which consists in analyzing the documents deposited in the State Archives of the Russian Federation on the investigation in the Third Department of His Imperial Majesty Chancellery of the case of Hieromonk Hieronymus of the Great Tikhvin Monastery, as well as classical methods of analysis, primarily the method of historical anthropology, which shows in this example the reaction of representatives of different social groups in Russia to the crisis. This subject has not yet been studied in Russian historiography. It is studied on the basis of unpublished documents of the State Archives of the Russian Federation. *Analysis.* At the beginning of the 19th century, Russian society was in a state of constant upheaval. The representatives of the highest authorities were not confident that they could count on the support of the nobility as a single corporation or the foreign servicemen who occupied responsible posts. But the danger of the situation also lay in the fact that the authorities could not and did not want to rely on representatives of the underprivileged strata of society, to which Hieronymus belonged. *Results.* The article concludes that the extreme centralization of government was a forced step by Nicholas I in order to stop any ideological polemics that were destroying the state. This affected many, including even those who, like Hieromonk Hieronymus, who had certain fame in religious circles and among the laity, could create public sentiments that would contribute to the future perception of the famous ideological triad of Nicholas’s reign (the theory of official nationality).

Key words: Russian Emperor Nicholas I, A.Kh. Benkendorf, Admiral A.S. Greig, Third Department of His Imperial Majesty Chancellery, Hieromonk Hieronymus of the Great Tikhvin Monastery, Hieroschemamonk Hieronymus of Solovky, ideological crisis in Russian society at the beginning of the 19th century.

Citation. Orlov A.A. Thin Squeak of a Sparrow. The Case of Hieromonk Hieronymus of Solovki as a Manifestation of an Internal Ideological Conflict in Russia at the Beginning of the Reign of Nicholas I (1829–1830). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 111-123. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.10

© Орлов А.А., 2024

УДК 94(47+57):323.2“1829/1830”
ББК 63.3(2)521.2-4

Дата поступления статьи: 25.02.2024
Дата принятия статьи: 04.09.2024

ТОНКИЙ ПИСК ВОРОБЬЯ. ДЕЛО ИЕРОМОНАХА ИЕРОНИМА СОЛОВЕЦКОГО КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО ИДЕЙНОГО КОНФЛИКТА В РОССИИ В НАЧАЛЕ ПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЯ I (1829–1830 гг.)

Александр Анатольевич Орлов

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* К моменту смерти Александра I в ноябре 1825 г. внутренний идейный конфликт в России достиг своего пика. Восстание декабристов доказало, что либеральные реформы поставили страну на грань революции. В связи с этим цель статьи – показать, в какой хаотической обстановке новому императору – Николаю I пришлось разрабатывать и утверждать в общественном сознании иные, отличные от предыдущих, варианты государственной политики. *Методы.* Методами исследования являются метод case study, заключающийся в анализе отложившихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) документов о расследовании в III Отделении Собственной Е.И.В. Канцелярии дела иеромонаха Большого Тихвинского монастыря Иеронима, а также классические методы анализа, прежде всего, метод исторической антропологии, показывающий на этом примере реакцию представителей разных социальных групп России на кризисные явления. Данный сюжет еще не был изучен в отечественной историографии. Он исследован на основе неопубликованных документов ГА РФ. *Анализ.* В начале XIX в. русское общество находилось в состоянии постоянного потрясения. У представителей высшей власти не было уверенности в том, что они могут рассчитывать на содействие дворянства как единой корпорации или занимавших ответственные посты служилых иностранцев. Но опасность положения заключалась также в том, что власть не могла и не хотела опереться и на представителей непривилегированных страт общества, к которым принадлежал Иероним. *Результаты.* В статье сделан вывод о том, что предельная централизация управления оказалась вынужденным шагом Николая I с целью прекратить всякую идейную полемику, разрушающую государство. Это коснулось многих, в том числе даже тех, кто, подобно имевшему определенную известность в религиозных кругах и среди мирян иеромонаху Иерониму, мог создавать общественные настроения, способствующие восприятию в будущем знаменитой идейной триады николаевского царствования (теории официальной народности).

Ключевые слова: император Николай I, А.Х. Бенкендорф, адмирал А.С. Грейг, III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии, иеромонах Большого Тихвинского монастыря Иероним, иеросхимонах Иероним Соловецкий, идейный кризис в российском обществе в начале XIX века.

Цитирование. Орлов А. А. Тонкий писк воробья. Дело иеромонаха Иеронима Соловецкого как проявление внутреннего идейного конфликта в России в начале правления Николая I (1829–1830 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 111–123. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.10

Введение. К моменту смерти Александра I в ноябре 1825 г. внутренний идейный конфликт в России достиг своего пика. Восстание декабристов доказало, что либеральные реформы поставили страну на грань революции. В связи с этим цель статьи – показать (на основе анализа неопубликованных архивных документов), в какой хаотической обстановке новому императору – Николаю I пришлось разрабатывать и утверждать в общественном сознании иные, отличные от предыдущих, варианты государственной политики. Зададимся вопросом: почему он отверг все хорошо известные модели и предпочел создать нечто такое, что могло бы, по его мысли, примирить бывших либералов и бывших консерваторов, нацелить их на сотрудничество ради укрепления и развития империи?

Методы и материалы. Методами исследования являются метод case study, заключающийся в анализе отложившихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) документов о расследовании в III Отделении Собственной Е.И.В. Канцеля-

рии дела иеромонаха Большого Тихвинского монастыря Иеронима, а также классические методы анализа, прежде всего, метод исторической антропологии, показывающий на этом примере реакцию представителей разных социальных групп России на кризисные явления. Данный сюжет еще не был изучен в отечественной историографии. Даже в агиографической литературе и в кратких мемуарах Иеронима [1; 10; 11] не говорится (или говорится очень глухо) о том, почему он был арестован в 1830 г. и остаток жизни провел в заключении на Соловках. Дело Иеронима исследовано на основе неопубликованных документов ГА РФ, показывающих, в какой трудной ситуации пришлось действовать Николаю I до того, как он смог опереться на идейную триаду «православие – самодержавие – народность».

Анализ. В начале XIX в. русское общество находилось в состоянии постоянного потрясения. Одно событие сменялось другим (убийство Павла I, реформы его наследника, наполеоновские войны, Отечественная война 1812 г., заграничные походы русской армии, заговоры последнего периода царствования Александра I, загадочная смерть императора, события междуцарствия 1825 г., восстание декабристов, начало правления Николая I) и в сознании каждого думающего человека существовал пестрый калейдоскоп разнообразных впечатлений. Реальность с трудом поддавалась анализу, вызывая непредсказуемые реакции. «Нет ничего столь незначительного, что не могло бы показаться ужасным воображению, наполненному предзнаменованиями и предсказаниями», – отметил английский просветитель XVIII в. Дж. Аддисон [36, p. 125].

Письма иеромонаха Иеронима адмиралу А.С. Грейгу. В конце декабря 1829 г. главнокомандующий Черноморским флотом адмирал А.С. Грейг известил главу III Отделения и шефа Отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенанта А.Х. Бенкендорфа о том, что получил два очень странных письма от иеромонаха Большого Тихвинского монастыря Иеронима. Грейг писал в Петербург:

«В Августе месяце сего года получено было мною [во время нахождения] во флоте [1] Тихвинского Большого Монастыря от Иеромонаха Иеронима письмо, коим он испрашивал посредства моего о устроении в окрестности Города Старой Ладоги памятника в честь первому Российскому Великому Князю Рюрику; на которое поручено было от меня Начальнику Штаба Черноморского Флота [2] ответствовать, что, как указуемое место от меня не зависит, то и не могу я войти о том с каким бы [то] ни было представлением.

Ныне же Иеромонах сей вновь прислал ко мне письмо, в котором употреблены им некоторые весьма подозрительные слова, доказывающие: или знание его о какой-либо Государственной тайне, или что он находится в припадке сума[с]шествия.

В том и другом случае я поспешаю как прежнее, так и последнее письма оного Иеромонаха препроводить при сем подлинные на усмотрение Вашему Высокопревосходительству, прося Вас покорнейше почтить меня уведомлением: каким образом я должен поступить, если монах сей прибудет в Николаев?» [22].

Кто такой иеромонах Иероним? Его биография необычна даже для рубежа XVIII–XIX вв., когда, по выражению Ю.М. Лотмана, «время рождало героев бескорыстной самоотверженности и бесшабашных авантюристов. Люди мелкого масштаба становились вторыми – первые появлялись на вершинах культуры эпохи» [15, с. 258]. Он родился в 1766 г., в д. Илекинская (или Ручей) Орловского десятка Лекшмозерской волости Каргопольского уезда Новгородской (в будущем – Олонецкой) губернии в семье государственного крестьянина Власа Лаптева и его жены Стефаниды и был назван Дорофеем. Когда Стефанида была беременна, ее муж умер, и она осталась с тремя малолетними детьми на руках. Не в силах их прокормить, она отдала младенца первой встречной старушке-нищенке в г. Каргополь, чтобы та подыскала ему новых родителей, и так Дорофей, перекрещенный в Иерофея (Ерофея), оказался в бездетной семье каргопольского купца-булочника Василия Алексеевича Лукина и его жены Акилины Васильевны (урожд. Свешниковой).

«Кормилица моя и вторая мать [была] лучше первой... она, сверх воспитания усердного, учила меня страху Божию в юности моей и восставляла меня по ночам молиться с нею Богу и носила меня маленького в церковь на

руках своих к службе Божией, а как побольше стал, возила в саночках и тележке», – вспоминал Иероним [1].

Но священник Воскресенской церкви Феофан Кондаков «выпросил» у Лукина ребенка на воспитание. А у Кондакова мальчика похитил секретарь воеводской канцелярии Пятницкий и записал его своим крепостным (холопом). После обращения Лукина к воеводе Н.И. Маслову воеводский суд обязал Пятницкого вернуть Ерофея родителям и до 1794 г. он с ними не расставался.

Лукин дал ребенку начальное образование, научил его читать и писать, играть на флейте и, желая, чтобы он приобрел офицерский чин, определил в 1782 г. на службу в Каргопольский земский суд копиистом. При учреждении в 1784 г. Олонецкой губернии писарь попал над начало, правда, ненадолго, губернатора Г.Р. Державина. (Можно предположить, что, хотя эта служба и была краткой, но именно при Державине юноша, и так упорный в достижении своей цели, укрепился в стремлении всегда и во всем отстаивать собственную точку зрения.) Потом он был переведен в Лодейнопольский нижний земский суд столоначальником, а после возвращен в Каргопольский суд на должность протоколиста. На чиновничьей службе находился до 1794 г. и, видимо, пресытившись ее «прелестями», под влиянием своего духовного отца соборного иерея Василия Алексеева (служившего в приделе Софии Премудрости Божией собора Рождества Христова) отпросился для совершения паломничества в Соловецкий монастырь. Тут сказались сразу две особенности характера молодого чиновника, которые ярко проявятся в последующем. Собрался в путь он рано утром 8 августа 1794 г. и причастился в соборе. С собой у него были «молебны в путь шествующим», возможно, составленные самостоятельно, что доказывают слова Ерофея об исправлении этих текстов, по его просьбе, священником Алексеевым. (В монашестве Иероним прославится как автор большого количества получивших широкую известность молитв [11].) Но сразу уйти из города у него не получилось, поскольку Василий Лукин, не желая расставаться с сыном и мечтами о сыновней карьере, добился приказа городничего Ивана Дернова задержать Ерофея. Под арестом он «пробыл там (в городском правлении. – *А. О.*) до вечера» и сумел все-таки уговорить отца отпустить его на богомолье. Простившись навеки с приемными родителями (Лукин умер 11 ноября 1794 г., его жена – 4 марта 1795 г.), Ерофей ушел на Соловки. Там он перезимовал и в 1795 г. вышел в отставку с низшим чином губернского регистратора [1].

После этого он был послушником в Александро-Невской лавре, потом еще где-то (где именно, не указал) и 4 марта 1799 г. пострижен в монахи под именем Иеронима игуменом Товией, по благословению епископа Старорусского Арсения, в Варлаамо-Хутынском Спасо-Преображенском монастыре Новгородской епархии. «Восприемным отцом был иеромонах отец Петр, ученик старца Паисия Молдавского...»[3], – писал Иероним в мемуарах [1].

17 апреля 1799 г. он был произведен в иеродиаконы, а в 1800 г. перешел в московский Новоспасский монастырь. Там 4 декабря 1808 г. его посвятил в иеромонахи митрополит Грузинский (живший на покое в Чудовом монастыре) преосвященный Иона (И.С. Васильевский) [4]. В 1810 г. Иероним перешел жить в Синодальный дом и стоял в Успенском соборе при мощах Святителя Филиппа Московского вплоть до оккупации Москвы французами в 1812 году. «Вот уж местечко славное для монаха! Избави Господи всякого от него! Я нагоревался там», – жаловался Иероним [1].

Он не объясняет более подробно, почему дежурство около раки Святителя Филиппа было таким суровым испытанием. Видимо, обилие паломников, стремившихся приложиться к мощам одного из самых почитаемых в России православных подвижников и при этом соблазнявших находившихся там монахов различного рода подарками, истощало духовные и физические силы. Для последователя молитвенного молчания и удаления от мира в духе учения Паисия Величковского это, действительно, было тяжким искусом.

О том, что произошло с Иеронимом в 1812 г., кратко говорится в агиографической литературе. «Во время нашествия французов... трудился при отправлении из Москвы патриаршей ризницы и, выехав с нею, не имел времени сохранить свое имущество» [11]. В формулярном списке сказано: «...1. Сентяб-

ря с прочими монашествующими из Москвы вышел и находился в разных монастырях [до] 1820 [г.]» [33, л. 13]. В справке Новгородской духовной консистории, составленной в 1830 г. после ареста Иеронима, говорилось: из Москвы «отлучился, быв лишен всего своего имущества» [32, л. 30].

После изгнания французской армии из России больной, не имевший ни гроша и вынужденный лечиться в основном употреблением спиртного, Иероним поселился в Екатерино-Лебяжской Николаевской пустыни (он пишет, что удалился в Екатеринолюбежский монастырь), устроенной в 1794 г. по приказу Екатерины II на о. Лебяжий в лимане р. Кубань для призрения больных и увечных казаков.

«...Здесь я своими руками похоронил восприемного от монашества своего отца Петра; он прежде меня сюда перешел и скончался в январе 1814 года и того же года я выбыл из оного монастыря, для излечения болезни своей, в Ставрополь, на теплые воды. А потом возвратился в Россию и определился в Свирской монастырь. 1820 года я получил паспорт идти в Иерусалим и, как путь пресекся [5], то жил с тем паспортом в разных монастырях и, наконец, поселился в Тихвине. Из него я приехал в Петербург 24-го числа декабря 1829 года и остановился на квартире в Староладожской часовне» [1].

Идея установки памятника Рюрику в Старой Ладоге. Именно в Петербурге в 1829 г. и началась та история, которая привела к появлению процитированного в начале статьи письма Иеронима к Грейгу, а в 1830 г. самого Иеронима – к заключению в Петропавловской крепости и потом к пожизненной ссылке в Соловецкий монастырь. Еще из Тихвина в июне 1829 г. он написал письмо главнокомандующему в Петербурге генерал-лейтенанту П.В. Голенищеву-Кутузову. Здесь впервые появилась идея установки памятника Рюрику в Старой Ладоге [29]. Как она родилась в сознании Иеронима? Надо припомнить особенности его воспитания, гражданской службы, принятия монашества, влияние на него бурных событий 1812 г., когда он видел гибель Москвы и сам чуть было не погиб, трагедии декабристского восстания и страха, охватившего русское общество в связи с начавшимися репрессиями.

Не получив никакого ответа от Голенищева-Кутузова, Иероним решил по-другому напомнить ему о себе. Попросившись на прием по случаю «перемены иерусалимского паспорта», он, видимо, хотел лично убедить столичного главнокомандующего в важности своего проекта. Вообще, судя по архивным документам, у него была особая вера в способность влиять на любого собеседника. Но Голенищев-Кутузов, никак не отреагировав на «государственное дело», приказал Иерониму «...сходить в газетную экспедицию и напечатать [об отъезде в Иерусалим] в газетах» [1].

Однако так просто отделаться от монаха властям не удалось. Он был абсолютно убежден в справедливости родившейся у него патриотической идеи. Узнав из петербургских газет, в которых следовало публиковать объявления об отъезде за границу, о якобы имевшемся у Грейга намерении поставить в Херсонесе памятник князю Владимиру на месте крещения, он решил предложить адмиралу довершить благое начинание установкой памятника Рюрику возле Старой Ладоги. Иеронима возмущала заброшенность места первого всероссийского престола, который «прозябает в безвестности». Он желал поведать об этом цесаревичу, вел. кн. Александру Николаевичу, но боялся, что по его низкому званию это будет отринуто. Поэтому Иероним предлагал Грейгу самому представить доклад императору. В случае отказа он просил, чтобы кто-либо из подчиненных адмирала удостоил его «мелен[ь]ким отзывом» и тогда он сделает то, что Бог ему поможет [27].

Второе письмо Иеронима адмиралу Грейгу. Как говорилось выше, удивленный Грейг поручил начальнику штаба Черноморского флота капитану 1-го ранга В.И. Мелихову ответить неизвестному монаху, что Старая Ладога ему не подчинена и он никаких действий там производить не имеет права. Удивление адмирала еще более увеличилось, когда в ноябре 1829 г. он получил от Иеронима второе письмо, в котором с иронией говорилось (здесь и далее подчеркнутые слова подчеркнуты в тексте документа):

«Милостивейший Благодетель России!

С неизреченною души моея радостию имел счастие сего дня получить по соизволению Вашего Высокопревосходительства из Штаба Черноморского Флота... сведение о получении Вашим Высокопревосходительством моего всепочтеннейшего к Вам донесения о устроении в Старой Ладоге Первому Всероссийскому Великому Князю Рюрику памятника, и о том, что место сие, Ладога, от Вашего Высокопре[восходительст]ва нисколько не зависит; за что и приношу Вашему Высокопре[восходительст]ву с сокрушением сердца моего достодолжную благодарность и прошу и моего милосердого Господа да подаст вам премудрость не токмо в подведомственных вам местах, но и во всей России на благотворение оной производить Патриотические заведения и установления, для чего, как я помышляю, ВСЕАВГУСТЕЙШИЙ наш Монарх ВЫСОЧАЙШЕ пожаловал вам и эполеты с вензелем имени своего и тем даровал вашим... <сл. неразборчиво> новую силу подвизаться не токмо в военных, но и в гражданских делах. Надеясь на таковую к вам МОНАРШУЮ милость, уповаю, что и Великого Князя Рюрика при времени и случае увековечить не забудете, и тем самым от благословенной России во веки память как ко князю сему, так и сами к себе устроить можете. Со стороны же моей в дальние поприща вступить без пособия великих в России мужей, подобных Вам, боюся; ибо воробьиное пискань не далеко слышат. Странно для меня кажется, что Г. С[анкт-] Петербургский военный Губернатор не внял сему моему воробьиному писку. А воробью еще пискать хочется. Пискнул Майборода, а Пестель ножками раз[д]рягал. Для изъяснения тайны сей поспешаю сам лично предстать пред Вашим Высокопре[восходительст]вом и спрашиваю себе у Бога помощи; ибо я давно уволен в Иерусалим для поклонения Гробу Господню и имею паспорт, но не знаю только, где я могу вас найти. Постараюсь добраться до Штаба вашего, а там укажут мне и к Вам дорогу. Прошу объявить благодарность мою Начальнику Штаба 1-го ранга Г. Капитану, коего ни имя, ни отчество мне неизвестны. За сим, желая Вашему Высокопре[восходительст]ву благоденственного и мирного жития, здравия и спасения и прочих временных и вечных благ, с моим высокопочитанием к Вам честь имею быть на всегда...» [28].

Страх служилого иностранца. Грейг мог воспринять такую «атаку» на себя и свой патриотизм как провокацию недовольных им представителей петербургских верхов. Известно, что офицеры Черноморского флота были близки со многими декабристами, и только заступничество Грейга спасло их от преследований. Таким же образом он пытался защищать участников чумного бунта в Севастополе 1829–1830 гг., хотя и безуспешно [14, с. 79]. В Петербурге нарастало раздражение по поводу деятельности слишком самостоятельного адмирала, да еще и сохранявшего, как сказано в формулярном списке за 1831 г., принадлежность к «английской нации и закону» [14, с. 22, примеч. 7], то есть к англиканскому вероисповеданию. После восстания 1825 г. многие меры, предпринятые адмиралом в период правления Александра I для облегчения положения нижних чинов и для улучшения профессиональной подготовки офицеров, стали казаться революционными. Особенно подозрительной (из-за «Семеновской истории» 1820 г.) выглядела организация во всех черноморских училищах системы образования по ланкастерскому методу «взаимного обучения» [18, с. 41–62]. «В 1827 г. в Николаеве и Севастополе открываются возглавляемые А.С. Грейгом училища для дочерей нижних чинов. Помимо общей грамоты, здесь велась и профессиональная подготовка. В Николаеве также было открыто “городовое училище” на 100 мест для мальчиков» [14, с. 75]. А лекции для офицеров на актуальные темы? Их отправка за границу, в том числе и в Англию, «для ознакомления с зарубежным опытом и повышения своего образования»? Разрешение соединения женатых матросов с их семьями? Распоряжения для улучшения качества обмундирования и пищи матросов? Запрещение жестоких телесных наказаний и облегчение положения рекрутов в начале службы? [14, с. 76–77]. Было что поставить «англичанину» (на самом деле, шотландцу) в вину, тем более, что он уже находился в ссылке в эпоху союза России с Францией 1808–1812 гг. только из-за своего английского происхождения [13]. Ну чем не новый «Пестель»,

заговорщик из числа служилых иностранцев, который пока не дождался своего «Майбороды»?

В Петербурге понимали: наказывать Грейга, особо обласканного за заслуги отца – адмирала С.К. Грейга – еще Екатериной II, а потом отличившегося длительной беспорочной службой, не следовало. Но вот удалить его из обустроенного им Николаева, переместить, в виде поощрения, в Петербург, под бдительный надзор императора, было вполне возможно. В 1825 г. Грейга назначили членом нового Комитета образования флота, в работе которого он принял деятельное участие. После окончания русско-турецкой войны 1828–1829 гг. он стал председателем Комитета по улучшению кораблестроения и с середины 1830 г. почти в течение года находился в Петербурге, рассматривая предложения по улучшению конструкции русских судов. С 1833 г. адмирала назначили членом Государственного совета и после этого он в Николаев уже не вернулся, сдав командование Черноморским флотом вице-адмиралу М.П. Лазареву [14, с. 17–19, 21, 85].

Видимо, Грейг воспринял странные письма Иеронима и его обещание обязательно найти адмирала в Николаеве перед отъездом в Иерусалим как реальную опасность для себя. Защиту в этой ситуации можно было найти только у Бенкендорфа.

Тревога в высших эшелонах власти. Уровень тревоги в высших эшелонах власти в это время был очень высоким, поскольку как раз в конце 1820-х – начале 1830-х гг. Бенкендорфу поступали доносы И.И. Завалишина и авантюриста английского происхождения Р.М. Медокса о новых обширных декабристских заговорах [34; 35, с. 68–77 и сл.]. Так что реакция на дело Иеронима последовала немедленно. Шеф жандармов доложил о нем императору. Было приказано разыскать его и арестовать, препроводив со всеми бумагами в Петропавловскую крепость. Срочные приказы послали Грейгу в Николаев, обер-прокурору Святейшего Синода кн. П.С. Мещерскому, военному министру гр. А.И. Чернышеву и коменданту Петропавловской крепости генерал-адъютанту А.Я. Сукину [21].

Власти искали Иеронима в Тихвине, Николаеве и Севастополе. В конце концов, он был арестован (где именно, неизвестно) и 16 января 1830 г. доставлен фельдъегерем прапорщиком Васильевым в Петропавловскую крепость. Как сообщал Сукин Бенкендорфу, «...Иеромонах Иероним... впредь до разрешения (то есть до следующего приказа. – *А. О.*) мною принят и посажен в Невской куртине в особой арестантской покой № 17-го» [25].

Бумаги Иеронима. При аресте у Иеронима были отобраны все находившиеся при нем бумаги, и их перечень [16] позволяет оценить особенности его мышления и размах деятельности. Иероним подавал Александру I и Николаю I проекты экономического освоения природных ресурсов северной России. (Здесь он воспользовался правовой коллизией начала правления Александра I. Именной указ императора от 7 августа 1801 г. приглашал «учинивших изобретения и открытия» в земледелии, торговле и промышленности присылать свои проекты, которые под руководством Н.Н. Новосильцева будут рассматриваться, а «сочинители» – награждаться. Но ровно через год, 7 августа 1802 г., Святейший Синод своим указом «строжайше подтвердил» правило, чтобы подведомственные ему люди «мимо своего начальства» не передавали непосредственно просьб императору [5, с. 129, 154].) Брался защищать интересы крестьян и других людей, которые обращались к нему за помощью. Духовно их окормлял, делая для этого выписки из Священного Писания. Следил за иностранными научными достижениями, читал газеты. Правда, информацию он воспринимал хаотически, глотая, как говорится, все без разбора. Так, у него нашли «Записочку о глистах с именем Доктора Антона Саллатори», а на обороте этой бумажки были «выписки из Монтескю» [16, л. 18]. Видимо, выписки делались из произведений знаменитого французского юриста и философа Ш.-Л. Монтескье, автора теории разделения властей. Иероним состоял в переписке с настоятелями северорусских монастырей, в том числе с игуменом Кирилло-Белозерского монастыря Ефремом. Из агиографической литературы известно, что он был близок к пользовавшемуся доверием Александра I настоятелю Юрьевского монастыря архимандриту Фотию (П.Н. Спасскому) [11]. Ну и, конечно, Иероним постоянно отстаивал собственные интересы, подавая высшим духовным и светским властям, кроме экономи-

ческих, патриотических и других проектов, прошения «об оказании ему милости». Впрочем, часть документов, вероятно, была уничтожена перед арестом, поскольку у него нашли «при сих бумагах... еще лист оберточной бумаги, пакет без письма и распечатанный...» [16, л. 18].

Расследование дела Иеронима и его наказание. Наследство жандармам попалось богатое и неоднозначное. Разобрать бумаги поручили опытнейшему полицейскому – руководителю всего жандармского сыска и агентурной работы в III Отделении М.Я. фон Фоку [24]. Для более подробного допроса преступника Бенкендорф просил Мещерского составить «вопросные пункты». У князя такое беспардонное вмешательство в сферу полномочий его ведомства сначала вызвало возмущение [30], но, поскольку в расследовании дела был заинтересован сам император, он сдался и «вопросные пункты» через неделю представил [23]. Главное, что интересовало жандармов, это подозрительное сравнение, сделанное Иеронимом во втором письме к Грейгу, о «пискнувшем» Майбороде и задергавшемся на виселице Пестеле. В «вопросных пунктах» было сказано: «Что значат сии слова и в чем именно заключается тайна, о которой Вы упоминаете и которую намеревались открыть Г. Адмиралу Грейгу?» [3, л. 26].

На предложенный вопрос Иероним ответил следующее: «...прошлого 1829 года Августа в последних числах во время бытности моей в Тихвине, монастыре, прохаживался я один по монастырской ограде вечером часу в девятом и, увидев двух человеков, сидящих под оградою к реке Тихвин и разговаривающих между собою, остановился посмотреть их; и вдруг услышал одному из них другому часто повторяющего слова́: Пестеля, прочих же речей разобрать не мог. Другой же человек более молчал и мало говорил и то тихо; наконец первой говорун с озартом (так в тексте. – *А. О.*) выговорил сии слова: “Разве ты не знаешь, что у нас мил[л]ион четыреста тысяч масонов. Это все Пестели”. Я тогда слушающему сказал: не верь, друже, кроме ево одного, никого нет. Что услышав, они встали скоро и ушли. Преследовать мне сего молодца было невозможно, потому что ворота монастырския заперты и ключи у Архимандрита, с ограды же спустился бы я поимать ево, но высоко и потому неможно. Примет же на лице их по темноте не видно, кроме платья. На них были короткие сертуки (так в тексте. – *А. О.*) и в шляпах, росту небольшаго. После того ходил я в многонародныя собрания в церквах и искал сию двоицу, но уже нигде их не видал. И так, тихвинския ли они были или приезжия, совершенно не знаю. Вот вся моя тайна, которую желал объявить Господину Адмиралу Грейгу, дабы, естьли не противно будет, довел бы он до сведения и самого МОНАРХА нашего. Более же ничего не знаю. И сие самое утверждаю пред свидетелем Богом моим» [19, л. 27 об.–28].

17 марта 1830 г. Сукин лично объяснился с Иеронимом и через два дня, видимо, задержавшись с ответом из-за чумного бунта в Севастополе, представил Бенкендорфу докладную записку по этому поводу [26, л. 34]. Подозрения жандармов по поводу крамольной «декабристской» фразы оказались напрасными. Иероним получил ответ на вопрос о том, кто виноват в бедствиях России в разговорах с Фотием. В житии сказано: «...узнал от него о распространении в обществе масонства и противных православию учений, и решился донести [об этом] и правительству. За это донесение он послан был в Петропавловскую крепость, из которой в 1830 году переведен под строгий надзор в Соловецкую обитель» [11].

Анализ архивных документов показывает, что Иероним не только прислушивался к Фотию, но и нашел собственное средство поиска тайных масонов – ненавистников России, обратив внимание на служилых «немцев», таких как Пестель и Грейг. Все дело было в том, чтобы предложить этим наемникам совершить яркий патриотический акт, например, поставить памятник князю Рюрику. Отказался – значит враг. Остается только добраться до него (перед отбытием для духовного подвига в Святую Землю) и лично вывести на чистую воду.

23 марта доклад о деле Иеронима был подан императору [8]. Бенкендорф предлагал отослать монаха «под духовный присмотр» в какой-нибудь отдаленный монастырь, в котором он еще не жил, но Николай I, видимо, под влиянием жалоб Мещерского или руководствуясь ведомственной подчиненностью, повелел отослать его для исполнения наказания к обер-

прокурору. Бенкендорф распорядился об этом и просил, чтобы ему сообщили о назначенном наказании [20]. Мещерский 5 апреля 1830 г. писал Бенкендорфу: «Синод, положив, по замеченному в сем Иеромонахе сварливому характеру, отослать его на жительство в Соловецкий Монастырь, посредством Гражданского Правительства, с нарочным, предписывает с сим вместе Архимандриту того Монастыря, чтобы он, Иероним, содержим был там под строгим надзором и чтоб об образе жизни его рапортовано было Синоду по третям года» [31].

Житие Иеронима повествует: «...со слезами принял [он] объявление о выводе его из Петропавловского каземата. “О чем плачешь?” – спросил его комендант. “Поверьте”, – отвечал узник: “я не нашел лучше место для иноческого подвига”» [11]. Можно поверить тому, что Иероним не печалился по поводу ссылки в Соловецкий монастырь. В молодости он уже жил там, а потом просил принять его в число насельников Соловецкой обители и, видимо, для этого переписывался с игуменом Ефремом. В справке Новгородской консистории сказано: «...имел он билет и от Соловецкого монастыря, из коего видно, что он проживал в оном и просил тамошнего настоятеля о принятии его в монастырь. Но его туда не приняли по причине “неодобрительного” послужного списка» [32, л. 32 об.].

Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Сердце его явно было спокойно. Он донес свою истину до монарха, выкрикнул «слово и дело», продолжив, таким образом, дело Фотия, а уже сам император должен был сражаться с врагами отечества. Иероним, как последователь учения Паисия Величковского, надеялся обрести на Соловках чудо божественного молчания, недоступное в монастырях, осаждаемых паломниками и праздными туристами. Вспомним его душевные муки во время молитвенного стояния около мощей Святителя Филиппа Московского.

22 апреля 1830 г., как говорилось в «записке» начальника 1-го Округа Корпуса жандармов генерал-майора П.И. Балабина, отправленной Бенкендорфу, «Еро-Монах Ероним» в сопровождении петербургского квартального надзирателя прибыл в Архангельск и был посажен в тюремный замок до отправления на Соловки [9]. Он находился в Соловецком монастыре до самой смерти и умер в Анзерском скиту 23 сентября 1847 г., 82-х лет от роду. Русская православная церковь отмечает в этот день память одного из выдающихся подвижников благочестия [11]. Его житие помещено в «Соловецком патерике» как духовного врачевателя и наставника всех, смущаемых совестью.

Опыт преодоления кризисной ситуации. Дело Иеронима показывает нам Николая I и Бенкендорфа, крайне нервно реагирующих на слова монаха из провинциального монастыря о Майбороде и Пестеле. Мы ощущаем страх, недоумение и раздражение Грейга, гнев кн. Мещерского, видим попытку Голенищева-Кутузова, оскорбленного во время следствия над декабристами Пестелем, бросившим ему обвинение в причастности к убийству Павла I [7, с. 404], уклониться от объяснений с сумасшедшим паломником. Следим за перипетиями жизни Иеронима, бросающими его из огня да в полымя, пытаясь понять побудительные мотивы действий того, кто не пожелал прозябать в крестьянской доле или в мелких чинах, а поднялся до высот духовного подвига, как он его понимал. За спиной Иеронима угадываются фигуры «людей слова» – Святителя Филиппа Московского, Фотия, Паисия Величковского и Державина при всей разнице их идейного наследия, монашеского, государственного и литературного служения.

Действующие лица этой истории, находящиеся в хаотической ситуации, вызванной резкой сменой власти и декабристским восстанием, с трудом двигаются вперед и при этом яростно мешают друг другу. Спокоен и уверен в себе только Иероним. Он нашел свою точку опоры. Как писал американский правовед Гарольд Берман, «большинство сообществ не в состоянии выжить, а тем более взаимодействовать, без сложной системы правил – неважно, представляют эти правила традиционные обычаи или законодательные акты» [2, с. 54]. Все это в России в начале XIX в. было разрушено или подвергнуто сомнению: ни правил, ни обычаев, ни прошедших проверку временем законов. Все приходилось создавать заново. Это, конечно, было возможно, но тут требовалась способность быстро перестроиться, с чего-то начать, решительно покончив с прошлым и, в то же время,

уверив себя и других, что окончательного разрыва не произошло. Итальянский историк Карло Гинзбург так описал этот ментальный механизм: «Возможность переходить от вымышленного мира к реальному и обратно, от одного воображаемого пространства к другому, от области правил к сфере метаправил, разумеется, входит в число видовых способностей человека. <...> Частью технологического достояния, позволившего европейцам завоевать весь мир, также является усовершенствованная в течение веков способность контролировать связь между видимым и невидимым, между реальностью и вымыслом» [4, с. 90–91].

Ответом высшей власти в лице Николая I на кризис начала XIX в. была предельная централизация с запретом любых дискуссий по вопросам внутренней и, особенно, внешней политики. Централизация казалась (на первых порах) вынужденным шагом с целью прекратить всякую идейную полемику, разрушающую государство. Это коснулось многих, в том числе и тех, кто, подобно имевшему определенную известность в религиозных кругах и среди мирян иеромонаху Иерониму, мог силой слова создавать общественные настроения, способствующие восприятию в будущем знаменитой идейной триады николаевского царствования «православие – самодержавие – народность».

Не получив широкой общественной поддержки, данный тезис не создал конкуренции ни консервативным, ни либеральным идеям и остался в истории России как искусственный конструкт. По воспоминаниям археолога и этнографа-фольклориста И.П. Сахарова (выходца из семьи священника Тульской губернии), когда началось внедрение теории «официальной народности» в идеологическую сферу империи, его «...милые соотечественники различно понимали эту задачу. <...> ...Жалкие воспитанники Французских и Немецких бродяг восклицали: “Народность есть верный признак демагогов. Как [император] смеет ставить ее рядом с Православием и Самодержавием?”» [6, стб. 916]. Император же упорно стремился внедрить новацию в общественное сознание. Ради этого он в течение всего времени своего правления полагал необходимым сохранение жесткого внутриполитического курса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В августе 1828 г., во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг., Грейг успешно командовал Черноморским флотом. За взятие крепости Анапа 20 июня 1828 г. произведен в адмиралы, за взятие Варны награжден орденом Св. Георгия 2-го класса. За отличие в войне 22 сентября 1829 г. ему также были пожалованы императорские вензеля на эполеты [17].

[2] Начальником штаба Черноморского флота в это время был капитан 1-го ранга В.И. Мелихов [14, с. 81, 84].

[3] Иеросхимонах Паисий Величковский, архимандрит Нямецкого монастыря в Молдавии, занимает в истории православного монашества и православной церкви особое место. В нем сочетались святость личной жизни, любовь к просвещению, замечательная способность к устроению монашеского общежительного братства, умение привлечь к себе и духовно воспитать многочисленный сонм учеников, создать возле себя большую школу православного духовного подвижничества и, наконец, большое литературное дарование, которое помогло ему совершить важное и необходимое дело – исправление старых переводов и новый перевод святоотеческой аскетической литературы [12].

[4] Так он назван Иеронимом в автобиографии. Экзархом Грузии Иона стал только 1 октября 1821 года. Одновременно состоял членом Св. Синода. В сан митрополита возведен 22 августа 1828 года.

[5] Это случилось из-за войны, но какой именно, непонятно: русско-персидской 1826–1828 гг. или русско-турецкой 1828–1829 годов? Или той и другой последовательно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автобиографическая записка, извлеченная из дневника иеромонаха Иеронима, умершего 23-го сентября 1847 г. в Соловках // Восточная литература. URL: https://www.vostlit.info

2. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. Н. Р. Никоновой при участии Н. Н. Деева. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: Издат. группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. 624 с.

3. Вопросные пункты иеромонаху Иерониму, 31 января 1830 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 26–27.

4. Гинзбург К. Миф. Дистанция и ложь // Гинзбург К. Деревянные глаза. Десять статей о дистанции. М.: Новое издательство, 2021. С. 63–142.

5. Демкин А. В. «Дней Александровых прекрасное начало...»: Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.

6. Для биографии И. П. Сахарова / сообщ. П. И. Савваитов // Русский архив. 1873. Кн. I, № 6. Стб. 897–919.

7. Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М.: Новости, 1992. 560 с.

8. Записка о помещении доклада по делу иеромонаха Иеронима в собрание всеподданнейших докладов, 23 марта 1830 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 36.

9. «Записка» П.И. Балабина, 19 мая 1830 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 41.

10. Иеромонах Иероним, заточник в Соловецком монастыре. Род. 1766 г., ум. 1847 г. // Русская старина. 1891. № 7. С. 184–185.

11. Иеросхимонах Иероним Соловецкий (Память 23 сентября) // Азбука веры. Православная библиотека. Жития святых. Жизнеописания Отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. Сентябрь. Раздел 24. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/zhizneopisanija-otechestvennyh-podvizhnikov-blagochestija-18-i-19-vekov-sentjabr/24

12. Иеросхимонах Сергий (Четвериков). Молдавский старец Паисий Величковский // Азбука веры. Православная библиотека. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Chetverikov/moldavskij-starets-paisij-velichkovskij/

13. Копелев Д. Н. 1812 год: «Заложники» войны и натурализация иностранных офицеров Российского флота // 185 лет Отечественной войне 1812 года. Самара: Изд-во СамГУ, 1997. С. 117–130.

14. Крючков Ю. С. Алексей Самуилович Грейг, 1775–1845 / отв. ред. Г. М. Балабаев. М.: Наука, 1984. 104 с.

15. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 399 с.

16. «Опись бумагам содержащегося в крепости Иеромонаха Иеронима» [1830 г.] // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 17–18.

17. Орлов А. А. Грейг (Грейх, Greig) Алексей Самуилович (Самойлович) // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия в трех томах. Т. 1. А – Ж / рук. авт. кол. В. М. Безотосный. М.: РОССПЭН, 2012. С. 518.

18. Орлов А. А. «Школы для всех». Ланкастерская система обучения в России в первой четверти XIX века (1814–1826 гг.). М.: РИЦ МГГУ М.А. Шолохова, 2014. 200 с.

19. Ответы иеромонаха Иеронима на вопросные пункты, 4 февраля 1830 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 27 об.–28 об.

20. Письма А.Х. Бенкендорфа к П.С. Мещерскому и А.Я. Сукину, 27 марта 1830 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 37–38.

21. Письма А.Х. Бенкендорфа к П.С. Мещерскому, А.И. Чернышеву, А.Я. Сукину, А.С. Грейгу, 13 января 1830 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 5–8.

22. Письмо А.С. Грейга к А.Х. Бенкендорфу, 31 декабря 1829 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 1–1 об.

23. Письмо А.Х. Бенкендорфа к А.Я. Сукину, 31 января 1830 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 25.

24. Письмо А.Х. Бенкендорфа к А.Я. Сукину, январь 1830 г. (без даты) // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 19.

25. Письмо А.Я. Сукина к А.Х. Бенкендорфу, 16 января 1830 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 14.

26. Письмо А.Я. Сукина к А.Х. Бенкендорфу, 19 марта 1830 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 34.

27. Письмо иеромонаха Иеронима к А.С. Грейгу, 17 августа 1829 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 2–2 об., 21–21 об.

28. Письмо иеромонаха Иеронима к А.С. Грейгу, 27 ноября 1829 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 4–4 об., 23–24 об.

29. Письмо иеромонаха Иеронима к П.В. Голенищеву-Кутузову, 26 июня 1829 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 3–3 об.

30. Письмо П.С. Мещерского к А.Х. Бенкендорфу, 23 января 1830 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 20.

31. Письмо П.С. Мещерского к А.Х. Бенкендорфу, 5 апреля 1830 г. // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 40–40 об.

32. «Справка, извлеченная из сведений, доставленных Новгородскою Духовною Консисториею о Иеромонахе Иерониме» [1830 г.] // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. 30–33.

33. Формулярный список иеромонаха Иеронима [1830 г.] // ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 5. Д. 19. Л. [12]–13.

34. Штрайх С. Я. Провокатор Завалишин. М.: Акц. изд. о-во «Огонек», 1928. 48 с.

35. Штрайх С. Я. Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века. [3-е изд.]. М.: Воениздат, 2000. 288 с.

36. Addison J. Selections from Addison's Papers Contributed to the Spectator / ed. by T. Arnold. Oxford: Clarendon Press, 1886. XXX, 528 p.

REFERENCES

1. Avtobiograficheskaya zapiska, izvlechennaya iz dnevnika iyeromonakha Iyeronima, umershego 23-go sentyabrya 1847 g. v Solovkakh [Autobiographical Note Extracted from the Diary of Hieromonk Hieronimys, Who Died on September 23, 1847 in Solovki].

Vostochnaya literatura [Eastern Literature]. URL: https://www.vostlit.info

2. Berman H.J. *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition]. Moscow, Izd-vo MGU, Izdat. gruppa INFRA-M – NORMA, 1998. 624 p.

3. Voprosnyye punkty iyeromonakhu Iyeronimu, 31 yanvarya 1830 g. [Question Points to Hieromonk Hieronymus, January 31, 1830]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF)* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 26-27.

4. Ginzburg K. Mif. Distantsiya i lozh [Myth. Distance and Lies]. Ginzburg K. *Derevyannyye glaza. Desyat statey o distantsii* [Wooden Eyes. Ten Articles About Distance]. Moscow, Novoye izdatelstvo, 2021, pp. 63-142.

5. Demkin A.V. *«Dney Aleksandrovykh prekrasnoye nachalo...»: Vnutrennyaya politika Aleksandra I v 1801–1805 gg.* ["The Wonderful Beginning of Alexander's Days...": Domestic Policy of Alexander I in 1801–1805]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2012. 320 p.

6. Savvaitov P.I., ed. Dlya biografii I.P. Saharova [For the Biography of I.P. Sakharov]. *Russkiy arhiv* [Russian Archive], 1873, book I, no. 6, cols. 897-919.

7. Dolgorukov P.V. *Peterburgskiye ocherki. Pamflety emigranta. 1860–1867* [Petersburg Essays. Emigrant's Pamphlets. 1860–1867]. Moscow, Novosti Publ., 1992. 560 p.

8. Zapiska o pomeshchenii doklada po delu iyeromonakha Iyeronima v sobraniye vsepoddanneyshikh dokladov, 23 marta 1830 g. [Note on the Inclusion of the Report on the Case of Hieromonk Hieronymus in the Collection of Most Humble Reports, March 23, 1830]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 36.

9. «Zapiska» P.I. Balabina, 19 maya 1830 g. ["Note" by P.I. Balabin, May 19, 1830]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 41.

10. Iyeromonakh Iyeronim, zatochnik v Solovetskom monastyre. Rod. 1766 g., um. 1847 g. [Hieromonk Hieronimys, Prisoner in the Solovetsky Monastery. 1766–1847]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity], 1891, no. 7, pp. 184-185.

11. Iyeroskhimonakh Iyeronim Solovetskiy (Pamyat 23 sentyabrya) [Hieroschemamonk Hieronymus of Solovky (Commemorated September 23)]. *Azbuka very. Pravoslavnaya biblioteka. Zhitiya svyatykh. Zhizneopisaniya Otechestvennykh podvizhnikov blagochestiya XVIII i XIX vekov. Sentyabr. Razdel 24* [Alphabet of Faith. Orthodox Library. Lives of the Saints. Lives of Russian Ascetics of Piety of the 18th and 19th Centuries. September. Section 24]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/zhizneopisanija-otechestvennyh-podvizhnikov-blagochestija-18-i-19-vekov-sentjabr/24

12. Iyeroskhimonakh Sergiy (Chetverikov). Moldavskiy starets Paisiy Velichkovskiy [Hieroschimonk Sergius (Chetverikov). Moldavian Elder Paisius Velichkovsky]. *Azbuka very. Pravoslavnaya biblioteka* [Alphabet of Faith. Orthodox Library]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Chetverikov/moldavskij-starets-paisij-velichkovskij/

13. Kopelev D.N. 1812 god: «Zalozhniki» voyny i naturalizatsiya inostrannykh ofitserov Rossiyskogo flota [1812: "Hostages" of the War and the Naturalization of Foreign Officers of the Russian Fleet]. *185 let Otechestvennoy voyne 1812 goda* [185 Years of the Patriotic War of 1812]. Samara, Izd-vo SamGU, 1997, pp. 117-130.

14. Kryuchkov Yu.S. *Aleksey Samuilovich Greyg, 1775–1845* [Alexey Samuilovich Greig, 1775–1845]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 104 p.

15. Lotman Yu.M. *Besedy o russkoy kulture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX v.)* [Conversations About Russian Culture. Life and Traditions of the Russian Nobility (18th – Early 19th Century)]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1994. 399 p.

16. «Opis bumagam soderzhashchegosya v kreposti Iyeromonakha Iyeronima» (1830 g.) ["Inventory of the Papers of Hieromonk Hieronymus Held in the Fortress" (1830)]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 17-18.

17. Orlov A.A. Greyg (Greykh, Greig) Aleksey Samuilovich (Samoylovich) [Greig Alexey Samuilovich (Samoilovich)]. Bezotosnyy V.M., ed. *Otechestvennaya voyna 1812 goda i osvoboditelnyy pokhod russkoy armii 1813–1814 godov. Entsiklopediya v trekh tomakh. T. 1. A – Zh* [Patriotic War of 1812 and the Liberation Campaign of the Russian Army of 1813–1814. Encyclopedia in Three Volumes. Vol. 1. A – Zh]. Moscow, ROSSPEN, 2012, p. 518.

18. Orlov A.A. *«Shkoly dlya vsekh». Lankasterskaya sistema obucheniya v Rossii v pervoy chetverti XIX veka (1814–1826 gg.)* ["Schools for All." Lancaster System of Instructions in Russia in the First Quarter of the 19th Century (1814–1826)]. Moscow, RITs MGGU M.A. Sholokhova, 2014. 200 p.

19. Otvety iyeromonakha Iyeronima na voprosnyye punkty, 4 fevralya 1830 g. [Answers of Hieromonk Hieronymus to Questions points, February 4, 1830]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 27 r. – 28 r.

20. Pisma A.Kh. Benkendorfa k P.S. Meshcherskomu i A.Ya. Sukinu, 27 marta 1830 g. [Letters from A.Kh. Benkendorf to P.S. Meshchersky and A.Ya. Sukin, March 27, 1830]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 37-38.

21. Pisma A.Kh. Benkendorfa k P.S. Meshcherskomu, A.I. Chernyshevu, A.Ya. Sukinu, A.S. Greygu, 13 yanvarya 1830 g. [Letters from A.Kh. Benkendorf to P.S. Meshchersky, A.I. Chernyshev, A.Ya. Sukin, A.S. Greig, January 13, 1830]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 5-8.

22. Pismo A.S. Greyga k A.Kh. Benkendorfu, 31 dekabrya 1829 g. [Letter from A.S. Greig to A.Kh. Benckendorf, December 31, 1829]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 1-1 r.

23. Pismo A.Kh. Benkendorfa k A.Ya. Sukinu, 31 yanvarya 1830 g. [Letter from A.Kh. Benckendorff to A.Ya. Sukin, January 31, 1830]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 25.

24. Pismo A.Kh. Benkendorfa k A.Ya. Sukinu, yanvar 1830 g. (bez daty) [Letter from A.Kh. Benckendorff to A.Ya. Sukin, January 1830 (Undated)]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 19.

25. Pismo A.Ya. Sukina k A.Kh. Benkendorfu, 16 yanvarya 1830 g. [Letter from A. Ya. Sukin to A. Kh. Benckendorff, January 16, 1830]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 14.

26. Pismo A.Ya. Sukina k A.Kh. Benkendorfu, 19 marta 1830 g. [Letter from A. Ya. Sukin to A.Kh. Benckendorff, March 19, 1830]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 34.

27. Pismo iyeromonakha Iyeronima k A.S. Greygu, 17 avgusta 1829 g. [Letter of Hieromonk Hieronymus to A.S. Greig, August 17, 1829]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 2-2 r., 21-21 r.

28. Pismo iyeromonakha Iyeronima k A.S. Greygu, 27 noyabrya 1829 g. [Letter of Hieromonk Hieronymus to A.S. Greig, November 27, 1829]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 4-4 r., 23-24 r.

29. Pismo iyeromonakha Iyeronima k P.V. Golenishchevu-Kutuzovu, 26 iyunya 1829 g. [Letter of Hieromonk Hieronymus to P.V. Golenishchev-Kutuzov, June 26, 1829]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 3-3 r.

30. Pismo P.S. Meshcherskogo k A.Kh. Benkendorfu, 23 yanvarya 1830 g. [Letter from P.S. Meshchersky to A.Kh. Benckendorff, January 23, 1830]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 20.

31. Pismo P.S. Meshcherskogo k A.Kh. Benkendorfu, 5 aprelya 1830 g. [Letter from P.S. Meshchersky to A.Kh. Benckendorff, April 5, 1830]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 40-40 r.

32. «Spravka, izvlechonnaya iz svedeniy, dostavlennykh Novgorodskoyu Dukhovnoyu Konsistoriyeyu o Iyeromonakhe Iyeronime» (1830 g.) ["Certificate Extracted from the Information Provided by the Novgorod Spiritual Consistory About Hieromonk Hieronymus" (1830)]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 30-33.

33. Formulyarnyy spisok iyeromonakha Iyeronima (1830 g.) [Formulary List of Hieromonk Hieronymus (1830)]. *GA RF* [State Archives of the Russian Federation], f. 109, 1st expedition, inv. 5, d. 19, l. 12-13.

34. Straich S.Ya. *Provokator Zavalishin* [Provocateur Zavalishin]. Moscow, Akts. izd. o-vo «Ogonyok», 1928. 48 p.

35. Straich S.Ya. *Roman Medoks. Pokhozhdeniya russkogo avantyurista XIX veka* [Roman Medox. Adventures of a 19th Century Russian Daredevil]. Mocow, Voenizdat, 2000. 288 p.

36. Addison J. *Selections from Addison's Papers Contributed to the Spectator*. Oxford, Clarendon Press, 1886. XXX, 528 p.

Information About the Author

Aleksandr A. Orlov, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of New and Modern History of Europe and America of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovskaya St, 1, Bld. 1, 119435 Moscow, Russian Federation, arkigolkin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6549-2059

Информация об авторе

Александр Анатольевич Орлов, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, 119435 г. Москва, Российская Федерация, arkigolkin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6549-2059

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.11

UDC 94(470+571)«1818/1883»
LBC 63.3(2)

Submitted: 23.08.2023
Accepted: 17.01.2024

M.N. MURAVYEV AND THE ICONS OF ST. ISAAC'S CATHEDRAL IN VILNA: IMPERIAL TRANSFER OF SACRAL IMAGES?

Oleg A. Lyubeznikov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. In the Orthodox Nicholas Church in Vilna since the 1860s, there were icons brought from St. Isaac's Cathedral in St. Petersburg. The reasons, mechanisms, and socio-political context of the transportation of the icons from the capital of the Russian Empire to the Northwestern Krai after the uprising of 1863 were not clear. The purpose of this article is to analyze the complex of archival and published sources and reconstruct the history of sending the icons of St. Isaac's Cathedral to Vilna, to identify the factors that accompanied this process and to determine the circle of its participants. *Methods and materials*. The article is based on the archival sources from the funds of the Russian State Historical Archive (f. 472 "Chancery of the Ministry of the Imperial Court," f. 502 "Cabinet of the Architect Montferrand," f. 789 "Imperial Academy of Arts," f. 1311 "Commission of the construction of St. Isaac's Cathedral"). The study of archival sources and synchronous sources of personal origin and historiography made it possible to reconstruct the motives, the course, and stages of the transportation of icons from St. Isaac's Cathedral to Vilna churches. *Analysis*. The solicitation of the Vilna Governor-General M.N. Muravyev about sending to Vilna the picturesque icons replaced by mosaics in St. Isaac's Cathedral was caused both by his desire for economy and the speedy filling of Vilna churches by Orthodox icons and, apparently, by the very correspondence of the icons (depicting saints whose names coincided with the names of members of the Romanov dynasty) to his own political course aimed at imperial integration and the symbolic conquest of the space of the Northwestern Krai. *Results.* M.N. Muravyev's successor, the Governor-General K.P. Kaufman, who perhaps knew about the symbolic unity of Orthodoxy and the monarchy, reflected in the icons of St. Isaac's Cathedral, made a similar request to the Ministry of the Imperial Court to send the additional icons. However, Alexander II was a supporter of a softer political course in relation to the Northwestern Krai and did not consider the icons of St. Isaac's Cathedral as an instrument of symbolic and confessional politics, and the practice of sending the icons from Petersburg to Vilna was finished. *Funding.* The research was supported by the Russian Science Foundation, project № 21-48-04402 "Saints and heroes from Christianization to Nationalism: Symbol, Image, Memory (Nord-West Russia, Baltic and Nordic countries)".

Key words: St. Isaac's Cathedral, M.N. Muravyev, K.P. Kaufman, Russian Empire, Northwestern Krai, Vilna, icons, mosaics.

Citation. Lyubeznikov O.A. M.N. Muravyev and the Icons of St. Isaac's Cathedral in Vilna: Imperial Transfer of Sacral Images? *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 124-136. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.11

УДК 94(470+571)«1818/1883»
ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 23.08.2023
Дата принятия статьи: 17.01.2024

М.Н. МУРАВЬЕВ И ВИЛЕНСКИЕ ИКОНЫ ИСААКИЕВСКОГО СОБОРА: ИМПЕРСКИЙ ТРАНСФЕР САКРАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ?

Олег Анатольевич Любезников

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение*. Согласно путеводителям по Вильне начала XX в. в православном Николаевском храме с 1860-х гг. находились иконы, привезенные из петербургского Исаакиевского собора. Причины, меха-

© Любезников О.А., 2024

низмы и социально-политический контекст перевозки находившихся в столице Российской империи образов святых, соименных членам династии Романовых, в Северо-Западный край после восстания 1863 г. остаются малоизученными. Цель настоящей статьи – проанализировав комплекс архивных и опубликованных источников, реконструировать историю отправки икон Исаакиевского собора в Вильну, выявить сопутствовавшие этому процессу факторы и определить круг его участников. *Методы и материалы*. Источниковой базой работы стали документы из фондов Российского государственного исторического архива (Ф. 472 «Канцелярия Министерства императорского двора»; Ф. 502 «Кабинет архитектора Монферрана»; Ф. 789 «Императорская Академия художеств»; Ф. 1311 «Комиссия о построении Исаакиевского собора»). Исследование архивных источников, анализ синхронных источников личного происхождения (записки М.Н. Муравьева, дневник П.А. Валуева) и историографии позволили восстановить мотивы, ход и этапы перевозки икон из петербургского собора в несколько виленских храмов. *Анализ*. Последовавшее в 1864 г. ходатайство виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева о пересылке замененных мозаикой в Исаакиевском соборе живописных икон было вызвано как его стремлением к экономии и скорейшему наполнению преобразуемых в православные виленских храмов образами, так, по-видимому, и самим соответствием икон, изображавших святых, с именами которых совпадали имена членов династии Романовых, осуществлявшемуся им политическому курсу, направленному на имперскую интеграцию и символическое освоение пространства Северо-Западного края. *Результаты*. Символическая спаянность православия и монархии, отразившаяся в иконах Исаакиевского собора, побудила преемника М.Н. Муравьева генерал-губернатора К.П. Кауфмана к аналогичному обращению. Однако Александр II, выступая за более мягкий курс в отношении Северо-Западного края, не рассматривал иконы Исаакиевского собора как инструмент символической и конфессиональной политики, и возникшая практика прекратилась. *Финансирование*. Статья написана при финансовой поддержке РНФ, соглашение № 21-48-04402 от 17.11.2020 «Святые и герои: От христианизации к национализму: Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

Ключевые слова: Исаакиевский собор, М.Н. Муравьев, К.П. Кауфман, Российская империя, Северо-Западный край, Вильна, иконы, мозаики.

Цитирование. Любезников О. А. М.Н. Муравьев и виленские иконы Исаакиевского собора: имперский трансфер сакральных образов? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 124–136. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.11

Введение. В 1904 г. в «Путеводителе по городу Вильне и его окрестностям», изданном в типографии Штаба Виленского военного округа, при описании последовавших после преобразования бывшего виленского костела Св. Казимира в православный Кафедральный Николаевский собор работ по переделке интерьера храма, пришедшихся на 1860-е гг., особо отмечалось: «Иконы, развешанные в нишах по стенам собора, исполненные частью художником Брюловым, родственником известного Карла Брюлова, а частью академиком Трутневым, временно находились в Исаакиевском соборе в Петербурге, но были заменены там мозаичными, и впоследствии, при содействии Резанова, помещены в Виленском соборе» [4, с. 77–78]. Скупое сообщение путеводителя продублировано в еще более сжатом виде и в других изданиях подобного рода [11, с. 138]. О каких иконах идет речь? Ставший академиком только в 1868 г. художник И.П. Трутнев (1827–1912) не участвовал в оформлении петербургского храма в честь св. Исаакия Далматского, однако братом К.П. Брюллова Федором Павловичем Брюлловым (1793–1869) ряд икон для собора, действительно, создавался [7]. Как сложилась их судьба? Имела ли место их перевозка в Вильну? Чем она объясняется? Кого считать инициатором этого действия? Можно ли рассматривать перемещение петербургских икон в качестве своего рода трансфера значимых для столицы империи сакральных образов? Эти вопросы требуют своего разрешения.

Методы и материалы. В исследовательской литературе об Исаакиевском соборе работы по созданию внутреннего убранства храма получают свое освещение [20, с. 143–176; 33, с. 66–97; 34]. Однако истории последующего бытования отдельных элементов интерьера, икон и мозаик собора уделяется меньшее внимание [1; 17]. Между тем отложившиеся в Российском государственном историческом архиве неопубликованные документы Комиссии о построении собора, архитектора О. Монферрана и центральных госу-

дарственных учреждений, в первую очередь Министерства императорского двора, позволяют (при соответствующей источниковедческой критике) проанализировать символическое значение икон храма, в том числе в контексте конфессиональной политики Российской империи в 1860-е гг. в Северо-Западном крае, в частности, в Вильне.

Анализ. В тексте «Путеводителя по городу Вильне и его окрестностям» упомянут архитектор А.И. Резанов (1817–1887), многолетний помощник и ученик ведущего зодчего-храмостроителя Николаевской эпохи К.А. Тона, вероятно, обладавший необходимым для передачи икон Исаакиевского собора в виленский храм авторитетом, пользовавшийся влиянием при императорском дворе, выполняя заказы представителей династии [14]. К 1860-м гг. он уже около десяти лет служил старшим архитектором Департамента уделов, во главе которого с 1856 г. находился М.Н. Муравьев (1796–1866). Хотя дружеские отношения сложились у А.И. Резанова с преемником М.Н. Муравьева графом Ю.И. Стенбоком [42, с. 34], творческая биография архитектора связана именно с фигурой М.Н. Муравьева [35, с. 363–364].

В начале 1860-х гг. А.И. Резанов выстроил барский дом и церковь в имении М.Н. Муравьева «в русском стиле», а после его кончины оформил могилу в Александро-Невской лавре надгробным памятником также в русском стиле. По-видимому, А.И. Резанов вполне удовлетворял художественным (а возможно, и идейно-политическим) предпочтениям М.Н. Муравьева, и тот после своего назначения Виленским генерал-губернатором в разгар восстания 1863 г. не преминул предложить архитектору целую серию проектов в Вильне. Как указывалось в некрологе зодчего, строительная практика А.И. Резанова в городе началась в 1863 г. «по приглашению графа Муравьева» с постройки часовни Св. Александра Невского [42, с. 34] [1]. Выстроенная в память «воинов, павших во время польского мятежа», часовня не только была спроектирована А.И. Резановым в русском стиле – «свежо и своеобразно, без рабского подражания историческим примерам» [42, с. 34], но и самим посвящением напоминала и о русском полководце, и о тогдашнем российском монархе. Символическое присутствие Романовых посредством изображения или упоминания святых, с именами которых совпадали имена членов династии, должно было ясно ощущаться в городе. Эта линия соответствовала курсу Главного Начальника Северо-Западного края.

Деятельность М.Н. Муравьева в Северо-Западном крае получает различные оценки в историографии [15, с. 6–13]. Одна из моделей интерпретации предлагает воспринимать ее как «политику системного обрусения края», которая внесла «принципиальные перемены в содержание и функционирование краевых идентификационных механизмов» [3, с. 255]. Другие авторы отрицают «сколько-нибудь методичные попытки переформовки этноконфессиональных идентичностей», усматривая в программе М.Н. Муравьева в первую очередь стремление к экстренной, «“пожарной” деполонизации чиновничьего аппарата», а также к «*репрезентации русского господства посредством символически нагруженных административных акций*» (курсив наш. – *О. Л.*) [12, с. 248]. К последней практике, с известной долей осторожности, может быть отнесена получившая весьма подробное освещение в научно-исследовательской литературе церковно-строительная деятельность, инициированная М.Н. Муравьевым [15, с. 99–101; 19].

Сам граф ретроспективно во всеподданнейшем отчете по управлению Северо-Западным краем отмечал, что в число возложенных на него задач входила необходимость «заняться устройством православных храмов» [8, с. 247]. По распоряжению генерал-губернатора были учреждены губернские церковно-строительные комитеты – в состав Виленского вошел архитектор А.И. Резанов, но М.Н. Муравьев сам «вникал во все подробности каждого дела, сам рассматривал сметы, проекты и планы, <...> требовал, чтобы вновь строящиеся церкви были похожи на великорусские не только по внешности, но и по внутреннему устройству» [19, с. 9, 10]. По словам специально изучавшего церковно-строительную деятельность графа историка А.И. Миловидова, «заботы М.Н. Муравьева о православных храмах не ограничивались их строением и постановкою иконостасов, храмы

очень нуждались в образах, церковной утвари и облачениях. <...> Обращаясь к членам Царствующего Дома, к своим знакомым и известным московским благотворителям, Муравьев в непродолжительное время своего управления успел снабдить почти все Церкви края утварью и облачениями» (курсив наш. – *О. Л.*) [19, с. 25].

В ряду этих обращений стоит и сохранившаяся в бумагах Канцелярии Министерства императорского двора последовавшая 24 июля 1864 г. просьба М.Н. Муравьева к министру двора графу В.Ф. Адлербергу «исходатайствовать Высочайшее Его Императорского Величества соизволение на передачу <...> живописных икон для возобновляемых в г. Вильне Православных храмов». Речь шла об «остававшихся без употребления», «находившихся во втором ярусе большого иконостаса и в двух приделах Исакиевского собора живописных иконах, служивших оригиналами для мозаичных работ» [28, л. 1]. Мозаичными копиями заменялись в это время в петербургском соборе, освященном в честь Св. Исаакия Далматского, с днем памяти которого совпадала дата рождения Петра Великого, первоначальные живописные оригиналы [34, с. 74–76 (вторая пагинация)]. Упоминавший об инициативе М.Н. Муравьева А.И. Миловидов связывал это ходатайство с весьма приземленным стремлением начальника края к экономии. Обращение к В.Ф. Адлербергу характеризуется как свойственная М.Н. Муравьеву «изобретательность в средствах», «поистине изумительная способность в отыскании и привлечении жертвователей» [19, с. 13]. С одной стороны, в пользу такой трактовки говорит сама просьба о передаче икон как второго яруса главного иконостаса, так и приделов Исаакиевского собора – то есть М.Н. Муравьев ходатайствовал о передаче максимально возможного числа икон, которые «в мозаическом заведении при Академии художеств» оставались «без употребления» [28, л. 1]. При этом в самом Исаакиевском соборе, интерьер которого создавался в эпоху Николая I в соответствии с уваровской триадой [17], на иконах второго яруса кисти Ф.П. Брюллова были изображены святые «суть Ангелы хранители <...> Членов Царствующего дома» [34, с. 76, 77], а в приделах, естественно, находились изображения и на евангельские сюжеты. С другой стороны, в приделах – Св. Александра Невского и Св. Екатерины – помещались также иконы, изображавшие причисленных к лику святых героев русской истории, святых, связанных с историей становления русского централизованного государства, – Сергия Радонежского, Митрофана Воронежского, Михаила Тверского, Царевича Дмитрия [34, с. 78, 79]. Поскольку нет оснований полагать, что М.Н. Муравьев точно знал, какие иконы приделов заменяются мозаикой, можно предположить, что сама общая иконографическая программа Исаакиевского собора, нацеленная на демонстрацию сплоченности русского православия и российской монархии, представлялась ему вполне подходящей для ее репрезентации в Вильне.

Инициатива М.Н. Муравьева, однако, особого энтузиазма в Петербурге не встретила. Уже 29 июля 1864 г. В.Ф. Адлерберг отразил последовавшую резолюцию Александра II, «чтобы о каждой исполненной мозаикою иконе было донесено министру двора для испрашения Высочайшего приказания об отсылке оригинальной живописной иконы» [6]. Александр II, таким образом, посчитал вопрос о передаче икон Исаакиевского собора своим личным делом, требовавшим его персонального участия. Сам В.Ф. Адлерберг, о натянутых отношениях с которым М.Н. Муравьев вспоминал в своих записках об управлении Северо-Западным краем, отмечая, что «политическое положение его много содействовало к самонадеянности поляков поколебать предпринятые правительственные меры» [8, с. 186], испытывал к затее генерал-губернатора скепсис. Так, получив от ректора Императорской Академии художеств архитектора К.А. Тона известие, что в мозаическом заведении «остаются без назначения только два оригинала образов – Св. благоверного князя Владимира и Св. благоверной княгини Ольги и Св. Царицы Александры и Св. Марии Магдалины» кисти Федора Брюллова, В.Ф. Адлерберг раздраженно заметил: «Эти оригиналы в какую величину сделаны? Если они колоссальные, то не могут быть отправлены в Вильно» [38, л. 8]. Сообщив М.Н. Муравьеву размеры икон (4 аршина и 1,5 вершка в высоту и 2 аршина и 9 вершков в

ширину [27], то есть примерно 2,9 метра на 1,8 метра), В.Ф. Адлерберг задавался вопросом: «Изволите ли Вы полагать возможным поместить оные, при таких размерах, в какой-либо из православных храмов Вильно?» [22]. М.Н. Муравьева размеры не смутили, 12 октября 1864 г. он сообщил, что иконы «могут быть помещены в предполагаемом к переделке на православный женский монастырь во францисканском костеле» [29]. Санкция монарха была получена, и отправкой этих образов в Вильну в апреле 1865 г. непосредственно занимался в Петербурге по поручению начальника Северо-Западного края архитектор А.И. Резанов [30, л. 15 об.].

Одновременно вице-президент Императорской Академии художеств Г.Г. Гагарин уведомил В.Ф. Адлерберга, что отправить в Вильну можно и живописные образа Св. Николая Кочанова и Михаила Архангела (считавшихся небесными покровителями братьев Александра II). По воле монарха эти иконы кисти Ф.П. Брюллова «на Высочайшее рассмотрение» были выставлены летом 1865 г. «в ротонду перед Малою Церковью» в Зимнем дворце [37]. Вскоре, однако, выяснилось, что в мозаику переводят иконы не авторства Ф.П. Брюллова, а изображения тех же святых кисти другого художника – А.Е. Бейдемана [37]. Процесс отправки не имеющих мозаичных копий икон из ротонды Зимнего дворца в Вильну был приостановлен [24, л. 22].

Тем временем М.Н. Муравьева как главного начальника Северо-Западного края сменил генерал-адъютант К.П. Кауфман, ставший «сознательным последователем “системы Муравьева”» [15, с. 192]. Спустя несколько недель его пребывания на должности министр внутренних дел П.А. Валуев достаточно язвительно замечал в дневнике, что К.П. Кауфман «преимущественно старается доказать, что он – не Кауфман, а Муравьев» [9, с. 45]. В силу преемственности проводившейся новым генерал-губернатором политики получило продолжение и дело переправки в Вильну образов Исаакиевского собора. К.П. Кауфман не только не отступился от затеи предшественника, но 12 сентября 1865 г. сообщил В.Ф. Адлербергу, что присланные весной две иконы – «Св. Владимир и Св. Ольга» и «Св. Мария Магдалина и Св. Царица Александра» – «предназначены здешним церковно-строительным комитетом для помещения в церкви вновь устраиваемой обители во имя Св. Марии Магдалины» и нашел «полезной» передачу дополнительных икон, «предназначенных для исполнения мозаикою для Исаакиевского собора», поскольку «в перестраиваемом в настоящее время в г. Вильне Николаевском соборе находится довольно места для поставления икон» [26, л. 24 об.]. Таким образом, идея установки икон из петербургского Исаакиевского собора в виленском Николаевском соборе принадлежала К.П. Кауфману, развивавшему первоначальный посыл М.Н. Муравьева.

Конфессиональная и символическая политика М.Н. Муравьева и его преемника, в том числе и формировавшаяся практика получения православных икон для Северо-Западного края, по-видимому, не находила сочувствия в той части петербургской высшей бюрократии, которую сам М.Н. Муравьев определял как «партию русских полякующих» [15, с. 111]. Критику вызывала свойственная управленческому аппарату в Северо-Западном крае, по точному для рассматриваемого кейса замечанию современных исследователей, «подспудная установка на статичный, “*экспонируемый*” результат» (курсив наш. – *О. Л.*) – «акции, позволявшие символически и эффектно продемонстрировать “русскость”, будь то нововозведенный красивый православный храм или зазвучавшая, к изумлению прихожан, русская проповедь в костеле, получали приоритет над более тонкими и прагматичными методами воздействия на этноконфессиональные идентичности» [13, с. 252]. Министр внутренних дел П.А. Валуев, который относился к указанной «партии», в июне 1865 г., отмечая недовольство бывшего помощника М.Н. Муравьева А.Л. Потапова, раздосадованного, что преемником виленского, ковенского, гродненского и минского генерал-губернатора стал К.П. Кауфман, а не он сам, записал в дневнике: «Вечером был Потапов. Честолюбие его разбирает, самолюбие раздражено. Теперь ему *не до посылки икон ген. Муравьеву*, но и он пересоздает Запад в воображении вместо того, чтобы им управлять и с ним справляться» (курсив наш. –

О. Л.) [9, с. 48]. Процедура отправки православных образов в Вильну, инициированная М.Н. Муравьевым, была широко известна в Петербурге. Однако продолжения при К.П. Кауфмане эта практика почти не получила.

Направленное К.П. Кауфманом в сентябре 1865 г. прошение В.Ф. Адлербергу выслать из Императорской Академии художеств дополнительные, уже замененные в Исаакиевском соборе мозаичными копиями, иконы в Вильну побудило министра пристально изучить весь ход протекавших работ по созданию мозаик для петербургского храма. Исполняющий должность конференц-секретаря Академии художеств Д.И. Ребезов составил для В.Ф. Адлерберга специальную «Объяснительную ведомость об оригиналах образов, исполненных и исполняемых мозаикою» [21] (см. приложение). Ведомость содержала подробный отчет и о живописных образах, и о набираемых по ним мозаиках, и о привлеченных к работам многочисленных художниках. Особое внимание уделено было иконам второго яруса главного иконостаса собора, живописные оригиналы которых кисти Ф.П. Брюллова потребовали, «по Высочайшей воле», «изменений и исправления недостатков» [21, л. 32]. Александр II, по словам вице-президента Академии князя Г.Г. Гагарина, еще в 1861 г. посчитал, что созданные Ф.П. Брюлловым изображения святых, соименных членам царской семьи, «написаны слишком слабо и небрежно для того, чтобы их существование увековечить мозаикою» [23, л. 72 об.]. Две из этих икон – «Св. Благоверного князя Владимира с Св. Ольгою» и «Св. Царицы Александры с Св. Мариею Магдалиною» – и были, по замечанию Д.И. Ребезова, «отправлены в Вильно 22 апреля сего [1865] года» [21, л. 31 об., 32]. Судьбу остальных перечисленных в ведомости живописных изображений предстояло решать монарху, о чем сообщает оставленная резолюция В.Ф. Адлерберга: «Высочайше повелено все сии образа, кроме тех, с которых снимаются мозаичные копии, выставить в одной из зал Академии художеств, где Государь Император по осмотру выставки, изволит лично дать им назначение» [21, л. 30].

11 января 1866 г. Александр II побывал на выставке [31]. О последовавших после визита распоряжениях ректор Академии К.А. Тон сообщил В.Ф. Адлербергу: «Государь Император при посещении выставки изволил рассматривать <...> образа, написанные для Исаакиевского собора. <...> Касательно же образов Высочайше повелено: 1. Св. Константина и Елены и 2. Пророчиц Анны и Елизаветы работы профессора Брюллова отправить в Вильно, куда пожалованы таковой же меры два образа для православного женского монастыря, переделываемого из Виленского францисканского костела. Прочие образа: 1. Св. Николы Кочанова 2. Марии Магдалины и Царицы Александры, писанные художником Бузато (gouache), и 3. Спасителя работы Дузи оставить для Академии» [32]. В.Ф. Адлерберг уведомил К.П. Кауфмана о воле монарха, спустя месяц – в феврале 1866 г. – отправлением икон кисти Ф.П. Брюллова в Вильну вновь занимался архитектор А.И. Резанов [25, л. 1]. Таким образом, в Северо-Западном крае оказались четыре иконы из Исаакиевского собора, написанные Ф.П. Брюлловым. Еще два образа, им созданные, – те, что выставлялись в ротонде в Зимнем дворце, – остались в Петербурге, в 1872 г. они находились в домовой церкви Св. Екатерины в здании Академии художеств [36, с. 128–129].

Результаты. В Вильну в середине 1860-х гг. попали четыре иконы, написанные Ф.П. Брюлловым и находившиеся прежде в Исаакиевском соборе. Какими бы ни были первоначальные мотивы М.Н. Муравьева, перемещение в Северо-Западный край икон с изображениями святых, соименных членам династии, икон Исаакиевского собора, воплотившего уваровскую триаду, соответствовало общей парадигме правительственной политики еще николаевской эпохи [2], как бы продлеваемой ровесником Николая М.Н. Муравьевым. Иконы святых Владимира и Ольги, Константина и Елены, Анны и Елизаветы, Марии Магдалины и Царицы Александры, доставленные из кафедрального храма Петербурга, если не представлялись начальникам Северо-Западного края изначально, но хотя бы в какой-то степени оказались инструментами не столько очевидной экономии средств и времени для оформления вновь обустраиваемых православных церквей, сколько символической политики, направлен-

ной на трансфер сакральных для династии образов на окраину империи, на интеграцию региона в имперский организм. Иконы эти явились своеобразным символическим отражением муравьевского курса. Сам М.Н. Муравьев комиссией по возведению ему памятника в Вильне на излете 1890-х гг. был назван «Борцом за Веру, Царя и Отечество», что, по тонкому наблюдению современного исследователя, «сильно напоминало триаду С.С. Уварова, описывающую русский имперский патриотизм словами “православие, самодержавие, народность”» [39, с. 111–112]. Однако Александр II, чье правление, в отличие от николаевского, характеризуется «возвращением к более гибкой и маневренной политике» [5, с. 286], уже весной 1865 г. отказался от линии М.Н. Муравьева [3] и в живописных иконах Исаакиевского собора видел не столько идейно-политическую, сколько эстетическую составляющую, стремясь сохранить изображения в столице империи, а на ее окраину отослать лишь те, что ему не нравились. По иронии истории, оставленные в Петербурге живописные оригиналы икон авторства Ф.П. Брюллова погибли при ликвидации домовой церкви в здании Академии художеств в 1929 г. [2, с. 71, 72], а оказавшиеся в Вильне, перемещаясь из храма в храм в городе в водовороте событий XX в., сохранились по сей день [18, с. 56–66] [4].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Неточность автора некролога В. Шретера: М.Н. Муравьев возведен в графское достоинство только в 1865 году.

[2] Петербургский издатель А.В. Старчевский, современник строительства Исаакиевского собора, называл храм «иллюстрированным кодексом православия», отмечал, «с каким вниманием и заботливостью император Николай относился к этому делу, как близко он принимал его к сердцу», и прямо называл монарха «главным виновником этого монументального явления». См.: [40, с. 213].

[3] Обращаясь к М.Н. Муравьеву во время аудиенции в марте 1865 г., царь, согласно дневниковой записи осведомленного современника, заметил: «Теперь уже не время... сочинять системы, а скорее необходимо дать краю разные льготы». См. подробнее: [12, с. 829].

[4] Все четыре иконы ныне находятся в вильнюсском православном Пречистенском кафедральном соборе, в который в 1883 г. были пожертвованы дубликаты двух из этих же брюлловских икон, исполненные еще в 1860 г. художником А.Н. Волковым для замещения оригиналов в иконостасе Исаакиевского собора на время набора мозаик. См.: [10; 41]. История передачи в Вильну дубликатов, пришедшаяся на период инициированных, по-видимому, обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым изменений в механизме управления Исаакиевским собором, требует дальнейшего изучения. Изображения сложившегося на сегодня в Пречистенском храме ансамбля икон из Исаакиевского собора представлены на сайте Православной Церкви в Литве. См.: [16].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Объяснительная ведомость об оригиналах образов, исполненных и исполняемых мозаикою *

	Кем писаны первые оригиналы, одобренные Духовным начальством и Высочайше утвержденные	**Кем писаны дубликаты**	**По оригиналу ли или дубликату исполнен или исполняется мозаикою**	**Размер образов**	**Где находятся оригиналы и дубликаты**		
Образа, исполненные мозаикою для главного иконостаса Исаакиевского собора					**Исполненные в мозаике и еще исполняемые**	**Оставленные без исполнения**	
1-го яруса большого придела							
1) Христа Спасителя 2) Богоматери с предвечным младенцем 3) Св. Благоверного Великого князя Александра Невского 4) Св. Исаакия Далматского	Нефом	–	Все четыре исполнены по оригиналам	Вышиною по 6 арш. 15 верш., а шириною 3 арш. ½ верш.	Оригиналы по Высочайшему повелению помещены в церкви Св. Троицы, что в Измайловском полку	–	
5) Св. Апостола Петра 6) Св. Апостола Павла 7) Св. Николая Чудотворца 8) Св. Великомученицы Екатерины	Нефом	–	Исполнены по оригиналам	Вышиною по 6 арш. 15 верш., а шириною 3 арш. ½ верш.; из них Николай Чудотворец написан на медной доске, а прочие на полотне	Оригиналы по Высочайшему повелению переданы в Академию художеств	–	Два образа Св. Апостолов Петра и Павла, как копии для постановки в собор во время мозаических работ, сделаны по поручению Комиссии Исаакиевского собора и переданы в Невский монастырь, как объявил г. Бонафеде
2-го яруса того же придела							
Образа Св. Отцов под названием Фамильные над Царскими вратами 9) один с правой стороны 10) другой с левой стор.	Нефом	–	Исполняются по оригиналам	Вышин. 5 ар. 10 ½ в., ширин. вверху 4 арш., а внизу 3 ар. ½ верш.	Оба эти образа находятся в студии и оканчиваются мозаикою	–	

* The explanatory list about the icons, which were executed and have been executing in mosaic.

Окончание таблицы

End of the table

11) Михаила Архангела 12) Николая Кочанова 13) Св. Царя Константина и Св. Елены	Академиком (ныне профессором) Ф. Брюлловым	Бейдеманом	Все три образа исполняются по дубликатам работы академика Бейдемана	Вышиною 4 арш. 1 ½ вер., ширин. по 2 арш. 9 вер.	№ 11, 12 и 13 находятся в Мозаической студии и исполняются мозаикою; из них один образ Николая Кочанова написан в 3-х экземплярах	Все четыре образа работы Брюллова остаются без исполнения мозаикою и находятся в студии	Дубликаты были написаны академиком Бейдеманом с изменениями и исправлениями недостатков, по указанию вице-президента князя Гагарина, на основании предписания Ее Высочества Президента Академии, последовавшего по Высочайшей воле
14) Св. Пророчицы Анны и Св. Елизаветы	Брюлловым	Изготовляется Бейдеманом для мозаической работы	–	Той же меры			
15) Св. Благоверного князя Владимира с Св. Ольгою	Академиком (ныне профессором) Брюлловым	Бейдеманом	Исполняются по дубликатам	Вышиною 4 арш. 1 ½ вер. Шириною 2 арш. 9 верш.	Дубликаты этих образов находятся в студии и по оным производится мозаика	Оригиналы работы Ф. Брюллова отправлены в Вильно 22 апреля сего года	
16) Св. Царицы Александры с Св. Мариею Магдалиною		Иностранным художником Бузато					
Из малых приделов							
17) Спасителя	Профессором Дузи	Бейдеманом	Исполняется по дубликату Бейдемана	Вышиною 3 арш. 12 вер. Шириною 1 ар. 10 в.	Дубликат в студии	Оригинал Спасителя в студии	
18) Божией Матери	Профессором Дузи		Исполняется по оригиналу Дузи		Оригинал в студии		
19) Спасителя, благословляющего детей 20) Божией Матери с предвечным младенцем	Академиком Майковым	Нефом	Исполняются по дубликатам Нефа	Вышиною 3 арш. 12 вер. Шириною 1 ар. 10 в.	Дубликаты находятся в студии и исполняются мозаикою	Оригиналы Майкова находятся в Исаакиевском соборе на местах	

Исполняющий должность Конференц-Секретаря Д. Ребезов

РГИА. Ф. 472. Оп. 19. Вн. Оп. 117/954. Д. 41. Л. 30–33.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев В. Г. Об утраченных иконах Чезаре Муссини для Исаакиевского собора // Мир музея. 2010. № 11 (279). С. 46–49.
2. Арсеньева Е. Н. Список произведений, находившихся в церкви святой великомученицы Екатерины в XIX веке до ее расформирования в 1929 году // Домовая церковь Св. Екатерины Академии художеств в Санкт-Петербурге. СПб.: Знаки, 2005. С. 70–77.
3. Бендин А. Ю. Роль М.Н. Муравьева в русско-польском споре об идентичности Северо-Западного края Российской империи // Русский Сборник: исследования по истории России. Т. XV. Польское восстание 1863 года. М.: Модест Колеров, 2013. С. 247–272.
4. Виноградов А. А. Путеводитель по городу Вильне и его окрестностям. Вильна: Тип. Штаба Вилен. воен. округа, 1904. 407 с.
5. Власть и реформы. От самодержавной к советской России / отв. ред. Б. В. Ананьич. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 801 с.
6. Всеподданнейший доклад В.Ф. Адлерберга от 29.07.1864 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 19. Вн. оп. 117/954. Д. 41. Л. 2.
7. Выписка из журнала Комиссии о построении Исаакиевского собора от 29.01.1844 г. // РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1258. Л. 6.
8. «Готов собою жертвовать...». Записки графа Михаила Николаевича Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863–1866 гг. М.: Пашков дом, 2008. 414 с.
9. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. 2: 1865–1876 гг. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 588 с.
10. Догадаева Е. В. «...Заведение таковое усугубит славу государя и государства» // Кафедра: сб. науч. ст. Вып. IV. Исаакиевский собор между прошлым и будущим. СПб., 2008. С. 347–369.
11. Добрянский Ф. Старая и новая Вильна. Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1904. 286 с.
12. Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 999 с.
13. Западные окраины Российской империи / под науч. ред. М. Долбилова, А. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 605 с.
14. Исаченко В. Г. Александр Резанов // Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века / сост. В. Г. Исаченко. СПб.: Лениздат, 1998. С. 360–368.
15. Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. 380 с.
16. «Концерт хоровой духовной музыки». Электронный ресурс Православной Церкви в Литве. URL: https://orthodoxy.lt/novosti/2227-koncert-khorovoi-dukhovnoi-muzyki#images-1
17. Любезников О. А. Интерьер Исаакиевского собора в XIX веке: метаморфозы символического послания // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2022. № 1. С. 195–210.
18. Любезников О. А. Исаакиевский собор: малоизученные вопросы истории создания храма (по новым архивным данным). СПб.: Лема, 2015. 72 с.
19. Миловидов А. И. Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при гр. М.Н. Муравьеве. Вильна: Вилен. православ. св.-духов. братство, 1913. 51 с.
20. Никитин Н. П. Огюст Монферран. Проектирование и строительство Исаакиевского собора и Александровской колонны. Л.: Ленингр. отд-ние Союза сов. архитекторов, 1939. 348 с.
21. Объяснительная ведомость об оригиналах образов, исполненных и исполняемых мозаикою // РГИА. Ф. 472. Оп. 19. Вн. оп. 117/954. Д. 41. Л. 30–33.
22. Отношение В.Ф. Адлерберга к М.Н. Муравьеву от 17.09.1864 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 19. Вн. оп. 117/954. Д. 41. Л. 12.
23. Отношение вице-директора департамента водяных сообщений Министерства путей сообщения к исправляющему должность инспектора Исаакиевского собора от 23.03.1868 г. // РГИА. Ф. 502. Оп. 1. Д. 892. Л. 72–73 об.
24. Отношение из канцелярии Министерства императорского двора в Правление Императорской Академии художеств от 14.08.1865 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 19. Вн. оп. 117/954. Д. 41. Л. 22–23.
25. Отношение исполняющего должность конференц-секретаря Императорской Академии художеств к заведующему Мозаическим отделением от 17.02.1866 г. // РГИА. Ф. 789. Оп. 22. Д. 27. Л. 1–1 об.
26. Отношение К.П. Кауфмана к В.Ф. Адлербергу от 12.09.1865 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 19. Вн. оп. 117/954. Д. 41. Л. 24–25.
27. Отношение конференц-секретаря Императорской Академии художеств в канцелярию Министерства императорского двора от 12.09.1864 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 19. Вн. оп. 117/954. Д. 41. Л. 10.
28. Отношение М.Н. Муравьева к В.Ф. Адлербергу от 24.07.1864 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 19. Вн. оп. 117/954. Д. 41. Л. 1–1 об.
29. Отношение М.Н. Муравьева к В.Ф. Адлербергу от 12.10.1864 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 19. Вн. оп. 117/954. Д. 41. Л. 13.
30. Рапорт вице-президента Императорской Академии художеств Г.Г. Гагарина В.Ф. Адлербергу от 11.08.1865 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 19. Вн. оп. 117/954. Д. 41. Л. 15–16.

31. Рапорт К.А. Тона министру императорского двора от 11.01.1866 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 19. Вн. оп. 117/954. Д. 41. Л. 35.

32. Рапорт К.А. Тона министру императорского двора от 12.01.1866 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 19. Вн. оп. 117/954. Д. 41. Л. 36.

33. Ротач А. Л., Чеканова О. А. Огюст Монферран. Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1990. 221 с.

34. Серафимов В. И., Фомин М. И. Описание Исаакиевского собора в С.-Петербурге, составленное по официальным документам. СПб.: Тип. Гогенфельдена и К°, 1865. 193 с.

35. Слюнькова И. Н. Храмы и монастыри Беларуси XIX века в составе Российской империи. Пересоздание наследия. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 615 с.

36. Сомов А. И. Картинная галерея Императорской Академии художеств: в 2 т. Т. 1. Каталог оригинальных произведений русской живописи. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1872. 251 с.

37. Справка из Правления Императорской Академии художеств В.Ф. Адлербергу от 11.08.1865 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 19. Вн. оп. 117/954. Д. 41. Л. 21.

38. Справка канцелярии Министерства императорского двора об отсылке икон в Вильно // РГИА. Ф. 472. Оп. 19. Вн. оп. 117/954. Д. 41. Л. 8–8 об.

39. Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 372 с.

40. Старчевский А. В. А.А. Монферран, строитель Исаакиевского собора. Его служебная деятельность и частая жизнь // Наблюдатель. 1885. № 11. С. 209–232.

41. Черепица В. Два юбилея в жизни протоиерея Иоанна Котовича // Гістарычная брама. 2004. № 1 (22). URL: https://brama.brestregion.com/nomer22/artic13.shtml

42. Шретер В. Памяти Александра Ивановича Резанова // Зодчий. 1888. № 5–6. С. 34–35.

REFERENCES

1. Ananyev V.G. Ob utrachennykh ikonakh Chezare Mussini dlia Isaakievskogo sobora [On the Lost Icons of Cesare Mussini Painted for St. Isaac's Cathedral]. *Mir muzeia* [World of Museum], 2010, no. 11 (279), pp. 46-49.

2. Arsenyeva E.N. Spisok proizvedenii, nakhodivshikhsia v tserkvi sviatoi velikomuchenitsy Ekateriny v XIX veke do ee rasformirovaniia v 1929 godu [List of Works That Were in the Church of the Holy Great Martyr Catherine in the 19th Century Until It Was Disbanded in 1929]. *Domovaia tserkov Sv. Ekateriny Akademii khudozhestv v Sankt-Peterburge* [House Church of St. Catherine of the Academy of Arts in St. Petersburg]. Saint Petersburg, Znaki Publ., 2005, pp. 70-77.

3. Bendin A.Iu. Rol M.N. Muravyeva v russko-polskom spore ob identichnosti Severo-Zapadnogo kraia Rossiiskoi imperii [Role of M.N. Muravyev in the Russian-Polish Dispute on the Identity of the Northwestern Krai of the Russian Empire]. *Russkii Sbornik: issledovaniia po istorii Rossii. T. XV. Polskoe vosstanie 1863 goda* [Russian Miscellany: Studies in the History of Russia. Vol. 15. Polish Uprising of 1863]. Moscow, Modest Kolerov, 2013, pp. 247-272.

4. Vinogradov A.A. *Putevoditel po gorodu Vilne i ego okrestnostiam* [Guide to the City of Vilna and Its Surroundings]. Vilna, Tip. Shtaba Vilen. voen. okruga, 1904. 407 p.

5. Ananyich B.V., ed. *Vlast i reformy. Ot samoderzhavnoi k sovetskoi Rossii* [Authority and Reforms. From Autocratic to Soviet Russia]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin, 1996. 801 p.

6. Vsepoddanneishii doklad V.F. Adlerberga ot 29.07.1864 g. [Report to the Monarch of V.F. Adlerberg, July 29, 1864]. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive], f. 472, inv. 19, internal inv. 117/954, d. 41, l. 2.

7. Vypiska iz zhurnala Komissii o postroenii Isaakievskogo sobora ot 29.01.1844 g. [Extract from the Journal of the Commission on the Construction of St. Isaac's Cathedral, January 29, 1844]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 1311, inv. 1, d. 1258, l. 6.

8. *«Gotov soboiu zhertvovat...». Zapiski grafa Mikhaila Nikolaevicha Muravyeva ob upravlenii Severo-Zapadnym kraem i ob usmirenii v nem miatezha. 1863–1866 gg.* ["I'm Ready to Sacrifice Myself..." Notes of Count Mikhail Muravyov on the Administration of the Northwestern Krai and the Suppression of Rebellion in It. 1863–1866]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2008. 414 p.

9. *Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennikh del: v 2 t. T. 2: 1865–1876 gg.* [Diary of P.A. Valuev, Minister of the Interior: In 2 Vols. Vol. 2: 1865–1876]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1961. 588 p.

10. Dogadaeva E.V. «...Zavedenie takovoe usugubit slavu gosudaria i gosudarstva» ["This Institution Will Aggravate the Glory of the Sovereign and the State"]. *Kafedra: sb. nauch. st. Vyp. IV. Isaakievskii sobor mezhdu proshlym i budushchim* [Department: Collection of Scientific Articles. Iss. 4. St. Isaac's Cathedral Between Past and Future]. Saint Petersburg, 2008, pp. 347-369.

11. Dobrianskii F. *Staraia i novaia Vilna* [Old and New Vilna]. Vilna, Tip. A.G. Syrkina, 1904. 286 p.

12. Dolbilov M.D. *Russkii krai, chuzhaia vera: Etnokonfessionalnaia politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian Country, Foreign Faith: Empire's Ethno-confessional Policy in Lithuania

and Belarus Under Alexander II]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 999 p.

13. Dolbilov M., Miller A., eds. *Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii* [Western Borderlands of the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 605 p.

14. Isachenko V.G. Aleksandr Rezanov [Alexander Rezanov]. *Zodchie Sankt-Peterburga. XIX – nachalo XX veka* [Architects of St. Petersburg. 19th – Early 20th Century]. Saint Petersburg, Lenizdat, 1998, pp. 360-368.

15. Komzolova A.A. *Politika samoderzhaviia v Severo-Zapadnom krae v epokhu Velikikh reform* [Policy of Autocracy in the Northwestern Krai in the Era of the Great Reforms]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 380 p.

16. *«Kontsert khorovoi dukhovnoi muzyki». Elektronnyi resurs Pravoslavnoi Tserkvi v Litve* ["Concert of Choral Sacred Music". Electronic resource of the Orthodox Church in Lithuania]. URL: https://orthodoxy.lt/novosti/2227-koncert-khorovoi-dukhovnoi-muzyki#images-1

17. Liubeznikov O.A. Interer Isaakievskogo sobora v XIX veke: metamorfozy simvolicheskogo poslaniia [Interior of St. Isaac's Cathedral in the 19th Century: Metamorphoses of Symbolic Message]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2022, no. 1, pp. 195-210.

18. Liubeznikov O.A. *Isaakievskii sobor: maloizuchennye voprosy istorii sozdaniia khrama (po novym arkhivnym dannym)* [St. Isaac's Cathedral: Little-Studied Issues of the History of the Creation of the Temple (According to New Archives)]. Saint Petersburg, Lema Publ, 2015. 72 p.

19. Milovidov A.I. *Tserkovno-stroitelnoe delo v Severo-Zapadnom krae pri gr. M.N. Muravyeve* [Church Building Business in the Northwestern Krai Under c. M.N. Muraviev]. Vilna, Vilen. pravoslav. sv.-dukhov. bratstvo, 1913. 51 p.

20. Nikitin N.P. *Ogiust Monferran. Proektirovanie i stroitelstvo Isaakievskogo sobora i Aleksandrovskoi kolonny* [Auguste Montferrand. Design and Construction of St. Isaac's Cathedral and the Alexander Column]. Leningrad, Leningr. otd-nie Soiuza sov. arkhitektorov, 1939. 348 p.

21. Obieiasnitelnaia vedomost ob originalakh obrazov, ispolnennykh i ispolniaemykh mozaikoiu [Explanatory Statement About the Original Images, Has Been Executed and Being Executed by the Mosaic]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 472, inv. 19, internal inv. 117/954, d. 41, l. 30-33.

22. Otnoshenie V.F. Adlerberga k M.N. Muravyevu ot 17.09.1864 g. [Letter of V.F. Adlerberg to M.N. Muravyev, September 17, 1864]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 472, inv. 19, internal inv. 117/954, d. 41, l. 12.

23. Otnoshenie vitse-direktora departamenta vodianykh soobshchenii Ministerstva putei soobshcheniia k ispravliaiushchemu dolzhnost inspektora Isaakievskogo sobora ot 23.03.1868 g. [Letter of the Vice-Director of the Department of Water Communications of the Ministry of Railways to the Correcting Inspector of St. Isaac's Cathedral, March 23, 1868]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 502, inv. 1, d. 892, l. 72-73 r.

24. Otnoshenie iz kantseliarii Ministerstva imperatorskogo dvora v Pravlenie Imperatorskoi Akademii khudozhestv ot 14.08.1865 g. [Letter from the Chancellery of the Ministry of the Imperial Court to the Board of the Imperial Academy of Arts, August 14, 1865]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 472, inv. 19, internal inv. 117/954, d. 41, l. 22-23.

25. Otnoshenie ispolniaiushchego dolzhnost konferents-sekretaria Imperatorskoi Akademii khudozhestv k zaveduiushchemu Mozaicheskim otdeleniem ot 17.02.1866 g. [Letter of the Acting Conference Secretary of the Imperial Academy of Arts to the Head of the Mosaic Department, February 17, 1866]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 789, inv. 22, d. 27, l. 1-1 r.

26. Otnoshenie K.P. Kaufmana k V.F. Adlerbergu ot 12.09.1865 g. [Letter of K.P. Kaufman to V.F. Adlerberg, September 12, 1865]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 472, inv. 19, internal inv. 117/954, d. 41, l. 24-25.

27. Otnoshenie konferents-sekretaria Imperatorskoi Akademii khudozhestv v kantseliariiu Ministerstva imperatorskogo dvora ot 12.09.1864 g. [Letter of the Conference Secretary of the Imperial Academy of Arts to the Chancellery of the Ministry of the Imperial Court, September 12, 1864]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 472, inv. 19, internal inv. 117/954, d. 41, l. 10.

28. Otnoshenie M.N. Muravyeva k V.F. Adlerbergu ot 24.07.1864 g. [Letter of M.N. Muravyov to V.F. Adlerberg, July 24, 1864]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 472, inv. 19, internal inv. 117/954, d. 41, l. 1-1 r.

29. Otnoshenie M.N. Muravyeva k V.F. Adlerbergu ot 12.10.1864 g. [Letter of M.N. Muravyov to V.F. Adlerberg, October 12, 1864]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 472, inv. 19, internal inv. 117/954, d. 41, l. 13.

30. Raport vitse-prezidenta Imperatorskoi Akademii khudozhestv G.G. Gagarina V.F. Adlerbergu ot 11.08.1865 g. [Report of the Vice-President of the Imperial Academy of Arts G.G. Gagarina to V.F. Adlerberg, August 11, 1865]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 472, inv. 19, internal inv. 117/954, d. 41, l. 15-16.

31. Raport K.A. Tona ministru imperatorskogo dvora ot 11.01.1866 g. [Report of K.A. Ton to the Minister of the Imperial Court, January 11, 1866]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 472, inv. 19, internal inv. 117/954, d. 41, l. 35.

32. Raport K.A. Tona ministru imperatorskogo dvora ot 12.01.1866 g. [Report of K.A. Ton to the Minister of the Imperial Court, January 12, 1866]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 472, inv. 19, internal inv. 117/954, d. 41, l. 36.

33. Rotach A.L., Chekanova O.A. *Ogiust Monferran* [Auguste Montferrand]. Leningrad, Stroiizdat. Leningr. otd-nie Publ., 1990. 221 p.

34. Serafimov V.I., Fomin M.I. *Opisanie Isaakievskogo sobora v S.-Peterburge, sostavlennoe po ofitsialnym dokumentam* [Description of St. Isaac's Cathedral in St. Petersburg, Compiled According to Official Documents]. Saint Petersburg, Tip. Gogenfeldena i K°, 1865. 193 p.

35. Sliunkova I.N. *Khramy i monastyri Belarusi XIX veka v sostave Rossiiskoi imperii. Peresozdanie naslediia* [Temples and Monasteries of Belarus of the 19th Century as Part of the Russian Empire. Rebuilding Heritage]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2010. 615 p.

36. Somov A.I. *Kartinnaia galereia Imperatorskoi Akademii khudozhestv: v 2 t. T. 1. Katalog originalnykh proizvedenii russkoi zhivopisi* [Art Gallery of the Imperial Academy of Arts: In 2 Vols. Vol. 1. Catalog of Original Works of Russian Painting]. Saint Petersburg, Tip. Imp. Akad. nauk Publ., 1872. 251 p.

37. Spravka iz Pravleniia Imperatorskoi Akademii khudozhestv V.F. Adlerbergu ot 11.08.1865 g. [Certificate from the Board of the Imperial Academy of Arts to V.F. Adlerberg, August 11, 1865]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 472, inv. 19, internal inv. 117/954, d. 41, l. 21.

38. Spravka kantseliarii Ministerstva imperatorskogo dvora ob otsylke ikon v Vilno [Certificate from the Chancellery of the Ministry of the Imperial Court on Sending Icons to Vilna]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 472, inv. 19, internal inv. 117/954, d. 41, l. 8-8 r.

39. Staliunas D. *Polsha ili Rus? Litva v sostave Rossiiskoi imperii* [Poland or Rus? Lithuania as Part of the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022. 372 p.

40. Starchevskii A.V. A.A. Monferran, stroitel Isaakievskogo sobora. Ego sluzhebnaia deiatelnost i chastaia zhizn [A.A. Montferrand, Builder of St. Isaac's Cathedral. His Career and Private Life]. *Nabljudatel* [Observer], 1885, no. 11, pp. 209-232.

41. Cherepitsa V. Dva iubileia v zhizni protoiereia Ioanna Kotovicha [Two Anniversaries in the Life of Archpriest John Kotovich]. *Gistarychnaia brama*, 2004, no. 1 (22). URL: https://brama.brestregion.com/nomer22/artic13.shtml

42. Shreter V. Pamiati Aleksandra Ivanovicha Rezanova [In Memory of Alexander Ivanovich Rezanov]. *Zodchii* [Architect], 1888, no. 5–6, pp. 34-35.

Information About the Author

Oleg A. Lyubeznikov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of the Museum Management and Historical Monuments Preservation, Saint Petersburg State University, Mendeleevskaya liniya, 5, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, o.lyubeznikov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0003-3086-0696

Информация об авторе

Олег Анатольевич Любезников, кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела и охраны памятников, Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, 5, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, o.lyubeznikov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0003-3086-0696

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.12

UDC 94(47+57)“18/19”:338.43.02
LBC 63.3(2)53-21

Submitted: 02.07.2024
Accepted: 09.09.2024

EVOLUTION OF THE AGRICULTURAL SECTOR IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: REGIONAL CONTEXT

Natalia A. Rozinskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The subject of the research in this article is the degree of development of the agricultural sector of the Russian Empire achieved in the pre-revolutionary period. An attempt is made to answer the question of the completeness of the agricultural revolution in the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries. *Methods and materials*. Methodologically, the author follows the institutional approach, sharing the view on the importance of the institutions’ analysis for proper explanation of socio-economic processes. The analysis carried out is based on the works of pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet authors, exploring the main factors of modernization at the regional level. The article uses extensive statistical material on the main indicators characterizing the evolution of agriculture. *Analysis.* The author proceeds from the fact that due to the very wide variety of socio-economic, geographical, and climatic conditions in the various territories that were part of Russia, significant scientific results can only be obtained by introducing a regional component into the analysis, that is, by considering the degree of completion of the agrarian revolution separately for the main regions. The article examines the characteristics necessary to answer the question of whether the agricultural sector of a given region complies with the criteria by which one can judge the completion of the agricultural revolution. The *results* obtained allow us to draw the next conclusions. First, in pre-revolutionary Russia there were very large regional differences, leading to limited usefulness of using values aggregated at the national level. Secondly, various criteria corresponding to a certain level of development did not coincide in individual regions of the Russian Empire. Thirdly, apart from two Baltic provinces, as well as Poland and Finland, which remained outside the scope of analysis, in the rest of the Russian Empire, the agricultural revolution in the pre-revolutionary period was far from complete.

Key words: agrarian revolution, agricultural revolution, agriculture, crop rotation, land ownership, commercialization of agriculture.

Citation. Rozinskaya N.A. Evolution of the Agricultural Sector in Pre-Revolutionary Russia: Regional Context. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 137-152. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.12

УДК 94(47+57)“18/19”:338.43.02
ББК 63.3(2)53-21

Дата поступления статьи: 02.07.2024
Дата принятия статьи: 09.09.2024

ЭВОЛЮЦИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Наталия Анатольевна Розинская

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

© Розинская Н.А., 2024

Аннотация. *Введение*. Предметом исследования в данной статье является степень развития аграрного сектора Российской империи, достигнутая в предреволюционный период. Делается попытка ответить на вопрос о завершенности аграрного переворота в Российской империи в конце XIX – начале XX века. *Методы и материалы.* В плане общей методологии исследования автор придерживается институционального подхода, разделяя мнение о важности анализа институтов для объяснения социально-экономических процессов. Проведенный анализ основывается на работах дореволюционных, советских и постсоветских авторов, исследующих основные факторы развития аграрного сектора на региональном уровне. В статье используется обширный статистический материал по основным показателям, характеризующим эволюцию сельского хозяйства. *Анализ.* Автор исходит из того, что в силу очень большого разнообразия социально-экономических, географических и климатических условий на различных территориях, входивших в состав России, значимые научные результаты могут быть получены только при введении в анализ региональной компоненты, то есть при рассмотрении степени завершенности аграрной революции отдельно по основным регионам. В статье рассматриваются характеристики, необходимые для ответа на вопрос о соответствии аграрного сектора того или иного региона критериям, по которым можно судить о завершенности аграрного переворота. *Результатами* работы являются следующие выводы. Во-первых, в дореволюционной России существовали очень большие региональные различия, ведущие к ограниченной полезности использования величин, агрегированных на уровне всей страны. Во-вторых, различные критерии, соответствующие определенному уровню развития, не совпадали в отдельных регионах Российской империи. В-третьих, за исключением двух прибалтийских губерний – Курляндской и Эстляндской, а также оставшихся за рамками анализа Польши и Финляндии, на остальной территории Российской империи аграрный переворот в предреволюционный период был далек от своего завершения.

Ключевые слова: аграрная революция, аграрный переворот, сельское хозяйство, плодосменный севооборот, права собственности на землю, коммерциализация сельского хозяйства.

Цитирование. Розинская Н. А. Эволюция аграрного сектора в предреволюционной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 137–152. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.12

Введение. Несмотря на значительное количество исследований аграрного сектора дореволюционной России, целый ряд важных вопросов остаются нерешенными и продолжают вызывать дискуссии среди ученых. К их числу можно отнести тесно связанные между собой вопросы о степени развития капитализма в дореволюционной России, о «кризисе» в аграрном секторе, об оценках и результатах аграрной реформы П.А. Столыпина, об аграрной революции / аграрном перевороте [1] в России.

В данной работе рассматривается вопрос о степени завершенности аграрного переворота в России к началу Первой мировой войны. Аграрный переворот рассматривается как совокупность социально-экономических, институциональных и технологических изменений в сельском хозяйстве, приводящих к радикальному увеличению эффективности этого важнейшего сектора экономики. Социально-экономический и институциональный аспекты аграрного переворота связаны с оформлением четких прав собственности на землю (вместо характерной для предшествующей эпохи распределенной собственности) и развитием на этой основе относительно свободных рынков земли и рабочей силы. В технологическом плане речь идет о таких изменениях, как переход к плодосеменному севообороту от традиционного трехполья и интеграция растениеводства с животноводством. На основе этих изменений происходит резкий рост производительности труда и земли, которые, способствуя выталкиванию из сельского хозяйства в города экономически избыточного населения, ведут к росту урбанизации и формированию рынка рабочей силы.

Страной, в которой впервые произошли подобные преобразования и на материале которой написаны посвященные им классические и современные историко-экономические исследования [14; 16; 26; 27; 29–31], была Англия. Затем эти преобразования охватили другие европейские страны. При выборе критериев, необходимых для оценки степени завершенности аграрного переворота в дореволюционной России, мы следуем за авторами этих работ. Несмотря на то что они по-разному датировали начало и конец аграрного переворота в Англии, у них не было разногласий относительно самого механизма этого процес-

са и его результатов. С их точки зрения, аграрный переворот был запущен институциональными изменениями, которые способствовали четкому определению прав собственности на землю [26; 29; 30]. В Англии, например, это была «революция йоменов» [26]. Четкие права собственности способствовали коммерциализации крестьянских хозяйств, что вело к более эффективному использованию земли и в свою очередь повышало производительность факторов производства, а также вело к значительному росту сельскохозяйственной продукции при одновременном сокращении населения аграрного сектора [26; 27; 29–31].

Рост производительности труда в сельском хозяйстве создавал излишки рабочей силы, которые вытеснялись в города; с другой стороны, только при значительном росте аграрной продукции можно было прокормить возросшее городское население. Иными словами, достигнутая степень урбанизации дефакто выступает в качестве одного из критериев завершенности аграрного переворота. Ян Де Фрис обращал внимание, что в начале XVI в. примерно 50 % населения занималось производством зерновых культур, а в 1800 г. – только 30 % населения [6, с. 160–161].

Для ответа на вопрос, произошел ли аграрный переворот в России к началу Первой мировой войны, необходимо проследить, в какой степени в сельском хозяйстве и в обществе в целом произошли описанные изменения.

Следует отметить, что рассмотрение данного вопроса в отечественной историографии связано с определенной терминологической сложностью. Если в англоязычной литературе под аграрным переворотом / аграрной революцией (agrarian revolution) обычно понимаются институциональные и технологические процессы, происходившие сначала в Англии, а затем в других странах Западной Европы, результатом которых стало резкое увеличение роста продукции сельского хозяйства (в два и более раз), рост производительности труда в аграрном секторе и рост производительности земли, то в русскоязычной литературе вслед за В.И. Лениным под «аграрной революцией» понималось разрешение центрального вопроса общественно-политической жизни предреволюционной России – переход земель от помещиков к обрабатывающим эту землю крестьянам. Соответственно, состоявшаяся «аграрная революция» в советской и в значительной части постсоветской литературы датировалась 1917–1918 гг. [9; 17; 20].

Данное понимание «аграрной революции» вызвало определенные научные трудности, поскольку выводило из фокуса внимания институциональную и технологическую характеристику аграрного сектора предреволюционной России. Возникшую проблему признает, в частности, авторитетный исследователь аграрного сектора России В.В. Кабанов. Рассмотрев дискуссии и различные трактовки термина «аграрная революция», он приходит к выводу, что существует перегрузка понятия «аграрная революция» и объясняет это тем, что нет четкого понимания, что такое «аграрная революция» [9]. В постсоветский период историки отошли от формальных схем, которые сдерживали развитие теории, и попытались переосмыслить понятие «аграрная революция» и определить, когда она произошла в России. Результаты этих дискуссий были изложены в работе Д.А. Сафонова, где он так же, как и ранее в 1989 г. В.В. Кабанов, делает вывод об отсутствии убедительной концепции по данному вопросу и необходимости дальнейших исследований [20].

В отличие от «аграрной революции», термин «аграрный переворот» закрепился в русскоязычной литературе как обозначающий процессы, имевшие место в Англии и других странах Западной Европы [5].

Для правильной оценки степени завершенности аграрного переворота в столь огромной и многообразной стране, как дореволюционная Россия, необходимо рассматривать экономические показатели на региональном уровне. Надо сказать, что в российской и зарубежной литературе, посвященной аграрному развитию Российской империи, довольно мало исследований, где имеющиеся данные последовательно изучаются в региональном разрезе. В последнее время появляется все больше работ, посвященных исследованиям отдельных губерний и регионов в дореволюционный период, но работ, где было бы дано комплексное сравнение регионов по всей стране, немного [10; 11; 13; 25; 28]. В этой статье, ос-

новываясь на данных за период 1896–1914 гг., рассматриваются в региональном разрезе основные критерии завершенности аграрного переворота к началу Первой мировой войны.

Методы и материалы. В плане общей методологии исследования автор придерживается институционального подхода, разделяя мнение о важности анализа институтов для объяснения социально-экономических процессов. Особенно продуктивным представляется сравнительный анализ институтов, рассматривающий степень их развитости в географическом (регионы и страны) и хронологическом аспектах. Проведенный анализ основывается на работах дореволюционных, советских и постсоветских авторов, исследующих основные факторы модернизации на региональном уровне. В статье используется обширный статистический материал по основным показателям, характеризующим развитость сельского хозяйства. Собранный и обработанный автором статистический материал использован для проведения графического анализа основных социально-экономических показателей развития аграрного сектора.

Анализ. ***1. Институциональные критерии.*** Как уже было отмечено, отправной точкой аграрного переворота является четкое определение прав собственности на землю, когда земля становится объектом частной собственности и на этой основе формируется земельный рынок. В России распространению крестьянского частного землевладения препятствовало то, что после отмены крепостного права в 1861 г. собственником крестьянской земли становится не отдельный индивид, не домохозяйство, а община.

В соответствии с поземельной статистикой 1905 г. в Европейской России было 395,2 миллиона десятин земли, которые можно разделить, учитывая форму собственности, на три группы: частные владения – 25,8 %, надельные земли – 35,1 %, земли казны – 39,1 % [24, с. 11].

Из вышеприведенных данных видно, что среди всех негосударственных земель большая часть находилась в общинном землепользовании. Для лучшего понимания значимости общинного хозяйства в различных регионах приводим цифры, показывающие, какую долю в начале XX в. составляло общинное землевладение в общем объеме крестьянского землевладения в том или ином регионе: Восточная степь (Оренбургская, Самарская, Саратовская, Симбирская губернии) – 98,4; Север (Архангельская, Олонецкая, Вологодская губернии) – 98,0; Великорусский запад (Смоленская, Новгородская, Псковская, Тверская губернии) – 96,8; Великороссия (Московская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Орловская, Калужская губернии) – 95,8; Пермский край – 93,0; Новороссия (Херсонская, Екатеринославская, Таврическая губернии) – 88,9; Бессарабия – 77,0; Белоруссия – 39,0; Левобережная Украина – 33,0; Правобережная Украина – 13,9; прибалтийские губернии – 0,0 [7, с. 98]. То есть в Европейской части Российской империи [2] только в прибалтийских, украинских и белорусских губерниях было распространено подворное землевладение, а в остальных регионах – общинное.

Для анализа землевладения в регионах неевропейской России очень интересной представляется работа А.А. Кауфмана о происхождении и эволюции сельской общины [10, с. 230–268]. В своем исследовании, основанном на экспедиционных материалах Тобольской, Томской, Иркутской, Енисейской губерний, Забайкальской области и ряда степных регионов, он пришел к выводу, что в Российской империи можно было наблюдать все стадии общины от зародыша до последней степени разложения. И что самое интересное, эти стадии располагались по степени формирования, зрелости и разложения с востока на запад [10]. А.А. Кауфман показывает, что в рассматриваемый период в Сибири основная масса обрабатываемых земель находилась в рамках общинного права, что размывало права индивидов на владение этой землей: их права собственности на землю оставались нечеткими.

На Дальнем Востоке наблюдалась похожая ситуация. Приезжающие переселенцы захватывали пустующие земли и постепенно организовывались в общины, так как именно эта форма общежития была им знакома и понятна.

Столыпинская реформа способствовала разложению общины и установлению более четких прав собственности, но, тем не менее,

к 1914 г. в большинстве губерний европейской части Российской империи основная часть земель оставалась в надельной собственности [19, с. 67]. Важно также учитывать, что Указ от 9 ноября 1906 г. распространялся только на губернии Европейской России, поэтому в Сибири и на Дальнем Востоке основная часть земель, обрабатываемая переселенцами, также оставалась в общинной собственности.

Помимо европейской России, Сибири и Дальнего Востока, общинное право на землю было распространено у переселенцев в Закавказье и Средней Азии. Основной же массив земли в этих регионах после реформ по отмене крепостного права 1864–1871 гг.[3] оказался в частной собственности местного дворянства [8, с. 338].

Среди местного крестьянского населения преимущественно было распространено подворное землевладение. Для мусульманского населения землевладение регулировалось прежде всего положениями 1847 г. [2], 1870 г., которое отменяло общинное пользование землей [3], 1883 г. [1] и 1900 г. [22]. Согласно этим законодательным актам, неправославные крестьяне являлись потомственными держателями своих земель, но при этом существовали ограничения на распоряжение этими землями, в частности, крестьянин не мог продать землю кому угодно, мог только члену общины, в противном случае требовалось согласие членов общества. Положение 1912 г. позволило крестьянам этих регионов выкупать землю в личную собственность, что способствовало развитию института частной собственности и расширению земельного рынка [4].

Что касается регионов Средней Азии, то после принятия Положения 1886 г. об управлении Туркестанским краем вводятся Правила поземельно-податного устройства, по которым вся земля объявлялась государственной, крупные землевладельцы и мусульманские священнослужители были лишены привилегий (их земли были обложены налогами), крестьяне были объявлены потомственными держателями земель с правом ее продажи при определенных ограничениях, связанных с местными обычаями и нормами, изложенными в законодательных актах [18].

Таким образом, можно утверждать, что относительно четкие права собственности на землю в дореволюционный период сложились в прибалтийских губерниях, где в рамках реформ 1816–1820 гг. было отменено крепостное право (крестьяне были освобождены без земли) и окончательно оформилось право частной собственности на землю, в белорусских и украинских губерниях, где практически не существовало передельных общин и преобладало подворное землевладение, а также в Закавказье, где основная масса земель была в частной собственности дворян, общинное землевладение было отменено еще в 1870 г., а с 1912 г. активно развивалась крестьянская частная собственность на землю. В то же время в остальных регионах Российской империи даже через 7 лет после начала реформы Столыпина преобладали надельные земли, регулируемые общинным правом [19, с. 65].

2. Коммерциализация аграрного сектора. Помимо отсутствия четких прав у крестьян на землю, рост эффективности в аграрном секторе тормозился его низкой коммерциализацией. Ван Занден среди важнейших критериев коммерциализации выделяет уровень урбанизации [31, p. 225], поскольку при низкой коммерциализации хозяйств аграрного сектора невозможно прокормить растущее население городов.

Если посмотреть соотношение городского и сельского населения в регионах России и некоторых крупнейших странах мира – Англии, Франции, Германии, Голландии (1908–1914 гг.), то можно увидеть, что те страны, где уже закончился аграрный переворот, имели высокий уровень урбанизации. Что касается России, все регионы Российской империи были в тот период глубоко аграрными [19, с. 23]. Доля городского населения была выше среднего в Санкт-Петербургской (городское население – 67 %), Эстляндской (городское население – 55 %), Московской (городское население – 47 %), Курляндской (городское население – 23 %) губерниях. Среди других регионов уровень урбанизации выше среднего был только на Дальнем Востоке (городское население – 24 %) [19, с. 18–20].

Кроме урбанизации, степень коммерциализации в аграрном секторе можно оценить по уровню организации торговли. Очень подробно данный вопрос именно в региональном разрезе был рассмотрен в работе П.И. Ля-

щенко, где он классифицирует регионы по уровню организации торговли. П.И. Лященко выделяет 14 районов и показывает, что в зависимости от географических и климатических факторов, наличия морских или речных портов и железных дорог эти районы сильно различаются по организации хлебной торговли: от наиболее примитивной базарно-станционной торговли с большим количеством мелких посредников и слаборазвитым финансовым рынком в губерниях Западного и Центрально-земледельческого районов до более развитой комиссионной торговли с использованием кредитных операций в губерниях Южного и Прибалтийского районов [13].

Описывая организацию торговли в различных губерниях, П.И. Лященко не делает каких-либо выводов относительно этапа развития, на котором та или иная губерния находится, поскольку главной целью его работы было выяснить факторы, влияющие на хлебные цены. Тем не менее из его исследования видно, что районы с более развитой организацией торговли не всегда являются районами с более высоким уровнем урбанизации и со сложившейся крестьянской частной собственностью на землю: все три фактора – уровень урбанизации выше среднего, развитая торговля и отсутствие общинного землевладения – совпадают только в Прибалтийских губерниях. Характерно, что И.Д. Ковальченко и Л.И. Бородкиным также выделяются именно эти губернии как весьма продвинутые по результатам кластеризации регионов Российской империи по социально-экономическим характеристикам [11].

Кроме организации хлебной торговли, еще одной характеристикой коммерциализации является показатель развитости финансово-кредитной деятельности в регионах. Данные по размещению учреждений мелкого кредита и их участников на 1 января 1914 г. показывают, что только в Южном (Бессарабская, Екатеринославская, Полтавская, Таврическая, Харьковская, Херсонская, Черниговская губернии) и Юго-Западном (Волынская, Киевская, Подольская губернии) районах более половины домохозяйств были участниками системы мелкого кредита. В остальных регионах России кредитование крестьянских хозяйств – обычный для рыночной экономики элемент хозяйственной деятельности, носящей сезонный характер – было распространено слабо [19, с. 169–170].

Наконец, еще одним важным показателем степени коммерциализации региона является развитость торговой инфраструктуры и плотность торговых предприятий, измеряемая их числом на определенное количество жителей. Из данных о распределение торговых предприятий по районам России в 1912 г. видно, что наиболее коммерциализированными были губернии с самым высоким уровнем урбанизации – столичные Петербургская и Московская, а также Прибалтийские. Наименьшим уровень коммерциализации был на Русском Севере и Северо-Западе (Архангельск, Вологда, Новгород, Олонец и Псков) и в губерниях черноземного и степного пояса [19, с. 200].

3. Критерии интенсивности ведения хозяйства в аграрном секторе. Основными критериями перехода к интенсивному сельскому хозяйству является переход от трехполья к плодосменному севообороту и увеличение доли животноводства в продукции сельского хозяйства. Данный подход разделяется и зарубежными, и отечественными исследователями, причем как дореволюционными, так и советскими [12; 16; 25].

Наиболее четко этапы интенсификации аграрного сектора изложены в исследованиях А.Н. Челинцева [25]. В работе 1910 г. он выделяет этапы сельскохозяйственной эволюции и, не используя термины «аграрная революция» или «аграрный переворот», показывает механизм и критерии перехода сельского хозяйства от экстенсивного трехполья к интенсивной плодосменной системе землепользования [4]. Используя статистические данные по количеству земель под паром, количеству земель под техническими культурами, проценту травосеяния и уровню развития животноводства, А.Н. Челинцев показывает, насколько тот или иной регион близок или далек от перехода к интенсивным формам земледелия. Если А.А. Кауфман рассматривал регионы Российской империи как воплощение определенных стадий эволюции общины, то А.Н. Челинцев видит в них пространственное воплощение различных этапов аграрной эволюции [25, с. 12]. В качестве главных причин

перехода к интенсивному хозяйству А.Н. Челинцев называет рост плотности населения и углубление специализации (разделения труда), связанное с ростом уровня урбанизации.

В работе «Очерки сельско-хозяйственной экономии...» А.Н. Челинцев рассматривает только Европейскую часть Российской империи и выделяет следующие регионы, соответствующие определенным стадиям перехода к интенсивным системам от экстенсивных. Если не учитывать губернии Царства Польского, то наиболее развитыми регионами, где активно используется травосеяние, плодосменный севооборот вместо трехпольной системы и относительно развито животноводство, являются Литовско-белорусские (западные) и Прибалтийские губернии. Также более развитыми по сравнению с другими А.Н. Челинцев называет Юго-западные губернии: Подольскую, Киевскую, север Бессарабской и юг Волынской губерний, которые он именует «плодосменно-паровыми», то есть в этих губерниях используют обе системы севооборота, с преобладанием интенсивной плодосменной системы.

Губернии Центра России – столичные и окружающие две столицы – А.Н. Челинцев относит к паротравопольным, то есть в этих губерниях тоже используют обе системы севооборота, но преобладает экстенсивная трехпольная система. Все остальные губернии с точки зрения систем хозяйствования находятся на еще более низких уровнях [25, с. 132–133].

К сожалению, столь подробных аналогичных исследований по неевропейской части Российской империи не проводилось, но из работы Н.П. Огановского, который так же, как и А.Н. Челинцев, пытался оценить уровень развитости аграрного сектора в различных регионах, видно, что степень интенсивности систем хозяйствования в неевропейских регионах была намного меньше, чем в губерниях европейской России [16].

Таким образом, среди всех регионов Российской империи только в Прибалтийских губерниях полностью произошел переход от системы пара к плодосменному севообороту и было достаточно развитое животноводство, в остальных регионах переход либо находился на начальной стадии, либо вообще не начинался.

4. Основные показатели эффективности аграрного сектора. Как было отмечено выше, важным показателем завершенности аграрного переворота, используемым многими исследователями, является рост продукции сельского хозяйства в 2 и более раз. Если посмотреть на производство всей зерновой продукции по 50 губерниям европейской части [15, с. 2–5], то видно, что с 1883 по 1914 г. рост составил 1,58 раз. Но летом 1914 г. началась война, поэтому более корректно сравнивать с последним предвоенным 1913 г., в котором производство зерновой продукции по сравнению с 1883 г. увеличилось в 2,06 раз. На первый взгляд критерий соблюден. Важно, однако, что часть этого роста была достигнута за счет роста посевных площадей, которые увеличились за тот же период в 1,25 раз и, кроме того, исследователи отмечали, что 1913 г. был исключительно урожайным [15]. Если взять 1912 г., то показатель составит 1,8 – близко, но все же несколько меньше принятого минимального порогового значения.

Таким образом, в отличие от стран Западной Европы, в России рост продукции аграрного сектора во многом осуществлялся за счет увеличения посевных площадей и роста эффективности аграрного сектора отдельных наиболее развитых губерний, при этом средний рост эффективности был достаточно низким [31].

Одной из немногих работ, где исследовались показатели эффективности для всей территории Российской империи, является статья А.М. Маркевича [28], в которой он рассматривает различные показатели социально-экономического развития для всех регионов Российской империи и пытается выявить факторы, которые способствовали экономическому росту.

Если посмотреть на все регионы Российской империи, то можно увидеть достаточно большую вариативность социально-экономических показателей. На карте видно (см. рис. 1), что наиболее высокие показатели производительности труда в аграрном секторе наблюдаются не только в западных и южных регионах, что ожидаемо, но и в ряде сибирских и дальневосточном регионах, что до исследования А.М. Маркевича было совершенно не очевидно.

В результате своего исследования А.М. Маркевич приходит к выводу, что важнейшими факторами, способствующими развитию регионов, были доступ к международной морской торговле, наличие природных ресурсов и наследие крепостного права [28].

Работа А.М. Маркевича охватывает все регионы Российской империи, но дает картину рубежа XIX–XX вв., соответственно встает вопрос о динамике показателей эффективности аграрного сектора.

Ниже на графике представлена динамика изменения количества производимого зерна на человека в аграрном секторе – данный показатель можно использовать как прокси для показателя производительности труда в сельском хозяйстве (см. рис. 2).

Из рисунка 2 видно, что с 1888 по 1913 г. в большинстве губерний наблюдался небольшой рост выпуска зерна на человека в аграрном секторе, что говорит об отсутствии качественных сдвигов в технологических и институциональных изменениях. Рост примерно в 2 раза был только в пяти регионах: в Донской области, Херсонской, Екатеринославской, Самарской и Саратовской губерниях. Рост выпуска зерна на человека в этих губерниях, скорее всего, связан с активной распашкой в причерноморских регионах, интенсивно осваивавшихся в XIX в., а также с расширением железнодорожного строительства, которое упрощало доступ к экспорту зерна, и с тарифной политикой, с помощью которой государство стимулировало развитие зерноводства в удаленных от морских портов и промышленных центров районах. Для лучшей визуализации приводим график по регионам (см. рис. 3). Группировка по районам дана так, как это делается в статистических сборниках, публиковавшихся Центральным Статистическим Комитетом МВД.

Помимо производительности труда в сельском хозяйстве, важнейшим показателем эффективности аграрного сектора является производительность земли, то есть урожайность. В странах, где к началу XX в. произошла

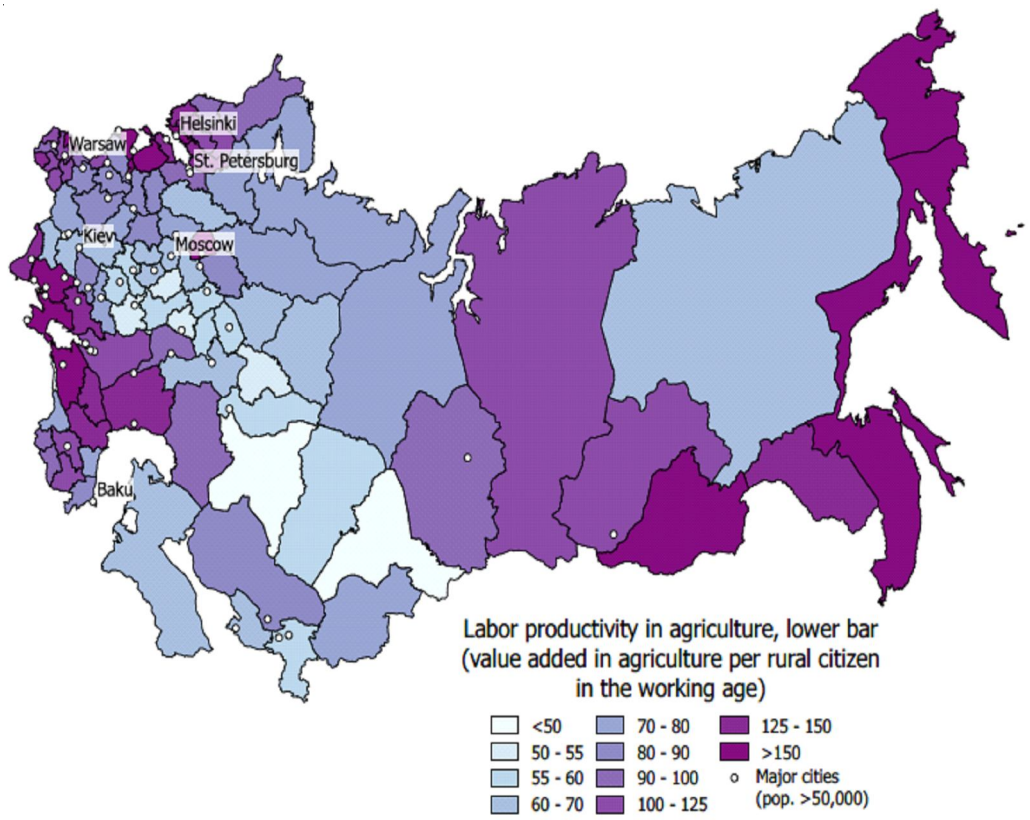

Рис. 1. Производительность труда в сельском хозяйстве губерний Российской империи в 1897 г. (1 897 руб.)

Fig. 1. Agricultural labor productivity in Russian provinces in 1897 (1,897 rubles)

Примечание. Источник: [28].

аграрная революция (Голландия, Англия, Бельгия, Германия, Швейцария), урожайность достигла уровня, более чем в 2 раза превышающего урожайность в других странах [19, с. 80].

В Российской империи урожайность оставалась достаточно низкой по сравнению с другими странами. Но еще более важным было то, что динамика урожайности в России не очень сильно менялась. Если посмотреть изменение урожайности по различным регионам за период 1896–1913 гг., то видно, что урожайность сильно колебалась, но восходящий тренд практически отсутствовал. Для лучшей визуализации графики (см. рис. 4 и 5) даны отдельно для крестьянских и помещичьих хозяйств. Также были построены графики для отдельных видов зерна, по отдельным губерниям, которые показали, что ни в одной губернии и ни для какой культуры значительного роста урожайности не наблюдалось.

Для сравнения можно привести данные по урожайности в других странах (см. табл. 1).

Результаты. Основным выводом из проведенного исследования является констатация того, что аграрный переворот в Российской империи (без Польши и Финляндии) в предреволюционный период не завершился. Оговорку можно сделать только применительно к двум прибалтийским губерниям – Эстляндской и Курляндской, где выполняются ряд основных критериев, которые в литературе рассматриваются как показатели завершенности аграрного переворота. При этом, однако, нужно учитывать, что урожайность даже в этих относительно развитых регионах оставалась по мировым меркам достаточно низкой, то есть хотя аграрный переворот в этих регионах и находился в завершающей фазе, говорить о его завершенности в тот период еще рано.

Довольно интересные выводы можно получить при сравнении результатов региональных исследований, сделанных различными авторами. Если стадии развития общины по А.А. Ка-

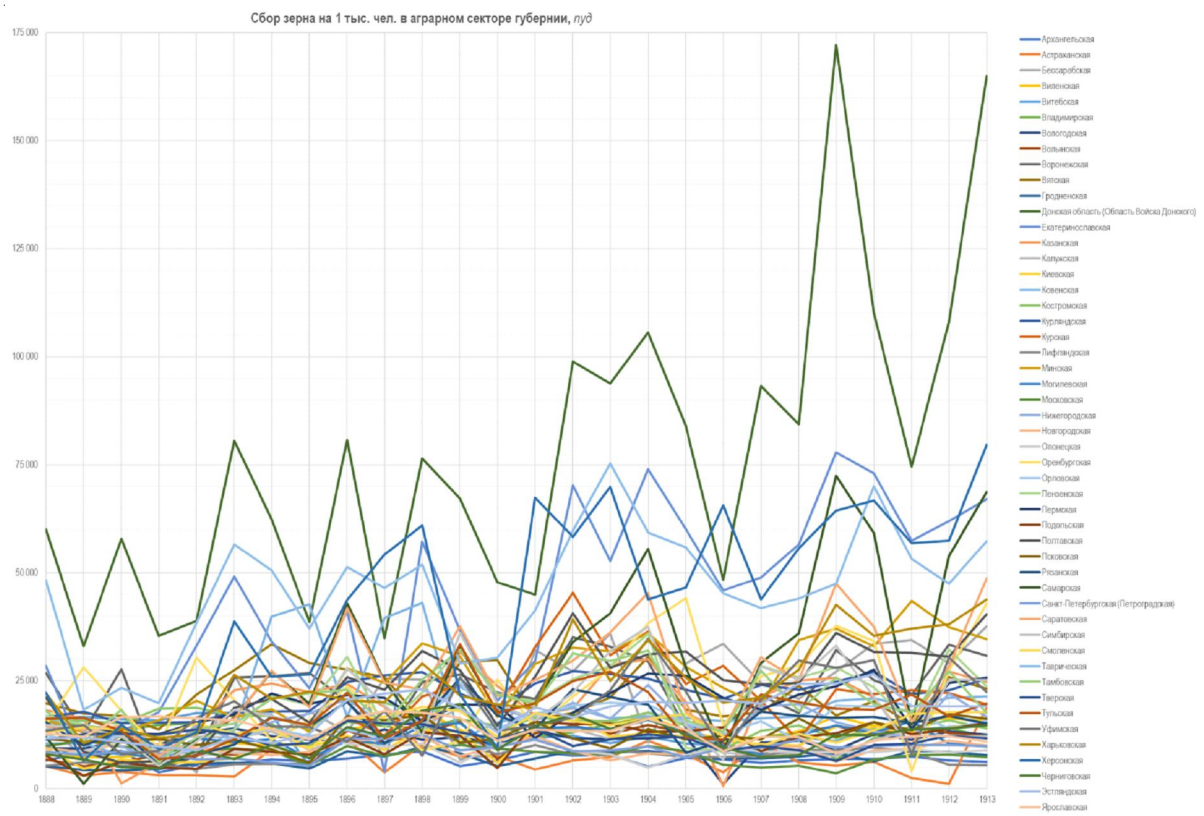

Рис. 2. Динамика изменения количества производимого зерна на человека в аграрном секторе
Fig. 2. Changes in the amount of grain produced per person in the agricultural sector

Примечание. Источник рисунков 2–5: [23]. Графики построены автором статьи.

уфману не очень ложатся в распределение регионов по уровню развития А.М. Маркевича, то выделенные А.Н. Челинцевым регионы, соответствующие стадиям перехода к интенсивному хозяйству, достаточно хорошо соответствуют цифрам А.М. Маркевича.

При сравнении результатов А.М. Маркевича и результатов, полученных П.И. Лященко, можно увидеть, что районы с более развитой организацией торговли совпадают с районами, где, согласно данным А.М. Маркевича, была относительно высокая производительность труда в аграрном секторе.

Если сопоставить карты из работ А.Н. Челинцева и А.М. Маркевича, то видно, что районы западных губерний по сравнению с восточными губерниями европейской части России более развиты по обоим видам классификации. В соответствии с исследованием А.Н. Челинцева в западных губерниях преобладают более интенсивные системы земледелия и в соответствии с выводами А.М. Маркевича в этих же регионах выше производительность труда в аграрном секторе. Однако выводы А.М. Маркевича не подтверждают выводы А.Н. Челинцева по ряду южных губерний. С точки зрения классификации А.Н. Челинцева в Таврической, Донской, Кубанской, Ставропольской, Терской, Астраханской губерниях преобладают экстенсивные формы хозяйствования, но из работы А.М. Маркевича следует, что в этих регионах производительность труда в сельском хозяйстве была одной из самых высоких.

Любопытный вывод можно сделать при анализе графиков производства зерна на человека в аграрном секторе. Более чем двукратный рост наблюдается в пяти губерниях,

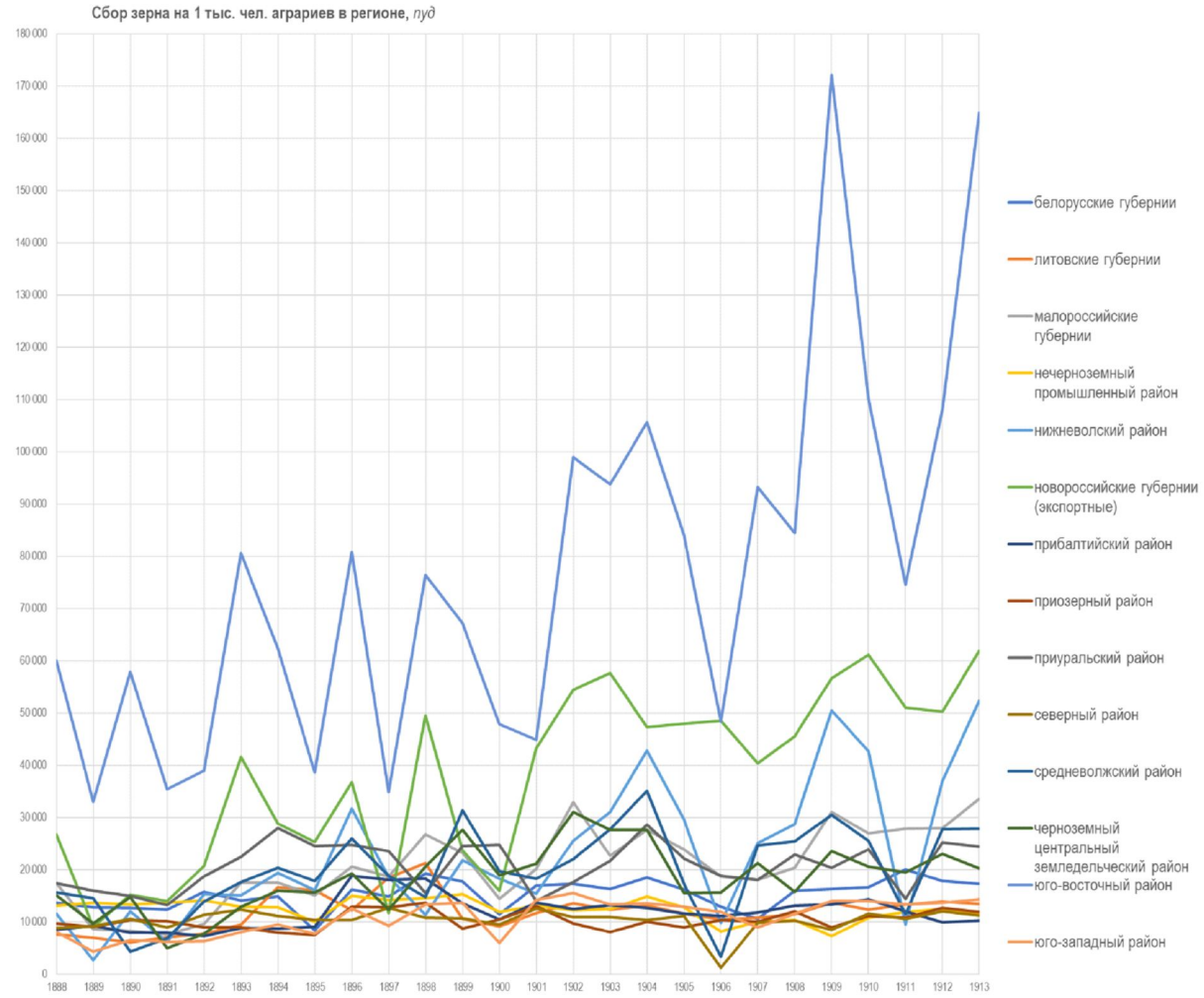

Рис. 3. Сбор зерна на 1 тыс. человек, занятых в сельском хозяйстве, по регионам

Fig. 3. Grain harvest per 1,000 people employed in agriculture, by region

«не замеченных» в особой продвинутости по остальным критериям. Вероятно, объяснением здесь может служить отмеченный П.И. Лященко и А.М. Маркевичем фактор влияния железнодорожного строительства и связанного с этим расширения доступа к портовой (экспортной) инфраструктуре, политикой государства в области железнодорожных тарифов и значительными возможностями по расширению посевных площадей.

Если сравнить результаты исследований, сделанные А.М. Маркевичем и другими авторами, то получаются очень интересные выводы, касающиеся влияния общинной формы

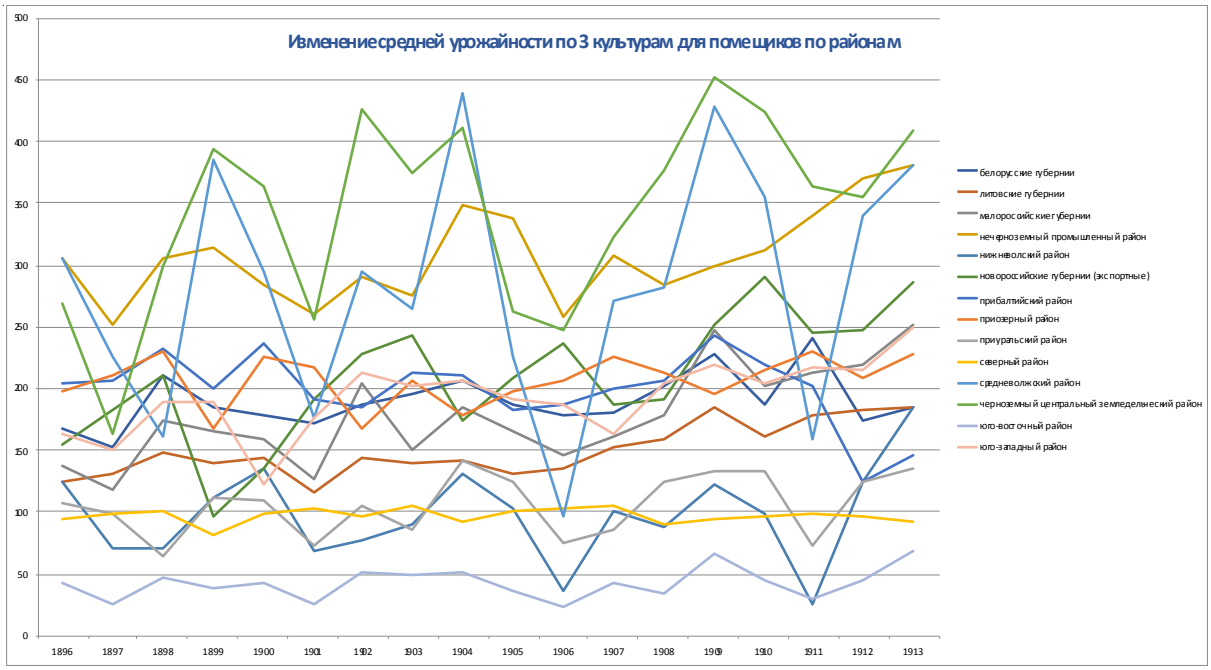

Рис. 4. Средняя урожайность для помещиков по трем зерновым культурам (рожь, пшеница, ячмень) за период 1896–1913 годов

Fig. 4. Average yield for landowners for three grain crops (rye, wheat, and barley) for the period 1896–1913

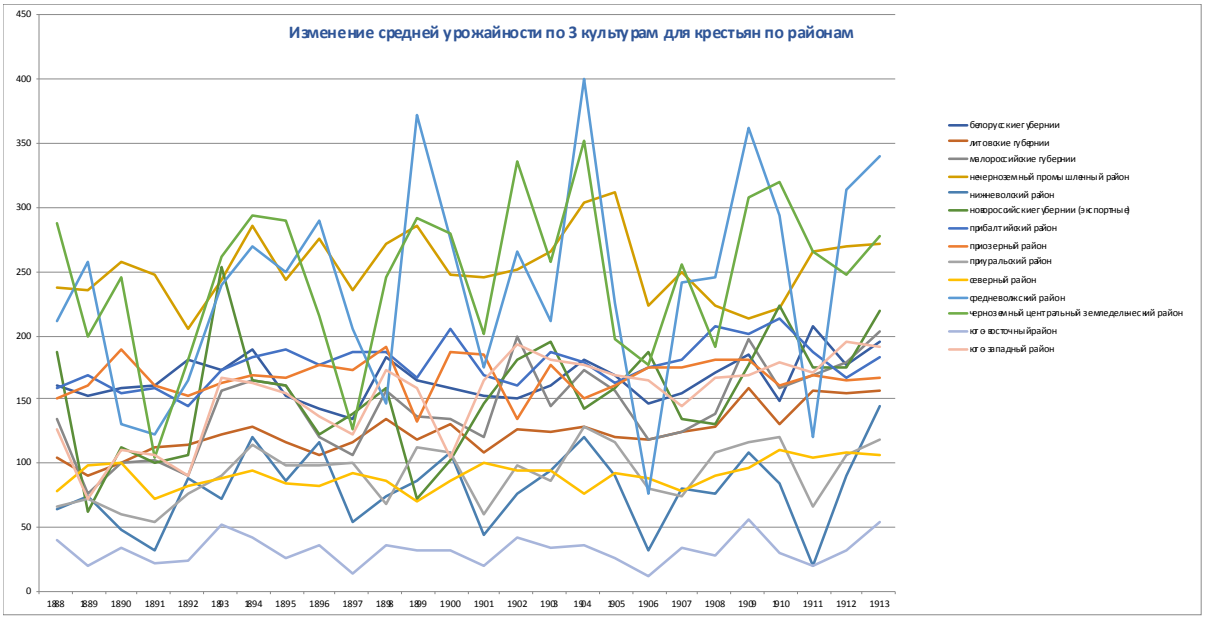

Рис. 5. Средняя урожайность для крестьян по трем зерновым культурам (рожь, пшеница, ячмень) за период 1896–1913 годов

Fig. 5. Average yield for farmers for three grain crops (rye, wheat, and barley) for the period 1896–1913

хозяйствования на продуктивность аграрного сектора. Реконструированные А.М. Маркевичем данные по реальному подушевому ВВП и производительности труда в сельском хозяйстве показывают, что регионы, где в соответствии с выводами А.А. Кауфмана община либо зарождалась, либо была в стадии расцвета – Енисейская, Иркутская, Томская губернии – по своему уровню производительности труда были выше среднего уровня по Российской империи. Эти результаты противоречат общепринятой точке зрения о тормозящей роли общины и требуют дополнительных исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Автор статьи считает, что эти термины взаимозаменяемы, так как представляют собой два варианта перевода с английского термина «agrarian revolution», по аналогии с переводом термина «industrial revolution», который иногда переводили как «промышленный переворот», а иногда как «промышленная революция». Но в связи с тем, что в ряде работ отечественные авторы различают «аграрную революцию» и «аграрный переворот», о чем будет написано ниже, здесь будет использоваться термин «аграрный переворот».

[2] Без Польши и Финляндии.

[3] В Тбилисской губернии (в Восточной Грузии) крепостное право было отменено в 1864 г., в Кутаисской губернии (в Имерети, Раче и Лечхуми) – в 1865 г., в Мегрелии – в 1867 г., в Абхазии – в 1870 г., в Сванети – в 1871 г., в Азербайджане и Армении – в 1870 году.

[4] Здесь А.Н. Челинцев ссылается на работу Б.Д. Бруцкуса и выражает солидарность с его взглядами по вопросам систем хозяйствования [25, с. 11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета об устройстве поселян, водворенных в Закавказском крае на землях лиц, не имеющих права владеть населенными имениями // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 3-е. Т. 3 (1883). СПб.: Гос. тип., 1886. № 1429. С. 79–80.

2. Высочайше утвержденное положение о взаимных отношениях Агаларов и поселян, живущих на землях, возвращаемых Агаларам и утверждаемых за ними на основании Высочайшего рескрипта 6 Декабря 1846 года (№ 20672) // ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. 22 (1847). Отд. 1-е. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1848. № 21825. С. 931–936.

3. Высочайше утвержденное положение о поземельном устройстве государственных поселян, водворенных на землях лиц высшего Мусульманского сословия, а равно меликов из Армян в губерниях Закавказских: Елисаветпольской, Бакинской, Эриванской и части Тифлисской // ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. 45 (1870). Отд. 1-е. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1874. № 48357. С. 630–646.

Таблица. **Урожайность хлебов в России и других странах в 1913 г. (пудов с десятины)**

Table. **Grains yield in Russia and other countries in 1913 (poods per dessiatine)**

Страна	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Картофель
Россия	55	56	62	63	491
Австрия	80	92	107	94	602
Венгрия	88	82	92	41	470
Великобритания	149	–	127	117	1 086
Бельгия	168	147	180	171	1 338
Болгария	80	75	81	60	–
Германия	157	127	148	146	1 057
Голландия	160	122	168	148	1 176
Испания	52	61	64	45	–
Румыния	44	70	71	68	641
Сербия	72	58	65	46	–
Франция	89	71	68	86	571
Швейцария	153	123	130	150	1 038
Швеция	161	94	139	123	–
Канада	94	61	108	10?	750
США	68	68	85	70	408

Примечание. Источник: [21, с. 117–118].

4. Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думою закон о прекращении временно-обязательных и зависимых отношений крестьян и поселян к помещикам и землевладельцам в Тифлисской, Кутаисской, Эриванской, Елисаветпольской, Бакинской губерниях, посредством выкупа наделов в собственность при содействии Правительства // ПСЗРИ. Собрание 3-е. Т. 22 (1902). Отд. 1-е. СПб.: Гос. тип., 1904. № 38539. С. 1687–1692.

5. Гловели Г. Дж. Н.П. Огановский: закономерность аграрной эволюции и пробелы формационного подхода // Историко-экономические исследования. Вопросы политической экономии. 2017. № 2. С. 38–52.

6. Де Фрис Ян. Революция трудолюбия: потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней / пер. с англ. А. Матвеенко; под науч. ред. А. Володина. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 464 с.

7. Дубровский С. М. «Столыпинская реформа»: капитализация сельского хозяйства в XX веке. Очерки по истории России XX века. Л.: Прибой: Ком. ун-т им. тов. Зиновьева, 1925. 302 с.

8. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М.: Просвещение, 1968. 368 с.

9. Кабанов В. В. Аграрная революция в России // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 28–45.

10. Кауфман А. А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. 455 с.

11. Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Структура и уровень аграрного развития районов Европейской России на рубеже XIX–XX веков // История СССР. 1981. № 1. С. 76–99.

12. Крохалев Ф. С. О системах земледелия. М.: Сельхозгиз, 1960. 432 с.

13. Лященко П. И. Хлебная торговля на внутренних рынках европейской России. Описательно-статистическое исследование. СПб.: М-во торг. и пром-сти, 1912. 656 с.

14. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1960. 908 с.

15. Обухов В. М. Движение урожаев зерновых культур в Европейской части России в период 1883–1915 гг. // Влияние неурожаев на народное хозяйство России / под общ. ред. В.Г. Громана. М.: Рос. ассоц. науч.-исслед. ин-тов обществ. наук, 1927. 301 с.

16. Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1. Теории капиталистического развития. Общий ход и фазисы аграрной эволюции. Саратов: Сотрудничество, 1909. 308 с.

17. Першин П. Н. Аграрная революция в России. В 2 т. М.: Наука, 1966.

18. Положение об управлении Туркестанского края: (св. зак. т. 2, издание 1892 г., по прод. 1912, 1913 и 1914 гг.): с разъяснениями Правительствующего сената (Гражданского Кассац., Уголовного Кассац., Общего Собрания, 1-го и 2-го Департаментов, приказами и циркулярами Туркестанского Генерал-Губернатора и инструкциями и правилами по отдельным частям управления): неофициальное издание / сост. И. Ф. Абрамов. Ташкент: Изд. кн. магазина М.Ф. Собберей, 1916. 250 с.

19. Россия, 1913 г.: Статистико-документальный справочник. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1995. 417 с.

20. Сафонов Д. А. Аграрная революция: российское прочтение // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2019: Проблемы аграрного развития России XIV–XX вв. Воронеж: Науч. кн., 2020. С. 152–157.

21. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. 446 с.

22. Сенатский, по Высочайше утвержденному докладу о считании казенным поселянам годового срока к подаче апелляции со времени объявления им решения и взятия с них подписки // ПСЗРИ. Собрание 3-е. Т. 20 (1900). Отд. 1-е. СПб.: Гос. тип., 1902. № 18509. С. 389–391.

23. Сорокин А. С., Розинская Н. А., Чаплыгина И. Г. База данных показателей посевных площадей и урожайности основных зерновых культур по губерниям Российской империи за период с 1881 по 1913 г. Св-во о гос. регистрации базы данных № 2023623372 от 06.10.2023. Заявка № 2023623069 от 22.09.23.

24. Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. СПб.: Изд. ЦСК МВД, 1907. 272 с.

25. Челинцев А.Н. Очерки по сельско-хозяйственной экономии. III. Сельско-хозяйственные районы Европейской России, как стадии сельско-хозяйственной эволюции, и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1910. 135 с.

26. Allen R. Enclosure and the Yeoman. Oxford: Clarendon Press, 1992. 376 p.

27. Allen R. Tracking the Agricultural Revolution in England // The Economic History Review. New Series. 1999. Vol. 52, № 2. P. 209–235.

28. Markevich A. A Regional Perspective on the Economic Development of the Late Russian Empire (May 14, 2019). DOI: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2555273

29. Overton M. Re-Establishing the English Agricultural Revolution // The Agricultural History Review. 1996. Vol. 44, № 1. P. 1–20.

30. Thompson W. The Lead Economy Sequence in World Politics (From Sung China to the United States): Selected Counterfactuals // Journal of Globalization Studies, 2010. Vol. 1, № 1. P. 6–28.

31. van Zanden Jan Luiten. The First Green Revolution: The Growth of Production and Productivity in European Agriculture, 1870–1914 // The Economic History Review. 1991. № 44. P. 215–239.

REFERENCES

1. Vysochajshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta ob ustrojstve poselyan, vodvorennykh v Zakavkazskom krae na zemlyakh lic, ne imeyushchikh prava vladet naselennymi imeniyami [Highest Approved Decision of the State Council on the Arrangement of Settlers in the Transcaucasian Region on the Lands of Persons Who Do Not Have the Right to Own Populated Estates]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). Sobranie 3-e. T. 3 (1883)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 3 (1883)]. Saint Petersburg, Gos. tip., 1886, no. 1429, pp. 79-80.

2. Vysochajshe utverzhdennoe polozhenie o vzaimnykh otnosheniyakh Agalarov i poselyan, zhivushchikh na zemlyakh, vozvrashchaemykh Agalaram i utverzhdaemykh za nimi na osnovanii Vysochajshego reskripta 6 Dekabrya 1846 goda (№ 20672) [Highest Approved Provision on the Mutual Relations of the Agalars and the Villagers Living on Lands Returned to the Agalars and Approved for Them on the Basis of the Highest Rescript of December 6, 1846 (No. 20672)]. *PSZRI. Sobranie 2-e. T. 22 (1847). Otd. 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 22 (1847). Section 1]. Saint Petersburg, Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. e. i. v. Kancelyarii, 1848, no. 21825, pp. 931-936.

3. Vysochajshe utverzhdennoe polozhenie o pozemelnom ustrojstve gosudarstvennykh poselyan, vodvorennykh na zemlyakh lic vysshego Musulmanskogo sosloviya, a ravno melikov iz Armyan v guberniyakh Zakavkazskikh: Elisavetpolskoj, Bakinskoj, Ehrivanskoj i chasti Tiflisskoj [Highest Approved Provision on the Land Arrangement of State-Owned Settlers on the Lands of Persons of the Highest Muslim Class, as Well as Meliks from Armenians in the Transcaucasian Provinces: Elisavetpol, Baku, Erivan, and Part of Tiflis]. *PSZRI. Sobranie 2-e. T. 45 (1870). Otd. 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 45 (1870). Section 1]. Saint Petersburg, Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. e. i. v. Kancelyarii, 1874, no. 48357, pp. 630-646.

4. Vysochajshe utverzhdennyj odobrennyj Gosudarstvennym Sovetom i Gosudarstvennoj Dumoyu zakon o prekrashchenii vremenno-obyazatelnykh i zavisimykh otnoshenij krestyan i poselyan k pomeshchikam i zemlevladelcam v Tiflisskoj, Kutaisskoj, Ehrivanskoj, Elisavetpolskoj, Bakinskoj guberniyakh, posredstvom vykupa nadelov v sobstvennost pri sodejstvii Pravitelstva [Highest Approved Enacted by the State Council and the State Duma Legislation on the Termination of Obligatory and Dependent Relations of Peasants and Settlers to Landowners in Tiflis, Kutaisi, Erivan, Elisavetpol, and Baku Provinces Through the Redemption of Plots of Property with the Assistance of the Government]. *PSZRI. Sobranie 3-e. T. 22 (1902). Otd. 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 22 (1902). Section 1]. Saint Petersburg, Gos. tip., 1904, no. 38539, pp. 1687-1692.

5. Gloveli G.Dzh. N.P. Oganovskii: zakonomernost agrarnoj evoljucii i probely formacionnogo podhoda [N.P. Oganovsky the Pattern of Agrarian Evolution and Gaps in the Formational Approach]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovanija. Voprosy politicheskoj ekonomii* [Historical and Economic Studies. Issues of Political Economy], 2017, no. 2, pp. 38-52.

6. De Fris Jan. *Revoljucija trudoljubija: potrebitelskoe povedenie i ekonomika domohozjajstv s 1650 goda do nashih dnej* [Industrious Revolution: Consumer Behavior and Household Economics from 1650 to the Present Day]. Moscow, Izdat. dom «Delo» RANHiGS, 2016. 464 p.

7. Dubrovskij S.M. *«Stolypinskaja reforma»: kapitalizacija selskogo hozjajstva v XX veke. Ocherki po istorii Rossii XX veka* ["Stolypin Reform" Capitalization of Agriculture in the 20th Century. Essays on the History of Russia in the 20th Century]. Leningrad, Priboj Publ., Kom. un-t im. tov. Zinovyeva, 1925. 302 p.

8. Zajonchkovskij P.A. *Otmena krepostnogo prava v Rossii* [Abolition of Serfdom in Russia]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1968. 368 p.

9. Kabanov V.V. Agrarnaja revoljucija v Rossii [Agrarian Revolution in Russia]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1989, no. 11, pp. 28-45.

10. Kaufman A.A. *Russkaja obshhina v processe ee zarozhdenija i rosta* [Russian Community in the Process of Its Origin and Growth]. Moscow, Tip. T-va I.D. Sytina, 1908. 455 p.

11. Kovalchenko I.D., Borodkin L.I. Struktura i uroven agrarnogo razvitija rajonov Evropejskoj Rossii na rubezhe XIX–XX vekov [Structure and Level of Agrarian Development of Regions of European Russia at the Turn of the 19th – 20th Centuries]. *Istorija SSSR* [History of the USSR], 1981, no. 1, pp. 76-99.

12. Krohalev F.S. *O sistemah zemledelija* [On Agricultural Systems]. Moscow, Selhozgiz, 1960. 432 p.

13. Ljashhenko P.I. *Hlebnaja torgovlja na vnutrennih rynkah evropejskoj Rossii. Opisatelno-statisticheskoe issledovanie* [Grain Trade in the Domestic Markets of European Russia. Descriptive and Statistical Study]. Saint Petersburg, M-vo torg. i prom-ti, 1912. 656 p.

14. Marks K. Kapital. T. 1 [Capital. Vol. 1]. Marks K., Engels F. *Sochinenija. T. 23* [Works. Vol. 23]. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit., 1960. 908 p.

15. Obuhov V.M. Dvizhenie urozhaev zernovyh kultur v Evropejskoj chasti Rossii v period 1883–1915 gg. [Movement of Grain Crop Yields in the European Part of Russia in the Period 1883–1915]. Groman V.G., ed. *Vlijanie neurozhaev na narodnoe hozjajstvo Rossii* [Influence of Crop Failures on the National Economy of Russia Under the General Editorship of V.G. Groman]. Moscow, Ros. assoc. nauch.-issled. in-tov obshhestv. nauk, 1927. 301 p.

16. Oganovskij N.P. *Zakonomernost agrarnoj evoljucii. Ch. 1. Teorii kapitalisticheskogo razvitija. Obshhij hod i fazisy agrarnoj evoljucii* [Regularity of Agrarian Evolution. Pt. 1. Theories of Capitalist Development. General Course and Phases of Agrarian Evolution]. Saratov, Sotrudnichestvo Publ., 1909. 308 p.

17. Pershin P.N. *Agrarnaja revoljucija v Rossii. V 2 t.* [Agrarian Revolution in Russia. In 2 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1966.

18. Abramov I.F., ed. *Polozheniye ob upravlenii Turkestanskogo kraya. (sv. zak. t. 2, izdaniye 1892 g., po prod. 1912, 1913 i 1914 gg.): s razyasneniyami Pravitelstvuyushchego senata (Grazhdanskogo Kassats., Ugolovnogo Kassats., Obshchego Sobraniya, 1-go i 2-go Departamentov, prikazami i tsirkulyarami Turkestanskogo General-Gubernatora i instruktsiyami i pravilami po otdel'nym chastyam upravleniya): neofitsialnoye izdaniye* [Regulations on the management of the Turkestan Region: (Consolidated Law, Vol. 2, 1892 Edition, Extended in 1912, 1913, and 1914): With Explanations of the Governing Senate (Civil Cassation, Criminal Cassation, General Assembly, 1st and 2nd Departments, Orders and Circulars of the Turkestan Governor-General, and Instructions and Rules for Individual Parts of Management): Unofficial Publication]. Tashkent, Izd. kn. magazina M.F. Sobberey, 1916. 250 p.

19. *Rossija, 1913 g.: Statistiko-dokumentalnyj spravochnik* [Russia, 1913: Statistical and Documentary Reference Book]. Saint Petersburg, Russko-Baltijskij informacionnyj centr «BLIC», 1995. 417 p.

20. Safonov D.A. Agrarnaja revoljucija rossijskoe prochtenie [Agrarian Revolution: Russian Reading]. *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy, 2019: Problemy agrarnogo razvitija Rossii XIV–XX vv.* [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe, 2019. Problems of Agrarian Development of Russia in the 14th – 20th Centuries]. Voronezh, Nauch. kn. Publ., 2020, pp. 152-157.

21. *Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedeniy po selskomu khozyaystvu Rossii i inostrannykh gosudarstv. God desyatyy* [Collection of Statistical and Economic Data on Agriculture in Russia and Foreign Countries. Year Ten]. Petrograd, 1917. 446 p.

22. Senatskij, po Vysochajshe utverzhdennomu dokladu o schitanii kazennym poselyanam godovogo sroka k podache apellyacii so vremeni obyavleniya im resheniya i vzyatiya s nikh podpiski [Senate, on the Report Approved by the Supreme Council on Calculating the One-Year Period for State-Owned Settlers to File an Appeal from the Time the Decision Was Announced to Them and Their Signature Was Taken]. *PSZRI. Sobranie 3-e. T. 20 (1900). Otd. 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 20 (1900). Section 1]. Saint Petersburg, Gos. tip., 1902., no. 18509, pp. 389-391.

23. Sorokin A.S., Rozinskaja N.A., Chaplygina I.G. *Baza dannykh pokazateley posevnykh ploshchadey i urozhaynosti osnovnykh zernovykh kultur po guberniyam Rossiyskoy imperii za period s 1881 po 1913 g. Sv-vo o gos. registratsii bazy dannykh № 2023623372 ot 06.10.2023. Zayavka № 2023623069 ot 22.09.23* [Database of Indicators of Sown Areas and Yields of Major Grain Crops by Provinces of the Russian Empire for the Period from 1881 to 1913. Certificate of State Registration of the Database No. 2023623372 Dated October 6, 2023. Application No. 2023623069 from September 22, 23].

24. *Statistika zemlevladenija 1905 g. Svod dannyh po 50-ti gubernijam Evropejskoj Rossii* [Statistics of Land Ownership of 1905. Data Collection for 50 Provinces of European Russia]. Saint Petersburg, Izd. CSK MVD, 1907. 272 p.

25. Chelincev A.N. *Ocherki po selsko-hozjajstvennoj ekonomii. III. Selsko-hozjajstvennye rajony Evropejskoj Rossii, kak stadii selsko-hozjajstvennoj evoljucii, i kulturnyj uroven selskogo hozjajstva v nih* [Essays on Agricultural Economy. 3. Agricultural Regions of European Russia, as Stages of Agricultural Evolution, and the Cultural Level of Agriculture in Them]. Saint Petersburg, 1910. 135 p.

26. Allen R. *Enclosure and the Yeoman*. Oxford, Clarendon Press, 1992. 376 p.

27. Allen R. Tracking the Agricultural Revolution in England. *The Economic History Review. New Series*, 1999, vol. 52, no. 2, pp. 209-235.

28. Markevich A. *A Regional Perspective on the Economic Development of the late Russian Empire (May 14, 2019)*. DOI: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2555273

29. Overton M. Re-Establishing the English Agricultural Revolution. *The Agricultural History Review*, 1996, vol. 44, no. 1, pp. 1-20.

30. Thompson W. The Lead Economy Sequence in World Politics (From Sung China to the United States): Selected Counterfactuals. *Journal of Globalization Studies*, 2010, vol. 1, no. 1, pp. 6-28.

31. van Zanden Jan Luiten. The First Green Revolution: The Growth of Production and Productivity in European Agriculture, 1870–1914. *The Economic History Review*, 1991, no. 44, pp. 215-239.

Information About the Author

Natalia A. Rozinskaya, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of National Economy and Economic Thought, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, Bld. 46, 119991 Moscow, Russian Federation, natalja.rozinskaja@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6907-0440

Информация об авторе

Наталия Анатольевна Розинская, кандидат экономических наук, доцент кафедры истории народного хозяйства и экономических учений, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 46, 119991 г. Москва, Российская Федерация, natalja.rozinskaja@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6907-0440

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.13

UDC 93/94
LBC 63.3(2)6-7

Submitted: 03.09.2023
Accepted: 29.11.2023

GENERAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF TYUMEN IN 1945–1953

Elena V. Borodulina
Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

Artyom V. Skochin
Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The aim of the work is to determine the significance of the transformation of the educational process in general educational institutions of Tyumen in the post-war period. In the context of the study, the authors study the expansion of the network and the technical condition of general educational institutions, note changes in the staffing of schools, reveal various aspects of the methodological training of teachers, as well as the process of transforming the educational programs of educational institutions. *Methods and materials.* The basis of the research work was made up of previously unpublished archival records and statistical materials, regulations that were published as part of collections of documents during the period under study, as well as information from periodicals of the post-war years. In addition, over the past decade, a significant number of regional studies have appeared in historiography concerning the problem of school education in the period under study. *Analysis.* Soviet education in 1945–1953 was experiencing a serious crisis. School buildings in need of repair, lack of a sufficient number of classrooms and teaching staff, difficult financial and living conditions of general education institutions, difficulties in implementing the law on universal education, increasing requirements for the general education training of students and the teaching activities of teachers – these are not all the problems that Soviet education faced in the post-war period. *Results.* The researchers come to the conclusion that the post-war years became an important time for the transformation of the educational process in the schools of Tyumen, causing its transition to peacetime. During the study period, the network of educational institutions in the city was expanding, and the number of students was also growing. At the same time, a number of problems remained unresolved, which concerned the low technical condition of educational institutions and multi-shift classes. In the mid-1940s and early 1950s, in the schools of the city, there was an increase in the number, experience, and level of education of teaching staff. *Author's contribution.* The search, systematization, and analysis of archival documents, regulations, periodicals, as well as research literature on the topic of research work, followed by composing the main part of the article, was carried out by Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History of Tyumen State University, E.V. Borodulina. Posing general conclusions and checking references was carried out by A.V. Skochin. *Funding.* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-49-720018.

Key words: education, pedagogy, teachers, Tyumen, post-war period.

Citation. Borodulina E.V., Skochin A.V. General Educational Institutions of Tyumen in 1945–1953. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 153-163. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.13

УДК 93/94
ББК 63.3(2)6-7

Дата поступления статьи: 03.09.2023
Дата принятия статьи: 29.11.2023

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ТЮМЕНИ В 1945–1953 ГОДАХ

Елена Викторовна Бородулина
Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

© Бородулина Е.В., Скочин А.В., 2024

Артем Васильевич Скочин

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Целью работы является определение направлений трансформации учебного процесса в общеобразовательных учебных заведениях Тюмени в послевоенные годы. В контексте исследования авторы изучают расширение сети и техническое состояние общеобразовательных учебных заведений, отмечают изменения в кадровом составе школ, раскрывают различные аспекты методической подготовки педагогов, а также процесс трансформации образовательных программ учебных заведений. *Методы и материалы.* Основу работы составили не публиковавшиеся ранее архивные делопроизводственные и статистические материалы, нормативно-правовые акты, которые издавались в составе сборников документов в изучаемый период, а также сведения периодической печати послевоенных лет. Кроме того, за последнее десятилетие в историографии появилось значительное количество региональных исследований, касающихся проблемы школьного образования в изучаемый период. *Анализ.* Советское образование в 1945–1953 гг. переживало серьезный кризис. Нуждающиеся в ремонте здания школ, отсутствие достаточного количества учебных помещений и педагогических кадров, тяжелое материально-бытовое положение общеобразовательных учреждений, сложности в реализации закона о всеобуче, рост требований к общеобразовательной подготовке учащихся и педагогической деятельности учителей – это далеко не все проблемы, с которыми столкнулось советское образование в послевоенный период. *Результаты.* Исследователи приходят к выводу, что послевоенные годы стали важным временем трансформации учебного процесса в школах Тюмени, обусловив его переход к мирному времени. В исследуемый период расширяется сеть учебных заведений города, растет и численность учащихся. Вместе с тем остается нерешенным целый ряд проблем, которые касались низкого технического состояния учебных заведений и многосменности занятий. В середине 1940 – начале 1950-х гг. в школах города происходит рост количества, повышается стаж и уровень образования педагогических кадров. *Вклад авторов.* Поиск, систематизация и анализ архивных документов, нормативно-правовых актов, материалов периодической печати, а также исследовательской литературы по теме работы с последующим написанием основной части статьи осуществлялась Е.В. Бородулиной. Редакция текста, написание обобщающих выводов, проверка ссылок проводились А.В. Скочиным. *Финансирование*. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-49-720018.

Ключевые слова: образование, педагогика, учителя, Тюмень, послевоенный период.

Цитирование. Бородулина Е. В., Скочин А. В. Общеобразовательные учебные заведения Тюмени в 1945–1953 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 153–163. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.13

Введение. Модернизация всех сторон общественной жизни способствует повышению требований к уровню образования и квалификации учащихся современных учебных заведений. Основы научных знаний закладываются в школе, однако эффективность образования зависит не только от его содержания, но и от профессионализма педагогических кадров. Актуальные сегодня проблемы качества школьного образования, его ориентация на обеспечение комплексного подхода к вопросам обучения и воспитания, значимая социальная роль, которую выполняют школьные учителя – все эти вопросы в нашей стране возникали и ранее. Особенное значение данные проблемы приобретают в послевоенные годы, когда перед страной стояла задача быстрого восстановления разрушенной войной экономики, что было невозможно без квалифицированных, образованных кадров. Применение новых форм и методов учебной деятельности педагогов вызывает необходимость осмысления имеющегося исторического опыта, в том числе и на региональном уровне.

В последние годы в отечественной историографии появилось значительное количество работ, в которых проблемы деятельности средних общеобразовательных учреждений в послевоенные годы изучались на материалах различных регионов страны. Вместе с тем развитие системы школьного образования на территории Тюмени в данный период вплоть до настоящего времени не становилось предметом специального научного изучения. Следовательно, обращение к деятельности общеобразовательных учебных заведений областного центра в 1945–1953 гг. представляет определенный исследовательский интерес. Целью исследования является определение направлений трансформации учебного процес-

са в общеобразовательных учебных заведениях Тюмени в послевоенные годы. Реализации данной цели способствовали задачи работы, в числе которых стоит отметить анализ материальной базы тюменских школ, изучение кадрового состава учреждений образования, исследование содержания учебных программ в школах областного центра в послевоенные годы.

Методы и материалы. Основу работы составили не публиковавшиеся ранее архивные делопроизводственные и статистические материалы, нормативно-правовые акты, которые издавались в составе сборников документов в изучаемый период, а также сведения периодической печати послевоенных лет. Как уже отмечалось, за последнее десятилетие в историографии появилось значительное количество региональных исследований, касающихся проблемы школьного образования в изучаемый период. В этой связи особенный интерес представляет диссертация Е.О. Гладковой, посвященная восстановлению и развитию школьной системы в Нижнем Поволжье [5]. Также определенное значение имеет работа Е.С. Федоровой, в которой школьная система СССР анализируется на материалах Ульяновской области [36], и диссертация А.К. Шитова, касающаяся общеобразовательных школ Уральского региона [39]. Кроме того, в конце 2010-х гг. были опубликованы статьи Н.Н. Макаровой, Е.Л. Кожуховой [17] и Р.З. Алмаева [2], посвященные школам Магнитогорска и Южного Урала в 1945–1953 годах. Тем не менее на сегодняшний день в историографии отсутствуют работы, посвященные комплексному анализу проблемы деятельности средних общеобразовательных учебных заведений Тюмени – центра крупнейшей области страны в послевоенные годы, который в последующий период сыграет значительную роль не только в экономическом, но и культурном освоении новых регионов.

Анализ. В 1945/46 уч. г. в Тюмени действовали 24 школы: 16 – начальные, 4 – семилетние и 4 – средние [19, л. 3; 27, л. 2]. Еще во время Великой Отечественной войны – 16 июля 1943 г. – было издано Постановление СНК СССР «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек...». В соответствии с этим документом раздельное обучение в семилетних и десятилетних общеобразовательных учреждениях Тюмени стало осуществляться с 1944/45 уч. г. [3, с. 218], но полностью оно было реализовано только после войны начиная с 1 сентября 1946/47 уч. года. Среди средних общеобразовательных учреждений единственной мужской стала школа № 25, а школы № 26, 21 и 5 сделали женскими. Классы во всех этих учебных заведениях, за исключением старшего звена, были переполненными: в 1946/47 уч. г. в 1–4-х классах в среднем училось по 38 человек, в 5–7-х – по 34, в 8–10-х – по 25 человек [16, л. 67; 33, л. 30, 50]. Самой «загруженной» оказалась школа № 25, в которой на каждой параллели было по 6–8 классов, а в каждом классе, кроме 8–10-х, по 45–50 учеников [13, с. 26].

К 1952/53 уч. г. количество школ в Тюмени увеличилось до 26, при этом некоторые начальные школы были преобразованы в семилетние, а семилетние – в средние. Таким образом, в городе действовало 9 начальных, 8 семилетних и 9 средних школ [4, л. 18; 8, л. 47]. Однако, наряду с более чем двукратным ростом числа семилетних и десятилетних общеобразовательных учебных заведений в областном центре, на 29,3 % увеличилась и численность учащихся (подсчитано по: [12, л. 13; 19, л. 3; 24, л. 30, 37; 27, л. 2–8; 29, л. 15; 31, л. 37]).

Значимой проблемой школьного образования города в исследуемый период являлась материальная база учебных заведений. Отдаленность Тюмени от территории боевых действий позволила сохранить часть школьных зданий в удовлетворительном состоянии, однако некоторые из них, например, школы № 1, 2, 3, 5, 10, 14, 21, 22, 50, были заняты жильцами, госпиталями и различными организациями [9, л. 7]. 5 марта 1944 г. вышло Постановление СНК СССР «О порядке возвращения школьных зданий, используемых не по назначению», по которому все они должны были быть освобождены и к 15 августа 1945 г. подготовлены для нового учебного года [23]. Однако данное постановление было выполнено лишь частично. Большая часть школьных зданий города оказалась непригодна для обучения, серьезный ремонт требовался более 50 % школ, поэтому проблема восстановления и оборудования школ стала одной из наиболее приоритетных для городских властей.

Несмотря на то что школы города были мало подготовлены к началу образовательного процесса, 1 сентября 1945 г. ученики приступили к обучению. К этому времени отремонтированными и полностью готовыми к новому учебному году оказались лишь 3 из 24 школ Тюмени [11]. Ситуация несколько меняется к 1946/47 уч. г.: к этому времени были отремонтированы все четыре тюменские средние школы [14]; для школы № 25 после капитального ремонта открыли новое здание по ул. Первомайской, в котором ранее, с момента его постройки в 1935 г., размещалось педагогическое, а в военные годы – ремесленное училище [13, с. 26]. Однако во многих школах Тюмени ремонт затягивался и осуществлялся уже в течение учебного года силами педагогов и родителей. Важной проблемой учебных заведений в середине 1940-х гг. являлась нехватка электроэнергии. Наиболее существенно это затрудняло обучение в зимний период, когда общеобразовательные учреждения «теряли тысячи учебных часов» в утреннее и вечернее время, а некоторые школы, в связи с отключением электричества, полностью прекращали обучение. Данную проблему удалось решить лишь к концу исследуемого периода. В конце 1940 – начале 1950-х гг. ситуация с ремонтом, обеспечением школ мебелью и необходимым оборудованием значительно улучшилась. В 1948/49 и 1949/50 уч. гг. ремонт во всех школах Тюмени в основном завершился в положенный срок – к 1 августа [29, л. 49–55].

В исследуемый период в центре внимания местных органов власти находился кадровый вопрос в тюменских школах. В региональной прессе регулярно появлялись публикации, отражающие различные аспекты, связанные с кадровой проблемой в общеобразовательных учреждениях Тюмени [1]. К середине 1940-х гг. большая часть педагогов – 67,5 % (239 из 354) – имела опыт работы в школе от года до 5 лет, при этом число учителей, проработавших в педагогической сфере свыше 25 лет, составляло лишь 5,3 % (19 человек). К 1952/53 уч. г. педагогический стаж учителей заметно вырос: почти 57 % педагогов (288 из 506) трудилось в школе от 5 до 25 лет, правда, речь идет исключительно о штатных сотрудниках. В период с 1946 по 1953 г. в школах Тюмени почти на 43 % (с 354 до 506 человек) произошел рост численности штатных педагогов [15, л. 240; 24, л. 7, 24; 26, л. 29].

Особый интерес представляет анализ образовательного уровня тюменских учителей. Так, если в начале исследуемого периода подавляющее их большинство имело среднее педагогическое образование, то в 1947/48 уч. г. уже 20 % школьных педагогов (75 из 372) были с высшим образованием, 21 % (78 из 372) получили диплом учительского института, который давал право преподавания в семилетней школе. К концу изучаемого периода 39 % педагогов (198 из 506) имели высшее образование, количество школьных работников, окончивших учительский институт, составляло 27,7 % (140 из 506), а педагогическое училище – 33 % (167 из 506), при этом практически исчезла категория преподавателей, которые не имели специального профессионального образования [15, л. 240; 24, л. 7, 24; 33, л. 46]. Таким образом, в 1945–1953 гг. количество педагогических работников в тюменских школах, имевших высшее образование, заметно выросло. Вместе с тем данная проблема не была полностью решена. К 1951/52 уч. г. в городе не хватало 68 учителей с высшим образованием по целому ряду дисциплин, среди которых были учителя русского языка и литературы – 14 человек, математики – 14 человек, физики – 6 человек, биологии – 7 человек, иностранного языка – 8 человек [24, л. 5–6]. Еще более острой была проблема нехватки преподавателей со средним или высшим профессиональным образованием по специальным предметам: рисованию, музыке, физической культуре, трудовому обучению. Одной из проблем в школах города из-за нехватки кадров стала перегруженность штатных педагогов и привлечение на работу учителей-совместителей. Если в среднем по Тюмени недельная нагрузка школьного педагога составляла 21–24 часа, то в отдельных образовательных учреждениях она могла достигать 30–35 часов [15, л. 341], что негативно сказывалось на качестве работы учителей и затрудняло усвоение материала учащимися.

Самый большой недостаток в учительских кадрах в первые три послевоенных учеб-

ных года сохранялся в семилетних и средних школах города [33, л. 7]. Помогал в решении этой проблемы приток молодых специалистов в общеобразовательные учреждения. Высшее педагогическое учебное заведение в Тюмени делилось на педагогический и учительский институты. Выпускники первого имели право преподавать в 8–10 классах, второго – только в семилетней школе. Тюменский педагогический и учительский институты в 1945–1953 гг. выпускали учителей русского языка и литературы, физики, математики, истории, химии, биологии, географии, а также педагогов-филологов для татарских школ [7, л. 10–15, 30].

Все выпускники институтов получали путевки на работу со сроком явки по месту трудоустройства до 15 августа [6, л. 13]. Например, в 1946 г. дипломы Тюменского педагогического института получили 79 выпускников [34], в 1948 г. – 101 выпускник [7, л. 6], а в 1952 г. дипломированными учителями стали уже 230 человек [28, л. 3]. При этом в школе работали и выпускники, окончившие Тюменское педагогическое училище. Одновременно с трудовой деятельностью они могли получать заочное образование. В 1947 г. дипломы педагогического училища получили 52 человека. Однако проблему дефицита педагогических кадров в школах города полностью решить так и не удалось. Ежегодно в тюменские школы приезжали дипломированные специалисты из других регионов, прежде всего, из Омской, Томской и Свердловской областей. Так, в 1952 г. в Тюменскую область прибыло 766 молодых специалистов: 187 – с высшим, 334 – с незаконченным высшим, 245 – со средним специальным образованием [25, л. 59].

Администрация школ большое внимание уделяла работе с молодыми учителями. Для оказания методической помощи начинающим специалистам в средних и некоторых семилетних школах города существовала система наставничества. Кроме того, для совершенствования методики преподавания в Тюмени ежегодно проводились курсы повышения квалификации, которые часто проходили на базе Тюменского педагогического института и Института усовершенствования учителей. Наряду с этим в городе регулярно устраивались методические семинары и выставки, на которых демонстрировался опыт работы передовых учителей. Площадками для них, чаще всего, выступали средняя школа № 25 и Тюменский педагогический институт. Нередко и сами учителя просили отправлять их на курсы повышения квалификации. Одна из причин учительской инициативы в этом вопросе – неспособность самостоятельно разобраться в новых учебных планах, которые начали внедряться в общеобразовательные учреждения города в 1946 году. Инициативу учителей в повышении квалификации активно поддерживал городской отдел народного образования, привлекая для этого Институт усовершенствования учителей и педагогов-новаторов, а также используя ежегодные августовские учительские совещания в качестве «трибуны передового педагогического опыта» [15, л. 16–19].

В исследуемый период важным оставался и вопрос методической подготовки педагогов. Необходимо отметить, что многие тюменские педагоги активно использовали современные на тот момент формы и приемы преподавания: организовывали конференции и экскурсии, проводили лабораторные работы, придумывали разные сценарии для повторительно-обобщающих уроков, регулярно применяли наглядный материал в обучении, использовали индивидуальный подход к ученикам. Для распространения педагогического опыта при Тюменском институте усовершенствования учителей действовал методический кабинет, который, начиная с 1951 г., помогал готовить «выставки достижений передовых учителей-новаторов», приуроченные к августовским учительским совещаниям. Вместе с тем благодаря стараниям самих школьных педагогов постепенно в семилетних и средних школах создавались собственные методические объединения по многим предметам. Имена лучших учителей публиковали в «Тюменской правде», а наиболее талантливых из них премировали государственными наградами.

Методические объединения в школах давали положительные результаты, однако еще в начале исследуемого периода назрела необходимость создания организации, которая могла бы координировать методическую деятельность всех школ города и области. Так, 13–14 августа 1947 г. в Тюмени состоялся Первый областной съезд учителей. Это было

самое крупное событие в педагогической сфере региона после окончания Великой Отечественной войны. В работе съезда принимал участие 501 человек, 197 из них были учителями начальных, семилетних и средних общеобразовательных учреждений, остальные делегаты – это директора и завучи школ, заведующие отделами народного образования и педагогическими кабинетами. Большинство учителей, прибывших на съезд, – 172 человека (87,3 %) – имели стаж работы в школе более 15 лет. На встрече обсуждались вопросы эффективной организации педагогического процесса; методики преподавания различных школьных дисциплин и внеурочных занятий, например, проведения экскурсий, политинформаций; «распространения педагогического опыта лучших учителей» региона. Важной на съезде стала проблема контроля качества обучения [22]. Помимо данного съезда в Тюмени в 1945–1953 гг. регулярно проводились августовские учительские совещания, где школьные педагоги обсуждали задачи, которые ставились перед ними в начале каждого нового учебного года. Активной формой работы с учителями стало также проведение городских и областных педагогических чтений [30, л. 43].

Весомую роль в школах Тюмени играла педагогическая практика студентов. В педагогическом институте она проходила на III и IV курсах, в учительском институте – на II, в педучилище – на IV курсе [6, л. 46, 48; 18, л. 19; 35, л. 5–11]. Практика студентов пединститута в основном проходила в трех школах Тюмени – № 4, 21 и 25, а выпускников педучилища – в начальных классах семилетних и средних школ города [6, л. 46–49; 7, л. 47]. Общее количество студентов, прошедших педагогическую практику, росло из года в год, и в 1951/52 уч. г. только в пединституте составило 818 человек, что было рекордом за послевоенное время [28, л. 7].

В исследуемый период урок продолжал оставаться одним из основополагающих элементов обучения, однако послевоенное время требовало изменения учебных планов, и с 1946 г. все школы региона перешли на новую образовательную программу. Если в период Великой Отечественной войны большое внимание уделялось военной подготовке, и данный предмет преподавался не только юношам, но и девушкам, то с 1946/47 уч. г. эта дисциплина отменялась у девушек и мальчиков 5–7-х классов. Вместе с тем в учебном плане сохранилась допризывная военно-физическая подготовка в объеме 2 часа в неделю для юношей 8–10-х классов [21, с. 134]. Помимо этого, у юношей 9-х классов в конце учебного года обязательными были военно-полевые сборы в течение 20 дней, которые завершались участием в стрельбах на полигоне озера Андреевское. Военно-физической подготовке учащихся уделялось большое внимание как в теоретическом, так и практическом плане. Ребята изучали противовоздушную, химическую и санитарную оборону, сдавали нормы всесоюзного физкультурного комплекса «Будь готов к труду и обороне СССР» (БГТО).

С завершением войны в школах города стало меньше уроков физической культуры. У учащихся 5–7-х классов физкультура преподавалась 2 раза в неделю, а у старшеклассников – 1 раз. Спортивный инвентарь в первые послевоенные годы оставался скудным даже у крупных общеобразовательных учреждений города. У некоторых школ спортзалов не было совсем, а уроки физкультуры проходили в актовом зале [20, л. 119–120]. Руководство многих учебных заведений решало данную проблему, оборудуя на территории своих школ спортивные площадки. Первые такие площадки появились рядом со школами № 4, 5, 10, 21, 25, 26. На них обычно располагались волейбольное / баскетбольное поле, беговая дорожка, полоса препятствий для сдачи норм БГТО, яма для прыжков [20, л. 120, 122].

В новой образовательной программе, прежде всего для начальной школы, было предусмотрено тщательное изучение русского языка, что являлось основной особенностью нового учебного плана. Увеличение количества часов на изучение данного предмета, изменение методики его преподавания произошло также в средних и старших классах [29, л. 68]. Анализ экзаменационных изложений учащихся 5–7-х классов в 1952 г. показал, что основная часть тюменских школьников справилась с заданием удовлетворительно. Особое внимание в эти годы уделялось литературе и различным методам работы

с художественными произведениями – от-читательских конференций до литературных вечеров [22]. Большое значение при изучении литературы имели современные произведения советских авторов: В.П. Катаева, В.А. Каверина, А.А. Фадеева, Б.Н. Полевого и А.П. Гайдара.

Определенную сложность для учащихся представляли такие предметы, как математика, химия и физика. Не только в отчетной документации общеобразовательных учреждений, городского и областного отделов народного образования, но также и в региональной газете «Тюменская правда» отмечалось, что знания школьников по этим предметам «носят отрывочный характер», старшеклассники часто «не в состоянии применять» их на практике [37]. В 1946/47 уч. г. в 8–10-х классах не был выполнен минимум лабораторных работ по физике и химии во всех школах города. Корреспонденты сообщали, что на экзамене по физике у учащихся обнаружилась «приборобоязнь», уверенно владея теоретической частью курса, выпускники «оказывались беспомощными», когда им предлагали «продемонстрировать какие-нибудь явления, пользуясь приборами» [38].

С 4-го класса в тюменских школах начиналось преподавание курса истории. Педагоги-историки ежегодно проводили методические семинары на площадках Тюменского педагогического института или средней школы № 25 [15, л. 115; 32, л. 46]. Учителя города использовали разные формы и приемы деятельности на уроках истории, однако особую популярность среди них получили такие, как экскурсия и исторические вечера. В исследуемый период развивалось и школьное краеведение. По сообщениям облоно, краеведческой работой в Тюмени к 1952 г. было охвачено около 33 % учащихся. Несмотря на активную работу учителей, однообразие методов преподавания истории в школах отмечали как сами педагоги, так и представители гороно. В качестве недостатков часто называлось механическое заучивание учащимися материала, «вопросно-ответная проверка домашнего задания», «слабое использование фильмоскопов», которые имелись в каждой школе, но «продолжали стоять нетронутыми в шкафах» [31, л. 31; 32, л. 46–47].

Серьезной проблемой для тюменских школ оставались неуспеваемость и второгодничество. Самая низкая успеваемость в первые послевоенные годы существовала в семилетних школах, где количество учеников, оставленных на второй год, составляло почти 10 % [15, л. 24–25, 60]. С 1948/49 уч. г. в школах Тюмени ввели систему оставления учащихся в классе после учебной смены для подготовки невыученных уроков и дополнительных занятий с учителями, но проблема второгодничества не исчезла до конца исследуемого периода. В 1952 г. больше всего учеников, оставленных на повторное обучение, было в 3-х, 5-х и 6-х классах [12, л. 14].

21 июня 1944 г. вышло Постановление СНК СССР «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе», в котором говорилось о введении обязательной сдачи выпускных экзаменов по окончании начальной и семилетней школы (в 4-х и 7-х классах). В 5–6-х и 8–9-х классах по основным предметам учащиеся сдавали переводные экзамены. Ученики 10-х классов завершали обучение сдачей экзаменов по основным учебным дисциплинам за среднюю школу на «аттестат зрелости», а лучшие выпускники получали золотые и серебряные медали.

Первые экзамены на «аттестат зрелости» тюменские школьники стали сдавать в мае 1945 года. К итоговым испытаниям, как и в целом по стране, допускались лишь десятиклассники, имеющие по всем предметам не ниже удовлетворительных оценок, при отличном поведении. Начинались выпускные экзамены с сочинения. Если ученик получал за него неудовлетворительную оценку, то он не допускался до остальных экзаменов, пересдача которых происходила только через год. В 1951 г. лучшими в Тюмени по качеству подготовки к экзаменам на «аттестат зрелости» были названы средние женские школы № 21 и 26, в 1952 г. – средняя мужская школа № 25 [10].

Результаты. Послевоенные годы стали важным временем трансформации учебного процесса в школах Тюмени, обусловив его переход к мирному времени. В исследуемый период расширяется сеть учебных заведений города, растет и численность учащихся. Вместе с тем в середине 1940 – начале 1950-х гг. остается нерешенным целый ряд проблем,

которые касались низкого технического состояния учебных заведений и многосменности занятий. В послевоенные годы в школах города происходит рост количества, повышается стаж и уровень образования педагогических кадров. Тем не менее определенный дефицит учителей в тюменских школах сохранялся. Некоторому его преодолению способствовали ежегодные выпуски молодых специалистов из тюменских педагогического и учительского институтов, педучилища, а также привлечение педагогических кадров из других регионов страны. В исследуемый период существенно вырос методический уровень подготовки педагогов, чему способствовали регулярные учительские совещания и педагогические съезды, методические семинары и курсы повышения квалификации, в которых принимали участие молодые специалисты. В послевоенные годы подверглись существенным изменениям и образовательные программы тюменских школ. В учебных планах сократилось количество часов на занятия по военной подготовке и физической культуре. Вместе с тем большее внимание стало уделяться общеобразовательным дисциплинам: русскому языку, литературе, математике, физике и другим предметам, по которым начинается настоящая борьба за повышение успеваемости учащихся, результатом которой становится получение школьниками «аттестатов зрелости».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. III сессия Тюменского областного Совета депутатов трудящихся. Дневник заседаний // Тюменская правда. 1945. 22 июля (№ 146 (209)). С. 2.

2. Алмаев Р. З. Обеспечение кадрами советских школ Южного Урала в послевоенный период 1945–1956 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17, № 4. С. 914–941. DOI: https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-914-941

3. Бей О. Н. Тюменские школы в годы Великой Отечественной войны // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 2001. С. 211–228.

4. Ведомости на зарплату учителям // ГБУТО ГАТО. Ф. Р894. Оп. 2. Д. 16. 80 л.

5. Гладкова Е. О. Восстановление и развитие школьной системы в Нижнем Поволжье в 1945–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2012. 24 с.

6. Годовой текстовый отчет института о работе за 1946/47 уч. г. // ГБУТО ГАТО. Ф. Р765. Оп. 1. Д. 53. 78 л.

7. Годовой текстовой отчет института о работе за 1947/48 уч. г. // ГБУТО ГАТО. Ф. Р765. Оп. 1. Д. 57. 50 л.

8. Годовой финансовый отчет гороно за 1953 год // ГБУТО ГАТО. Ф. Р86. Оп. 1. Д. 94. 77 л.

9. Доклад, стенограмма выступления на XX сессии горсовета // ГБУТО ГАТО. Ф. Р5. Оп. 1. Д. 451. 194 л.

10. Завтра экзамен в школах // Тюменская правда. 1951. 20 мая (№ 98 (1710)). С. 1.

11. За успехи в новом учебном году! // Тюменская правда. 1945. 1 сент. (№ 175 (238)). С. 1.

12. Заседание коллегии Министерства просвещения и директоров педучилищ облоно // ГБУТО ГАТО. Ф. Р1823. Оп. 1. Д. 76. 496 л.

13. Иванова Л. В. История тюменской школы № 25 в воспоминаниях, цифрах и фактах: 1935–2015. Тюмень: Вектор Бук, 2015. 191 с.

14. Иринина Л. Своевременно подготовить школы к учебному году // Тюменская правда. 1946. 11 авг. (№ 156 (476)). С. 2.

15. Итоги работы школ // ГБУТО ГАТО. Ф. Р1823. Оп. 1. Д. 35. 588 л.

16. Копия приказа Тюменского гороно об учебно-воспитательной, внеклассной и культурно-массовой работе школ г. Тюмени // ГБУТО ГАТО. Ф. Р86. Оп. 1. Д. 77. 105 л.

17. Макарова Н. Н., Кожухова Е. Л. Общеобразовательная школа в 1945–1953 гг.: основные тенденции развития (по материалам Магнитогорска) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. № 46 (2). С. 337–345.

18. Областное совещание зав. райгороно области // ГБУТО ГАТО. Ф. Р1823. Оп. 1. Д. 48. 92 л.

19. Отчет по учету детей и подростков, подлежащих всеобщему школьному обучению // ГБУТО ГАТО. Ф. Р1823. Оп. 1. Д. 16. 57 л.

20. Отчет физкультурных обществ о работе // ГБУТО ГАТО. Ф. Р309. Оп. 1. Д. 29. 148 л.

21. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР, 1941–1961 гг. М.: Педагогика, 1988. 270 с.

22. Первый областной съезд учителей. Утреннее и вечернее заседания 13 августа // Тюменская правда. 1947. 15 авг. (№ 159 (734)). С. 2.

23. Подготовка школ к новому учебному году // Тюменская правда. 1945. 7 июня (№ 114 (177)). С. 2.

24. Полугодовой статистический отчет гороно о численности и составе руководящих кадров, спе-

циалистов, о количестве учащихся, их успеваемости, числе школ за 1951–1956 годы // ГБУТО ГАТО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 90. 96 л.

25. Приказ заведующего Тюменским облоно, относящийся к деятельности гороно, переписка с ним по учебной и воспитательной работе // ГБУТО ГАТО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 75. 74 л.

26. Приказ Тюменского облоно по основной деятельности // ГБУТО ГАТО. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 46. 156 л.

27. Сведения о фактическом контингенте учащихся на 1 января 1946 г. и о всеобуче на 1 сентября 1945 г. // ГБУТО ГАТО. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 20. 87 л.

28. Смета по бюджету института и базовой семилетней школы № 6 на 1952 г. // ГБУТО ГАТО. Ф. 765. Оп. 1. Д. 105. 23 л.

29. Смета по бюджету, штатные расписания д/домов // ГБУТО ГАТО. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 130. 698 л.

30. Справка о состоянии работы школ в Тюменской области // ГБУТО ГАТО. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 139. 85 л.

31. Текстовой годовой отчет гороно и методического кабинета за 1952/53 уч. год // ГБУТО ГАТО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 92. 61 л.

32. Текстовой годовой отчет о работе школ г. Тюмени за 1946/47 уч. год // ГБУТО ГАТО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 69. 82 л.

33. Текстовой отчет о работе школ г. Тюмени за первое полугодие 1947/48 уч. года // ГБУТО ГАТО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 71. 50 л.

34. Тюменский педагогический институт // Тюменская правда. 1946. 19 мая. № 96 (416). С. 4.

35. Учебные планы по специальностям для педагогических и учительских институтов с распределением по курсам и семестрам // ГБУТО ГАТО. Ф. 765. Оп. 1. Д. 44. 37 л.

36. Федорова Е. С. Развитие общего (школьного) образования в СССР в 1940–1957 гг. (на материалах Ульяновской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2023. 22 с.

37. Хазов А. Заметки об идейном воспитании школьников // Тюменская правда. 1947. 16 февр. (№ 34 (609)). С. 2.

38. Хазов А. Устранить недостатки в подготовке к экзаменам // Тюменская правда. 1947. 13 мая (№ 91 (666)). С. 3.

39. Шитов А. К. Общеобразовательная школа на Урале в 1945–1958 гг.: обеспечение и организация образовательного процесса: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2021. 24 с.

REFERENCES

1. III sessija Tjumenskogo oblastnogo Soveta deputatov trudjashhihsja. Dnevnik zasedanij [The 3rd Session of the Tyumen Regional Council of Workers' Deputies. Meeting Diary]. *Tjumenskaja pravda*, 1945, 22 ijulja (no. 146 (209)), p. 2.

2. Almaev R.Z. Obespechenie kadrami sovetskih shkol Juzhnogo Urala v poslevoennyj period 1945–1956 gg. [Provision of Personnel for Soviet Schools in the Southern Urals in the Post-War Period 1945–1956]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Istorija Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 914-941. DOI: https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-914-941

3. Bej O.N. Tjumenskie shkoly v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Tyumen Schools During the Great Patriotic War]. *Ezhegodnik Tjumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeja* [Yearbook of the Tyumen Regional Museum of Local Lore]. Tyumen, 2001, pp. 211-228.

4. Vedomosti na zarplatu uchiteljam [Payroll for Teachers]. *GBUTO GATO*, f. R894, inv. 2, d. 16. 80 l.

5. Gladkova E.O. *Vosstanovlenie i razvitie shkolnoj sistemy v Nizhnem Povolzhye v 1945–1953 gg.*: *avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Restoration and Development of the School System in the Lower Volga Region in 1945–1953. Cand. hist. sci. diss.] Volgograd, 2012. 24 p.

6. Godovoj tekstovyj otchet instituta o rabote za 1946/47 uch. g. [Annual Text Report of the Institute on the Work for Academic Years 1946/47]. *GBUTO GATO*, f. R765, inv. 1, d. 53. 78 l.

7. Godovoj tekstovoj otchet instituta o rabote za 1947/48 uch. g. [Annual Text Report of the Institute on the Work for Academic Years 1947/48]. *GBUTO GATO*, f. R765, inv. 1, d. 57. 50 l.

8. Godovoj finansovyj otchet gorono za 1953 god [Annual Financial Report of the School District for 1953]. *GBUTO GATO*, f. R86, inv. 1, d. 94. 77 l.

9. Doklad, stenogramma vystuplenija na XX sessii gorsoveta [Report, Transcript of Speech at the 20th Session of the City Council]. *GBUTO GATO*, f. R5, inv. 1, d. 451. 194 l.

10. Zavtra ekzamen v shkolah [School Exam Tomorrow]. *Tjumenskaja pravda*, 1951, May 20 (no. 98 (1710)), p. 1.

11. Za uspehi v novom uchebnom godu! [For Success in the New Academic Year!]. *Tjumenskaja pravda*, 1945, Sept. 1 (no. 175 (238)), p. 1.

12. Zasedanie kollegii Ministerstva prosveshhenija i direktorov peduchilishh oblono [Meeting of the Board of the Ministry of Education and Directors of Pedagogical Schools in the Regional Department of Public Education]. *GBUTO GATO*, f. R1823, inv. 1, d. 76. 496 l.

13. Ivanova L.V. *Istorija tjumenskoj shkoly № 25 v vospominanijah, cifrah i faktah: 1935–2015* [History of Tyumen School No. 25 in Memoirs, Figures and Facts: 1935–2015]. Tyumen, Vektor Buk Publ., 2015. 191 p.

14. Irinina L. Svoevremenno podgotovit shkoly k uchebnomu godu [Timely Prepare Schools for the

Academic Year]. *Tjumenskaja pravda*, 1946, Aug. 11, (no. 156 (476)), p. 2.

15. Itogi raboty shkol [Results of the Work of Schools]. *GBUTO GATO*, f. R1823, inv. 1, d. 35. 588 l.

16. Kopija prikaza Tjumenskogo gorono ob uchebno-vospitatelnoj, vneklassnoj i kulturno-massovoj rabote shkol g. Tjumeni [Copy of the Order of the Tyumen School District on Educational, Extracurricular and Cultural Work of Schools in the City of Tyumen]. *GBUTO GATO*, f. R86, inv. 1, d. 77. 105 l.

17. Makarova N.N., Kozhuhova E.L. Obshheobrazovatelnaja shkola v 1945–1953 gg.: osnovnye tendencii razvitija (po materialam Magnitogorska) [General Education School in 1945–1953: Main Development Trends (Based on Materials from Magnitogorsk)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija* [Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: History. Political Science], 2019, no. 46 (2), pp. 337-345.

18. Oblastnoe soveshhanie zav. rajgorono oblasti [Regional Meeting of Heads of School Districts]. *GBUTO GATO*, f. R1823, inv. 1, d. 48, 92 l.

19. Otchet po uchetu detej i podrostkov, podlezhashhih vseobshhemu shkol'nomu obucheniju [Report on the Registration of Children and Adolescents Subject to Universal Schooling]. *GBUTO GATO*, f. R1823, inv. 1, d. 16. 57 l.

20. Otchet fizkulturnyh obshhestv o rabote [Sports Societies Report on Work]. *GBUTO GATO*, f. R309, inv. 1, d. 29. 148 l.

21. *Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoj mysli narodov SSSR, 1941–1961 gg.* [Essays on the History of the School and the Pedagogical Thought of the Peoples of the USSR, 1941–1961]. Moscow, Pedagogika Publ., 1988. 270 p.

22. Pervyj oblastnoj syezd uchitelej. Utrennee i vechernee zasedanija 13 avgusta [First Regional Congress of Teachers. Morning and Evening Sessions on 13 August]. *Tjumenskaja pravda*, 1947, Aug. 15 (no. 159 (734)), p. 2.

23. Podgotovka shkol k novomu uchebnomu godu [Preparing Schools for the New School Year]. *Tjumenskaja pravda*, 1945, June 7 (no. 114 (177)), p. 2.

24. Polugodovoj statisticheskij otchet gorono o chislennosti i sostave rukovodjashhih kadrov, specialistov, o kolichestve uchashhihsja, ih uspevaemosti, chisle shkol za 1951–1956 gody [Semi-Annual Statistical Report of the School District on the Number and Composition of Leading Personnel, Specialists, on the Number of Students, Their Academic Performance, and the Number of Schools for 1951–1956]. *GBUTO GATO*, f. 86, inv. 1, d. 90. 96 l.

25. Prikaz zavedujushhego Tjumenskim oblono, otnosjashhijsja k dejatelnosti gorono, perepiska s nim po uchebnoj i vospitatelnoj rabote [Order of the Head of the Tyumen Regional Board of Education, Related to the Activities of the School District, Correspondence with Them on Educational and Educational Work]. *GBUTO GATO*, f. 86, inv. 1, d. 75. 74 l.

26. Prikaz Tjumenskogo oblono po osnovnoj dejatelnosti [Order of the Tyumen School District for Core Business]. *GBUTO GATO*, f. 1823, inv. 1, d. 46. 156 l.

27. Svedenija o fakticheskom kontingente uchashhihsja na 1 janvarja 1946 g. i o vseobuche na 1 sentjabrja 1945 g. [Information on the Actual Student Body as of January 1, 1946 and on General Education as of September 1, 1945]. *GBUTO GATO*, f. 1823, inv. 1, d. 20. 87 l.

28. Smeta po bjudzhetu instituta i bazovoj semiletnej shkoly № 6 na 1952 g. [Budget Estimates of the Institute and the Basic Seven-Year School No. 6 for 1952]. *GBUTO GATO*, f. 765, inv. 1, d. 105. 23 l.

29. Smeta po bjudzhetu, shtatnye raspisanija d/domov [Budget Estimate, Staffing Schedules for Orphanages]. *GBUTO GATO*, f. 1823, inv. 1, d. 130. 698 l.

30. Spravka o sostojanii raboty shkol v Tjumenskoj oblasti [Information About the State of Work of Schools in the Tyumen Region]. *GBUTO GATO*, f. 1823, inv. 1, d. 139. 85 l.

31. Tekstovoj godovoj otchet gorono i metodicheskogo kabineta za 1952/53 uch. god [Text Annual Report of the School District and Methodics Department for Academic Years 1952/53]. *GBUTO GATO*, f. 86, inv. 1, d. 92. 61 l.

32. Tekstovoj godovoj otchet o rabote shkol g. Tjumeni za 1946/47 uch. god [Text Annual Report on the Work of Schools in the City of Tyumen for Academic Years 1946/47]. *GBUTO GATO*, f. 86, inv. 1, d. 69. 82 l.

33. Tekstovoj otchet o rabote shkol g. Tjumeni za pervoe polugodie 1947/48 uch. goda [Text Report on the Work of Schools in the City of Tyumen for the First Half of Academic Years 1947/48]. *GBUTO GATO*, f. 86, inv. 1, d. 71. 50 l.

34. Tjumenskij pedagogicheskij institute [Tyumen Pedagogical Institute]. *Tjumenskaja pravda*, 1946, May 19 (no. 96 (416)), p. 4.

35. Uchebnye plany po specialnostjam dlja pedagogicheskih i uchitelskih institutov s raspredeleniem po kursam i semestram [Curricula by Specialties for Pedagogical and Teacher's Institutes with Distribution by Courses and Semesters]. *GBUTO GATO*, f. 765, inv. 1, d. 44. 37 l.

36. Fedorova E.S. *Razvitie obshhego (shkolnogo) obrazovanija v SSSR v 1940–1957 gg. (na materialah Uljanovskoj oblasti): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Development of General (School)

Education in the USSR in 1940–1957 (On the Materials of the Ulyanovsk Region). Cand. hist. sci. diss.]. Saransk, 2023. 22 p.

37. Hazov A. Zametki ob idejnom vospitanii shkolnikov [Notes on the Ideological Education of Schoolchildren]. *Tjumenskaja pravda*, 1947, Febr. 16 (no. 34 (609)), p. 2.

38. Hazov A. Ustranit nedostatki v podgotovke k ekzamenam [Eliminate Shortcomings in Exam Preparation]. *Tjumenskaja pravda*, 1947, May 13 (no. 91 (666)), p. 3.

39. Shitov A.K. *Obshheobrazovatelnaja shkola na Urale v 1945–1958 gg.: obespechenie i organizacija obrazovatelnogo processa: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [General Education School in Ural in 1945–1958: Provision and Organization of the Educational Process. Cand. hist. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2021. 24 p.

Information About the Authors

Elena V. Borodulina, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and World Politics, Tyumen State University, Motorostroiteley St, 12, 625001 Tyumen, Russian Federation, E.V. Borodulina@utmn.ru, https://orcid.org//0000-0002-0324-927X

Artyom V. Skochin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and World Politics, Tyumen State University, Flotskaya St, 57, 625001 Tyumen, Russian Federation, A.V.Skochin@utmn.ru, https://orcid.org//0000-0003-2767-8199

Информация об авторах

Елена Викторовна Бородулина, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и мировой политики, Тюменский государственный университет, ул. Моторостроителей, 12, 625001 г. Тюмень, Российская Федерация, E.V. Borodulina@utmn.ru, https://orcid.org//0000-0002-0324-927X

Артем Васильевич Скочин, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и мировой политики, Тюменский государственный университет, ул. Флотская, 57, 625001 г. Тюмень, Российская Федерация, A.V.Skochin@utmn.ru, https://orcid.org//0000-0003-2767-8199

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.14

UDC 94(470+571):331.5
LBC 63.3(2)6-2

Submitted: 30.04.2024
Accepted: 14.07.2024

THE HISTORY OF THE GENERATIONAL EVOLUTION OF THE LABOR MARKET: INDICATORS AND RESULTS (BASED ON THE MATERIALS OF THE POPULATION CENSUSES IN THE VOLGOGRAD REGION IN 1979–2002)

Tatiana B. Ivanova

Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The relevance and purpose of this study are determined by the importance of the labor market in regional development. The choice of an object is determined by the formation of an able-bodied population in different social conditions over a relatively short historical period of time and the need for assessment for subsequent forecasting of the changes that have occurred due to this. *Materials and methods.* The open materials of the All-Union (1979) and All-Russian (1989 and 2002) population censuses were used. Historical-evolutionary, historical-comparative, and statistical approaches, as well as the method of groupings based on the theory of generations, are applied. *Results.* For generations silent, baby boomers, X, Y (millennials), and Z, such characteristics as the share in the population, the ratio by sex, place of residence, features of sources of livelihood, types of activities, groups of occupations, and others were revealed. Their differences in the conditions of centralized, transitional, market-based public relation and commonality due to the general biological and digital conditions of formation, as well as the influence of these factors on the nature and depth of processing of the recorded indicators, are shown. *Conclusions*. The increasing propensity of younger generations to perform skilled labor functions, low willingness to engage in unskilled labor, and interest in diversifying activities. This implies the need for further restructuring of the labor relations system and methods of forecasting the appropriate directions of its transformation.
Funding. The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation and the Committee for Economic Policy and Development of the Volgograd Region, grant No. 24-28-20066, https://rscf.ru/project/24-28-20066/

Key words: labor market, population census, 1979, 1989, 2002, Volgograd region, generations.

Citation. Ivanova T.B. The History of the Generational Evolution of the Labor Market: Indicators and Results (Based on the Materials of the Population Censuses in the Volgograd Region in 1979–2002). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 164-172. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.14

УДК 94(470+571):331.5
ББК 63.3(2)6-2

Дата поступления статьи: 30.04.2024
Дата принятия статьи: 14.07.2024

ИСТОРИЯ ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ РЫНКА ТРУДА: ПОКАЗАТЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ 1979–2002 гг.)

Татьяна Борисовна Иванова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

© Иванова Т.Б., 2024

Аннотация. *Введение.* Актуальность и цель данного исследования определяются значимостью рынка труда в региональном развитии. Выбор объекта определен формированием на относительно небольшом историческом отрезке времени трудоспособного населения в разных общественных условиях и необходимостью оценки для последующего прогнозирования произошедших за счет этого изменений. *Материалы и методы*. Использованы открытые материалы Всесоюзной (1979) и Всероссийских (1989 и 2002) переписей населения. Применены историко-эволюционный, историко-сравнительный, статистический подходы, а также метод группировок, основанный на теории поколений. *Результат.* Для поколений молчаливые, бэбибумеры, X, Y (милениумы), Z выявлены такие характеристики, как доля в численности населения, соотношение по полу, месту проживания, особенности источников средств существования, видам деятельности, группам занятий и др. Показаны их различия в условиях централизованных, переходных, рыночных общественных связей, общность за счет общебиологических и цифровых условий формирования, а также влияние этих факторов на характер и глубину обработки фиксируемых показателей. *Выводы.* Нарастание у более молодых поколений склонности к выполнению квалифицированных трудовых функций, низкая готовность к занятиям неквалифицированным трудом, заинтересованность в диверсификации деятельности. Это предполагает необходимость дальнейшей перестройки системы трудовых отношений и методик прогнозирования целесообразных направлений ее трансформации. *Финансирование.* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда и Комитета экономической политики и развития Волгоградской области, грант № 24-28-20066, https://rscf.ru/project/24-28-20066/

Ключевые слова: рынок труда, перепись населения, 1979 г., 1989 г., 2002 г., Волгоградская область, поколения.

Цитирование. Иванова Т. Б. История поколенческой эволюции рынка труда: показатели и результаты (по материалам переписей населения в Волгоградской области 1979–2002 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 164–172. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.14

Введение. Все больший период времени отделяет нас от существования централизованной экономики. Прошедшие годы становятся историей для новых поколений, которую необходимо также тщательно изучать, как и события прошлых веков, формируя целостную картину постоянно изменяющегося мира. Одним из актуальных направлений таких исследований является рынок труда как динамичный ресурс, определяющий, с одной стороны, возможности развития производства, с другой – отражающий достигнутый уровень качества жизни. В настоящее время дефицит трудовых ресурсов, цифровизация экономики, платформенная занятость обусловили пристальное внимание к специфике формирования и использования кадров со стороны самых различных государственных органов. Например, на расширенном заседании Государственного Совета 21 сентября 2023 г. рассматривался вопрос «О развитии рынка труда в Российской Федерации» [14].

Цель и новизна исследования данной статьи заключаются в выявлении закономерностей эволюции показателей и результатов оценки рынка труда на основе материалов переписей населения 1979, 1989 и 2002 гг. в их диалектической взаимосвязи с трансформацией социально-экономических отношений с учетом поколенческих изменений населения в разрезе конкретного региона – Волгоградской области.

Первые преимущественно изучаются социологическими методами для обоснования поведенческих отличий у лиц разных возрастов [9; 13], а также различий восприятия ими привлекательности региона [17], в проявлении социальной активности [11], участия в воспроизводстве региональной интеллектуальной элиты [16].

Социально-экономические характеристики регионов исследуются на основе широкого круга статистической текущей информации, а материалы переписей учитываются в том случае, если они были недавно получены или их показатели иным образом не фиксируются [15]. Это относится и к фундаментальным работам по рынку труда [7].

Таким образом, предметом специального исследования данная тема еще не становилась. В рамках же стоящей перед регионом задачи устойчивого развития во всех областях предложенный подход позволяет сформировать новую базу данных для принятия уп-

равленческих решений по закреплению жителей на территории области.

Материалы и методы исследования. Материалами исследования являются открытые данные указанных выше переписей. Для анализа приведенных в них результатов были использованы такие методы, как историко-эволюционный, историко-сравнительный, статистический, а также метод группировок, основанный на теории поколений, в которой выделяются молчаливые – рожденные в 1925–1944 гг., бэби-бумеры – 1944–1967 гг., поколение X – 1967–1984 гг., Y (милениумы) – 1984–2000 гг., Z – 2000–2015 гг., в том числе с 2011 г. – альфа [18]. Чем моложе поколение, тем в большей мере для них важны свобода и комфортные условия труда по сравнению с высокими заработками, большая готовность к перемене мест жительства и профессий. Использование поколенческого подхода позволяет расширить исторические характеристики рынка труда за счет учета психологических особенностей населения различных возрастов.

Анализ. Рассматриваемый период характеризуется следующими особенностями общественного производства [10]. 70-е гг.: снижение темпов роста ВВП и рождаемости, рост дефицита промышленных товаров, увеличение числа дач и приусадебных участков. В 80-е гг. для перелома негативных тенденций вводятся хозрасчет и самофинансирование, развиваются кооперация и предпринимательство. В 1988 г. начинаются перебои с поставками продукции, выплатами зарплат. 1991 г. – распад СССР, 1992–1998 гг. – снижение ВВП на 40 %, промышленного производства на 55 %, либерализация цен, инфляция, безработица, челноки, рост числа подрабатывающих в 3 раза, миграционные процессы. В 1998 г. – начало оживления, в 2000 г. ВВП ускорился на 10 %, расширяются предпринимательство, иностранные инвестиции, возобновляют работу старые производства, появляются новые.

Анализ показателей эволюции рынка труда в материалах переписи населения 1979, 1989 и 2002 годов. Число показателей, отражающих характеристики рынка труда, при проведении переписей указанных периодов является незначительным. Для 1979 г., периода от централизованной до цифровой экономики, характерны измерения численности населения всего, городского и сельского, распределение по полу, возрасту, единственному источнику средств существования. В переписи 1989 г. по последнему показателю возможно уже два варианта ответа, что отражает становление рыночных отношений в тот период. В остальном показатели, характеризующие рынок труда, совпадают с рассчитываемыми по переписи 1979 года. Существенно изменилось качество показателей в материалах переписи 2002 г. (период, относящийся к рыночной экономике с развивающейся цифровизацией). Были введены детальные группировки по возрасту и источникам средств существования, видам деятельности, группам занятий, по виду деятельности и положению в характере занятости, по укрупненным возрастным группам (моложе, старше и трудоспособного возраста) и продолжительности проживания в текущем месте жительства. Такие изменения обусловлены, с одной стороны, усилением многовариантности форм трудовой деятельности, с другой – расширением технических возможностей обработки информации. То есть усиление рыночного характера, цифровизации экономики, нарастание миграционных проблем существенно меняют измеряемые показатели и детализацию их обработки, а это даже по открытым данным дает новые исследовательские возможности.

Анализ результатов эволюции рынка труда Волгоградской области по материалам переписи населения 1979, 1989 и 2002 годов. В материалах переписи 1989 г. данных о численности населения в трудоспособном возрасте нет, поэтому для получения сопоставимых результатов приводятся результаты расчетов числа жителей Волгоградской области в возрасте 16–64 года (см. табл. 1). Оно возрастает как по величине, так и по доле по сравнению с 1979 г., хотя за период с 1989 по 2002 г. несколько снизилось число мужчин на 1 000 женщин и городских жителей на 1 000 сельских.

Поколенческая характеристика трудоспособного населения Волгоградской области дана в таблице 2. В ней не приводится доля жителей, родившихся ранее 1925 г., которые не рассматриваются в теории поколений. В 1979 и 1989 гг. наибольший удельный вес населения составили бэби-бумеры, 2002 г. – поколение X.

Результаты расчетов поколенческих характеристик населения Волгоградской области по соотношению числа мужчин и женщин, городского и сельского населения даны в таблице 3. Тенденция изменений числа мужчин на 1 000 женщин по поколениям одинакова – сокращение этого показателя по мере увеличения возраста, причем в рыночной экономике этот дисбаланс усиливался. Этот показатель за 2002 г. у бэби-бумеров и поколения X повышается за счет приезжих (соответствующие значения, рассчитанные по проживающим с рождения, равны 833 и 1 110 человек [12]). За первое десятилетие формирования рыночной экономики (1992–2002 гг.) городское население на 1 тысячу человек сельского стало меньше, хотя в среднем и выросло по сравнению с 1979 годом. Увеличение значения показателя для поколения X идет за счет увеличения женского населения, отражая разные поведенческие траектории.

В целом рынок труда оказался под влиянием как естественных (биологических) демографических изменений (большее рождение мальчиков), так и типа общественных связей, которые привели к замедлению темпов урбанизации при становлении рыночной экономики.

Анализ детализации эволюции рынка труда позволяют дать только материалы переписи населения 2002 года.

Доля населения, указавшего два источника средств к существованию в 2002 г., стала на 9,7 % больше по сравнению с 1989 г. [8] и достигла почти 24 %. Из них 3,9 % лиц по-

Таблица 1. **Число жителей Волгоградской области в возрасте 16–64 года**

Table 1. **The number of residents of the Volgograd region aged 16–64 years**

Показатели	Результаты переписи по годам		
	1979	1989	2002
Численность населения, чел., в том числе:	1 669 759	17 005 103	1 890 874
мужчин на 1 000 женщин, чел.	894	932	925
городских жителей на 1 000 сельских, чел.	2 770	3 365	3 278
доля в общей численности населения, %	67,4	65,8	70,1

Примечание. Таблицы 1–3 рассчитаны автором по: [1; 2; 6].

Таблица 2. **Поколенческая структура численности населения Волгоградской области, в % к общей численности населения за соответствующий год**

Table 2. **Generational structure of the population of the Volgograd region, as a percentage of the total population for the corresponding year**

Поколения	Год переписи		
	1979	1989	2002
Молчаливые	28,5	25,2	19,0
Бэби-бумеры	38,1	35,4	29,9
X	14,2	19,2	30,3
Y	0,0	9,3	11,6
Z	0,0	0,0	4,2

Таблица 3. **Поколенческие характеристики населения Волгоградской области по полу и месту проживания**

Table 3. **Generational characteristics of the population of the Volgograd region by age and place of residence**

Поколения	Мужчин на 1 000 женщин, чел.			Городского населения на 1 000 сельского, чел.		
	1979	1989	2002	1979	1989	2002
Молчаливые	885	815	671	2 472	2 889	2 877
Бэби-бумеры	1 020	1 008	913	2 960	3 683	3 122
X	1 036	1 036	1 012	2 358	3 151	3 537
Y	–	1 037	1 045	–	2 683	2 332
Z	–	–	1 059	–	–	2 472

лучают доходы одновременно от трудовой деятельности и ведения личного подсобного хозяйства. Больший удельный вес лиц, имеющих два источника дохода, среди городского населения по сравнению с сельским и у женщин по сравнению с мужчинами. Поколенческое распределение лиц, указавших один источник средств существования, связанный с активной деятельностью или получением компенсации за ее отсутствие, приведено в таблице 4. Первые 2 места занимают поколения бэби-бумеров и X.

Обращает на себя внимание стабильность итогового удельного веса (в среднем 63,5) X-поколения, бэби-бумеров и молчаливых в ТОП-5 видов деятельности для всех занятых (табл. 5). Само же распределение удельных весов различно: сельским хозяйством в большей степени занимаются бэби-бумеры, у молчаливых доля оптовой и розничной торговли в 2,7 раза ниже, чем у поколения X, зато среди них больше работающих в обрабатывающей промышленности и образовании.

Материалы таблицы 6 дают объяснение выявленным поколенческим отклонениям. Именно на вид деятельности «Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования» приходится большая доля работающих не по найму, в том числе без привлечения наемных работников. Этот вид занятости в большей мере представлен

Таблица 4. **Доли жителей Волгоградской области, указавших один источник средств к существованию, 2002 г., 100 % = общее число лиц, указавших один источник средств к существованию**

Table 4. **The proportion of residents of the Volgograd region who indicated one source of livelihood, 2002, 100% = the total number of people who indicated one source of livelihood**

Доходы	Поколения				
	Все	Y	X	Бэби-бумеры	Молчаливые
От трудовой деятельности (кроме дохода от ЛПХ)	43,92	0,00	12,52	30,00	1,33
ЛПХ (личное подсобное хозяйство)	2,4	0,00	0.48	1,83	0,09
Пособие по безработице	0,35	0,00	0,09	0,25	0,01
Сбережения	0,11	0,00	0,02	0,08	0,00
Доход от сдачи в наем или аренду имущества	0,03	0,00	0,00	0,02	0,00
Иной источник	2,33	0,02	0,62	1,57	0,10

Примечание. Рассчитано автором по: [5].

Таблица 5. **Поколенческая структура по ТОП-5 видов деятельности всего занятого населения Волгоградской области, 2002 г., 100 % = численность соответствующего поколения, %**

Table 5. **Generational structure of the TOP 5 types of activities of the total employed population of the Volgograd region, 2002, 100% = the number of the corresponding generation, %**

Вид деятельности	Все занятое население	Поколение		
		X	Бэби-бумеры	Молчаливые
Обрабатывающие производства	21,3	19,3	21,9	27,1
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	14,3	18,1	12,7	6,7
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	10,0	8,6	11,2	8,3
Транспорт и связь	9,3	8,4	9,9	9,1
Образование	8,8	8,5	8,7	12,1
Итого	63,7	62,9	64,3	63,2

Примечание. Рассчитано автором по: [4].

поколением X. Кроме того, он преобладает в сфере малого и среднего предпринимательства, что в целом отражает наиболее распространенный отраслевой путь развития раннего предпринимательства.

Занятое население по группам занятий представлено в таблице 7. Так как поколение молчаливых занятых в основном в 2002 г. прекратило трудовую деятельность, то их доля в каждом профессиональном уровне незначительна и не превышает 9 %. Бэби-бумеров ожидаемо больше среди руководителей всех уровней, они готовы работать «руками» (работники сельского хозяйства, рабочие, опера-

Таблица 6. **Занятое население Волгоградской области по положению в занятости, 2002 г., 100 % = всего занятых по виду конкретной экономической деятельности**

Table 6. **The employed population of the Volgograd region by employment status, 2002, 100% = total employed by type of specific economic activity**

Виды деятельности	Работающие			
	по найму	не по найму	в том числе привлечение наемных работников	
			есть	нет
Обрабатывающие производства	97,9	2,1	0,7	1,1
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	50,7	16,4	4,6	10,8
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	42,3	4,6	1,1	2,9
Транспорт и связь	41,4	2,1	0,4	1,4
Образование	41,0	0,6	0,1	0,4

Примечание. Таблицы 6 и 7 рассчитаны автором по: [3].

Таблица 7. **Занятое население Волгоградской области по группам занятий в 2002 г., %**

Table 7. **The employed population of the Volgograd region by occupation groups in 2002, %**

Группы занятий	Поколения					
	X [1]	Бэби-бумеры [1]	Молчаливые [1]	X [2]	Бэби-бумеры [2]	Молчаливые [2]
Всего	37,5	55,9	6,6	100	100	100
Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий	26,8	64,3	8,9	8,2	13,2	15,5
Специалисты высшего уровня квалификации	36,5	55,0	8,5	13,6	13,7	18,1
Специалисты среднего уровня квалификации	40,9	53,6	5,5	13,7	12,0	10,5
Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	41,4	53,5	5,1	3,1	2,7	2,2
Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	49,3	47,6	3,1	17,9	11,5	6,4
Квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства	30,7	65,3	4,0	1,4	2,0	1,0
Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	37,7	55,0	7,4	16,2	15,8	18,0
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	34,9	59,6	5,5	14,6	16,7	14,5
Неквалифицированные рабочие	33,8	58,0	8,2	9,7	11,1	13,3
Занятые на военной службе	50,8	48,3	0,9	1,1	0,7	0,1
Лица, неточно указавшие или не указавшие занятия	39,4	54,7	5,9	0,7	0,6	0,6

Примечания. [1] – 100 % = численность по группе занятий в каждой строке; [2] – 100 % = численность конкретного поколения по столбцу.

Notes. [1] – 100% = the number of occupations per group in each row; [2] – 100% = the number of a particular generation by column.

торы). Поколение X по сравнению с ними больше представлено на военной службе и значительно меньше как неквалифицированные.

Из таблицы 7 также видно, что у поколения X на первых трех местах стоят работники сферы обслуживания, квалифицированные рабочие, операторы и аппаратчики. Для бэби-бумеров – операторы и аппаратчики, квалифицированные рабочие, доли руководителей и специалистов высшего уровня квалификации (третье место) почти одинаковы. У молчаливых наибольшие удельные веса по группам занятий занимают специалисты высшей квалификации, квалифицированные рабочие, руководители. То есть по группам занятости в 2002 г. в каждом поколении преобладали работники массовых профессий, с возрастом повышалась доля руководителей и наиболее квалифицированных специалистов. Поколение X было более склонно работать в сфере обслуживания по сравнению с молчаливыми, но менее в качестве неквалифицированных рабочих.

Результаты. На поколенческую эволюцию рынка труда, исследованную по материалам Всероссийской переписи населения 1979, 1989 и 2002 гг. для Волгоградской области, влияют две группы факторов: А. Глобальные: 1) биологические особенности развития человечества как вида живых существ; 2) зарождение цифровых технологий. Б. Специфически российские: 1) тип формирования общественных взаимосвязей (централизованные, переходные, рыночные); 2) наращивание структурной перестройки экономики (1979 г. – всеобщая занятость; 1989 г. – развитие кооперативов и оценка возможности появления личной инициативы как блага; 2002 г. – высокий уровень безработицы, рост миграционных потоков). Они обусловили не только трансформацию качественных изменений сформированной базы данных, но также характер фиксируемых показателей и глубину их обработки. Это обусловило различия характеристик населения Волгоградской области различных поколений, среди которых наибольшее практическое значение для современного времени имеют отличия по числу источников средств существования, видам деятельности, группам занятий. Нарастание в более молодых поколениях склонности к выполнению более квалифицированных трудовых функций, низкая готовность к занятиям неквалифицированным трудом дает возможности прогнозирования целесообразных изменений общественного производства, которые будут отвечать субъективным потребностям новых поколений, входящих в трудовую деятельность. Особую значимость имеет готовность к диверсификации деятельности как отражение расширения количества источников средств существования, что предполагает необходимость дальнейшей перестройки системы трудовых отношений и методик их фиксации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Возрастной состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. 373 с.

2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 416 с.

3. Занятия населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. 347 с.

4. Занятое население по видам экономической деятельности. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. 614 с.

5. Источники средств к существованию. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 1128 с.

6. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. II. Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей. Ч. I. Статистический сборник. Госкомстат СССР. М.: Гос. ком. СССР по статистике, 1989. 431 с.

7. Капелюшников Р. Российский рынок труда через призму демографии. М.: Издательский Дом ВШЭ, 2020. 440 с.

8. Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Ч. II. Источники средств существования, общественные группы. М.: Респ. информ.-издат. центр, 1991. 251 с.

9. Никонов Е., Шамис Е. Теория поколений. Необыкновенный Икс. 1964–1984. М.: Издательский дом «Синергия», 2022. 192 с.

10. От измерений до изменений. Краткая история переписей населения. М.: Росстат, 2022. 180 с.

11. Полтавская М. Б. Формы социальной активности молодежи и старшего поколения (по материалам исследования жителей Волгограда) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 4. С. 98–110.

12. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. 382 с.

13. Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование (первая часть) // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 3. С. 30–63. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395

14. Расширенное заседание Президиума Государственного совета. 21 сентября 2023 г. по вопросу «О развитии рынка труда в Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72319

15. Чудилин Г. И. Перепись населения как инструмент оценки устойчивости социально-экономических систем: региональный аспект // Вопросы статистики. 2010. № 10. С. 53–57.

16. Шипулина Н. Б. Формирование и воспроизводство интеллектуальной элиты Волгограда: межпоколенные стратегии и «горизонтальные» связи // Грани познания. 2019. № 4 (63). С. 38–44. URL: https://sciup.org/148311007

17. Щекотуров А. В., Винокуров В. В., Зимовина Е. П., Кришталь М. И. Медиаобразы Калининградской области и миграционные установки реформенного поколения и поколения миллениалов. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2022. 84 с.

18. Howe N., Strauss W. Millennials Rising: The Next Great Generation. Knopf Doubleday Publishing Group, 2009. 432 p.

REFERENCES

1. *Vozrastnoj sostav naselenija RSFSR. Po dannym Vsesojuznoj perepisi naselenija 1989 goda* [Age Composition of the Population of the RSFSR. According to the All-Union Population Census of 1989]. Moscow, Respublikanskiy informatsionno-izdatel'skiy tsentr, 1990. 373 p.

2. *Vozrastno-polovoj sostav i sostojanie v brake* [Age-Sex Composition and Marital Status]. Moscow, IITs «Statistika Rossii», 2004. 416 p.

3. *Zanjatija naselenija* [Population Occupations]. Moscow, IITs «Statistika Rossii», 2005. 347 p.

4. *Zanjatoe naselenie po vidam ekonomicheskoj dejatelnosti* [Employed Population by Type of Economic Activity]. Moscow, IITs «Statistika Rossii», 2005. 614 p.

5. *Istochniki sredstv k sushhestvovaniju* [Sources of Livelihood]. Moscow, IITs «Statistika Rossii», 2004. 1128 p.

6. *Itogi Vsesojuznoj perepisi naselenija 1979 goda. T. II. Pol, vozrast i sostojanie v brake naselenija SSSR, sojuznyh i avtonomnyh respublik, kraev, oblastej. Ch. I. Statisticheskij sbornik. Goskomstat SSSR* [Results of the 1979 All-Union Population Census. Vol. 2. Gender, Age and Marital Status of the Population of the USSR, Union and Autonomous Republics, Territories, Regions. Pt. 1. Statistical Collection]. Moscow, Gos. kom. SSSR po statistike, 1989. 431 p.

7. Kapelyushnikov R. *Rossijskij rynok truda cherez prizmu demografii* [Russian Labor Market Through the Prism of Demography]. Moscow, Izdatelskiy Dom VSHE, 2020. 440 p.

8. *Kratkaja socialno-demograficheskaja harakteristika naselenija RSFSR. Po dannym Vsesojuznoj perepisi naselenija 1989 goda. Ch. II. Istochniki sredstv sushhestvovanija, obshhestvennye gruppy* [Brief Socio-Demographic Characteristics of the Population of the RSFSR. According to the All-Union Population Census of 1989. Pt. 2. Sources of Livelihood, Public Groups]. Moscow, Resp. inform.-izdat. centr, 1991. 251 p.

9. Nikonov E., Shamis E. *Teoriya pokolenij. Neobyknovennyj Iks. 1964–1984* [Theory of Generations. Extraordinary X. 1964–1984]. Izdatelskij dom «Sinergiya», 2022. 192 p.

10. *Ot izmerenij do izmenenij. Kratkaja istorija perepisej naselenija* [From Measurements to Changes. Brief History of Population Censuses]. Moscow, Rosstat, 2022. 180 p.

11. Poltavskaja M.B. Formy socialnoj aktivnosti molodezhi i starshego pokolenija (po materialam issledovanija zhitelej Volgograda) [Forms of Social Activity of Youth and the Older Generation (Based on the Materials of a Study of Volgograd Residents)]. *Izvestija Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Tula State University. Humanities], 2019, no. 4, pp. 98-110.

12. *Prodolzhitelnost prozhivanija naselenija v meste postojannogo zhitelstva* [Duration of Residence of the Population in the Place of Permanent Residence]. Moscow, IITs «Statistika Rossii», 2005. 382 p.

13. Radaev V.V. Raskol pokoleniya millenialov: istoricheskoe i empiricheskoe obosnovanie (pervaya chast) [Split of the Millennial Generation: Historical and Empirical Justification (First Part)]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 2020, vol. 26, no. 3, pp. 30-63. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395

14. *Rasshirennoe zasedanie Prezidiuma Gosudarstvennogo soveta. 21 sentjabrja 2023 g. po voprosu «O razvitii rynka truda v Rossijskoj Federacii»* [Extended Meeting of the Presidium of the State Council. On September 21, 2023, on the Issue "On the Development of the Labor Market in the Russian Federation"]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72319

15. Chudilin G.I. Perepis naselenija kak instrument ocenki ustojchivosti socialno-ekonomicheskih sistem: regionalnyj aspekt [Population Census as a Tool for Assessing the Sustainability of Socio-Economic

Systems: Regional Aspect]. *Voprosy statistiki* [Statistical Issues], 2010, no. 10, pp. 53-57.

16. Shipulina N.B. Formirovanie i vosproizvodstvo intellektualnoj elity Volgograda: mezhpokolennye strategii i «gorizontalnye» svjazi [Formation and Reproduction of the Intellectual Elite of Volgograd: Intergenerational Strategies and "Horizontal" Connections]. *Grani poznanija* [Facets of Cognition], 2019, no. 4 (63), pp. 38-44. URL: https://sciup.org/148311007

17. Shhekoturov A.V., Vinokurov V.V., Zimovina E.P., Krishtal M.I. *Mediaobrazy Kaliningradskoj oblasti i migracionnye ustanovki reformennogo pokolenija i pokolenija millenialov* [Media Images of the Kaliningrad Region and Migration Attitudes of the Reform Generation and the Millennial Generation]. Kaliningrad, BFU im. I. Kanta, 2022. 84 p.

18. Howe N., Strauss W. *Millennials Rising: The Next Great Generation*. Knopf Doubleday Publishing Group, 2009. 432 p.

Information About the Author

Tatiana B. Ivanova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Corporate Management, Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400131 Volgograd, Russian Federation; Professor, Department of Expertise and Operation of Real Estate Objects, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation, nika20021960@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-1103-8210

Информация об авторе

Татьяна Борисовна Иванова, доктор экономических наук, профессор кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация; профессор кафедры экспертизы и эксплуатации объектов недвижимости, Волгоградский государственный технический университет, просп. им. В.И. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, nika20021960@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-1103-8210

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.15

UDC 327(100):556.53
LBC 66.4(0),04

Submitted: 01.06.2024
Accepted: 28.08.2024

WATER SECURITY OF THE KAZAKHSTAN-RUSSIA BORDER RIVER BASINS: KAZAKHSTAN'S PERSPECTIVE

Kairat A. Abdrakhmanov
Astana International University, Astana, Kazakhstan

Serghei V. Golunov
SDU University, Kaskelen, Kazakhstan

Murat A. Muzdybayev
International science complex Astana, Astana, Kazakhstan

Yergali M. Karakulov
International science complex Astana, Astana, Kazakhstan

Arman N. Kabdeshev
International science complex Astana, Astana, Kazakhstan

© Абдрахманов К.А., Голунов С.В., Муздыбаев М.А., Каракулов Е.М., Кабдешев А.Н., 2024

Abstract. *Introduction.* The article analyzes water security issues in river basins of the Kazakhstan-Russia border region, as well as transboundary cooperation in this area. These issues are analyzed from a Kazakhstani perspective, which has distinct characteristics compared to the Russian perspective but cannot be considered without taking the latter into account. *Methods and materials*. The study is based on the concept of water security. For the first time, the northern water basins of Kazakhstan with their transboundary rivers are viewed through the lens of this concept as a single entity with common problems, many of which require solutions at the international level. The study also relies on an analysis of the strengths and weaknesses of Kazakhstan-Russia agreements on transboundary river issues, as well as a quantitative analysis of water levels, pollution, and other characteristics of the relevant water basins. Data obtained from Kazakhstani state institutions, particularly from the state enterprise "Kazhydromet," are analyzed. Using this data and the ArcGIS program, maps of Kazakhstan's hydrographic basins were compiled. *Analysis*. The key security issues of the northern Kazakhstani transboundary water basins, including water scarcity, floods, pollution, and the degradation of biodiversity in coastal areas, are examined. Additionally, the effectiveness of Kazakhstan-Russia cross-border cooperation in addressing these issues is evaluated. *Results*. In the long term, water scarcity is the most serious challenge to water security, but natural disasters also require serious attention and more effective transboundary cooperation. It would be unjustified to place the primary responsibility on either single side for the water security issues in the region, as both countries have similar infrastructure and inherited economic development priorities from the Soviet era. The effectiveness of Kazakhstan-Russia cooperation in addressing water security issues remains ambiguous: on the one hand, the parties strive to resolve existing problems constructively, but on the other hand, their willingness to undertake coordinated and costly steps is quite limited. *Contributions*. K. Abdrakhmanov conducted SWOT analysis of empirical issues related to transboundary rivers and (together with S. Golunov) issues of transboundary cooperation between Kazakhstan and Russia; S. Golunov conceptualized the problem of water security, applied it to the empirical parts of the work, and analyzed the issues of floods and threats to biodiversity; M. Muzdybayev collected and analyzed data on hydrography, hydrology, water use, and the environmental state of Kazakhstan's water basins; Ye. Karakulov and A. Kabdeshev categorized and compiled cartographic material for the hydrographic basins of Kazakhstan using the ArcGIS program.

Key words: water security, integrated water resources management, Kazakhstan, Russia, Ural river, Tobol river, Ishim river, Irtysh river.

Citation. Abdrakhmanov K.A., Golunov S.V., Muzdybayev M.A., Karakulov Ye.M., Kabdeshev A.N. Water Security of the Kazakhstan-Russia Border River Basins: Kazakhstan's Perspective. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 173-186. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.15

УДК 327(100):556.53
ББК 66.4(0),04

Дата поступления статьи: 01.06.2024
Дата принятия статьи: 28.08.2024

ВОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕЧНЫХ БАССЕЙНОВ КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ: ПЕРСПЕКТИВА КАЗАХСТАНА

Кайрат Амангельдинович Абдрахманов
Международный университет Астаны, г. Астана, Казахстан

Сергей Валерьевич Голунов
Университет СДУ, г. Каскелен, Казахстан

Мурат Айткенович Муздыбаев
Международный научный комплекс «Астана», г. Астана, Казахстан

Ергали Мухтарулы Каракулов
Международный научный комплекс «Астана», г. Астана, Казахстан

Арман Нурланулы Кабдешев
Международный научный комплекс «Астана», г. Астана, Казахстан

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу проблем водной безопасности речных бассейнов казахстанско-российского пограничья, а также трансграничного сотрудничества в соответствующей сфере. Данные проблемы изучены с казахстанской перспективы, которая имеет выраженную специфику по сравнению с перспективой российской, но не может рассматриваться без учета последней. *Методы и материалы.* Исследование опирается на концепцию водной безопасности. Впервые северные водные бассейны Казахстана с их трансграничными реками рассматриваются сквозь призму данной концепции как единое целое с общими проблемами, значительная часть которых требует решения на международном уровне. Исследование также основывается на анализе сильных и слабых сторон казахстанско-российских соглашений по проблемам трансграничных рек, а также на количественном анализе водности, загрязненности и других характеристик соответствующих водных бассейнов. Анализируются данные, полученные от казахстанских государственных учреждений, в частности от государственного предприятия «Казгидромет». С использованием программы ArcGIS составлены карты гидрографических бассейнов Казахстана. *Анализ.* Рассмотрены ключевые проблемы безопасности северных казахстанских трансграничных водных бассейнов, включая дефицит водных ресурсов, наводнения, загрязнение и деградацию биоразнообразия прибрежных территорий. Кроме того, оценивается эффективность казахстанско-российского приграничного сотрудничества по решению данных проблем. *Результаты*. В долгосрочной перспективе дефицит водных ресурсов является самым серьезным вызовом водной безопасности, однако стихийные бедствия также требуют серьезного внимания и более эффективного трансграничного сотрудничества. Было бы некорректным возлагать основную ответственность за проблемы водной безопасности в регионе лишь на какую-либо одну из сторон, поскольку обе страны имеют сходную инфраструктуру и унаследованные от советского прошлого приоритеты экономического развития. Эффективность казахстанско-российского сотрудничества в решении вопросов водной безопасности пока неоднозначна: с одной стороны, Казахстан и Россия стремятся конструктивно решать имеющиеся проблемы, однако, с другой стороны, их готовность предпринимать скоординированные дорогостоящие шаги довольно ограничена. *Вклад авторов*. К.А. Абдрахманов – проведение SWOT-анализа эмпирических проблем трансграничных рек и (совместно с С.В. Голуновым) проблем трансграничного

сотрудничества Казахстана и России; С.В. Голунов – концептуализация проблемы водной безопасности и ее применение к эмпирическим частям работы, анализ проблемы наводнений и угрозы биоразнообразию; М.А. Муздыбаев – сбор и анализ данных по гидрографии, гидрологии, использованию водных ресурсов и экологическому состоянию водных бассейнов Казахстана; Е.М. Каракулов и А.Н. Кабдешев – классификация и составление картографического материала для гидрографических бассейнов Казахстана с использованием программы ArcGIS.

Ключевые слова: водная безопасность, комплексное управление водными ресурсами, Казахстан, Россия, р. Урал, р. Тобол, р. Ишим, р. Иртыш.

Цитирование. Абдрахманов К. А., Голунов С. В., Муздыбаев М. А., Каракулов Е. М., Кабдешев А. Н. Водная безопасность речных бассейнов казахстанско-российского пограничья: перспектива Казахстана // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 173–186. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.15

Введение. Проблемы водной безопасности Центральной Азии, включая Южный Казахстан, привлекают внимание многочисленных исследователей. При этом в тени, как правило (за исключением проблем начинающейся в Китае реки Иртыш), остаются аналогичные проблемы казахстанско-российских трансграничных рек, наиболее крупными из которых являются Иртыш / Ертис, Тобол / Тобыл, Урал / Жайык и Ишим / Есиль. Между тем водная безопасность казахстанско-российских трансграничных речных бассейнов самым серьезным образом влияет на водную и продовольственную безопасность Казахстана в целом, а также на жизнедеятельность примерно 30-миллионного населения бассейновых территорий двух стран.

Настоящая работа посвящена анализу проблем водной безопасности речных бассейнов казахстанско-российского пограничья. В данном случае проблематика водной безопасности и связанного с ней комплексного управления водными ресурсами имеет выраженное трансграничное измерение, а реагирование на соответствующие вызовы требует систематического международного сотрудничества. Совокупность пересекающих казахстанско-российскую границу водных бассейнов может быть представлена в виде региона, территория которого объединена общими экологическими, экономическими (использование водных ресурсов) и политическими (территории соответствующих административных регионов или четко очерченные географические зоны ответственности правительственных и межправительственных учреждений) признаками.

Следует отметить, что проблемы водной безопасности анализируются нами в первую очередь с казахстанской перспективы. Как будет показано далее, данная перспектива имеет свою выраженную специфику по сравнению с перспективой российской, но, вместе с тем, не может рассматриваться без учета последней.

Методы и материалы. Анализ проблем управления водными ресурсами сквозь призму безопасности является одним из ключевых направлений современных исследований таких проблем. Согласно определению ООН, суть водной безопасности заключается в доступе населения к адекватному количеству воды приемлемого качества для жизнеобеспечения и социально-экономического развития, включая защиту от связанных с водой стихийных бедствий и загрязнений, а также сохранение экосистем. В числе угроз водной безопасности в первую очередь упоминаются дефицит воды, вызывающие его природные явления (засухи, обмеление рек и т. п.) и последствия такого дефицита (включая обострение конфликтов за распределение водных ресурсов), деградация инфраструктуры водоснабжения, загрязнение и отравление воды, наводнения, разрушение экосистем и т. п. [15].

Важной концептуальной проблемой водной безопасности является ее соотношение с повесткой комплексного управления водными ресурсами (IWRM). Ключевыми составляющими последнего является рассмотрение водного бассейна как единого целого, вовлечение в сотрудничество и процесс принятия решений всех заинтересованных сторон (как государств бассейна, так и неправительственных акторов) и достижение эффективной координации их деятельности [16].

Проблемы речных бассейнов казахстанского пограничья с казахстанской перспективы

пока систематически не рассматривались сквозь концептуальную призму водной безопасности. В работах, посвященных водным проблемам Казахстана в целом, основное внимание уделяется ситуации в Южном Казахстане, а также проблемам реки Иртыш (см., например: [5; 17]). Большинство работ по другим казахстанско-российским трансграничным речным бассейнам посвящено более узкому кругу вопросов: в первую очередь дефициту воды и трансграничным загрязнениям и пока в меньшей степени – наводнениям (см., например: [4; 6]) в отдельных речных бассейнах. Лишь в небольшом количестве работ (см., например: [7; 10] делаются попытки концептуализировать проблемы всех водных бассейнов казахстанско-российского пограничья в совокупности, однако при этом акцент на повестке водной безопасности не делается. В некоторых работах также подчеркивается ограниченная эффективность казахстанско-российского сотрудничества в сфере управления водными ресурсами [7].

Помимо концептуализации, в методологическом плане настоящая работа опирается на количественный анализ ряда характеристик (в частности, водности и загрязненности) казахстанских трансграничных водных ресурсов на основе данных, полученных от казахстанских государственных учреждений (в первую очередь государственного предприятия «Казгидромет»). В работе также анализируются сильные и слабые стороны казахстанско-российских соглашений по проблемам трансграничных рек.

Анализ. ***Гидрографическая характеристика водных бассейнов казахстанско-российского приграничья.*** Настоящая работа опирается на принятую в Казахстане официальную классификацию водохозяйственных бассейнов. Из восьми таких бассейнов семь являются трансграничными, а четыре (Жайык-Каспийский, Тобыл-Торгайский, Есильский и Ертисский) выходят к границе с Россией (рис. 1). Следует отметить, что российская сторона считает реки Тобол, Ишим и Иртыш частью общего (Иртышского) бассейна.

В *Жайыкско-Каспийском водохозяйственном бассейне* насчитывается более сотни рек, главной из которых является р. Урал. В данном случае Казахстан находится в положении низового государства, поскольку река

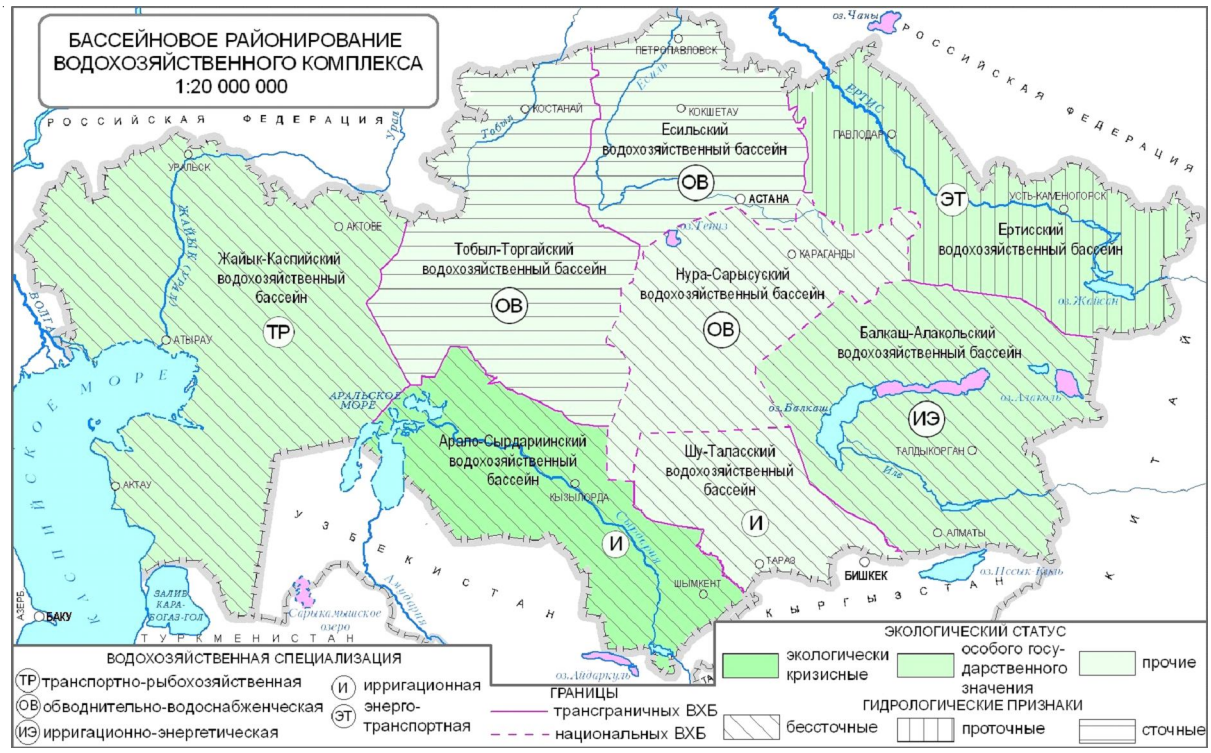

Рис. 1. Водохозяйственные бассейны Казахстана [1]

Fig. 1. Water management basins of Kazakhstan

берет начало на территории России. Урал протекает через такие крупные города, как Магнитогорск, Орск и Оренбург в России, а также Уральск и Атырау в Казахстане. Важную роль в регулировании стока реки играют расположенные на российской территории водохранилища, крупнейшим из которых является Ириклинское, находящееся в Оренбургской области. Роль этого водохранилища для казахстанской водной безопасности неоднозначна: с одной стороны, его работа уменьшает риск наводнений, однако, с другой стороны, она способствует обмелению реки и препятствует нересту ряда вид рыб. На казахстанской территории р. Урал плотин и водохранилищ не имеет.

Тобыл-Торгайский водохозяйственный бассейн охватывает территории Костанайской и части Актюбинской и Улытауской областей Казахстана. На территории Казахстана р. Тобол регулируется Верхнетобольским и Каратомарским водохранилищами и основную часть года остается маловодной. Река протекает через такие крупные областные центры, как Костанай в Казахстане и Курган в России. В данном случае уже Казахстан выступает по отношению к России в качестве верхового государства.

В случае с *Есильским водохозяйственным бассейном* Казахстан опять-таки является верховым государством по отношению к России. Подобно Тоболу, река Ишим впадает в Иртыш. Она берет начало в Карагандинской области, протекает через казахстанскую столицу г. Астану и далее через областной центр г. Петропавловск. Сток реки регулируется тремя относительно небольшими водохранилищами – Астанинским, Сергеевским и Петропавловским.

Наконец, *Ертисский водохозяйственный бассейн* расположен в восточной части Казахстана. По отношению к Иртышу, самой многоводной реке всего центральноазиатского региона (общая длина – 4 280 км), верховым государством является Китай, низовым – Россия, тогда как Казахстан занимает промежуточное положение. Источник реки Черный Иртыш находится в КНР. Река протекает через такие крупные города, как Усть-Каменогорск, Семей и Павлодар в Казахстане, а также Омск в России.

В отличие от упомянутых ранее бассейнообразующих рек, Иртыш имеет ключевое значение для казахстанской гидроэнергетики. На нем расположены три крупные ГЭС с одноименными водохранилищами: Бухтарминская, Усть-Каменогорская и Шульбинская. Следует также отметить, что часть воды Иртыша перебрасывается в Центральный Казахстан через канал Иртыш – Караганда, введенный в эксплуатацию в 1974 году.

Некоторые экономико-географические характеристики казахстанско-российских трансграничных речных бассейнов

Some economic and geographical characteristics of the Kazakhstan-Russia transboundary river basins

Река	Среднегодовой сток	Крупные гидроэлектростанции (ГЭС) и прилегающие водохранилища (с указанием объема)	Прибрежные города с населением более 100 тыс. чел. (в тыс. чел.)
Урал / Жайык	9,3 км³	***Россия:*** Верхнеуральская ГЭС с водохранилищем (0,6 км³); Ириклинская ГЭС с водохранилищем (2,2 км³)	***Россия:*** Магнитогорск (409), Орск (189), Оренбург (539); ***Казахстан:*** Уральск (254), Атырау (315)
Тобол / Тобыл	1,0 км³	***Казахстан:*** Верхнетобольское водохранилище (0,8 км³), Каратомарское водохранилище (0,8 км³)	***Казахстан:*** Рудный (124), Костанай (264); Россия: Курган (306)
Ишим / Есиль	2,0 км³	***Казахстан:*** Астанинское (Вячеславское) водохранилище (0,4 км³), Сергеевское водохранилище (0,7 км³)	***Казахстан:*** Астана (1400), Петропавловск (222)
Иртыш / Ертис	27,3 км³	***Китай:*** водохранилище Проект 365 (0,3 км³); ***Казахстан:*** Бухтарминская ГЭС с водохранилищем (49,6 км³), Усть-Каменогорское водохранилище (0,7 км³), Шульбинское водохранилище Reservoir (2,4 км³)	***Казахстан:*** Усть-Каменогорск (400); Семей (329), Павлодар (367); ***Россия:*** Омск (1111), Тобольск (100), Ханты-Мансийск (110)

Примечание. Источник: Данные Министерства экологии и природных ресурсов Республики Казахстан.

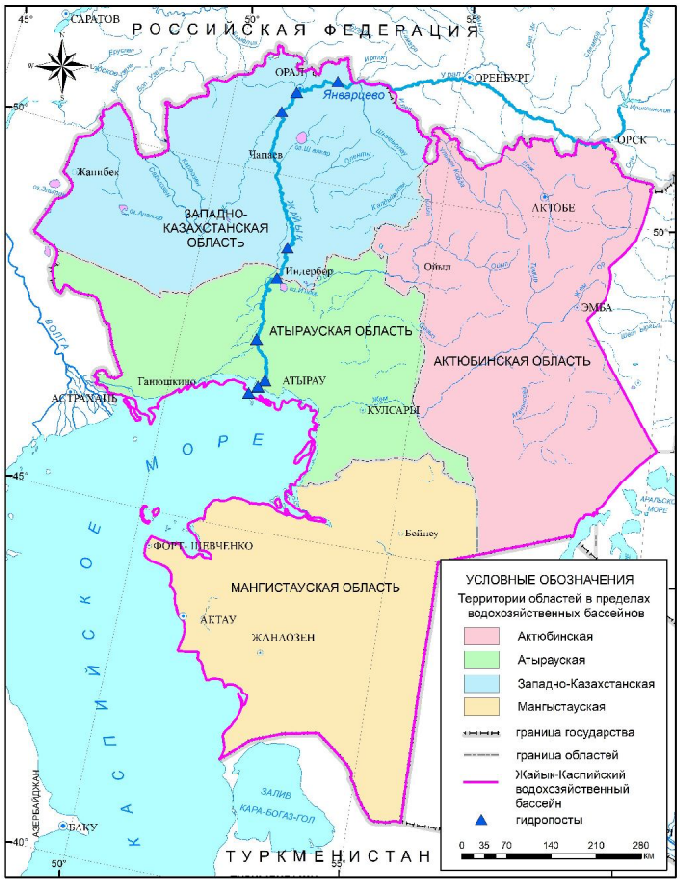

Рис. 2. Жайыкско-Каспийский водохозяйственный бассейн
Fig. 2. Zhaiyk-Caspian water management basin

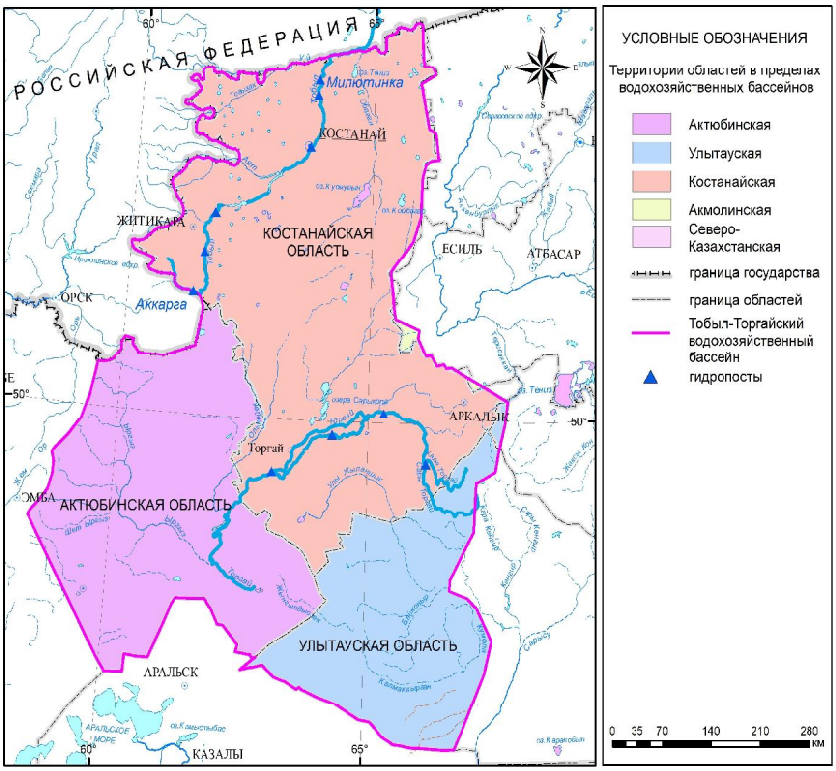

Рис. 3. Тобыл-Торгайский водохозяйственный бассейн
Fig. 3. Tobyl-Torgai water management basin

Рис. 4. Есильский водохозяйственный бассейн
Fig. 4. Esil water management basin

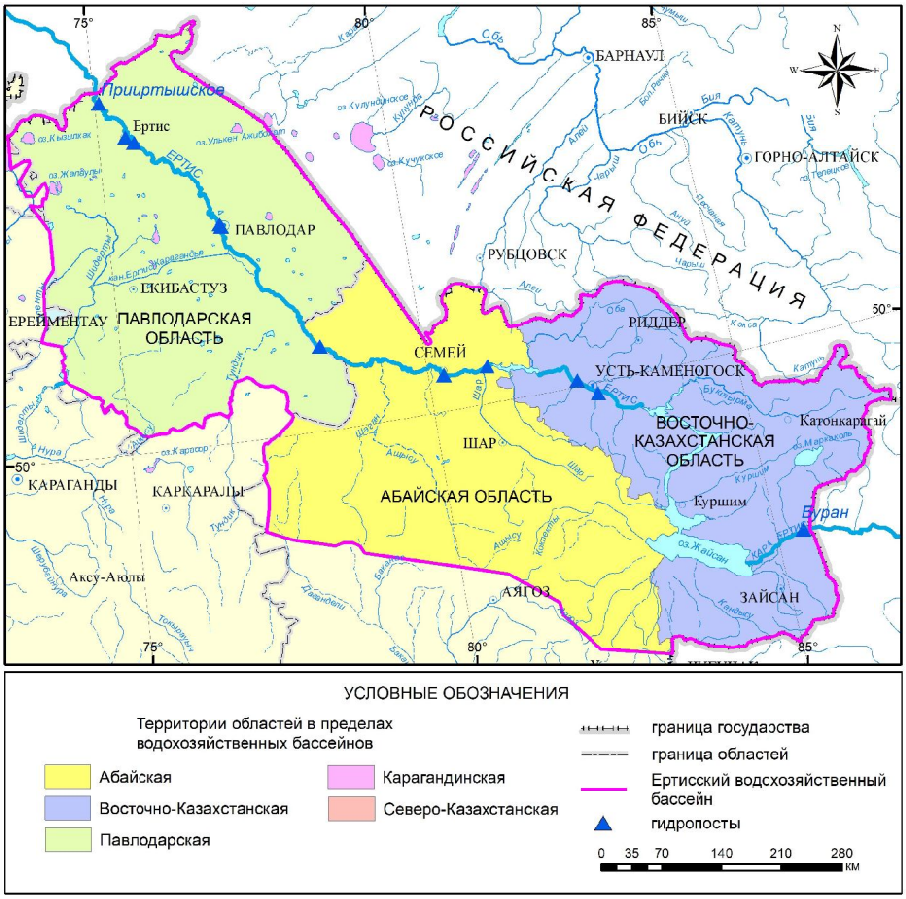

Рис. 5. Ертисский водохозяйственный бассейн
Fig. 5. Ertis water management basin

Вызовы водной безопасности. ***Дефицит воды.*** По прогнозам Института мировых ресурсов, Казахстан может столкнуться с серьезным дефицитом пресной воды уже к 2040 г. из-за ее растущего потребления. При этом эффективность водопотребления довольно низка, особенно в сфере сельского хозяйства, которое дает только 5 % ВВП и при этом требует 60 % используемых страной водных ресурсов [18]. Еще одним негативным фактором является изменение климата, ведущее к сокращению количества осадков и притока воды в реки в сочетании с повышением испаряемости речной воды.

Хотя в долгосрочной перспективе дефицит воды угрожает в первую очередь Южному Казахстану, для северных и восточных регионов данная проблема также стоит достаточно серьезно. Уже к 2010-м гг. непростая ситуация сложилась в южной части Жайык-Каспийского бассейна, где уровень хозяйственной нагрузки на водные ресурсы превышал 100 %, а для Тобыл-Торгайского бассейна этот показатель составлял 75–100 % [3]. Значительный вклад в возникновение водного дефицита в Жайыкском бассейне внесли крупные города и промышленные предприятия российского Урала, а также аккумулирование воды в Ириклинском и других водохранилищах [13]. В возникновение дефицита воды в Тобыл-Торгайском и Ишимском бассейнах основной вклад вносят казахстанские города и предприятия.

Проблема нарастающего водного дефицита достаточно серьезна даже в наиболее многоводном Ертисском водохозяйственном бассейне. Широко известна проблема забора воды Китаем для сельскохозяйственных нужд в канал Черный Иртыш – Карамай, в который ежегодно перебрасывается несколько кубических километров в год (точные оценки существенно расходятся). В свою очередь, Казахстан по разным оценкам отбирает 1,5–2,4 км^3 в используемый для орошения территорий центральной части страны канал Иртыш – Караганда; значительные потери воды происходят и в результате работы трех ГЭС – Бухтарминской, Усть-Каменогорской и Шульбинской. Наконец, Россия строит Красногорский гидроузел с большим водохранилищем для решения проблемы водоснабжения г. Омска. В совокупности все эти факторы вместе с последствиями изменения климата ведут к потерям очень значительной (по некоторым оценкам – более половины) части стока реки.

Загрязнение водных ресурсов. Данная проблема возникает из-за плохого технического состояния очистных сооружений в городах и на промышленных предприятиях, а также из-за уменьшения стока воды, которое ведет к повышению концентрации в ней вредных веществ.

В бассейне Иртыша основными загрязнителями водных ресурсов выступают промышленные предприятия из самого Казахстана, а также из сопредельных России и Китая. Попытки возложить основную ответственность лишь на одну сторону (в частности, на Казахстан или Россию) были бы вряд ли оправданными, поскольку большинство загрязняющих реки крупных промышленных предприятий было создано еще в советский период как часть единого промышленного комплекса. Многие из этих предприятий нуждаются в модернизации, некоторые уже закрыты, однако их свалки и пруды-накопители продолжают представлять собой угрозу для близлежащих рек. Следует также учитывать, что вклад конкретных стран в загрязнение трансграничных рек во многом определяется не поддающимися регулированию факторами, такими как верховое или низовое положение государства и объем стока реки (чем меньше сток, тем потенциально больше концентрация в ней вредных веществ).

По данным Казгидромета, состояние воды реки Иртыш более благополучно по сравнению с качеством воды других рассматриваемых рек [17]. Вместе с тем загрязнение и в этом случае происходит в районах добычи и обогащения полиметаллических руд, которые, в частности, добываются и перерабатываются на предприятиях Восточно-Казахстанской и Павлодарской областей. Особенно серьезная проблема возникла в связи с накоплением сотен тонн ртутных отходов в период с 1975 по 1993 г. уже не действующим павлодарским предприятием «Химпром», поскольку попадание таких отходов в Иртыш могло бы привести к тяжелым последствиям. В 2000-х и 2020 гг. было построено несколько бетонных барьеров глубиной более 10 м и шириной в 1 м,

которые предотвратили просачивание ртути в Иртыш через грунтовые воды.

Проблемы загрязнения рек Жайыкско-Каспийского бассейна связаны с деятельностью металлургических предприятий и разработкой нефтегазовых месторождений преимущественно на российской территории. Еще более угрожающая ситуация сложилась в Есильском бассейне из-за деятельности промышленных предприятий Карагандинской области и сбросами сточных вод г. Астаной, одновременно забирающей все бóльшие объемы воды для коммунальных нужд. Самая неблагоприятная ситуация сложилась в Тобыл-Торгайском бассейне, качество воды в отдельных реках которого, по данным Казгидромета, оценивается ниже пятого класса (который допускает использование воды только для гидроэнергетики, добычи полезных ископаемых и водного транспорта). Это делает водные ресурсы непригодными даже для таких целей [17].

Наводнения. В бассейнах казахстанско-российского приграничья проблема наводнений периодически возникает в весенний период под влиянием таких факторов, как заморозки после обильных осенних дождей, многоснежные зимы, резкое потепление с одномоментным таянием снега, ледовые заторы на реках и т. п. Отчасти смягчить проблему помогают водохранилища, однако их емкость не всегда оказывается достаточной для эффективного регулирования стока в период половодья. Наиболее серьезные паводки создают угрозу жизни и благосостоянию населения прибрежных территорий, включая крупные города, а также наносят существенный ущерб инфраструктуре и экономическому развитию данных территорий. Относительно низкая периодичность особо крупномасштабных и угрожающих наводнений (10 лет и более; см., например: [4]) приводит, однако, к тому, что массовое восприятие опасности проблемы на время притупляется.

Паводок 2024 г., нанесший тяжкий ущерб приграничным территориям как Казахстана, так и России, в очередной раз напомнил об особой важности данной проблемы в повестке водной безопасности казахстанско-российского пограничья. Наводнение, которое, по словам казахстанского президента К. Токаева, стало беспрецедентным за последние 80 лет, вынудило эвакуацию около 120 тыс. казахстанцев [14], привело к человеческим жертвам, подтоплению тысяч зданий, разрушению важных инфраструктурных объектов и перебоям в снабжении населения товарами и услугами первой необходимости, нанесло крупный ущерб сельскому хозяйству и создало угрозу распространения эпидемических заболеваний.

В Ертисском и, в меньшей степени, Жайыкско-Каспийском водохозяйственных бассейнах именно наличие крупных водохранилищ (соответственно Бухтарминского в Казахстане и Ириклинского в России) обычно помогает смягчать проблему. Однако емкость этих водохранилищ не всегда оказывается достаточной для нейтрализации весеннего паводка. Кроме того, ученые предупреждали о возможности экстремальных сценариев, при которых прорыв дамб из-за аварий или износа инфраструктуры способен привести к катастрофическим последствиям для соседнего государства [9]. Если вместимости столь крупного водохранилища, как Бухтарминское, весной 2024 г. оказалось в целом достаточно, то водохранилище Ириклинское переполнилось, что привело к затоплению ряда населенных пунктов и эвакуации десятков тысяч людей в России и Казахстане.

Реки Тобыл-Торгайского бассейна имеют относительно небольшое количество притоков на территории Казахстана. Поэтому проблема наводнений для Казахстана обычно является локальной, тогда как на российской территории данная проблема острее из-за того, что река становится гораздо более многоводной. Однако беспрецедентное количество осадков в зимний период и резкое таяние снега весной 2024 г. создали в Костанайской области чрезвычайную ситуацию, которую не смогли смягчить переполнившиеся Верхнетобольское и Каратомарское водохранилища. Результатом этой ситуации стали подтопление более тысячи домов и эвакуация более 10 тыс. человек.

Паводковая ситуация в Есильском бассейне, особенно на реке Ишим, в обычных условиях определяется неблагоприятным сочетанием факторов, таких как равнинный характер местности, преобладающее снежное питание, плотность и равномерное таяние

снежного покрова, сильные осадки в период таяния, затрудняющие фильтрацию воды глинистые почвы, ледовые заторы и т. п. [6]. Не удивительно, что длительные весенние паводки довольно регулярно угрожают затоплению обширных территорий Акмолинской и Северо-Казахстанской областей. При этом последствия наводнения 2024 г. оказались для территорий данного бассейна значительно более тяжелыми, чем обычно: только в одной Северо-Казахстанской области было эвакуировано более 14 тыс. чел., причем под угрозой на пике наводнения оказался областной центр Петропавловск.

Деградация речного и пойменного биоразнообразия. Казахстан является девятым по площади государством мира, однако основную часть его пространства занимают маловодные степные территории. Именно в приречных зонах сохраняются наиболее благоприятные условия для жизнедеятельности, и в этой связи реки казахстанско-российского пограничья играют ключевую роль в поддержании биоразнообразия в масштабах всей страны.

Типичными проблемами в данном контексте является обмеление или излишнее обводнение рек, которые ведут к деградации пойменных почв, сокращению растительности и фауны, повышают уязвимость пойменной растительности перед пожарами. Деградация пойменной флоры и фауны является серьезной проблемой практически всех бассейнов, но особую тревогу оно вызывает у жителей прибрежных территорий бассейна реки Урал. На пойменные территории Прииртышья негативно влияют два противоположных фактора: обмеление в результате забора воды и, в то же время, вызванные сезонными сбросами водохранилищ засоление, переувлажнение и заболачивание лежащих ниже этих водохранилищ пойменных земель [12].

На биоразнообразие рыб и другой речной фауны оказывают влияние загрязнение и зарегулированность стока рек водохранилищ. Из-за этих проблем в реке Урал произошло резкое сокращение численности осетровых, которые практически перестали подниматься на нерест вверх по реке. Высокий уровень загрязненности воды рек, особенно бассейнов Ишима и Тобола, негативно влияет как на численность и разнообразие речной фауны, так и на ее устойчивость к заболеваниям [2].

Казахстанско-российское сотрудничество в сфере управления трансграничными водными ресурсами. Казахстан и Россия подчеркивают свое стремление решать существующие проблемы в области управления трансграничными водными ресурсами посредством сотрудничества и на основе ключевых международных соглашений. Обе страны являются участниками Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер, подписанной в Хельсинки 17 марта 1992 года.

В постсоветский период страны Казахстан и Россия выработали солидную двустороннюю правовую базу по использованию и охране трансграничных рек. 27 августа 1992 г. было подписано двустороннее межправительственное «Соглашение о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов», обновленное и расширенное в сентябре 2010 года. Новое соглашение, в частности, предусматривало обмен гидрологической, гидрохимической, водохозяйственной и другой информацией, проведение совместной оценки состояния водных ресурсов соответствующих трансграничных бассейнов, а также эффективности мер по борьбе с загрязнением этих рек. Соглашения 1992 и 2010 гг. установили правовую основу для работы Казахстанско-Российской комиссии по совместному использованию и охране трансграничных водных объектов, в состав которой входят представители водохозяйственных организаций, гидрометеорологических служб и других официальных учреждений. В период с 1992 по 2022 г. комиссия провела 30 заседаний, в рамках которых были созданы рабочие группы по основным трансграничным рекам. Комиссия собирается раз в год, в то время как рабочие группы – дважды в год.

4 октября 2016 г. было заключено новое межправительственное «Соглашение по сохранению экосистемы бассейна трансграничной реки Урал». Стороны подчеркнули свое намерение снизить сброс загрязняющих веществ, защитить дикую природу и увеличить площади пойменных лесонасаждений. Кроме того, участники соглашения обязались обмениваться оперативной информацией о состоя-

нии реки и создали Казахстанско-Российскую комиссию по сохранению экосистемы данного трансграничного бассейна.

Существующая институциональная и правовая база оказалась в целом достаточной для выявления ключевых проблем, их обсуждения и принятия мер по таким вопросам, как совместный мониторинг уровня воды и загрязненности рек, угроза попадания ртути в Иртыш из свалок и прудов-хранилищ в Павлодарской области, а также регулирование сброса воды в реку Урал / Жайык из Ириклинского водохранилища.

К сожалению, сотрудничество оказалось недостаточным для полноценного реагирования на широкомасштабные чрезвычайные ситуации, а также предупреждения долгосрочных тенденций обмеления трансграничных рек, увеличения загрязненности воды и деградации биоразнообразия. Более эффективные совместные действия могут потребовать от обеих сторон сокращения водопотребления и внедрения непопулярных реформ водного ценообразования, увеличения уровня загрязнения и деградации биоразнообразия.

События весны 2024 г. показали, что сотрудничество оказалось недостаточно эффективным в плане смягчения последствий наводнения. В то время как широкий круг соответствующих вопросов обсуждался на разных уровнях (включая самый высокий), действенное сотрудничество свелось преимущественно к мониторингу текущей ситуации. Ликвидация последствий наводнений происходила почти исключительно на национальном уровне, а прогнозирование таяния снегов в бассейнах рек приграничья оказалось технически очень сложным. В связи с этим обсуждаются вопросы расширения научного сотрудничества в сфере такого прогнозирования [11].

При этом на официальном и неофициальном уровнях звучали взаимные упреки, обвинявшие сопредельную сторону в недостаточно продуманных действиях по регулированию сброса воды из водохранилищ с целью избежать их переполнения в период половодья. Если недовольство представителей Казахстана вызвали российские действия по регулированию водостока Ириклинского водохранилища, то российские представители заявляли претензии по поводу переполнения водохранилищ на реках Тобол и Ишим (см., например: [1]).

Существует и ряд менее срочных институциональных и технических проблем, которые не получают должного внимания. В докладе казахстанских и российских экспертов по реке Урал, опубликованном Экономической комиссией ООН для Европы, особо отмечаются проблемы недостаточной координации взаимодействия официальных учреждений как на международном уровне, так и внутри каждой из двух стран; несовершенство нормативных требований по водосбережению; а также недостаточное финансирование модернизации инфраструктуры и мероприятий по очистке воды, русел рек и утилизации бытовых отходов [8].

В русле концепции IWRM одной из серьезных проблем казахстанско-российского сотрудничества по трансграничным рекам является слабое влияние неправительственных экологических организаций и других негосударственных акторов на процесс принятия решений. Между тем в обеих странах существуют компетентные неправительственные организации, объединяющие экспертов в области водного хозяйства, экологии, образования и других сферах. В контексте сотрудничества по проблемам реки Урал присутствие негосударственных акторов несколько более заметно, чем в других случаях, однако, судя по правовой базе казахстанско-российского сотрудничества по трансграничным рекам, такие форматы все же не оказывают прямого влияния на процесс принятия сторонами соответствующих решений.

Заключение. Исследование ситуации через призму водной безопасности показывает, что, несмотря на кажущееся относительное благополучие, северные и западные регионы Казахстана уже сталкиваются с серьезной проблемой нехватки воды, которая, вероятно, усугубится в будущем. Проблема загрязнения воды остра в большинстве бассейнов трансграничных рек, что критически важно для биоразнообразия всего Казахстана. Как показали события весны 2024 г., проблема наводнений в неблагоприятных условиях может перерасти в общенациональную и трансграничную.

Было бы необъективным возлагать основную ответственность за существующие

проблемы на какую-либо одну из сопредельных сторон. Проблема заключается в том, что ни Казахстан, ни Россия, ни Китай не проводят принципиально более экологичную политику по отношению к расположенным ниже по течению государствам. Следует также иметь в виду, что значительная часть проблемной казахстанской и российской инфраструктуры была создана в советский период, когда обе страны были частью государства, развивавшего эту инфраструктуру для реализации единой экономической политики. Нужно учитывать и то, что концентрация вредных веществ в конкретных трансграничных реках зависит не только от интенсивности сбросов, но также от уровня водности этих рек.

Эффективность казахстанско-российского сотрудничества в решении вопросов водной безопасности неоднозначна. С одной стороны, сопредельные государства стремятся конструктивно решать имеющиеся проблемы, совершенствовать правовую базу и форматы взаимодействия, не избегая при этом обсуждения острых вопросов. В частности, давно налажен обмен информацией об уровне водности и загрязненности трансграничных рек. С другой стороны, готовность партнеров идти на взаимные уступки в ущерб приоритетам экономического развития и предпринимать дорогостоящие скоординированные шаги (например, по сокращению водопотребления и финансированию модернизации инфраструктуры) остается довольно ограниченной. Наводнение 2024 г. показало недостаточность нынешнего уровня взаимодействия сторон в плане прогнозирования и предупреждения чрезвычайных ситуаций, а также смягчения их последствий.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Здесь и далее приведенные в качестве иллюстрации карты подготовлены авторами публикации с использованием данных Казгидромета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казахстан назвал некорректными слова о своем влиянии на паводки в России // РБК. 10.04.2024. URL: https://www.rbc.ru/society/10/04/2024/6616a5aa9a79479fd9259950/

2. Кобетаева Н. К. Мониторинг гидроэкосистемы на примере реки Ишим Республики Казахстан: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Красноярск, 2012. 18 с.

3. Медеу А. Р., Мальковский И. М., Толеубаева Л. С. Водные ресурсы Казахстана: оценка, прогноз, управление (концепция). Т. 1. Алматы: Ин-т географии, 2012. 94 с.

4. Нестеренко Ю. М., Соломатин Н. В. Режим стока реки Урал и его влияние на социум и природу // Бюллетень Оренбургского научного центра УрО РАН. 2023. № 1. С. 1–21. DOI: 10.24411/2304-9081-2023-11001

5. Орынбаев Ж. Б., Муминов Н. А. Политика водной безопасности Казахстана // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 5. С. 117–124. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-5-117-124

6. Плеханов П. А., Попов Н. В., Медеу Н. Н., Никифорова Л. Н. Формирование затоплений и наводнений в бассейне реки Есиль и возможности их предупреждения // Вопросы географии и геоэкологии. 2020. № 1. С. 51–60.

7. Порох А. Н. Бассейновый подход в управлении трансграничными водотоками России и Казахстана: состояние проблемы и ее перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 1. С. 87–95.

8. Предварительные результаты исследований по р. Жайык (Урал). Астана: UNECE, 2017. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/env/water/meetings/Water_Convention/2016/Projects_in_Central_Asia/Transboundary_Rivers_Study_in_Kazakhstan_Ural_River_Feb_2017.pdf

9. Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В. А. Колосова. М.: ИП Матушкина И.И., 2018. 562 с.

10. Сивохлип Ж. Т., Павлейчик В. М. Современное состояние и использование водных ресурсов трансграничных рек степной зоны // Водное хозяйство России: проблемы, технологии, управление. 2022. № 2. С. 95–110. DOI: 10.35567/19994508_2022_2_8

11. Ученый РАН считает, что Казахстану следует готовиться к повторению паводка // TASS-Nauka. 12.04.2024. URL: https://nauka.tass.ru/nauka/20530513?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com

12. Хамзина Ш. Ш. Экологическая оценка лугового сообщества поймы реки Иртыш // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (ч. 23). С. 5145–5148.

13. Чибилев А. А. Бассейн Урала: история, география, экология. Екатеринбург: Уральское отд-ние РАН, 2008. 312 с.

14. Языкова Т. Паводки в Казахстане: в МЧС рассказали о текущей ситуации в регионах // Zakon.kz. 23.04.2024. URL: https://www.zakon.kz/obshestvo/6431844-pavodki-v-kazakhstane-v-mchs-rasskazali-o-tekushchey-situatsii-v-regionakh.html/

15. Bruins H.J. Proactive Contingency Planning Vis-A-Vis Declining Water Security in the 21st Century // Journal of Contingencies and Crisis Management. 2000. Vol. 8, № 2. P. 63–72.

16. Gerlak A. K., Mukhtarov F. 'Ways of Knowing' Water: Integrated Water Resources Management and Water Security as Complementary Discourses // International Environmental Agreements. 2015. Vol. 15, № 3. P. 257–272. DOI: 10.1007/s10784-015-9278-5

17. Newsletter on the Transboundary Transfer of Toxic Components // Kazhydromet. URL: https://www.kazhydromet.kz/en/ecology/informacionnyy-byulleten-transgranichnogo-perenosa-toksichnyh-komponentov

18. Progress on the Level of Water Stress: Global Status and Acceleration Needs for SDG Indicator 6.4.2. Rome: FAO, UN Water, 2021. DOI: 10.4060/cb6241en

REFERENCES

1. Kazakhstan nazval nekorrektnymi slova o svoyem vliyanii na pavodki v Rossii [Kazakhstan Called Statements About Its Influence on Floods in Russia Incorrect]. *RBK*, 2024, Apr. 10. URL: https://www.rbc.ru/society/10/04/2024/6616a5aa9a79479fd9259950/

2. Kobetaeva N.K. *Monitoring gidroekosistemy na primere reki Ishim Respubliki Kazakhstan: avtoref. dis. ... kand. biol. nauk* [Monitoring of Hydroecosystem Using the Ishim River in the Republic of Kazakhstan. Cand. biol. sci. abs. diss.]. Krasnoyarsk, 2012. 18 p.

3. Medeu A.R., Malkovskiy I.M., Toleubaeva L.S. *Vodnye resursy Kazakhstana: otsenka, prognoz, upravlenie (kontseptsiya). T. 1* [Water Resources of Kazakhstan: Assessment, Forecast, Management (Concept), Vol. 1]. Almaty, In-t geografii, 2012. 94 p.

4. Nesterenko Yu.M., Solomatin N.V. Rezhim stoka reki Ural i ego vliyanie na sotcium i prirodu [Flow Regime of the Ural River and Its Impact on Society and Nature]. *Byulleten Orenburgskogo nauchnogo tsentra UrO RAN* [Bulletin of the Orenburg Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2023, no. 1, pp. 1-21. DOI: 10.24411/2304-9081-2023-11001

5. Orynbaev Zh.B., Muminov N.A. Politika vodnoy bezopasnosti Kazakhstana [Kazakhstan's Water Security Policy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2024, vol. 68, no. 5, pp. 117-124. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-5-117-124

6. Plekhanov P.A., Popov N.V., Medeu N.N., Nikiforova L.N. Formirovanie zatopleniy i navodneniy v basseine reki Esil i vozmozhnosti ikh preduprezhdeniya [Formation of Flooding and Inundations in the Esil River Basin and Possibilities for Their Prevention]. *Voprosy geografii i geoekologii* [Geography and Geoecology Issues], 2020, no. 1, pp. 51-60.

7. Porokh A.N. Basseynovyy podkhod v upravlenii transgranichnymi vodotokami Rossii i Kazakhstana: sostoyanie problemy i ee perspektivy [Basin Approach in the Management of Transboundary Watercourses of Russia and Kazakhstan: Problem State and Its Prospects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2009, no. 1, pp. 87-95.

8. *Predvaritelnye rezultaty issledovaniy po r. Zhayyk (Ural)* [Preliminary Research Results on the Zhayyk River (Ural)]. Astana, UNECE, 2017. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/env/water/meetings/Water_Convention/2016/Projects_in_Central_Asia/Transboundary_Rivers_Study_in_Kazakhstan_Ural_River_Feb_2017.pdf

9. Kolosov V.A., ed. *Rossiyskoe pogranichye: vyzovy sosedstva* [Russian Borderlands: Challenges of Neighborhood]. Moscow, IP Matushkina I.I., 2018. 562 p.

10. Sivokhlip Zh.T., Pavleychik V.M. Sovremennoe sostoyanie i ispolzovanie vodnykh resursov transgranichnykh rek stepnoy zony [Current State and Use of Water Resources of Transboundary Rivers in the Steppe Zone]. *Vodnoe khozyaystvo Rossii: problemy, tekhnologii, upravlenie* [Water Management of Russia: Problems, Technologies, Management], 2022, no. 2, pp. 95-110. DOI: 10.35567/19994508_2022_2_8

11. Uchenyy RAN schitaet, chto Kazakhstanu sleduet gotovitsya k povtoreniyu pavodka [A RAS Scientist Believes Kazakhstan Should Prepare for a Repeat of the Flood]. *TASS-Nauka*, 2024, Apr. 12. URL: https://nauka.tass.ru/nauka/20530513?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_ referrer=google.com

12. Khamzina Sh.Sh. Ekologicheskaya otsenka lugovogo soobshchestva poymy reki Irtysh [Ecological Assessment of the Meadow Community of the Irtysh River Floodplain]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Fundamental Research], 2015, no. 2 (pt. 23), pp. 5145-5148.

13. Chibilev A.A. *Basseyn Urala: istoriya, geografiya, ekologiya* [Ural Basin: History, Geography, Ecology]. Yekaterinburg, Uralskoye otd-nie RAN, 2008. 312 p.

14. Yazykova T. Pavodki v Kazakhstane: v MChS rasskazali o tekushchey situatsii v regionakh [Floods in Kazakhstan: The Ministry of Emergency Situations

Reported on the Current Situation in the Regions]. *Zakon.kz*, 2024, Apr. 23. URL: https://www.zakon.kz/obshestvo/6431844-pavodki-v-kazakhstane-v-mchs-rasskazali-o-tekushchey-situatsii-v-regionakh.html

15. Bruins H.J. Proactive Contingency Planning Vis-A-Vis Declining Water Security in the 21st Century. *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 2000, vol. 8, no. 2, pp. 63-72.

16. Gerlak A.K., Mukhtarov F. 'Ways of Knowing' Water: Integrated Water Resources Management and Water Security as Complementary Discourses. *International Environmental Agreements*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 257-272. DOI: 10.1007/s10784-015-9278-5

17. Newsletter on the Transboundary Transfer of Toxic Components. *Kazhydromet*. URL: https://www.kazhydromet.kz/en/ecology/informacionnyy-byulleten-transgranichnogo-perenosa-toksichnyh-komponentov

18. *Progress on the Level of Water Stress: Global Status and Acceleration Needs for SDG Indicator 6.4.2*. Rome, FAO, UN Water, 2021. DOI: 10.4060/cb6241en

Information About the Authors

Kairat A. Abdrakhmanov, Vice President, Astana International University, Kabanbai batyra St, 8, 010000 Astana, Kazakhstan, kairat.amangeldyuly@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-7387-7191

Serghei V. Golunov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, SDU University, Abylai Khana St, 1/1, 040900 Kaskelen, Kazakhstan, sergei.golunov@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-5859-576X

Murat A. Muzdybayev, Researcher, International science complex Astana, Kabanbai batyra St, 8, 010000 Astana, Kazakhstan, murat2209@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-8273-2486

Yergali M. Karakulov, Researcher, International science complex Astana, Kabanbai batyra St, 8, 010000 Astana, Kazakhstan, ergali3006@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-8560-5097

Arman N. Kabdeshev, Researcher, International science complex Astana, Kabanbai batyra St, 8, 010000 Astana, Kazakhstan, armankabdesh@gmail.com, https://orcid.org/0009-0007-9688-5833

Информация об авторах

Кайрат Амангельдинович Абдрахманов, вице-президент, Международный университет Астаны, ул. Кабанбай батыра, 8, 010000 г. Астана, Казахстан, kairat.amangeldyuly@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-7387-7191

Сергей Валерьевич Голунов, доктор политических наук, профессор, Университет СДУ, ул. Абылай Хана, 1/1, 040900 г. Каскелен, Казахстан, sergei.golunov@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-5859-576X

Мурат Айткенович Муздыбаев, научный сотрудник, Международный научный комплекс «Астана», ул. Кабанбай батыра, 8, 010000 г. Астана, Казахстан, murat2209@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-8273-2486

Ергали Мухтарулы Каракулов, научный сотрудник, Международный научный комплекс «Астана», ул. Кабанбай батыра, 8, 010000 г. Астана, Казахстан, ergali3006@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-8560-5097

Арман Нурланулы Кабдешев, научный сотрудник, Международный научный комплекс «Астана», ул. Кабанбай батыра, 8, 010000 г. Астана, Казахстан, armankabdesh@gmail.com, https://orcid.org/0009-0007-9688-5833

www.volsu.ru

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.16

UDC 323.2-053.81(470+571)
LBC 66.3(2Рос),1

Submitted: 04.09.2024
Accepted: 10.10.2024

VECTORS OF TRANSFORMATION OF CIVIL ACTIVITY OF RUSSIAN YOUTH IN THE FIRST THIRD OF THE 21st CENTURY

Kirill M. Makarenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The adaptation mechanism of the state as a political institution determines the vectors of transformation of social interactions in the event of significant external and internal crises. Overcoming the consequences of the COVID-19 pandemic and the conduct of a special military operation by Russia in Ukraine leads to the formation of a new system of relations between the government and society, when the growth of trust in political institutions leads to the "shift" of local problems to the federal national level. *Methods and materials.* The methodological basis of the study is the theory of collective identity and individual provisions of the theory of rational choice. The empirical basis of the study is public opinion polls on the practices and forms of civic engagement, conducted by the largest domestic sociological centers. Specific research methods are statistical analysis of posts in Telegram, visualization by constructing a boxplot, and a histogram of the distribution of reactions to posts. An *analysis* of the forms and practices of civic engagement of young people in the Russian Federation during the COVID-19 and military operation periods showed that as a result of the increase in the level of political, institutional, and generalized trust in Russia, a number of vectors have been formed, the direction of which is dictated by the special military operation. *Results.* If the trend towards online, inclusivity, and locality is characteristic of civic engagement in countries that are not going through the crisis stage, then in Russia 2022–2024 the focus is determined by the mechanism of "civic mobilization," which is characterized by 1) digitalization; 2) a temporary shift in the scale of actions from the local to the federal level; and 3) a general increase in civic engagement among young people. *Funding.* The work was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research within the framework of the FZUU-2024-0005 project "Participation in elections as a family tradition: resources of the family institute and vectors of mobilization of civic engagement of modern Russian youth."

Key words: civic engagement, political process, political mobilization, modern Russia, crises.

Citation. Makarenko K.M. Vectors of Transformation of Civil Activity of Russian Youth in the First Third of the 21st Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 187-198. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.16

УДК 323.2-053.81(470+571)
ББК 66.3(2Рос),1

Дата поступления статьи: 04.09.2024
Дата принятия статьи: 10.10.2024

© Макаренко К.М., 2024

ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XXI ВЕКА

Кирилл Михайлович Макаренко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Адаптационный механизм государства как политического института определяет векторы трансформации социальных взаимодействий при возникновении значимых внешних и внутренних кризисов. Преодоление последствий пандемии COVID-19 и проведение специальной военной операции России на Украине приводит к формированию новой системы взаимоотношений между властью и обществом, когда рост доверия к политическим институтам приводит к смещению проблем локального характера на федеральный общенациональный уровень. *Методы и материалы.* Методологической основой исследования выступает теория коллективной идентичности и отдельные положения теории рационального выбора. В качестве эмпирической основы исследования представлены опросы общественного мнения населения о практиках и формах гражданской активности, проведенные крупнейшими отечественными социологическими центрами, такими как ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центр *. Конкретными методами исследования выступают статистический анализ постов в Telegram, визуализация посредством построения диаграммы размаха (boxplot) и гистограммы распределения реакций на постах. *Анализ* форм и практик гражданской активности молодежи РФ в период COVID-19 и СВО показал, что в результате повышения уровня политического, институционального и обобщенного доверия в России произошло формирование ряда векторов, направленность которых диктуется проведением специальной военной операции. *Результаты.* Если для гражданской активности в странах, не переживающих стадию кризиса, характерна тенденция на онлайн, инклюзивность, локальность, то в России 2022–2024 гг. направленность определяется механизмом «гражданской мобилизации», которой характерны: 1) цифровизация; 2) временное смещение масштаба акций с локального уровня на федеральный; 3) общий рост гражданской активности в среде молодежи. *Финансирование.* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ, Экспертного института социальных исследований в рамках проекта FZUU-2024-0005 «Участие в выборах как семейная традиция: ресурсы института семьи и векторы мобилизации гражданской активности современной российской молодежи».

Ключевые слова: гражданская активность, политический процесс, политическая мобилизация, современная Россия, кризисы.

Цитирование. Макаренко К. М. Векторы трансформации гражданской активности российской молодежи в первой трети XXI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 187–198. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.16

Введение. В XXI в. многие устойчивые в прошлом политические концепты начали переосмысляться, утрачивая в общественном сознании былую привлекательность. Так, дефиниции «демократия», «либерализм», «инклюзивность» перестали восприниматься в качестве синонимов развития и приобрели, во многом, спорное звучание. При этом концепт «гражданское общество» не только не утратил, но приобрел большую актуальность.

Выступая на форуме Агентства стратегических инициатив в июне 2023 г. президент РФ В.В. Путин отметил, что «общественные, предпринимательские, волонтерские инициативы – это настоящий мотор развития, а сильное, ответственное гражданское общество – основа суверенитета нашей страны» [15]. Тем самым главой государства были расставлены акценты, где развитие гражданского общества в период значимых глобальных кризисов становится одним из важнейших приоритетов государства и общества.

Любое общество, сталкиваясь с кризисными обстоятельствами как внешнего, так и внутреннего характера, проходит стадию институциональной адаптации, проявляемой как в форме трансформации «правил игры», так и изменения культуры и паттернов поведения граждан. Гипотеза исследования базируется на том, что проведение специальной военной операции России на Украине приводит к изменению устоявшейся в обществе системы доверия (институционального, межличностного, обобщенного) [12], которая, в свою очередь, обусловливает трансформацию практик гражданского участия, свойственного россиянам, в том числе (и особенно) молодежи.

Целью работы является определение направлений трансформации гражданской активности молодежи в современной России в ходе пандемии COVID-19, а также в период проведения специальной военной операции.

Методы и материалы. Гражданская активность представляет собой деятельность,

* Данная организация включена в единый реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в Российской Федерации.

выраженную публично и направленную на достижение общественного блага. Именно процессуальный и публичный характер отличает понятие гражданской *активности* от гражданского *участия*, которое может иметь как публичные, так и непубличные формы. Гражданская активность является производной от гражданского общества – результатом сплоченной деятельности отдельных групп людей для достижения общественно значимых целей.

С нашей точки зрения, несмотря на все обилие методологических подходов, релевантных для изучения гражданской активности, наиболее целостной и применимой в рамках настоящей статьи представляется теория коллективной идентичности, согласно которой фокус исследовательского внимания должен сосредоточиваться на выявлении механизмов соотнесения индивидуальных и коллективных интересов [25]. Американский экономист М. Олсон еще в 1960-е гг. убедительно доказал, что малые группы обладают гораздо более крепкими межличностными связями и преодолевают (в отличие от больших групп) проблему «безбилетника» («Free rider»), тем самым добиваясь достижения поставленной цели, которая значима как для всей группы в целом, так и для каждого индивида в частности [14, с. 14]. В этой связи гражданская активность базируется на деятельности вовлеченных и заинтересованных в решении определенной общественной проблемы индивидов, а расширение круга лиц, задействованных в различных формах активности, требует анализа причин мобилизации новых активистов.

Помимо этого, важно учитывать и ценностный контекст, который в кризисных ситуациях интенсивно меняется. Из исследований Р. Инглхарта мы знаем, что ценности молодежи могут меняться кардинально в условиях постмодерна [10]. В данном случае в работе будет сделан акцент на изучении ценностных сдвигов, произошедших в отношении российской молодежи в период пандемии COVID-19, а также в условиях СВО и последовавшей за этим трансформации практик гражданской активности.

В дискурсе общественных наук (как политологии, так и социологии) зачастую понятия «гражданская активность», «гражданское участие», «политическая активность» и т. д. используются как синонимичные и взаимозаменяемые. Однако это не верно, так как концепт «гражданская» или «политическая» являются предикатами, то есть определяют характер деятельности, а «активность» и «участие» подразумевают форму деятельности. Если «участие» может быть как активным, так и пассивным, то «активность» подразумевает интенсивность в выполнении той или иной деятельности. Проведением линии демаркации между предикатами занимались исследователь Б. Чековей и А. Алдана, которые предлагали понимать под гражданским участием «процесс, в ходе которого люди предпринимают коллективные действия для решения вопросов, представляющих общественный интерес» [22, p. 1894]. Политическая активность (или участие), в свою очередь, подразумевает, что целью деятельности является достижение определенных политических (связанных с вопросами власти) целей.

Гражданская активность присуща как обществу в целом, так и отдельным социально-демографическим когортам в частности. Молодежь представляется особой социально-демографической группой, ключевой характеристикой которой является переход от детства к социальной ответственности, то есть к деятельности, приносящей пользу не только самому индивиду, но и его семье, рабочему коллективу, обществу, государству. Возрастные рамки молодежи нестатичны. При подготовке к Международному году молодежи в 1985 г. в ООН определили «молодежь» в возрастную когорту 15–24 года [26]. С учетом того, что средний срок и качество жизни значительно выросли в последующие годы, это привело и к смещению порога определения возраста молодежи. Так, в РФ после принятия в 2020 г. закона о молодежной политике молодежью стали считаться люди в возрасте от 14 до 35 лет включительно, а общая численность молодежи составляла в 2020 г. 39,1 млн человек [9]. Изучение молодежи представляется важным не только ввиду того, что именно ей предстоит «строить» будущее общества и государства, но и ввиду того, что молодежи свойственна большая общественная динамика. Практики, востребованные молодежью, постепенно интегрируются и в деятельность

иных социально-демографических групп, что актуализирует необходимость их изучения.

Анализ. Существует огромное множество форм гражданской активности. Так, на сайте Левада-центр * представлены результаты опроса населения РФ о гражданской активности. В качестве наиболее популярных были выделены следующие виды:

1) отдавать безвозмездно одежду, вещи малоимущим / пострадавшим от стихийных бедствий;

2) посещать образовательные курсы, семинары, слушать лекции в Интернете, заниматься самообразованием;

3) жертвовать деньги на общественно полезные цели;

4) объединяться с другими людьми для решения общих проблем, защиты прав;

5) обращаться с запросом, жалобой, заявлением в государственные органы;

6) принимать участие в собрании / заседании какого-либо общества / ассоциации / товарищества / клуба, подписывать коллективные обращения, петиции;

7) работать волонтером, добровольцем [7].

Стоит заметить, что выделенные виды гражданской активности расставлены Левада-центром * в порядке популярности у респондентов (отражающих характеристики всего населения страны), но для молодежи будет характерно иное распределение данных видов. Так, например, работа волонтером занимает последнее место в перечне форм гражданской активности среди всего населения РФ, однако для молодежи добровольчество является одной из наиболее популярных практик гражданской активности.

Интересно то, что волонтерство приобрело массовость в России в контексте реализации больших международных мероприятий. Именно с проведением Зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи и с Чемпионатом Мира по футболу 2018 г. связывалось формирование такого массового движения. Сейчас же волонтерство приобрело гораздо более широкие форматы, не ограничивающиеся помощью в проведении форумов и спортивных мероприятий. Власти создают институциональную основу для популяризации волонтерства посредством введения «книги волонтера», которая дает преимущества при поступлении в вузы.

О важности и востребованности волонтерства среди наиболее юных представителей молодежи говорят результаты исследований Левада-центра *. По данным на ноябрь 2019 г. в возрастной когорте 30–34 лет работали волонтерами, добровольцами 9 %, среди 26–29 – 12 %, 21–25 – 25 %, а в возрастном диапазоне 16–20 лет – целых 37 % [8]. Интересно то, что ни в одной из иных форм гражданской активности (кроме «занятий в спортивной секции, кружке по интересам, творческом коллективе») респонденты 16–20 лет не демонстрируют высоких результатов по отношению к более возрастной молодежи, зачастую, наоборот, они демонстрируют меньшую вовлеченность. Помимо этого, в исследовании В.В. Маленкова (опрос молодежи г. Тюмень в 2021 и 2023 гг.) отмечается тренд на снижение гражданской активности в таких формах, как участие в выборах, подписание петиций, обращений, политическая агитация и т. д., при увеличении участия в социальных проектах, волонтерстве, добровольческих мероприятиях, выдвижении социальных инициатив и др. [11, с. 106]. Политические формы активности молодежи заменяются более широкой социальной повесткой, направленной на вовлечение большего объема населения.

В декабре 2023 г. эксперты ВЦИОМ отметили, что в 2023 г. число людей, занимающихся волонтерством стало максимальным с начала наблюдений. В качестве причины этому назван «рост солидарности и активизация гражданской активности в российском обществе на фоне СВО» [3]. По данным ФП «Социальная активность» в России на 2023 г. насчитывалось 13,7 млн человек. Женщины составляют 70 % от общего числа волонтеров, тогда как мужчины – 30 %. Средний возраст волонтеров – 25 лет [16].

«Омолаживание» гражданской активности в последние годы становится результатом как осознанного выбора самих граждан (в том числе и молодежи), так и деятельности институтов власти по увеличению масштабов и

* Данная организация включена в единый реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в Российской Федерации.

потенциала гражданского участия. В этой связи особый интерес приобретает анализ практик проявления гражданской активности молодежи школьного возраста. Стоит отметить исследования Е.И. Васильевой и Т.Е. Зерчаниновой, связанные с фиксацией уровня гражданского участия российской молодежи и школьников. В качестве конкретных мероприятий гражданской активности выделяются: 1) участие в благотворительности; 2) флешмобы; 3) волонтерство; 4) участие в мероприятиях для молодежи; 5) участие в деятельности молодежной думы / молодежном совете при органах местного самоуправления; 6) онлайн-активность. Сравнение результатов ответов «Да» между молодежью и школьниками показывает, что последние проявляют большую активность во всех формах участия, за исключением двух последних пунктов. Самой популярной формой активности для школьников является волонтерство, а для молодежи – участие в мероприятиях для молодежи (конкурсах, форумах, конференциях) [1, с. 62]. В качестве важнейшего фактора интенсификации гражданской активности авторы считают «вовлечение молодежи в деятельность общественных организаций и гражданских инициатив в школе» [1, с. 67]. В этой связи активизация гражданской активности является системной работой государственных, социальных и образовательных институтов. В данном контексте примечательна работа по внедрению в образовательные программы высшего образования курсов «Основы российской государственности» и «Обучение служением» (а также «Разговоры о важном» для обучающихся среднего общего и среднего профессионального образования), которые призваны сформировать у обучающихся ценности патриотизма, гражданственности, взаимопомощи, взаимовыручки, которые являются ценностным фундаментом гражданской активности.

В ходе проведения круглого стола Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) в 2023 г. руководитель практики политического анализа ВЦИОМ М. Мамонов отмечал, что гражданское участие «стало новой социальной нормой – участие, помощь, содействие. Сегодня 55 % россиян заявляют о том, что они помогают жителям новых территорий, российским военным, солдатам» [4]. Безусловно, драйвером роста гражданской активности стало экстраординарное событие, каковым является проведение специальной военной операции. В отечественной культуре тяжелые события в стране традиционно становятся фундаментом сплочения нации.

С нашей точки зрения, высокий уровень гражданской активности в период СВО – результат существенного роста доверия к основным политическим институтам и, как следствие, повышения обобщенного уровня доверия в обществе. Рост уровня межличностного доверия является важнейшим (или одним из важнейших) фактором развития гражданских объединений, направляющих свою совместную деятельность на решение общественно значимых задач. Именно в среде молодежи наличествовал наивысший прирост доверия к основным политическим институтам, чем можно объяснить и большую скорость вовлечения в гражданскую активность именно этой социально-демографической группы в период СВО.

В исследовании коллектива авторов Центра социокультурных исследований, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (А.Н. Татарко, Е.В. Бушина, А.А. Миронова) доказывается, что индекс институционального доверия позитивно коррелирует с политическим онлайн-активизмом (голосование, пожертвование), но не связан статистически с показателем политического самовыражения в Интернете (участие в подписании петиций, ведение блогов, телеграм-каналов) [18, с. 194–195].

Зафиксированный рост доверия молодежи институтам власти привел к кардинальной смене внутриполитического конфликтного тренда. В 2017 г. исследователи Ю.Л. Говоров и Б.П. Незоров фиксировали значительное снижение уровня как политической, так и гражданской активности, причиной чему было названо состояние отчуждения «от власти и государства существенной части населения, полагающего, что не способно влиять на принимаемые государственные решения, которые, как правило, мало влияют на улучшение повседневной жизни граждан» [6, с. 4]. После 2022 г. произошло снижение неконвенциональных форм гражданской и политической актив-

ности, причиной чему выступило не только ужесточение законодательства, но и снижение потенциальной базы протестующих ввиду роста доверия к основным политическим институтам РФ.

Помимо этого, рост гражданской активности связывается и с увеличением чувства значимости собственных сил. Социологи Высшей школы экономики в 2020 г. зафиксировали, что на фоне пандемии COVID-19 существенно вырос уровень «гражданской активности и веры в собственные силы» [5]. Под верой в собственные силы понимается ощущение возможности повлиять на происходящее на локальном уровне. И если в период пандемии вера в собственные силы продуцировалась снизу, то в период проведения СВО она формируется в результате как внутреннего (единство), так и внешнего (мобилизационного) воздействия.

Особый интерес вызывают результаты опроса о взаимопомощи, проведенного в 2020 г. ФОМ. Молодежь (18–30 лет) продемонстрировала существенно отличающееся от представителей других поколений поведение. Среди молодежи менее явно выражена позиция, согласно которой Россию можно отнести к категории стран, где люди склонны помогать друг другу (56 % разделяют эту позицию, тогда как для населения в целом результат составляет 74 %). В то же время на вопрос о том, стали ли люди в период пандемии с большей готовностью помогать друг другу, именно в молодежной когорте положительный ответ был наиболее выраженным (48 % – молодежь, 41 % – население в целом) [2]. Подобная тенденция является свидетельством постепенного включения молодежи, как посредством государственной протекции, так и в результате общественной моды, в различные формы гражданской активности. Этот тренд, проявившийся в период Ковида, стал более явным и массовым в ходе СВО.

Существенным стимулом к росту гражданской активности молодежи стала и более выраженная степень «заметности» и поддержки со стороны других граждан. Так, по данным ВЦИОМ, на вопрос «Замечаете ли Вы сегодня общественную активность российской молодежи или нет? И если да, то эта активность, по Вашему мнению, скорее на пользу нашему обществу / стране или во вред?» существенно увеличился процент голосов за вариант ответа «Скорее на пользу» с 34 до 43 % (вызвано это в первую очередь снижением доли ответов респондентов на вопрос «Скорее во вред» с 9 до 4 %. При этом, несмотря на положительную динамику, наиболее популярным ответом был и остается следующий: «Не замечаю особой активности молодежи» (44 % в 2012 г. и 45 % в 2023 г.) [13]. Результаты носят амбивалентный характер: с одной стороны, значительно увеличился позитивный отклик на гражданскую активность молодежи, но с другой стороны, крайне высоким остается процент тех, кто никакой активности со стороны молодежи не замечает. Мы это связываем, как правило, с тем, что активность замечают, прежде всего, две группы людей: сами активисты и те, кто являются объектами помощи / активности. Значимая доля граждан РФ не замечает активности молодежи в связи с тем, что деятельность отдельных активистов и общественных групп не связана с решением конкретных проблем этих граждан.

Важный аспект гражданского участия – мотивация к ее проявлению в различных социально-демографических группах. Так, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН И.Н. Трофимова отмечала, что для молодежи гражданская активность является формой самореализации и самовыражения, тогда как для представителей более возрастных когорт гражданская активность – результат работы устойчивых социальных ценностей [19, с. 14]. В этой связи молодежь обладает гораздо большим потенциалом к росту гражданской активности, так как выраженное желание выделиться, самореализоваться представляется одной из ключевых ценностей молодых людей. В свою очередь, к более возрастным когортам применима теория «социального действия», согласно которой люди воспроизводят действия, которые наблюдают в своем окружении (либо наблюдали ранее). Данный эффект способен демонстрировать рост, но не экспоненциальный.

Гражданская активность неразрывно связана с политической активностью. В целом ряде исследований приводятся убедительные доказательства их прямой корреляции.

Одно из наиболее интересных наблюдений относительно гражданской и политической активности было представлено в книге М. Барретта и Д. Пачи: уровень гражданской и политической активности молодежи пропорционален уровню участия взрослых, при этом сам характер участия и его виды существенно различаются при сравнении от одной страны к другой [21, p. 76–77]. Данный вывод является отражением восприятия молодежью родительского опыта при участии в жизни общества.

Зачастую участие в гражданской активности положительно коррелирует с проявляемым интересом к политике. Так, по данным ФОМ, в последние годы наблюдается устойчивый тренд на рост интереса к политике (рис. 1).

Рост интереса к политике в том числе проявляется в повышении готовности участвовать в различных формах гражданской и политической активности. Одной из наиболее популярных форм гражданской (политической) активности являются выборы. Традиционно, чем выше статус выборов, тем выше явка, что является не только результатом работы политтехнологов и реализации административного ресурса, но и восприятием выборов на должность президента, депутатов Государственной думы как чего-то важного, в отличие от выборов регионального и особенно муниципального характера. Участие в выборах продуцирует и множество смежных форм гражданской активности.

Как уже было отмечено выше, гражданская активность молодежи зачастую формируется под влиянием семьи. В этом контексте особого внимания заслуживает акция «ВсейСемьейНаВыборы», проводимая в период выборов Президента РФ 14–17 марта 2024 года. В контексте исследования мы предприняли попытку собрать данные, чтобы оценить степень «отклика» населения на данную акцию. Материалы для анализа были получены на открытых данных с помощью различных парсинговых систем медиааналитики. В качестве анализа мы использовали посты в Telegram, которые содержат хештег «ВсейСемьейНаВыборы». В рамках исследования было принято решение, что анализ данных постов и реакций на них в мессенджере Telegram является адекватным методом оценки вовлеченности в акцию. Не взаимодействуя с информантами напрямую, мы способны получить первичную информацию, основанную на конкретной активности, так как реакция, в отличие от просмотра, требует от пользователя совершения действия. Пользователь может как солидаризироваться с другими агентами, выбрав одну из представленных реакций, так и выбрать новую, ранее не использованную другими субъектами. При этом сам характер реакции в данном исследовании не поддается анализу.

В результате категориально-текстового анализа мы выделили четыре основные категории постов:

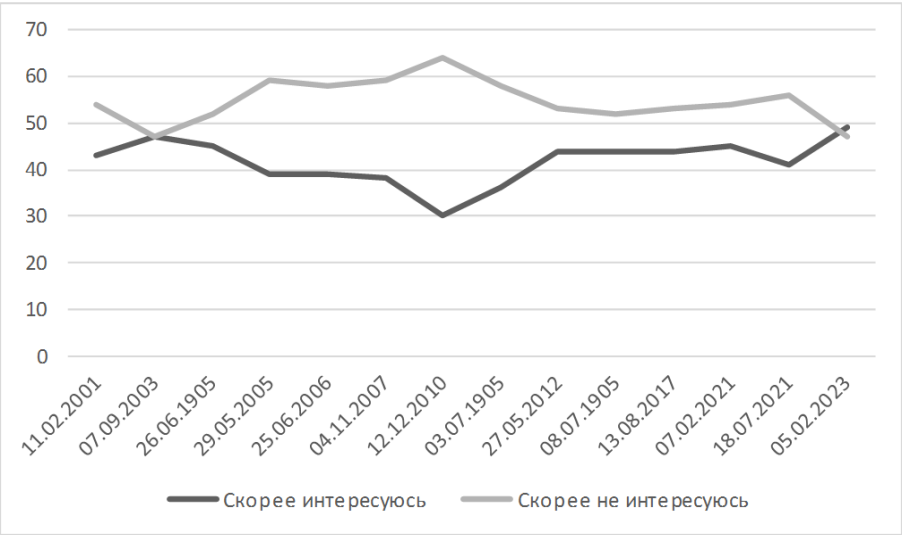

Рис. 1. Личный интерес к политике (по данным ФОМ [20])
Fig. 1. Personal interest in politics (according to FOM data [20])

1. Подарок за участие. Например, в Татарстане разыгрывали три автомобиля среди участников акции.

2. Апелляция к традиции. В телеграм-канале #кобзевнасвязи автор пишет о том, что традиционно вместе с семьей принимает участие в выборах на определенном участке, призывая читателей принять участие в выборах.

3. Прямой призыв принять участие в выборах, как это представлено в телеграм-канале «ПУЛЕМЁТ ДЕГТЯРЁВА Z».

4. Информационный пост, содержащий данные о времени, месте и характере мероприятия, как это представлено в канале «Город Иркутск».

Тем самым власть, как местная, региональная, так и федеральная, осознает доминанту коллективизма в политической культуре российских граждан (по крайней мере значимой ее части), всячески вовлекая как в политическую, так и гражданскую активность не отдельных индивидов, а целостные ячейки общества. Семейное участие в выборах является основой для формирования значимого гражданского (политического) паттерна поведения о важности участия в жизни общества. Подтверждением этому тезису является исследование А. Кудрнац, проведенное на основе опроса чешской молодежи. Один из выводов автора гласит: «если ни один из родителей не голосовал в прошлом (по словам студента-респондента), вероятность явки составляет 47 %. Однако вероятность участия подростков в голосовании возрастает до 70 %, если хотя бы один из родителей часто голосовал в прошлом, и увеличивается еще больше до 81 %, если голосовали оба родителя» [24, p. 53]. В этом плане вывод, сделанный на основе данных, собранных в Чехии, релевантен и для российской молодежи.

Сформированный датасет постов в Telegram в период с 14 по 17 марта 2024 г. составляет 13 623 строки (поста), а также 12 столбцов (Дата публикации, Название источника, Тип источника, Репост из; Кол-во подписчиков; Просмотров; Пересылок; Комментариев; Реакций; Ссылка на публикацию в Telegram; Медиа содержимое; Текст публикации). Для дальнейшей статистической обработки можно выбрать любой из ключевых показателей: просмотры, пересылки, комментарии, реакции, но в рамках исследования мы решили сосредоточиться именно на реакциях, так как они являются самым показательным критерием активности и заинтересованности аудитории, который требует от пользователя совершения действия. В отличие от комментария, реакция конкретного пользователя не видна другим пользователям, что дает возможность сохранить анонимность, но выразить при этом определенную эмоцию (согласие, раздражение, неприятие и т. д.).

Мы решили отобразить среднее распределение реакций на постах, содержащих хештег «ВсейСемьейНаВыборы», посредством использования функции plt.boxplot(reaction); plt.show() на языке программирования Python. Ввиду наличия подавляющего количества постов, не содержащих никаких реакций (N = 12 335), было принято решение отфильтровать датасет, исключив подобные посты. После фильтрации была построена гистограмма, которая показывала достаточно большой размах в данных, что подтверждается и показателями описательной статистики (min и max). Мы ограничили графический анализ 10 процентилем снизу и 90 процентилем сверху, тем самым обработав часть выбросов, и заново построили boxplot и гистограмму, передав в нее параметр bins = 20 для лучшей визуализации. В конечном итоге получили визуальное отображение распределения реакций на соответствующих постах (см. рис. 2).

Как мы можем убедиться, медианным значением реакций является 8. Среднее число всех случаев (числа реакций) находится в диапазоне от 5 до 15 (см. рис. 3).

Количественно абсолютное большинство реакций (если исключить те случаи, когда реакций вообще нет) находится в диапазоне от 2 до 20. На основе визуализации данных мы можем сделать вывод, что акция не возымела широкой реакции со стороны социума и осталась фактически не замеченной (по крайней мере в Telegram). Отдельные посты и практики не меняют картину по всей совокупности случаев.

В исследовании А.В. Соколова и Я.В. Барского, проведенном посредством опроса 230 экспертов из 23 регионов РФ в 2021 г., отмечается, что степень развития гражданской онлайн-активности находится на высоком

уровне (6,16 баллов по шкале от 0 до 10, где «0» – отсутствие развитости, а «10» – максимальная степень развитости). При этом экспертами фиксировалась высокая степень воздействия онлайн-активности на общественно-политическую ситуацию в регионах страны [17, с. 44]. Мы согласны с экспертами в том, что онлайн-активность была не только трендовой, но и объективно влияющей на офлайн-политику в 2021 году. При этом нужно заметить, что в период проведения СВО заметна тенденция к смещению активности в сторону реальных дел. С учетом роста таких форм гражданской активности, как волонтерство, сбор и отправка гуманитарных грузов, помощь бойцам СВО, жителям приграничных территорий и т. д. онлайн-активность начинает восприниматься (уже не только исследователями, но и обывателями) как, в большей степени, симуляция реальной деятельности. По всей видимости, именно этим обусловлено отсутствие (либо низкий уровень) реакций на акцию «ВсейСемьейНаВыборы». При крайне высокой явке на выборах президента 2024 г. очевидным становится, что люди принимали активное участие в выборах именно семьями, но не фиксировали это в онлайн-пространстве. Отдельные посты оставались прерогативой блогеров и иных публичных деятелей, а также муниципальных и государственных структур.

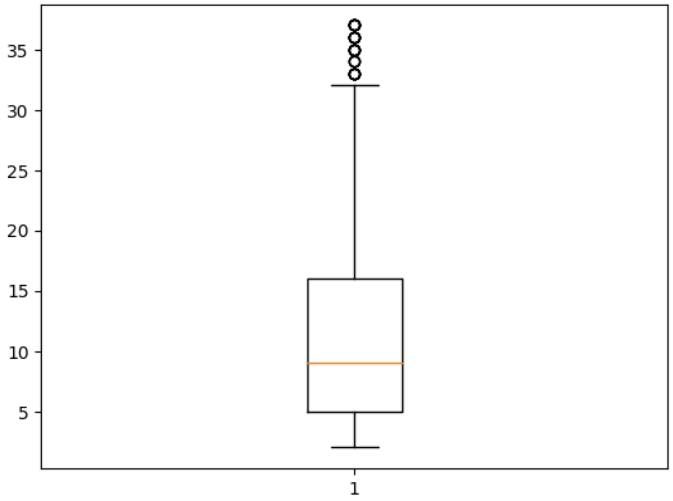

Рис. 2. Диаграмма размаха (boxplot) распределения реакций на постах

Fig. 2. Boxplot of distribution of reactions on posts

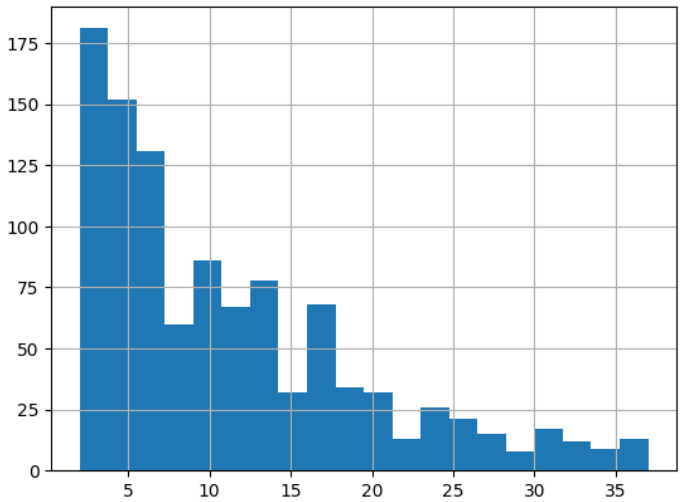

Рис. 3. Гистограмма распределения реакций на постах

Fig. 3. Histogram of distribution of reactions on posts

Отдельные практики, фиксируемые в общественном пространстве, образуют тенденции или направления, согласно которым развиваются те или иные процессы. В отношении гражданской активности молодежи исследователь С. Филлет выделяет три тенденции: онлайн, инклюзивность, локальность (online, inclusive, and local) [23]. Мы согласны с автором, что указанные тенденции отражают в целом характер и направления гражданской активности молодежи, но эти тенденции проявляются и фиксируются, прежде всего, в нормальных рутинных условиях. В период проведения СВО характер гражданского участия претерпевает сущностные изменения.

Гражданская активность молодежи в России находится в стадии трансформации и на современном этапе представляется возможным выделить три вектора ее развития: 1) цифровизация; 2) временное смещение масштаба акций с локального уровня на федеральный; 3) общий рост гражданской активности в среде молодежи. Если первый вектор задан глобальными тенденциями, то второй и третий являются производными кризисных обстоятельств, в которых находится российское общество. Условно нынешнее состояние социума можно назвать «гражданская мобилизация», то есть активизация (как с помощью внешних, так и внутренних стимулов) общества на решение коллективной проблемы. При этом логика любого мобилизованного состояния подразумевает и дальнейшую демобилизацию, за которой последует снижение темпов гражданской активности и переориентация ее на локальные вопросы. Определение форм, тенденций и перспектив развития гражданской активности молодежи является актуальной исследовательской задачей, решение которой представляет существенный научный интерес.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е. Гражданское участие российских школьников // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 55–69.

2. Взаимопомощь во время пандемии // ФОМ. 12.05.2020. URL: https://fom.ru/TSennosti/14393

3. Волонтеры России: мониторинг // ВЦИОМ. 04.12.2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-rossii-monitoring

4. ВЦИОМ: гражданская активность стала новой социальной нормой для россиян // ТАСС. 22.02.2023. URL: https://tass.ru/obschestvo/17118391

5. ВШЭ сообщила о росте глубинной гражданской активности россиян // РБК. 07.12.2020. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fcce52b9a794796ff111ca6

6. Говоров Ю. Л., Незоров Б. П. Политическая и гражданская активность россиян // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социальные и экономические науки. 2017. № 2. С. 4–10.

7. Гражданская активность // Левада-центр *. 07.07.2022. URL: https://www.levada.ru/2022/07/07/grazhdanskaya-aktivnost-4/

8. Гражданский активизм российской молодежи // Левада-центр *. 01.10.2020. URL: https://www.levada.ru/2020/10/01/grazhdanskij-aktivizm-rossijskoj-molodezhi/

9. Емельяненко В. Численность молодежи в России достигла 39,1 млн человек // RG.RU. 12.08.2021. URL: https://rg.ru/2021/08/12/chislennost-molodezhi-v-rossii-dostigla-391-mln-chelovek.html

10. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997. № 4. С. 18–28.

11. Маленков В. В. Профили гражданской активности молодежи: опыт участия, вовлеченность, ценности // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2023. № 17 (4). С. 102–114. DOI: https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-4-102-114

12. Морозов С. И., Макаренко К. М. Доверие современной российской молодежи политическим институтам в условиях кризисных потрясений // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 3. С. 16–28. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.2

13. Общественная активность молодежи // ВЦИОМ. 10.08.2022. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi

14. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ, 1995. 174 с.

15. Путин назвал сильное, ответственное гражданское общество основой суверенитета страны // ТАСС. 29.06.2023. URL: https://tass.ru/politika/18149897

* Данная организация включена в единый реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в Российской Федерации.

16. Росмолодежь: Число волонтеров в РФ превышает 13,7 млн человек // RG.RU. 24.08.2023. URL: https://rg.ru/2023/08/24/rosmolodezh-chislo-volonterov-v-rf-prevyshaet-137-mln-chelovek.html

17. Соколов А. В., Барский Я. В. Интернет-активизм как феномен цифровизирующейся гражданской активности // Власть. 2021. № 6. С. 42–47.

18. Татарко А. Н., Бушина Е. В., Миронова А. А. Взаимосвязь институционального доверия и политической активности онлайн // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 3. С. 186–199.

19. Трофимова И. Н. Поколенческий фактор гражданской активности в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2 (10). С. 5–17.

20. Участие молодежи в политической жизни страны // ФОМ. 28.02.2023. URL: https://fom.ru/Politika/14842

21. Barrett M. Macro Contextual Factors Linked to Youth Civic and Political Engagement // Youth Civic and Political Engagement (Chapter 4). London, 2019. P. 76–105.

22. Checkoway B., Aldana A. Four Forms of Youth Civic Engagement for Diverse Democracy // Children & Youth Services Review. 2013. № 35. P. 1894–1899.

23. Fillet S. Trends for Youth Civic Engagement: Online, Inclusive, and Local. GoVocal. Formerly CitizenLab. 06.09.2023. URL: https://www.govocal.com/blog/trends-for-youth-civic-engagement-online-inclusive-and-local-2

24. Kudrnac A., Lyons P. Parental Example as a Motivation for Turnout Among Youths // Political Studies. 2017. № 65. P. 43–63.

25. Stürmer S., Simon B. Pathways to Collective Protest: Calculation, Identifi Cation, or Emotion? A Critical Analysis of the Role of Group-Based Anger in Social Movement Participation // Journal of Social Issues. 2009. № 65 (4). P. 681–705.

26. Youth // United Nations. URL: https://www.un.org/en/global-issues/youth

REFERENSES

1. Vasilyeva E.I., Zerchaninova T.E. Grazhdanskoe uchastie rossiyskih shkolnikov [Civil Participation of Russian Schoolchildren]. *Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravleniye* [Scientific Result. Sociology and Management], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 55-69.

2. Vzaimopomoshch vo vremya pandemii [Mutual Aid During the Pandemic]. *FOM* [Public Opinion Foundation], 2020, May 12. URL: https://fom.ru/TSennosti/14393

3. Volontery Rossii: monitoring [Volunteers in Russia: Monitoring]. *VCIOM* [Russian Public Opinion Research Center], 2023, Dec. 4. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-rossii-monitoring

4. VCIOM: grazhdanskaya aktivnost stala novoy sotsialnoy normoy dlya rossiyant [VCIOM: Civic Activity Has Become a New Social Norm for Russians]. *TASS*, 2023, Febr. 22. URL: https://tass.ru/obschestvo/17118391

5. VShE soobshchila o roste glubinnoy grazhdanskoy aktivnosti rossiyan [HSE Reports an Increase in Deep Civic Activism of Russians]. *RBC*, 2020, Dec. 7. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fcce52b9a794796ff111ca6

6. Govorov Yu.L., Nezorov B.P. Politicheskaya i grazhdanskaya aktivnost rossiyan [Political and Civic Activity of Russians]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsialnye i ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Social, and Economic Sciences], 2017, no. 2. pp. 4-10.

7. Grazhdanskaya aktivnost [Civil Activity]. *Levada-tsentr* [Levada Center], 2022, July 7. URL: https://www.levada.ru/2022/07/07/grazhdanskaya-aktivnost-4/

8. Grazhdanskiy aktivizm rossiyskoy molodezhi [Civic Activism of Russian Youth]. *Levada-tsentr* [Levada Center], 2020, Oct. 1. URL: https://www.levada.ru/2020/10/01/grazhdanskij-aktivizm-rossijskoj-molodezhi/

9. Emelyanenko V. Chislennost molodezhi v Rossii dostigla 39,1 mln chelovek [Number of Youth in Russia Reached 39.1 Million People]. *RG.RU*, 2021, Aug. 12. URL: https://rg.ru/2021/08/12/chislennost-molodezhi-v-rossii-dostigla-391-mln-chelovek.html

10. Inglehart R. Postmodern: menayushchiesya tsennosti i izmenyayushchiesya obshchestva [Postmodern: Changing Values and Changing Societies]. *Politicheskie issledovaniya* [Political Studies], 1997, no. 4, pp. 18-28.

11. Malenkov V.V. Profili grazhdanskoy aktivnosti molodezhi: opyt uchastiya, vovlechennost, tsennosti [Profiles of Civic Activity of Youth: Experience of Participation, Involvement, Values]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Series: Political Science], 2023, no. 17 (4), pp. 102-114. DOI: https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-4-102-114

12. Morozov S.I., Makarenko K.M. Doverie sovremennoy rossiyskoy molodezhi politicheskim institutam v usloviyah krizisnyh potryaseniy [Trust of Modern Russian Youth in Political Institutions in Conditions of Crisis Shocks]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023,

vol. 28, no. 3, pp. 16-28. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.2

13. Obshchestvennaya aktivnost molodezhi [Public Activity of Youth]. *VCIOM* [Russian Public Opinion Research Center], 2022, Aug. 10. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi

14. Olson M. *Logika kollektivnykh deystviy. Obschestvennye blaga i teoriya grupp* [Logic of Collective Action: Public Goods and Group Theory]. Moscow, FEI, 1995. 174 p.

15. Putin nazval silnoe, otvetstvennoe grazhdanskoe obshchestvo osnovoy suvereniteta strany [Putin Called a Strong, Responsible Civil Society the Foundation of the Country's Sovereignty]. *TASS*, 2023, June 29. URL: https://tass.ru/politika/18149897

16. Rosmolodezh: Chislo volonterov v RF prevyshaet 13,7 mln chelovek [Russian Youth: Number of Volunteers in Russia Exceeds 13.7 Million]. *RG.RU*, 2023, Aug. 24. URL: https://rg.ru/2023/08/24/rosmolodezh-chislo-volonterov-v-rf-prevyshaet-137-mln-chelovek.html

17. Sokolov A.V., Barskiy Ya.V. Internet-aktivizm kak fenomen tsifroviziruyushcheysya grazhdanskoy aktivnosti [Internet Activism as a Phenomenon of Digitizing Civic Activity]. *Vlast* [Power], 2021, no. 6, pp. 42-47.

18. Tatarko A.N., Bushina E.V., Mironova A.A. Vzaimosvyaz institutsionalnogo doveriya i politicheskoy aktivnosti onlayn [Relationship Between Institutional Trust and Political Activity Online]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Issues of Theoretical Economics], 2024, no. 3, pp. 186-199.

19. Trofimova I.N. Pokolenchenskiy faktor grazhdanskoy aktivnosti v rossiyskom obshchestve [Generational Factor of Civic Activity in Russian Society]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 2015, no. 2 (10), pp. 5-17.

20. Uchastie molodezhi v politicheskoy zhizni strany [Youth Participation in the Country's Political Life]. *FOM* [Public Opinion Foundation], 2023, Febr. 28. URL: https://fom.ru/Politika/14842

21. Barrett M. Macro Contextual Factors Linked to Youth Civic and Political Engagement. *Youth Civic and Political Engagement (Chapter 4)*. London, 2019, pp. 76-105.

22. Checkoway B., Aldana A. Four Forms of Youth Civic Engagement for Diverse Democracy. *Children & Youth Services Review*, 2013, no. 35, pp. 1894-1899.

23. Fillet S. *Trends for Youth Civic Engagement: Online, Inclusive, and Local. GoVocal. Formerly CitizenLab*, 2023, Sept. 6. URL: https://www.govocal.com/blog/trends-for-youth-civic-engagement-online-inclusive-and-local-2

24. Kudrnac A., Lyons P. Parental Example as a Motivation for Turnout Among Youths. *Political Studies*, 2017, no. 65, pp. 43-63.

25. Stürmer S., Simon B. Pathways to Collective Protest: Calculation, Identification, or Emotion? A Critical Analysis of the Role of Group-Based Anger in Social Movement Participation. *Journal of Social Issues*, 2009, no. 65 (4), pp. 681-705.

26. Youth. *United Nations*. URL: https://www.un.org/en/global-issues/youth

Information About the Author

Kirill M. Makarenko, Candidate of Sciences (Politics), Senior Lecturer, Department of Sociology and Political Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, makarenko_km@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-1161-5719

Информация об авторе

Кирилл Михайлович Макаренко, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, makarenko_km@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-1161-5719

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.17

UDC 323.1
LBC 63.3(4)

Submitted: 22.09.2023
Accepted: 29.01.2024

"COLONIAL QUESTION" IN EUROPEAN COLLECTIVE MEMORY: REVIEW OF RECENT STUDIES

Galina A. Nelaeva

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The "critical turn" in modern humanities and social sciences has led researchers to rethink the contemporary global processes in terms of the inclusion/exclusion of actors in accepted narratives. The "women's question" and "the voice of the subalterns" represent only a small part of hotly debated topics in academia and in the public sphere. Research on the memory of the traumatic past in European countries is also highly topical due to the fact that when faced with modern challenges, the European Union is trying to "re-assemble" its identity and declare itself as a global player, an actor with unity and certain "common values," among which is shared memory of the past. *Methods and materials*. Through comprehensive analysis of recent research on the memory of colonialism in European countries, four countries are compared: France, Great Britain, Belgium, and the Netherlands. *Analysis*. A group of factors is identified that influence the perception of the past and its representation in urban places, in public discussions, on television, in mass culture, etc. Such factors include, in particular, the presence of a large and organized diaspora from the former colonies, the spread of modern technologies, the activities of veterans' and former settlers' associations, the interest of the younger generation in their past, etc. *Results*. As the study shows, the memory of the past continues to be a complex and contradictory phenomenon in the cultural and political life of European countries. Official discourses of memory are constantly challenged by actors who disagree with the interpretation of past events. The process of accepting the tragic past is not always accompanied by concrete measures, such as the payment of reparations, ceremonies to commemorate the victims of atrocities, memorial days, etc., and among the population there is still nostalgia for the colonial past.

Key words: colonial past, historical memory, European Union, France, Great Britain, Belgium, Netherlands.

Citation. Nelaeva G.A. "Colonial Question" in European Collective Memory: Review of Recent Studies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 199-210. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.17

УДК 323.1
ББК 63.3(4)

Дата поступления статьи: 22.09.2023
Дата принятия статьи: 29.01.2024

«КОЛОНИАЛЬНЫЙ ВОПРОС» В ЕВРОПЕЙСКОЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ: ОБЗОР НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Галина Александровна Нелаева

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* «Критический поворот» в современных гуманитарных и социальных науках заставил исследователей переосмыслить процессы, происходящие в мире, с точки зрения включения / исключения акторов в принятые нарративы. «Женский вопрос», «голос субальтернов» представляют лишь

© Нелаева Г.А., 2024

малую часть тем, вокруг которых в настоящее время ведутся споры как в академической среде, так и в публичном поле. Исследования памяти о травмирующем прошлом в европейских странах также являются актуальными, так как, сталкиваясь с современными вызовами, Европейский союз пытается «пересобрать» свою идентичность и заявить о себе как о глобальном игроке, акторе, обладающем единством и разделяющем «общие ценности», к которым относится и память об общем прошлом. *Методы и материалы*. Путем комплексного анализа недавних исследований памяти о колониализме в европейских странах, сравниваются четыре страны: Франция, Великобритания, Бельгия и Нидерланды. *Анализ*. Выявлено, что на восприятие прошлого и его репрезентацию в городском пространстве, общественных дискуссиях, на телевидении, в массовой культуре и т. д. влияет следующая группа факторов: наличие многочисленной и организованной диаспоры из бывших колоний, распространение современных технологий, деятельность объединений ветеранов и бывших поселенцев, вернувшихся в метрополию, интерес молодого поколения к своему прошлому и др. *Результаты.* Как показывает исследование, память о прошлом продолжает оставаться сложным и противоречивым феноменом в культурной и политической жизни стран Европы, а официальные дискурсы памяти постоянно оспариваются акторами, не согласными с интерпретацией событий. Процесс принятия трагического прошлого далеко не всегда сопровождается конкретными мерами, такими как выплата репараций, церемонии поминовения жертв, памятные дни и т. д., а среди населения до сих пор имеет место ностальгия по колониальному прошлому.

Ключевые слова: колониальное прошлое, историческая память, Европейский союз, Франция, Великобритания, Бельгия, Нидерланды.

Цитирование. Нелаева Г. А. «Колониальный вопрос» в европейской коллективной памяти: обзор новейших исследований // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 199–210. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.17

Введение. Исследования исторической памяти в странах Европейского союза многочисленны и принадлежат как авторам стран Западной Европы (необходимо отметить немецкую исследовательницу памяти Алейду Ассманн, французов Анри Руссо и Беньямина Стора, итальянца Анджело Дель Бока, англичанку Каролину Элкинс и др.), так и Центральной и Восточной Европы [25]. Однако в отличие от холокоста и коммунистического прошлого, по поводу которых существует некий консенсус, выраженный в форме «мемориальных законов» [8], дней поминовения, памятников и музейных экспозиций и т. д., память о колониальном насилии до сих пор не стала частью коллективной памяти.

В европейской историографии о колониальном прошлом и коллективной памяти можно обозначить два периода: 1980–1990-е гг., когда появляются первые труды историков, например многотомное исследование «Итальянцы в Восточной Африке» (А. Дель Бока, 1982) и «Гангрена и забвение» об алжирских событиях 1954–1962 гг. (Б. Стора, 1991). Авторы критиковали дискурс о цивилизаторской миссии европейских стран в колониях, до сих пор преобладавший в общественном сознании. В огромной степени дискуссию о роли европейцев в Азии и Африке поддержали специалисты по имперскому прошлому (тема, не пользовавшаяся популярностью в тот период), среди них британский историк Джон Маккензи, написавший фундаментальный труд «Пропаганда и империя: манипуляция британским общественным мнением, 1880–1960», вышедший в 1986 г. в издательстве манчестерского университета и до сих пор остающийся одной из наиболее известных и цитируемых книг. Именно с изучения империи и имперского наследия начинается дискуссия о колониальном прошлом. Серия книг, опубликованных в университете Манчестера под редакцией Маккензи, называется «Изучение империализма» (Studies in Imperialism) и в настоящее время включает более двухсот наименований. Большая часть исследований посвящена истории британской империи, однако встречаются и труды по взаимодействию европейских держав (Великобритании, Франции, Германии и др.) в колониях.

Гораздо позднее, в конце 1990-х – 2000-е гг., начинаются исследования памяти об имперском прошлом европейцев. Этот «мемориальный бум» отчасти связан с переосмыслением истории XX в., особенно двух мировых войн, доступностью архивов и интересом мо-

лодого поколения к прошлому [18]. В исследовательских работах появляются термины «мемориальные войны», «мемориальная политика», сопровождающиеся дискуссиями о репрезентации прошлого в музеях, в школьных учебниках, в медийном дискурсе и в межгосударственных отношениях [23]. Среди исследований, в том числе компаративных, можно отметить «Кембриджские имперские и постколониальные исследования» (Cambridge Imperial and Post-Colonial Studies), первые книги которых вышли в 1991, 1995 и 1996 гг. и были посвящены имперской политике Великобритании, но в дальнейшем затрагивали множество других сюжетов. Однако исследования *памяти* о колониальном прошлом, несмотря на то что эта тема так или иначе возникает в различных контекстах, довольно немногочисленны. Посредством использования сравнительно-исторического метода можно выделить три группы стран-членов ЕС: крупные колониальные державы, такие как Португалия, Франция и Великобритания, в которых дискуссии о колониальном прошлом, несмотря на все трудности и сопротивление многих акторов, все же присутствуют в публичном поле и в академической среде. Вторую группу составляют относительно небольшие (на сегодняшний день) страны, также владевшие колониями, но чей имидж на протяжении второй половины XX в. строился на роли жертв германской агрессии, а также на роли инициаторов европейской интеграции и проводников европейских ценностей. К таким странам относятся, безусловно, страны Бенилюкс, Бельгия и Нидерланды, в которых тема колониального прошлого поднимается неохотно и зачастую не находит отклика среди местных исследователей. И, наконец, третья группа стран – это те, которые отрицают свою роль в поддержании колониального правления, подчеркивают, что не владели колониями и по этой причине не имеют отношения к колониальным преступлениям [16]. В этих странах нередко утверждается, что они сами были объектом колониальных захватов и эксплуатации (например, Ирландия) [22]. В эту же группу входят и страны Центральной и Восточной Европы [15].

Исследования показывают, что в странах ЕС до сих пор существует ностальгия по имперскому прошлому [7], а сам колониализм часто рассматривается как положительное явление [11]. Отмечается, что в современной внешней политике Европейского союза проявляется все та же колониальная логика, представляющая неевропейцев как варваров, а сам Европейский союз как оплот цивилизации и пример для подражания [20]. В учебниках и монографиях история Европейского союза зачастую дана как линейный процесс, связываемый с разрушениями и тяготами двух мировых войн и желанием европейцев избежать подобных трагедий в будущем [4]. Упускается из виду или умалчивается то обстоятельство, что страны, стоявшие у истоков создания первых европейских интеграционных объединений в послевоенные годы, были колониальными державами, некоторые из которых вскоре начали военные операции, столкнувшись с призывами о независимости в колониях [13]. Желание сохранить колонии в условиях новой политической и экономической реальности, налаживание связей с ускользавшим из-под контроля неевропейским миром было немаловажной движущей силой европейской интеграции, ничуть не меньше, чем идея «европейского единства» [10]. Таким образом, неудивительно, что единой общеевропейской политики памяти не существует, несмотря на попытки европейских институтов разработать единый подход к пониманию «памяти» [14].

Публичные протесты, вспыхнувшие в США и Европе в рамках «Black Lives Matter», кампании по сносу памятников (такие как Rhodes Must Fall в ЮАР) подтверждают, что память о колониальном прошлом является противоречивой и затрагивает интересы разных акторов, в частности потомков жертв, африканские и азиатские диаспоры, белых переселенцев, вернувшихся из колоний, ветеранов колониальных войн, дипломатов, историков и других лиц. Немаловажным является и то обстоятельство, что европейские страны до сих пор владеют обширными «заморскими территориями», которые по сути остаются «последними колониями», хотя, конечно, имеют другие названия [3]. По поводу данных территорий периодически возникают правовые, политические и этические споры, из которых наиболее известным является война Аргентины и Великобритании вокруг Фолкленд-

дских островов (1982), но есть и менее известные случаи, например спор по поводу суверенитета архипелага Чагос, отторгнутых от Маврикия и переданных США с целью создания на островах военной базы [9].

Таким образом, «колониальный вопрос» в той или иной форме поднимается в СМИ, в массовой культуре, в исторической науке, в политике диаспор, в извинениях официальных лиц. Как показывает база данных Political Apologies Across Cultures, шквал извинений европейских стран приходится на конец 1990-х – 2000-е гг., хотя этот «шквал» зачастую не сопровождается никакими конкретными мерами, например выплатами потерпевшим от насилия и их потомкам [27]. Случаи компенсации являются единичными и, скорее, исключением из правил, так как никакого механизма взыскания компенсаций за преступления, совершенные в ходе колониального правления, не существует, кроме обращения в национальные суды, которые неохотно принимают подобные иски [2]. К таким исключительным случаям можно отнести выплату компенсации ветеранам кенийского восстания Мау Мау, пострадавшим от пыток британцев [26], а также выплату вдовам погибших от рук голландцев в ходе резни в Равагеде (Индонезия) [6].

Методы и материалы. В этом контексте хотелось бы рассмотреть несколько исследований памяти о колониализме в европейских странах, в частности в бывших крупнейших имперских державах Великобритании и Франции, а также малых странах, таких как Нидерланды и Бельгия, которые вышли в 2020-е годы. Мы анализируем три монографии европейских авторов, дополняя их обсуждение информацией из исследовательских статей, также опубликованных в последние годы. Поиск монографий проводился с использованием научных баз данных за период 2020–2023 годов. Были отобраны три индивидуальные монографии, вышедшие в зарубежных издательствах (Палгрейв Макмиллан, Издательство амстердамского университета и издательство университета Лёвена). Отбор монографий производился исходя из их тематики. Важным аспектом при отборе была возможность сравнения механизмов взаимодействия с историческим прошлым в крупных бывших державах (Франция и Великобритания), а также в относительно небольших странах (Нидерланды и Бельгия), однако мы не ставили своей целью провести сравнительный анализ политики памяти во всех странах-членах ЕС и на уровне Евросоюза в целом. Наша задача скромнее: рассмотреть вышедшие в 2020-е гг. монографии, посвященные коллективной памяти о колониальном прошлом в отдельных европейских странах. Коллективные монографии, вышедшие в тот же период, мы не рассматривали, так как они затрагивают более широкий круг вопросов [14; 16]. Применялся метод аннотирования текстов, их критический анализ, обобщение и ситнез. Проводились сравнение содержания изучаемой литературы, выделение наиболее значимых и интересных аспектов и их контекстуализация в свете современных исследований, подведение итогов и обобщение.

Анализ. Книга Итая Лотема, историка из Университета Вестминстера, «Память о колониализме в Великобритании и Франции. Грехи молчания» посвящена исследованию памяти о колониализме в крупнейших европейских державах – Великобритании и Франции в период деколонизации 1960-х гг. до середины 2010 гг. [12]. Автор выделяет два раздела, посвященные Франции и Великобритании соответственно, и сравнивает эти две страны, основываясь на широком круге литературы и источников: материалов СМИ и соцсетей, интервью, официальных документов, телепрограмм и т. д. Лотем пытается проследить трансформации публичного дискурса о колониализме начиная с 1960-х гг., выделяя различные группы акторов, принимавших участие в процессе, таких как историки, режиссеры-документалисты, журналисты, лидеры левых и правых партий, писатели и активисты. Он не пытается написать историю колониального периода двух стран (задача, непосильная для одного автора и одного издания), а делает акцент лишь на том, как колониальное прошлое воспринимается данными акторами и какие стратегии выбирают эти акторы для продвижения своей точки зрения. Также Лотем не пытается описать межрасовые отношения в двух странах или историю европейского расизма, делая акцент на современных дебатах колониального прошлого и политики памяти.

Автор исследует феномен «молчания» или «замалчивания», когда некоторые вопросы не обсуждаются в публичном пространстве. Это «публичное молчание» является сознательной стратегией, которую другие акторы, выступая в публичном поле, пытаются опротестовать и нарушить.

Отмечается, что отправной точкой дебатов о колониальном прошлом во Франции можно считать 2005 г., когда в стране начались протесты, вызванные гибелью подростков арабского происхождения в парижском пригороде Клиши-Су-Буа, хотя некоторые вопросы, например алжирская война, никогда и не исчезали из публичного поля. В то же время в Великобритании серьезные публичные дискуссии о колониальном прошлом начались гораздо позднее, в 2015–2016 гг., под влиянием кампании Rhodes Must Fall, начавшейся в ЮАР и распространившейся в Великобритании.

Как показывает Лотем, намеренно утаивать действия Франции в Алжире было бы невозможно, так как в период с 1954 до 1962 г. около двух миллионов солдат французской армии участвовало в алжирских событиях. Более того, около миллиона человек вернулись во Францию после окончания войны – поселенцы европейского происхождения, среди которых были арабы-христиане и евреи, воевавшие на стороне Франции [12, p. 79]. Однако журналисты, историки и политики не хотели связывать фактор миграции с колониальной политикой Франции, предпочитая обсуждать текущие события без учета колониального контекста, считая, что колониальное прошлое не играет никакой роли в понимании текущих проблем. Следует отметить, что в 1960–1970-е гг. миграция не была негативным явлением. Считалось, что мигранты (в основном выходцы из других европейских стран, например стран Южной Европы) нужны экономике страны. Политизация миграции, представление мигрантов как угрозы начинается в 1990-е гг. с появлением этой повестки в программах политических партий [12, p. 46–50].

Несмотря на то что в 1960-е гг. вышел знаковый фильм «Битва за Алжир» (1966) итальянского режиссера Джилло Понтекорво, а историки стали подчеркивать важность *devoir de memoire* («обязанность помнить») по типу западногерманского *Vergangenheitsbewältigung*, процесса обращения к прошлому и примирения с ним, обсуждение прошлого начинается не с колониализма, а с коллаборационизма. Большую роль в этом процессе сыграла книга «Синдром Виши» (1987) А. Руссо. Роль историков в инициации публичных дебатов о колониализме была огромной. Одним из наиболее известных историков колониализма является уроженец Алжира Беньямин Стора, «нарушитель молчания», призывавший к признанию войны и ее последствий. Его исследования истории Алжира стали ключевыми для понимания контекста франко-алжирских отношений [12, p. 119].

В 2005 г. появился законопроект, в котором предлагалось преподавать имперское прошлое, подчеркивая его положительные аспекты. Тут же в историческом сообществе и в СМИ возобновились жаркие дебаты о колониальном прошлом. Протесты, начавшиеся в Париже из-за гибели подростков, заострили внимание общественности на необходимости обсуждения вопроса миграции в контексте колониальной политики Франции. К «битве памяти и истории» подключились политические активисты и общественные деятели, что в итоге привело к тому, что спорную фразу о «положительных аспектах имперского прошлого» из закона убрали, а дискуссии вокруг колониального прошлого заняли прочное место в публичном пространстве.

Если для французов война в Алжире стала ключевым моментом распада империи, Британская империя прошла более длительный и поэтапный путь распада, который, по мнению многих историков, не завершился до сих пор. Так как в Британии не было какого-либо значимого момента, символизирующего окончательный разрыв с имперским прошлым, память об имперском прошлом становится предметом публичного обсуждения гораздо позднее, чем во Франции. Даже такое событие, как Фолклендская война, не подтолкнуло британцев к критическому осмыслению колониальной политики. Дискурс о межрасовых отношениях строился вокруг политики «мультикультурализма», без учета колониальной истории. Расистские взгляды считались индивидуальным выбором человека, на который необходимо повлиять. Британские антираси-

стские активисты делали упор на репрезентацию своих «мультикультурных» взглядов, а не на изучение глубинных причин расизма.

Инициатива обсуждения проблем прошлого принадлежала в первую очередь активистам африканского и афро-карибского происхождения. В начале 2000-х гг. продолжаются дискуссии по поводу работорговли. Несмотря на то что аболиционистский дискурс, подчеркивавший «благородную роль» некоторых европейцев, таких как Уильям Уилберфорс, в отмене рабства, доминировал в общественном пространстве, сообщества африканцев, проживающих в Британии, выступили с критикой такого подхода к истории рабства. Последняя получила отображение в музейных экспозициях в центрах трансатлантической работорговли, Бристоле и Ливерпуле, а в 2004 г. Ливерпуль по собственной инициативе объявил 23 августа (день начала революции на Гаити) днем поминовения жертв работорговли, единственная инициатива в своем роде. Извинение со стороны Церкви Англии (2006) о своем участии в порабощении африканцев широко обсуждалось в СМИ, но было раскритиковано как неискреннее представителями африканской диаспоры. Как считает Лотем, публичные дискуссии о необходимости извинений за работорговлю начинаются именно с этого момента [12, p. 280]. Вскоре британский премьер Тони Блэр выразил «глубокое сожаление» по поводу того, что работорговля имела место, что опять же было подвергнуто критике как неискреннее, половинчатое признание. Были и те, кто заявлял, что бессмысленно извиняться за события, случившиеся 200 лет назад [12, p. 281]. В целом, как прослеживает автор, дискуссии об ответственности за работорговлю, вскоре сместились к обсуждению современных форм рабства, тем самым «размыв» вину Великобритании за это явление и представив торговлю людьми как проблему, существующую где-то далеко на периферии, или как преступление, совершаемое иностранцами [12, с. 325].

В 2013 г. была достигнута договоренность о выплатах компенсации пострадавшим от пыток в ходе подавления восстания Мау Мау в Кении, а в 2015 г. страны Карибского бассейна выступили с требованием о репарациях против Великобритании и других европейских стран (требование, оставшееся до сей день неудовлетворенным). Эти события оказались предметом широкого обсуждения в СМИ, и стало ясно, как подчеркивает Лотем, что в Британии нет необходимого политического языка для обсуждения травм прошлого [12, p. 348]. Дискуссии об имперском прошлом разворачивались вокруг таких тем, как: «плохой» или «хорошей» была Британская империя, должны британцы гордиться своим прошлым или стыдиться его, кому следует платить за «грехи предков» [12, p. 400].

Протесты, повлекшие за собой свержение и осквернение памятников, показывают, что поляризация общества по вопросу исторической памяти продолжается и что проблема расовой справедливости требует обращения к колониальной истории.

Что касается стран Бенилюкс, то до недавнего времени они строили свою идентичность вокруг травмы немецкой оккупации и торжества европейской интеграции. Позиционируя себя как открытые, демократические и толерантные государства, эти страны неохотно обращаются к своему колониальному прошлому.

Пол Дулан, написавший книгу «Коллективная память и голландская Вест-Индия» по материалам своего диссертационного исследования, представленного в Университете Констанца (Германия) и опубликованного издательством амстердамского университета, задается вопросом, почему деколонизация бывших территорий голландской Вест-Индии долгое время была и продолжает оставаться непопулярной темой в Нидерландах [5]. Основываясь на различных источниках, таких как мемуары, статьи в СМИ, радио- и телепередачи, фильмы, он пытается проследить конструирование дискурса о деколонизации на протяжении пятидесяти лет (1945–1995). Он выделяет несколько ключевых акторов в процессе формирования памяти о деколонизации: ветераны военных действий, репатрианты и профессиональные историки.

Автор выделяет несколько ключевых периодов: первый период – «нация на войне» (1940–1949), в который Нидерланды были оккупированы нацистами (1940–1945), а колонии Нидерландов – японцами (1942–1945), и война Индонезии за независимость (1945–1949).

Второй период (1949–1969) характеризуется возвращением на родину солдат, мобилизованных для участия в военных действиях, а также белых поселенцев и метисов, проживавших в колониях. Белые поселенцы (totoks) и метисы (Indos), родившиеся в смешанных браках, отправились в Голландию сразу после начала Bersiap (период после 1945 г. по 1947 г.). Вместе с ними отправились молукканцы, жители островов Малуку (12 500 человек), воевавшие на стороне голландцев против индонезийцев. Подразумевалось, что со временем они смогут вернуться обратно, чего не произошло [16].

Как ветераны боевых действий, бывшие солдаты Королевской голландской ост-индской армии (KNIL, Koninklijk Nederlands Indisch Leger), так и переселенцы были недовольны холодным приемом на родине. Первых оскорбляло то, что к ним относились как к проигравшим, а впоследствии как к военным преступникам, а вторые долгое время не могли интегрироваться в экономическую жизнь общества. Как подчеркивает голландский историк Г. Оостиндие, страна была не заинтересована в возвращении переселенцев, а наоборот, пыталась стимулировать миграцию в Канаду и Австралию, так как Нидерланды и без того «переполнены». Тем более, страна оказалась не готова к прибытию большого количества мигрантов неевропейского происхождения из бывших колоний [19].

Террористические акты, совершенные молукканцами в 1970-е гг. (захват пассажирского поезда, нападение на индонезийское посольство), шокировали общество и поставили его перед необходимостью обсуждения ситуации с мигрантами и их интеграции в общество. Несколько десятилетий молукканцы пробыли на территории Нидерландов, не имея гражданства, расселенные по бывшим военным баракам, заброшенным монастырям и другим малопригодным для жизни помещениям.

В этот период не было ни одного серьезного исторического исследования, посвященного деколонизации. Исполнение требований о компенсации за потерю собственности, которые выдвигали вернувшиеся в Голландию поселенцы, все время затягивалось, а сами переселенцы, «восточные голландцы», воспринимались населением как консерваторы и колониалисты. То обстоятельство, что многие из них пережили бесчеловечное обращение от рук японцев, размещавших европейцев в специальные концлагеря, и от индонезийцев в ходе революции, мало кого интересовало [5, p. 64].

Автор показывает, как постепенно, с трудом начинают развенчиваться официальные мифы о деколонизации в период с конца 1980-х гг. и в 1990-е годы. Данный процесс, как он неоднократно подчеркивает, запускают в действие ветераны, а не историки, которые предпочитают избегать острых тем. Телевидение становится площадкой, на которой все больше очевидцев и участников событий начинают выражать свои мнения и делиться воспоминаниями. В частности, в телевизионном интервью 1969 г., Юп Хюетинг (Joop Hueting), ветеран событий, признался, что участвовал в совершении военных преступлений, таких как нападения на гражданские объекты, не имеющие военного назначения, расстрел военнопленных и т. д. Данное интервью становится отправной точкой, от которой можно вести отчет дискуссиям о памяти в голландском обществе. Автор подчеркивает, что мобилизация 150 000 солдат для борьбы с японской оккупацией была крупнейшей в голландской истории. Однако, когда солдаты прибыли в Индонезию, оккупация через пару дней завершилось, и им пришлось воевать не с японскими агрессорами, как они считали, а с индонезийцами, которых они должны были защищать от японцев. Некоторые солдаты участвовали в Сопротивлении против немецких оккупантов в Нидерландах и по идеологическим соображениям добровольно отправились в Индонезию сражаться с Японией. Однако вскоре у солдат начинается разочарование и непонимание, за что они должны сражаться.

Первый миф официальной пропаганды строился на том, что индонезийский национализм – продукт японской пропаганды времен оккупации, а лидеры индонезийской борьбы за независимость, Хатта и Сукарно, лишь японские марионетки. Второй миф был связан с тем, что потеря Нидерландами Индонезии стала результатом некомпетентных и злонамеренных действий внешних акторов, в частности британцев, не сумевших сохранить порядок после окончания японской оккупации, США, «предавших» Нидерланды в ООН, и

самой ООН, вмешивавшейся во «внутренние дела Нидерландов», к которым относились действия Нидерландов в колониях. Обвиняли и СССР с его растущим идеологическим влиянием в азиатском регионе. Следующий миф был связан с тем, что преступления, совершенные голландскими солдатами, были «эксцессами», исключением из правил, и это было не только голландской проблемой, а вполне могло случиться с солдатами любой армии [5, p. 104]. В терминах «эксцессов» трактовались и действия Капитана Рэймонда Вестерлинга и его кампании по «умиротворению Южного Сулавеси», когда тысячи мирных жителей были уничтожены его «специальными войсками». Политики в Гааге были осведомлены о том, что происходило, но ничего не предприняли, чтобы остановить Вестерлинга, ему даже не было предъявлено обвинений. Еще в 1952 г. он опубликовал мемуары, где похвалялся своим геройством.

Оживленные дискуссии по поводу деколонизации начинаются с момента выхода книг известного голландского историка Лу Де Йонга (Lou De Jong), касающиеся политики Нидерландов в колониях. Его многотомное издание (29 томов) по истории Нидерландов периода Второй мировой войны пользовалось огромной популярностью в обществе, поэтому тома, посвященные событиям в Азии, тоже получили большое распространение. Впрочем, в появляющихся исследованиях, документальных фильмах, художественных произведениях события были представлены в основном с точки зрения голландцев, без учета мнения индонезийцев. Голландский империализм, насчитывавший несколько веков, участие голландцев в трансатлантической работорговле – эти темы по-прежнему отсутствовали в публичном поле и в исследовательских работах. А события в Индонезии воспринимались скорее как результат некомпетентной политики центральной власти в Гааге, недооценившей влияние индонезийского национализма на население колоний [5, p. 217], что объясняет неготовность голландцев к войне с Японией и хаотичную политику 1945 года.

В 2011 и 2013 гг. судебные иски с требованием о компенсации за совершение военных преступлений в Равагеде и Южном Сулавеси были инициированы в голландских судах, а в 2017 г. потомки погибших в ходе освобождения заложников 1977 г., когда было убито шесть молукканцев и двое заложников, также обратились в суд. Эти события привели к тому, что в 2020 г. Король Нидерландов Виллем-Александр принес извинения Индонезии за применение «чрезмерного насилия». Автор, впрочем, довольно критически оценивает перспективы вовлечения судов в процесс восстановления исторической справедливости, так как суды плохо приспособлены для этой роли. В их задачу входит установление вины за совершенное преступление, а дихотомия «преступник – жертва» не способствует комплексному анализу исторической реальности [5, p. 302]. До сих пор в голландском обществе, как подчеркивает Дулан, имеет место нежелание обращаться к событиям прошлого, и это нежелание вполне разделяется историками. Следует отметить, что в 2021 г. вышел отчет специальной комиссии по истории рабства «Цепи прошлого», созданной Министерством внутренних дел и дел Королевства, где эксперты рекомендовали признать свою роль в работорговле, принести извинения и создать специальный фонд, из которого бы выплачивались репарации [21]. Таким образом, процесс обсуждения колониального прошлого идет, хотя не всегда его результаты оказываются приемлемыми для ключевых акторов процесса и других заинтересованных групп.

Что касается Бельгии, исследование американского историка М. Станара «Леопард, лев и петух. Колониальная память и памятники в Бельгии» посвящено изучению памяти о колониальном прошлом и ее репрезентации в городском пространстве бельгийских городов [24]. Автор проводит анализ монументов, бюстов, надгробных памятников, памятных табличек и других объектов мемориальной культуры. Книга была опубликована в 2023 г. Университетом Лёвена. Станар, как и проанализированные выше авторы, строит свое исследование по хронологическому принципу: он подразделяет изучаемый период (1960–2010-е гг.) на несколько периодов и прослеживает изменения дискурса о колониализме в бельгийском обществе. Начинается исследование с момента, предшествовавшего деколонизации, хотя автор также дает и характеристику исторического контекста.

Важно отметить то обстоятельство, что в Бельгии сильны региональные различия и лингвистические противоречия. Станар подчеркивает, что обсуждение колониального прошлого нельзя рассматривать в отрыве от дебатов о бельгийской идентичности, так как участие бельгийцев в колониальном правлении очень разнородно. В руководстве колонией были задействованы в основном франкоязычные бельгийцы и коммуникация с колонией осуществлялась на французском языке, в то время как фламандцы присутствовали в колонии, как правило, в качестве миссионеров, не участвуя в принятии ключевых политических решений. Значительным было и присутствие других европейцев в бельгийской колонии.

Колониальное прошлое Бельгии в основном связывают со временем Леопольда II, который управлял этой территорией как частное лицо (хотя физически никогда там не был) и его безжалостными методами наживы. О бесчеловечном обращении бельгийцев с местным населением было известно еще в XIX в., когда появились первые отчеты, написанные иностранными дипломатами [17], и в целом этот период хорошо изучен в историографии. Хотя, как замечает Станар, бельгийский период господства (1908–1960) длился гораздо дольше, чем правление Леопольда, а изучен он гораздо хуже. Отсутствие интереса к теме исторического прошлого Станар связывает с несколькими факторами: во-первых, с тем, что мало бельгийцев имело непосредственный контакт с колонией. Экономически Бельгия мало зависела от колонии, и у бельгийцев не было необходимости отправлять туда специалистов. Это, в свою очередь, объясняет тот факт, что после начала беспорядков 1960 г., в Бельгию вернулось небольшое количество переселенцев, в отличие от Франции или Португалии, столкнувшихся с массовой реэмиграцией в метрополию [24, с. 28]. Во-вторых, в Бельгии не было историков, имевших непосредственный контакт с колонией, таких как француз Беньямин Стора, родившийся в Алжире, или англичанин Джон М. Маккензи, выросший в Северной Родезии.

В-третьих, конголезская диаспора в Бельгии была небольшой и маргинализированной. Автор подчеркивает, что конголезская диаспора в Бельгии до сих пор является малочисленной и не имеет большого политического веса в обществе, а оспаривание дискурса памяти часто исходит не от конголезцев или других африканцев (выходцев из Руанды или Бурунди), а от других групп, например арабской диаспоры, возмущенной мифами о том, как герои-бельгийцы во времена Леопольда II пытались спасти беззащитное население от торговцев рабами, под которыми понимали арабов-мусульман. Негативное представление арабов как работорговцев и эксплуататоров отражено не только в дискурсе, но и в памятниках, которые до сих пор сохраняются в городском и музейном пространстве бельгийских городов. Автор подмечает то обстоятельство, что данный сюжет неизменно изображает жертв – африканских безымянных женщин и детей (часто обнаженных или полуобнаженных, чтобы подчеркнуть их «примитивность») и определенных мужчин-европейцев, изображенных в форме и названных по имени. Африканские мужчины, если они представлены в скульптуре, также изображаются полуобнаженными и безымянными. Бельгийцы изображены как бравые солдаты, хотя, как подчеркивает исследователь, большинство из них умерло не в бою, а от болезней, так как климат Центральной Африки был крайне неблагоприятным для европейцев.

Дискуссии о роли бельгийцев в африканских событиях начинаются не с обсуждения деколонизации 1960 г., а с событий в Руанде 1994 г., когда в Бельгии появляется большое количество беженцев, спасавшихся от геноцида. Также к началу 1990-х гг. происходит смена поколений, события отодвигаются по времени, и молодые историки начинают работать над вопросами колониального прошлого. Столетняя годовщина (1985) провозглашения Леопольдом II Свободного государства Конго также стала толчком к началу дискуссий о прошлом.

Изучая памятники, эти *lieux de memoire* бельгийцев, Станар отмечает и то, что цивилизаторский дискурс до сих пор присутствует на мемориальных табличках. Несмотря на то что часть памятников была демонтирована (часто не из-за запроса общества, а по прозаичным причинам, например из-за необходимости расширения автотрассы или строитель-

ства какого-то объекта инфраструктуры), десятки памятников колониалистам до сих пор стоят в бельгийских городах. Цивилизаторский дискурс о том, что Бельгия принесла в Конго «труд и прогресс» (лозунг времен Леопольда II) до сих пор присутствует в неизменном виде на некоторых пояснительных табличках у памятников. «Имперская ностальгия» участников событий также играет свою роль: памятники используются ветеранами и очевидцами событий для проведения различных церемоний.

Насилие в ходе деколонизации, убийство Патриса Лумумбы, вмешательство США, заинтересованных в конголезских залежах урана, – все эти события слабо отражены в коллективной памяти бельгийцев. Лишь в 2018 г. было принято решение назвать сквер в Брюсселе в честь Лумумбы, хотя еще в 2002 г. правительство признало, что бельгийцы несут «часть ответственности» за гибель конголезского лидера, правда, не назвав имен виновных.

Станар считает, что извинения такого рода нужно рассматривать в контексте европейских событий, таких как признание британцами факта использования пыток против участников восстания Мау Мау, дискуссии о геноциде племен гереро и нама, совершенном немцами в начале XX в., бесчеловечное обращение австралийцев с местным населением и т. д. [24, p. 191–193]. Все эти публичные акты раскаяния являются попыткой показать, что акты насилия в прошлом были неуправляемыми, но они остались в прошлом, и эта страница перевернута. В действительности же, несмотря на то что Бельгия прошла долгий и сложный путь признания своего колониального прошлого, очень много вопросов остается без ответа (даже расследование убийства П. Лумумбы все еще не завершено). Для исследователей и обывателей других европейских стран Бельгия также не представляет большого интереса, так как, в отличие от крупных колониальных держав, ее владения были относительно небольшими и были утеряны одномоментно. Кроме того, политика центральноафриканских государств попадает в поле зрения европейских СМИ лишь в связи с некими кризисами, войнами и другими катастрофами, поддерживая миф о том, что бельгийцы несли в Конго «цивилизацию», а с их уходом там воцарился хаос. Сам дискурс о центральноафриканских государствах как о неудавшихся, провальных (failed states) подтверждает тезис о том, что расизм до сих пор является ключевым принципом международных отношений [1].

Результаты. Проанализировав работы зарубежных ученых по данному вопросу, можно сделать следующие выводы: во-первых, процесс признания и принятия травмирующего прошлого в европейских странах во многом зависит от наличия сплоченной и организованной африканской и азиатской диаспоры в бывших метрополиях и степени их влияния на современные политические процессы. Немаловажным фактором является стремление представителей потерпевших добиваться компенсации за причиненный ущерб в судебном порядке и требовать публичного признания и извинения от элит. Во-вторых, как показывают рассмотренные исследования, государства не всегда способны разрешить конфликты, возникающие между различными группами общества, вовлеченными в этот процесс, такие как потомки белых поселенцев, вынужденных вернуться в метрополию, диаспоры, общественные активисты, представители культурной элиты, бывшие дипломаты, историки, и т. д., так как интересы этих групп зачастую диаметрально противоположны. В-третьих, большую роль в процессе признания прошлого играют непосредственные участники событий и ветераны боевых действий. Современные технологии позволяют создавать новые формы репрезентации прошлого с использованием визуальных методов подачи материала и поддерживать интерес общества к теме истории. В-четвертых, исторические события не теряют актуальности в межгосударственных отношениях, что объясняет попытки европейских стран найти приемлемую форму извинения за «эксцессы» колониального периода, хотя зачастую такие извинения не рассматриваются бывшими колониями и активистами африканских и азиатских диаспор как искренние акты раскаяния.

Важность подобных исследований, на наш взгляд, еще и в том, что изучение африканских и азиатских стран зачастую начинается с анализа современности, без учета ко-

лониального контекста, что приводит к поверхностным, предвзятым выводам об их политике и экономике.

Стоит отметить высокий уровень проведенных исследований, широкий круг источников и литературы, на которые опираются авторы, доступный стиль изложения, что делает книги понятными и интересными для широкого круга читателей, а не только для узких специалистов по истории Европы. К недостаткам можно отнести то обстоятельство, что исследования носят европоцентристский характер, в них не рассматривается память о колониализме в бывших колониях. Тем не менее книги представляют несомненный интерес и для академического сообщества, и для всех интересующихся проблемой исторической памяти в современной Европе.

REFERENCES

1. Anievas A., Manchanda N., Shilliam R. *Race and Racism in International Relations. Confronting the Global Colour Line*. London, New York, Routledge, 2015. 230 p.
2. Cara A. France's Supreme Court Rejects Groups' Request for Slavery Reparations in Case from Martinique. *AP News*, 5 July 2023. URL: https://apnews.com/article/france-slavery-court-reparations-caribbean-martinique-ac8773c418ee15ff96cadf0101b6f6d8
3. Connell J., Aldrich R. *The Ends of Empire. The Last Colonies Revisited*. Cham, Palgrave Macmillan, 2020. 524 p.
4. Dinan D. *Europe Recast. A History of European Union*. Boulder, Lynne Rienner Publishers, 2014. 411 p.
5. Doolan, P. M. M. *Collective Memory and the Dutch East Indies: Unremembering Decolonization*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2021. 336 p.
6. Dutch Court Orders Compensation for Widows of 1947 Java Massacre. *The Guardian*, 14 Sept. 2011. URL: https://www.theguardian.com/world/2011/sep/14/dutch-payout-widows-java-massacre
7. Fletcher R. The Art of Forgetting: Imperialist Amnesia and Public Secrecy. *Third World Quarterly*, 2012, vol. 33, no. 3, pp. 423-439.
8. Fronza E. *Memory and Punishment Historical Denialism, Free Speech and the Limits of Criminal Law*. The Hague, T.M.C. Asser Press, 2018. 217 p.
9. General Assembly Welcomes International Court of Justice Opinion on Chagos Archipelago, Adopts Text Calling for Mauritius' Complete Decolonization. *UN Press Release*, 22 May 2019. URL: https://press.un.org/en/2019/ga12146.doc.htm
10. Hansen P., Jonsson S. Building Eurafrica: Reviving Colonialism through European Integration, 1920–1960. *Conference Proceeding*, 2014. URL: http://aei.pitt.edu/52859
11. Lotem I. A Decade After the Riots, France Has Rewritten Its Colonial History. *The Conversation*, 25 Jan. 2016. URL: https://theconversation.com/a-decade-after-the-riots-france-has-rewritten-its-colonial-history-50499
12. Lotem I. *The Memory of Colonialism in Britain and France. The Sins of Silence. Cambridge Imperial and Post-Colonial Studies*. Cham, Palgrave Macmillan, 2021. 428 p.
13. Luttikhuis B., Moses D.A. Mass Violence and the End of the Dutch Colonial Empire in Indonesia. *Journal of Genocide Research*, 2012, vol. 14, no. 3–4, pp. 257-276. DOI: 10.1080/14623528.2012.719362
14. Mälksoo M., ed. *Handbook on the Politics of Memory*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 2023. 418 p.
15. Mark J., Slobodian Q. Eastern Europe in the Global History of Decolonization. Thomas M., Thompson A., eds. *The Oxford Handbook of the Ends of Empire*. Oxford, OUP, 2018, pp. 351-372.
16. Merivirta R., Koivunen L., Särkkä T., eds. *Finnish Colonial Encounters. From Anti-Imperialism to Cultural Colonialism and Complicity*. Cham, Palgrave Macmillan, 2021. 336 p.
17. Nielsen M.B. *Britain, Germany and Colonial Violence in South-West Africa, 1884–1919. The Herero and Nama Genocide*. Cham, Palgrave Macmillan, 2021. 233 p.
18. Nora P. *The Rise of Memory*. Israel Academy of Sciences and Humanities, 2016, Febr. 25. URL: https://www.youtube.com/watch?v=UO60HxQgyj4
19. Oostindie G. *Postcolonial Netherlands. Sixty-Five Years of Forgetting, Commemorating, Silencing*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2010. 288 p.
20. Pace M., Roccu R. Imperial Pasts in the EU's Approach to the Mediterranean. *Interventions*, 2020. vol. 22, no. 6, pp. 671-685. DOI: 10.1080/1369801X.2020.1749702
21. *Report of Findings by the Slavery History Dialogue Group Advisory Board*, 20 July 2023. URL: https://www.government.nl/documents/reports/2023/07/20/chains-of-the-past—report-of-findings
22. Roberts D.S., Wright J.J. *Ireland's Imperial Connections, 1775–1947*. Cham, Palgrave Macmillan, 2019. 323 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-25984-6
23. Simine S. Memory Boom, Memory Wars and Memory Crises. *Mediating Memory in the Museum.* London, Palgrave Macmillan, 2013. (Palgrave Macmillan Memory Studies). DOI: https://doi.org/10.1057/9781137352644_3

24. Stanard M.G. *The Leopard, the Lion, and the Cock: Colonial Memories and Monuments in Belgium*. Leuven, Leuven University Press, 2023. 338 p.

25. Švaříčková Slabáková R. Between Old Traditions and New Approaches: Locating Oral History and Memory Studies in East Central Europe. *Slovenský národopis*, 2021, vol. 69, no. 2, pp. 205-218. DOI: https://doi.org./10.2478/se-2021-0011

26. UK to Compensate Kenya's Mau Mau Torture Victims. *The Guardian*, 6 June 2013. URL: https://www.theguardian.com/world/2013/jun/06/uk-compensate-kenya-mau-mau-torture

27. Zoodsma M., Schaafsma, J. Examining the 'Age of Apology': Insights from the Political Apology Database. *Journal of Peace Research*, 2022, vol. 59, no. 3, pp. 436-448. DOI: https://doi.org/10.1177/00223433211024696

Information About the Author

Galina A. Nelaeva, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Professor, Department of International Relations and Regional Studies, Tyumen State University, Volodarskoro St, 6, 625003 Tyumen, Russian Federation, g.a.nelaeva@utmn.ru, https://orcid.org/0000-0002-8877-9893

Информация об авторе

Галина Александровна Нелаева, кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и регионоведения, Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, 625003 г. Тюмень, Российская Федерация, g.a.nelaeva@utmn.ru, https://orcid.org/0000-0002-8877-9893

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.18

UDC 930(438).083
LBC 63.3(0)53

Submitted: 25.12.2023
Accepted: 02.09.2024

RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF POLISH NATIONALISM IN THE END OF THE 19th – BEGINNING OF THE 20th CENTURY: NETWORK ANALYSIS

Viktor I. Durov

Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. This article presents the possibilities of using network analysis in historiography. The theoretical basis of network analysis is the mathematical theory of networks, which allows creating a model of the Russian scientific community thanks to the scientometric analysis of publications of historians. The purpose of the study is to examine the formation and development of the Russian historiography of the "Polish question" in the late 19th and early 20th centuries to identify scientific schools and features of the interaction of the professional community. *Methods and materials.* The basis for the study was the work published in the period from 1917 to the present. The historians were grouped into two groups: the Soviet period (1917–1991) and the modern period (1991–2023). Network analysis was performed using the UCINET 6.757. The matrix and attribute table were formed in MS Excel. The network was visualized in the NetDraw. The relationship between the authors was established by the fact of citation. *Analysis.* The novelty of the study lies in the fact that for the first time in Russian science, the network analysis technique was applied to examine the historiography of Polish nationalism in the 1880s–1918. The results obtained made it possible to consider the structural features of the network of Polonist historians in our country and the dynamics of its formation. The study showed a number of factors influencing the formation of a subgroup of Russian historians and the position of authors in the network itself. *Results.* The author notes a decrease today in the number of large collective studies and citations by colleagues of each other in comparison with the Soviet period. Peaks in the growth of the number of publications and the number of authors are noted in the work; an explanation is given for these phenomena. The technique tested is considered promising for historiographic research.

Key words: scientometrics, historiography, network analysis, nationalism, history of Poland, USSR, Russia.

Citation. Durov V.I. Russian Historiography of Polish Nationalism in the End of the 19th – Beginning of the 20th Century: Network Analysis. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 211-223. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.18

УДК 930(438).083
ББК 63.3(0)53

Дата поступления статьи: 25.12.2023
Дата принятия статьи: 02.09.2024

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЛЬСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.: СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ

Виктор Иванович Дуров

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Воронеж, Российская Федерация

© Дуров В.И., 2024

Аннотация. *Введение.* В данной статье представлены возможности применения сетевого анализа в историографии. Теоретической базой сетевого анализа является математическая теория сетей, которая позволяет создать благодаря наукометрическому анализу публикаций историков модель отечественного научного сообщества. Целью исследования является изучение становления и развития отечественной историографии

польского вопроса в конце XIX – начале XX в., выявление научных школ, особенностей взаимодействия профессионального сообщества. *Методы и материалы.* Основой для исследования послужили работы, опубликованные в период с 1917 г. до ноября 2023 года. Историки были объединены в две группы: советский период (1917–1991) и современный период (1991–2023). Сетевой анализ выполнялся в программе UCINET 6.757. Матрица и таблица атрибутов формировалась в MS Excel. На их основе в программе NetDraw визуализировалась сеть. Связь между авторами устанавливалась по факту цитирования. *Анализ.* Новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной науке была применена методика сетевого анализа для изучения отечественной историографии польского национализма 1880-х гг. – 1918 года. Полученные результаты позволили рассмотреть структурные особенности сети историков-полонистов в нашей стране, динамику ее формирования. Исследование показало ряд факторов, влияющих на формирование подгруппы отечественных историков и положение авторов в самой сети. *Результаты.* Отмечается снижение сегодня числа крупных коллективных исследований и цитирования коллегами друг друга в сравнении с советским периодом. В работе выделены пики роста количества публикаций и числа авторов, дается объяснение этим явлениям. Апробированная методика представляется достаточно перспективной для историографических исследований.

Ключевые слова: наукометрия, историография, сетевой анализ, национализм, история Польши, СССР, Россия.

Цитирование. Дуров В. И. Отечественная историография польского национализма конца XIX – начала XX в.: сетевой анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 211–223. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.18

Введение. Последнее десятилетие все больше историков включают в свой исследовательский инструментарий метод сетевого анализа. Данные работы ведутся в рамках хорошо зарекомендовавшего себя в социально-гуманитарных науках междисциплинарного научного направления – исследование сетей. Отечественные историки обращаются к разным проблемам, опираясь на сетевой анализ: истории фракций Государственной думы, миграционных потоков, профессиональных объединений, вопросам применения социально-сетевого анализа в исследованиях, историографии и др. [1; 5].

Сетевой анализ служит важным инструментом в наукометрии (междисциплинарная область, ориентированная на изучение структуры и динамики научной информации, анализ научных публикаций). Описываемый метод имеет эвристический потенциал при анализе цитирований, позволяя выделить структуру научных коммуникаций и оценить результаты работы ученых. Сетевой анализ выявляет связи между учеными, работающими в одном направлении путем выделения как формальных, так и «виртуальных» исследовательских общностей по соавторству либо индексам цитирования. Благодаря технологии сетевого анализа можно проследить процесс формирования и динамику научных центров и школ, их центральные фигуры. Кроме того, наукометрия благодаря цифровым технологиям обеспечивает обработку стремительно растущего числа исследований. Так, появляются работы, которые исследуют взаимосвязь уровня цитирования с влиянием научных журналов (см., например: [3]). В отечественной науке следует особо выделить труды И.М. Гарсковой и А.В. Сметанина по сетевому анализу историографии [2; 13].

В данной статье предпринята попытка моделирования отечественного научного сообщества по вопросам польского национально-освободительного движения 1880-х гг. – 1918 года. Хронологические рамки исследования предопределены тем, что именно в 1880-е гг. возникает новое поколение в польском национализме [11, с. 22–29], деятельность которого приводит при благоприятных внешних и внутренних факторах к воссозданию государства. Моделирование осуществляется посредством подсчета цитирований в работах, созданных отечественной историографией в 1917–2023 гг., и построения на полученных данных сети.

Развитие польского национализма в рассматриваемый период неразрывно связано с польским вопросом, оказывая взаимное влияние друг на друга. Польский национализм редко становился предметом самостоятельного исследования, потому авторами чаще затрагивались отдельные его аспекты. Заметим,

что в настоящей работе будет рассмотрена динамика изучения польского вопроса в отечественной историографии. Под «польским вопросом» в настоящей работе понимается комплекс политических, административных, культурных, экономических, общественных вопросов в трех частях разделенной Польши в рассматриваемый период.

С учетом особенностей общественно-политического развития нашей страны, состояния исторической науки и методологических концепций в исследовании выделено два периода: советский (1917–1991 гг.) и современный (с 1991 г. по ноябрь 2023 г.).

Отечественная историография насчитывает большое количество работ, посвященных истории Польши. Это обусловлено рядом факторов: географическим соседством, долгой общей историей в рамках Российской империи, военными конфликтами между странами, близкими отношениями в течение почти полувекового социалистического строя в Польской Народной Республике. Поэтому закономерным стало появление историографических работ по различным аспектам: история рабочего и революционного движений в Польше, развитие польского вопроса в годы Первой мировой войны и др. (см., например: [14–15]). При этом в отечественной исторической науке отсутствует комплексное историографическое исследование о взглядах отечественных историков и публицистов на польское национальное движение в 1880-е гг. – 1918 году. Недавно появилась работа воронежского историка В.И. Дурова, но в ней анализируется состояние лишь современной историографии [4]. Более того, нам не известно ни одного исследования, которое бы строилось на основе моделирования отечественного исторического сообщества, работающего по данной проблематике, с применением сетевого анализа. Настоящая статья является первым подобный исследованием.

Материалы и методы. Как указывалось выше, для анализа привлекались работы о польском национализме и, шире, о польском вопросе. В настоящем исследовании национализм рассматривается в соответствии с определением американской исследовательницы К. Вердери как «политическое использование символа нации через дискурс и политическую активность, а также эмоции, которые заставляют людей реагировать на использование этого символа» [8, с. 56]. Автор использует понятия «национализм», «патриотизм», «национально-освободительное движение» без их оценочной коннотации и как синонимичные. Хотя данный подход дискуссионен, он получает все большее число сторонников в современной науке [7, с. 140–146]. В советской историографии мы найдем единичные случаи обращения к анализу исключительно сюжетов о национализме. Не вызывает сомнения, что вклад в изучение той или иной проблемы вносят не только специальные работы по определенной теме, но и затрагивающие смежные области. Поэтому в настоящем исследовании использовались публикации, например, о польской социал-демократии [12] и рабочем движении [16] и другие, в которых уделялось внимание польскому вопросу.

Основным методом для проведения исследования стал сетевой анализ. Критерием для отбора публикаций являлось наличие понятий «польский», «Польша» (польских имен собственных) и их производных в названии либо самой работы, либо части ее структуры. Такой подход, как предполагается, сужает количество работ, позволяя сконцентрироваться исключительно на тех, которые придавали польскому вопросу особое внимание (подтверждается названием публикации или отражением этого в ее структуре). После этого следует качественный анализ на предмет наличия или отсутствия сюжетов по интересующей нас проблематике. Естественно, что важным источником пополнения числа изучаемых работ являлись библиографические списки. В отношении основной части советских работ была проделана большая трудоемкая ручная работа по индексации, которая осложнялась частым отсутствием библиографии, когда приходилось просматривать ссылки, примечания и т. д., иногда научный аппарат мог вообще отсутствовать. Исследование не претендует на исчерпывающий характер, что связано с ограничениями в доступе автора к некоторым публикациям, а кроме того, пониманием, что часть работ может содержаться в сборниках материалов конференций, которые не внесены в электронные каталоги и не были упомянуты в анализируемых

исследованиях, что затрудняет их поиск, либо же некоторые публикации отсутствовали в фондах посещаемых библиотек. Однако, как нам представляется, собранная и проанализированная историография отражает общие тенденции и возможные погрешности не могут являться значимыми.

Исследование строится на 369 публикациях, написанных 190 авторами (55 работали в советский период и 140 – в современный (пять авторов работали в оба периода).

Источником служил широкий спектр публикаций: монографии, тематические сборники, статьи периодических изданий [1], материалы конференций, диссертационные исследования, научно-популярные издания, учебные пособия.

В качестве объекта сетевого анализа было взято цитирование работ. Для сетевого анализа была построена одномодальная матрица в таблице MS Excel. Ее строки и столбцы аналогичны по содержанию. В строках указывались цитирующие авторы (узлы сети), а в столбцах – цитируемые. В исследовании подсчет осуществлялся по факту цитирования (либо по тексту, либо в библиографическом списке) в отдельно взятой публикации. Вторая и далее ссылки на одно и тоже издание не учитывались. Затем данные вносились в ячейку или прибавлялись к уже имеющимся. При соавторстве цитирование засчитывалось всем авторам. Учитывалось и самоцитирование. Наличие цитирования давало связь (ребро сети) между авторами. Таким образом, модель сети стала взвешенной (количественное выражение, отражающие силу связи) и ориентированной (связь направленна на источник цитирования).

В MS Excel, кроме того, была составлена таблица атрибутов (с характеристиками акторов), содержащая сведения о поле, месте работы и жительства акторов, о периоде, в котором они опубликовали свою первую работу по анализируемой тематике. Атрибуты использовались как для проверки гипотез, так и для визуализации сети.

В исследовании расчеты строились на основе программы UCINET 6.757, а визуализация в виде графов (сети) посредством программы NetDraw 2.179. Данный программный пакет создан в Гарвардском университете для анализа социальных сетей и имеет в сравнении с другими аналогичными инструментами широкий набор метрик, необходимых исследователю.

Для целей визуального анализа динамики формирования сети в программе NetDraw удалялись акторы (узлы) по году первой публикации для анализируемого десятилетия. Такая процедура проделывалась с сетями для 1917–1991 гг., 1991–2023 гг. и 1917–2023 годов. Признаем, что конфигурации сети могли измениться из-за учета цитирования поздних работ, однако мы поступаемся этим фактом с целью увидеть динамику структуры сети.

Анализ. Модель сети строилась путем интеграции данных матрицы и таблицы атрибутов с последующей визуализацией программой NetDraw. При цитировании (как исходящего от автора, так и направленного на него) образовывались связи (ребра сети), из всей совокупности ссылок была создана сеть (см. рис. 1). Форма узлов указывает на период, в котором была опубликована первая работа автора по польской проблематике. Так, квадрат означает советский период, а круг – современный. Размер узлов обозначает степень indegree автора в общей сети (суммарное число внешних ссылок на автора – согласно расчетам UCINET).

Размер сети (число акторов) составил 190 узлов. При этом была образована сеть из двух компонентов (содержащие два и более узлов) размером 160 и 2. В сети оказалось 85,3 % от общего числа акторов. Малый компонент включал в себя исследователей Л.С. Лыкошину и М.Д. Трезубова, чьи работы посвящены Р. Дмовскому и влиянию его наследия на современную польскую политику, которые не цитировали других исследователей. Оставшиеся вне сети авторы не имели ни входящих, ни исходящих связей. Сеть имеет 883 связи (ребра). Анализ метрик сплоченности общей сети за период 1917–2023 гг. позволяет сделать вывод о существенной разреженности сети, так как ее плотность (соотношение имеющихся связей в сети к максимально возможному) составила 0,025 (2,5 %). В то же время связность сети достигла почти 23 %, а взаимность – около 12 % [2]. При этом средняя степень равна 4,647, то есть на каждого автора приходится около 4,6 связей.

Для сравнения, лидером по степени indegree (зависит от числа внешних ссылок) является А.Я. Манусевич с показателем 131.

Следует отметить, что авторы достаточно редко ссылаются на работы друг друга. На это указывает метрика взаимности. Она говорит нам, что доля двунаправленных (взаимных) связей в отношении ко всем связям составляет менее 12 %. Отметим, что в советский период уровень взаимности был выше – почти 28 %.

В современный период плотность упала в 3,4 раза. Так, для сети 1917–1991 гг. аналогичный показатель был 0,085 при размере сети 55 актора со 244 связями. Сама же сеть была образована 43 авторами (78,2 % от общего числа). Отметим при этом тот факт, что средняя степень узла была меньше и равнялась 4,519, но это не помешало ей стать более сплоченной. Отчасти это может быть объяснено тем, что большая часть авторов являлась сотрудниками института славяноведения АН СССР [3], которые создавали творческие коллективы с сотрудниками других институций, плодом чего стали монографии либо коллективные труды.

Анализ структуры сети позволяет выделить ядро, то есть доминирующую группу ученых с центральным положением для всех узлов сети. Алгоритмы программы относят к ядру исследователей Р.А. Ермолаеву, А.Я. Манусевича, А.М. Орехова, С.М. Стецкевича, С.М. Фалькович и И.С. Яжборовскую. Из них в российский период продолжали работу А.Я. Манусевич, И.С. Яжборовская и С.М. Фалькович. Авторы ядра имеют не центральное расположение в сети. Они немного смещены от центра влево, где четко читается плотное скопление акторов – это компактно расположенная значительная часть историков советского периода.

Заметим, что в пятерке лидеров по индексу центральности есть современный исследователь. Это Г.Ф. Матвеев, работы которого

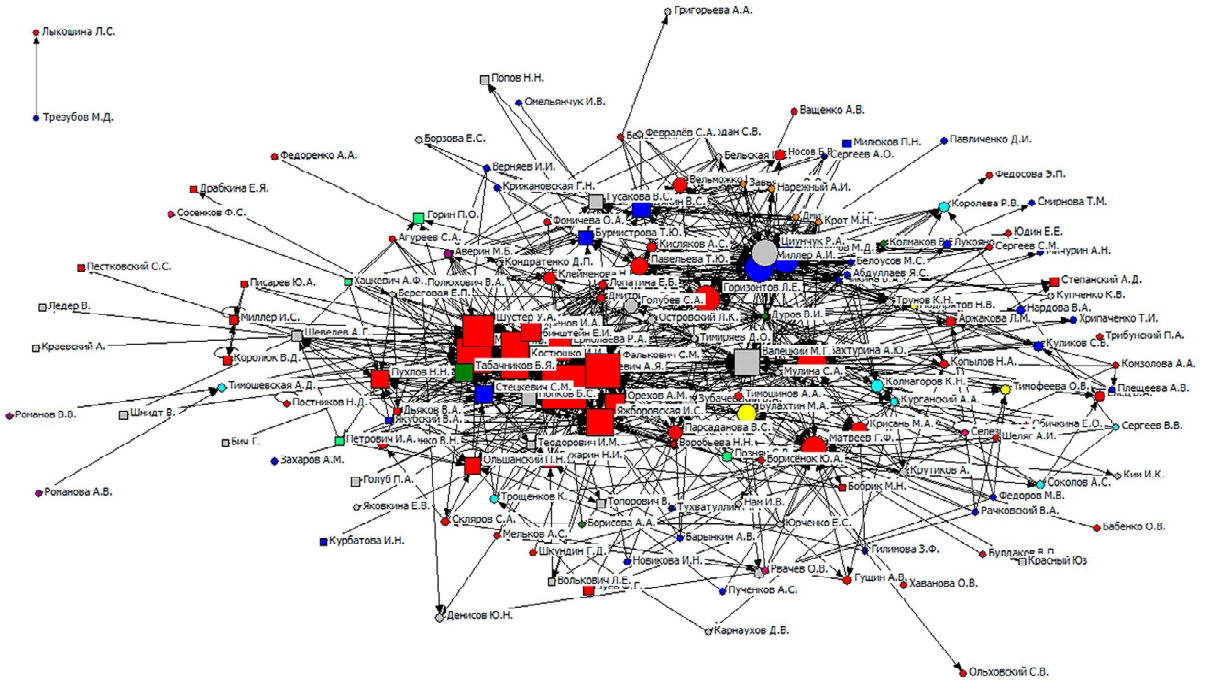

Рис. 1. Сеть авторов публикаций 1917–2023 годов

Примечание. Цвет определяет географию: красный – Москва, синий – Ленинград (Санкт-Петербург), бирюзовый – Калининград, зеленый – Воронеж, желтый – Пермь, оранжевый – Ростов-на-Дону; серый – другие или не установлено; исключены изолированные вершины; размер вершин соответствует центральности по степени.

Fig. 1. Network of authors of publications 1917–2023

Note. Color defines geography: red – Moscow, blue – Leningrad (St. Petersburg), turquoise – Kaliningrad, green – Voronezh, yellow – Perm, orange – Rostov-on-Don; gray – other or not established; isolated vertices are excluded; the size of the vertices corresponds to degree centrality.

по интересующей нас проблематике выходили после 1991 г., поэтому его творчество рассматривается в рамках 1991–2023 гг. (индекс центральности по степени равен 64, по посредничеству [4] – 983,842). Однако анализ центральности по посредничеству показывает, что роль эффективных посредников в сети начинают играть российские авторы. Наибольший коэффициент у А.Ю. Бахтуриной (индекс по посредничеству равен 2589,888, центральность по степени – 54). Замыкают пятерку, уступив И.С. Яжборовской и А.Я. Манусевичу (betweenness = 1916,021 и 1305,199 соответственно), Г.Ф. Матвеев и Л.Е. Горизонтов (индекс центральности по степени равен 40, по посредничеству – 666,83).

Анализ k-core позволяет выделить подгруппы, в которых каждый автор имеет k-связи с другими [17, p. 266–267]. Этот параметр позволяет увидеть наиболее важные узлы с максимальным количеством связей. После расчета метрики были отброшены акторы, которые имели меньше связь, чем с 4 другими авторами. Хотя структура сети продолжает оставаться сложной, заметно доминирование советской подгруппы в сети. К уже названному ядру можно добавить М.В. Миско, И.И. Костюшко, Е.И. Рубинштейн, У.Е. Шустер и др. (рис. 2). По нашему мнению, на такое положение повлияли их коллективные работы, а индивидуальные труды лишь подправляли общую картину (см.: [6; 9–10]). В левой части сети, где историческое пространство стало более разреженным, заметны несколько современных авторов с высокой степенью indegree (Г.Ф. Матвеев, А.И. Миллер, А.Ю. Бахтурина, Р.А. Циунчук). Такая конфигурация сети свидетельствует, что современная российская историография еще преемственна к советским работам, однако она становится более дисперсной, что позволяет говорить о потенциале для зарождения новых школ, появлении новых авторитетов.

Лидерами по количеству авторов в сети ожидаемо стали Москва и Санкт-Петербург (Ленинград): 80 и 31 человек соответственно. Во втором периоде появились другие центры компактного проживания историков: Калинин-

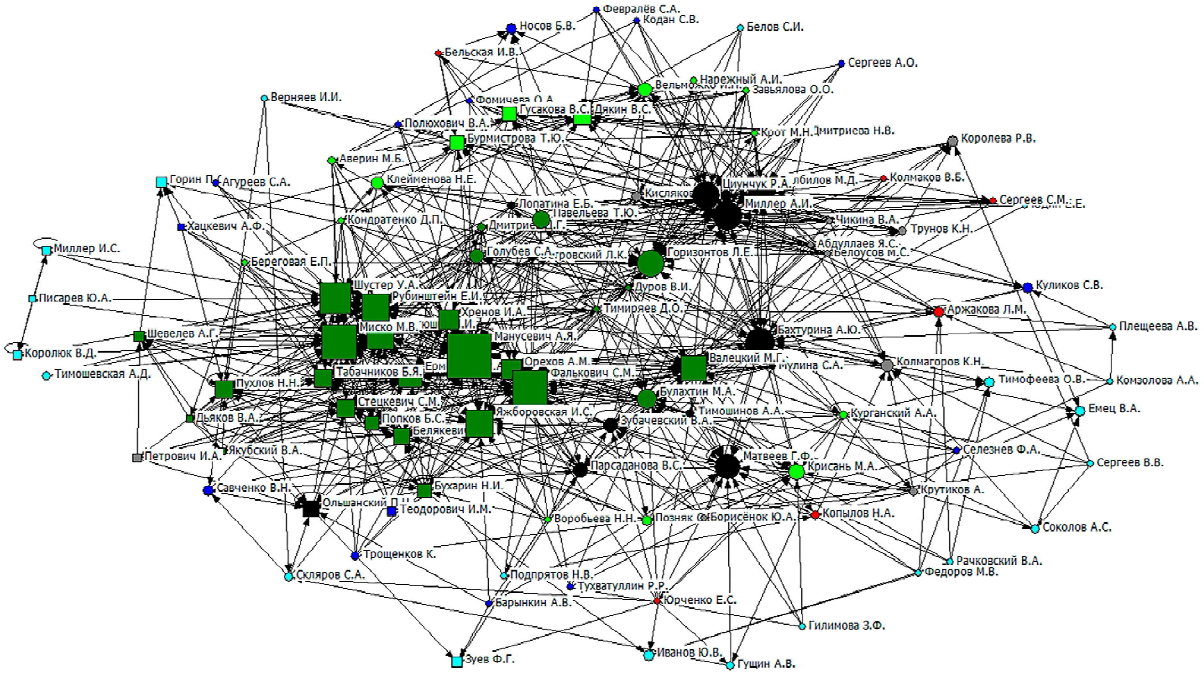

Рис. 2. Сеть с учетом k-core, равном и больше 4

Примечание. Цвет объединяет авторов по степени k-core. Зеленый – актор имеет связи с 11 другими узлами; черный – имеет связи с 10 узлами и т. д.

Fig. 2. Network taking into account k-core equal to or greater than 4

Note. Color combines authors by k-core degree. Green – the actor has connections with 11 other nodes; black – has connections with 10 nodes, etc.

град, Воронеж, Пермь, Ростов-на-Дону. Интерес исследователей Калининграда объясняется, конечно, соседством с Польшей, большими возможностями работы в архивах и библиотеках соседней страны. В Балтийском федеральном университете прошло несколько защит кандидатских диссертаций по изучаемой проблематике. Однако сетевой анализ не выявил отдельной подгруппы в структуре сети. Видимо, пока там не появился авторитетный исследователь, который бы основал научную школу с привязкой к отдельной проблематике, в русле которой работали бы ее представители.

Думается, для советского периода определяющим являлся географический фактор, когда «столичная прописка» делала доступными спецхраны, архивы, зарубежные командировки. На современном этапе с ростом академической мобильности, цифровизацией и доступностью литературы, источников, большим числом научных форумов и конференций, грантовыми и стипендиальными программами на первый план выходят профессионально-карьерные факторы. Именно поэтому мы можем наблюдать расширение как числа исследователей анализируемой научной области, так и городов с их компактным проживанием.

Если обратиться к динамике сети (рис. 3), то можно заметить поступательный рост ее размера и усложнение структуры. Так, до 1940-х гг. размер сети не превышал 5 авторов, то в 1950-е гг. видим уже 17, затем 63 в 1990-е гг. и резкое увеличение в 2010-х гг. до 147. На рисунке 4 представлено количество новых авторов по десятилетием, где четко читается рост в 1930-е гг., 1950-е гг. с сохранением уровня до 1980-х гг. и с 1990-х наблюдается поступательный рост с всплеском в 2010-е гг., на которые выпала череда юбилеев. Именно в 1930-е гг. в университетах появляются первые кафедры истории славян (также повлияли известные события 1939 г.), в 1946 г.

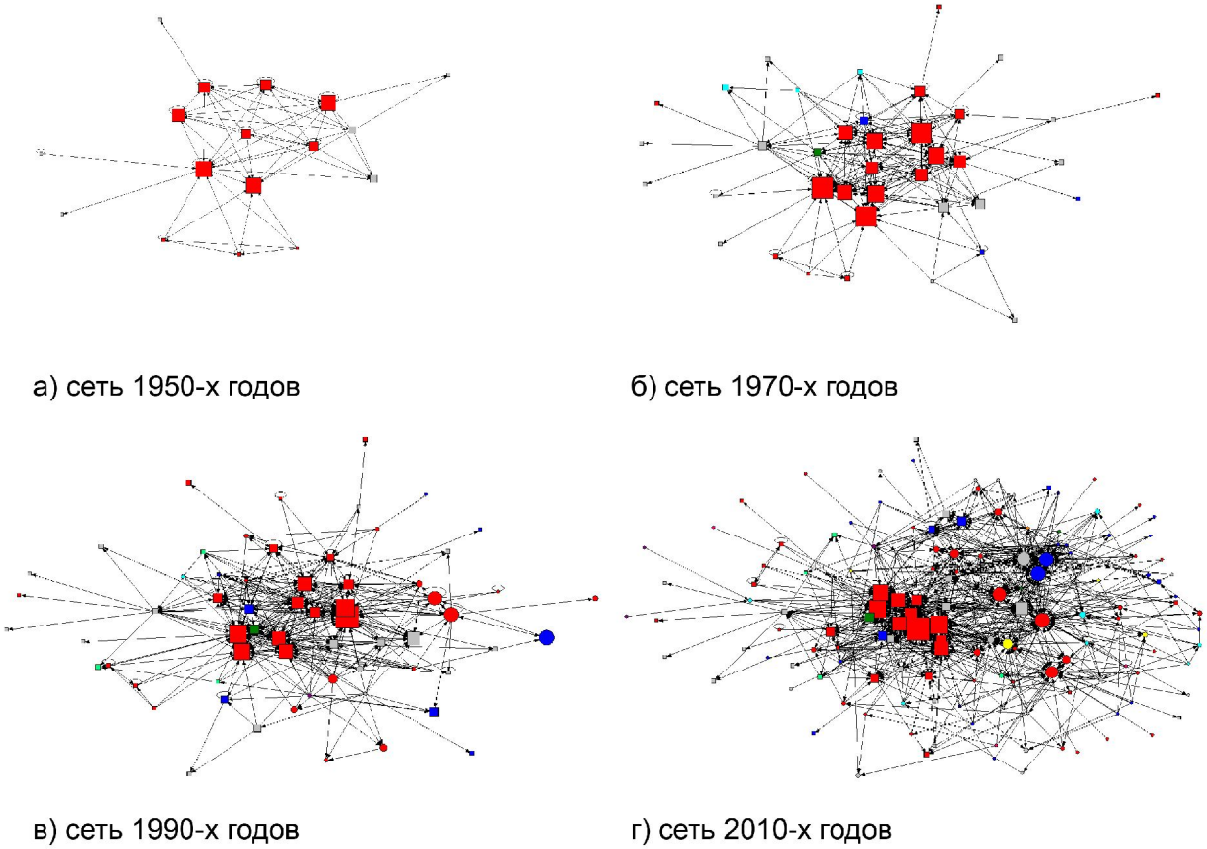

Рис. 3. Динамика формирования сети авторов 1950–2010-х гг. с шагом в 20 лет (исключены изолированные узлы)

Fig. 3. The dynamics of the formation of a network of authors in the 1950s–2010s in increments of 20 years (isolated nodes excluded)

начинает работать институт славяноведения АН СССР и издавать свои «Ученые записки». В последующие годы продолжается институциональное развитие направления: появляются новые центры по изучению истории славян, выходит журнал «Советское славяноведение». Рост публикаций на современном этапе связан с академической мобильностью ученых, доступностью к архивным фондам. Анализ проблематики публикаций показывает, что в 1940-е гг. наравне с историей рабочего движения заметно прибавляется публикаций о становлении польской государственности. В 1950-е гг. абсолютными лидерами стали темы об образовании государства и общие работы по истории Польши. Естественно, следует учитывать, что во многом тематика советских исследований определялась марксистской парадигмой и политической конъюнктурой. Таким образом, создание Польской Народной Республики в 1944 г. способствовало повышению актуальности польской тематики, необходимо было пересмотреть прежние оценки и подходы к взаимоотношениям между странами, указать на совместную революционную борьбу русского и польского народов в Российской империи, их единение перед германской опасностью в разные исторические периоды, роль Октябрьской революции в восстановлении независимости Польши. Эта тенденция продолжится вплоть до конца 1980-х годов. Большая часть исследований касалась истории рабочего и революционного движений с немного меньшим вниманием к проблемам восстановления государственности и внутриполитическим сюжетам.

С началом современной российской истории тематика исследований заметно меняется. С 1990-х гг. на первое место выходят исследования о месте польского вопроса во внутренней политике Российской империи; затем идут работы по истории польского национализма и влияния Первой мировой войны. Казалось бы, трудное для российско-польских отношений время, наступившее в начале XXI в. (авиакатастрофа с гибелью президента Польши Л. Качинского под Смоленском в апреле 2010 г., кризис 2014 г. и др.), должно было сказаться на историографии Польши. Однако мы видим обратную тенденцию. В 2010-е гг., десятилетие юбилеев, лидерами ожидаемо становятся темы по внутриполитической проблематике и истории Первой мировой войны, о роли польского фактора во внешней политике как России, так и других стран и, наконец, истории национального движения. Заметим, что на десятилетие юбилеев приходится 70 новых авторов (!) – половина от общего числа на современном этапе (140 акторов). Таким образом, описанные выше тенденции объясняют рост сети в 1950-е гг. и ее стремительное расширение в 2010-е гг. политическими соображениями в первом случае, и юбилейными датами в другом.

Модель сети российской историографии (1991–2023 гг.) включала три компонента. Третий компонент составили А.Д. Тимошевская,

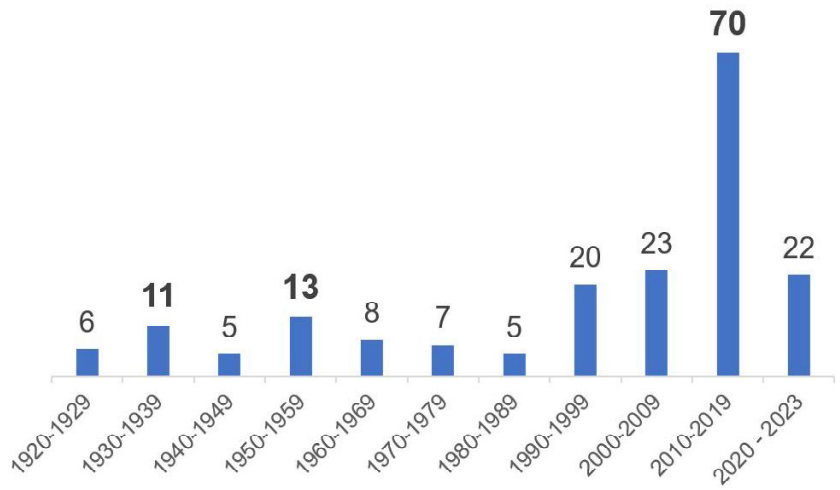

Рис. 4. Прирост количества новых авторов по десятилетиям

Fig. 4. Growth in the number of new authors by decade

А.В. Романова и В.В. Романов, которые исследовали польский вопрос и деятельность политической полиции (компонент связывается с общей сетью 1917–2023 гг. цитированием советских работ). В большом компоненте нет явных подгрупп. Следовательно, мы не можем говорить о сформированности научных школ или исследовательских групп, которые бы планомерно работали по конкретной проблематике. Несомненно, самым важным критерием является низкая цитируемость отечественных исследователей. В целом у первой пятерки лидеров по центральности indegree (входящих связей) наблюдается небольшой показатель outdegree (исходящие связи), в то время как советские историки активнее цитировали других авторов. Думается, у современных историков это может свидетельствовать как о смене центральных исследовательских тем, так и методологических парадигм. Активно публикующиеся авторы предпочитают ссылаться на зарубежных авторов (как правило, польских ученых) или архивные материалы. В структуре статей редко содержатся историографические обзоры, что отчасти может быть объяснено небольшим объемом статей, в котором исследователи стремились изложить основные положения своей работы. В диссертациях, структура которых строго формализована, историография вопроса раскрыта лучше. Думается, конфигурация сети современных историков демонстрирует все же процесс зарождения новых школ, складывания научных авторитетов. Например, центрами притяжения могут считаться Г.Ф. Матвеев, А.Ю. Бахтурина, А.И. Миллер, Л.Е. Горизонтов. Каждый формирует вокруг себя исследователей определенного направления: политической истории Польши и России, дипломатической истории, конструктивизма и имериологии, имагологии соответственно.

Итак, мы можем видеть частое пренебрежение в статьях историографическим экскурсом, даже самым малым. На наш взгляд, снижение цитирования кроется в изменении формата публикации с больших работ в советский период к статьям в журналах и материалах конференций в наше время. Отчасти на то есть объективные причины. Ограниченность объема публикации не позволяет авторам отводить место для историографического анализа. Хотя наблюдаемая тенденция прослеживается и в больших статьях. Не менее важным фактором роста числа публикаций, на наш взгляд, являются требования по публикационной активности и рост числа электронных изданий (что существенно дешевле). В связи с этим нужно понимать о некоторых ограничениях в интерпретации результатов сетевого анализа, который показывает существующие связи, но не качество работ. И, конечно, более ранние работы не будут иметь ссылок, например на современные, что ведет к низкой плотности их исходящих связей. Модель сети показывает лишь включение автора в общее историографическое поле [13, с. 2].

Следующим отличием между советским и современным периодами в структуре авторов является гендерная пропорция. Если в первом периоде женщины составляли 16,1 % акторов, то во втором их число достигло 33,8 %.

В исследовании представлялось интересным определить, занимали ли сотрудники ИСл АН СССР более центральное место в сети, есть ли зависимость между работой там и цитированием друг друга как для общей сети 1917–2023 г., так и по обоим периодам. Статистически значимые результаты [5] были получены благодаря расчетам монадической и диадической гипотез в программе UCINET. Монадические гипотезы ориентированы на выявление связей между двумя параметрами вершин сети, а диадические устанавливают закономерности в связях между парами узлов (то есть в диадах). Диадическая гипотеза использует две матрицы, сравнивая их и определяя корреляции между узлами. На основании таблицы атрибутов производились построения новых матриц по задаваемым категориям (например, аффилированность с ИСл АН СССР).

Гипотеза о том, что работа в ИСл АН СССР (ИСл РАН) обеспечивала высокий индекс центральности по степени подтвердилась для всех сетей (1917–1991; 1991–2023 и 1917–2023). Статистическая значимость составила p-value = 0,005; 0,011 и 0,002 соответственно. Таким образом, не менее чем в 99 % случаев гипотеза верна. Это высокий показатель.

Однако результаты расчетов опровергли гипотезу о корреляции между цитируемос-

тью научными сотрудниками ИСл АН СССР (корреляция = – 0,100; p-value = 0,084). Мы можем сделать вывод, что в ИСл АН СССР отсутствовала ярко выраженная корпоративность. Институт славяноведения привлекал к исследовательским проектам работников других институций (например, С.М. Стецкевича, Б.Я. Табачникова и др.). После проверки гипотез для современного периода мы не наблюдаем связи цитируемости между сотрудниками ИСл РАН (корреляция = 0,035; p-value = = 0,382). Данные можно интерпретировать тем, что на современном этапе центр научных исследований по польской проблематике сосредоточен в университетах, что подтверждается лидерами по центральности в сети, представляющими профессорско-преподавательский состав.

Для общей сети 1917–2023 гг. гипотезы о зависимости работы в ИСл РАН и цитируемостью сотрудниками института друг друга подтвердилась (корреляция = – 0,037; p-value = 0,010). Видимо, здесь наблюдается стремление к сохранению академических традиций и сложившихся научных школ. Безусловно, это объясняется целенаправленной и систематической работой научных сотрудников над польской проблематикой, фундаментальными работами в годы СССР и большим числом проводимых конференций в наше время.

Казалось бы, еще одним фактором, влияющим на индекс центральности, должна быть работа в вузах Москвы. Однако проверка гипотезы для советского периода и в целом для отечественной историографии ее не подтверждает (p-value = 0,112 и 0,934 соответственно), в то время как для современной историографии это значимый фактор (p-value = 0,008). В СССР активная исследовательская деятельность проводилась в ИСл Ан СССР, а также в Киеве, Минске, во Львове, которые имели свои архивы, близость к Польской Народной Республике. Поэтому конкуренция Москве была достойной. В то же время сегодня доступность к источникам достигается за счет подписных ресурсов, рассекречиванием части архивных документов, большим числом московских учреждений, в которых трудятся исследователи по изучаемой проблематике. Часть из них имеет высокие показатели по центральности. В общей сети 1917–2023 гг. с учетом работ советских историков, занимающих заметное место в структуре, картина меняется.

Результаты. Итак, некоторые особенности модели сети могут быть объяснены следующими соображениями.

На протяжении всего периода центром исследования Польши оставался Институт славяноведения. Как правило, его научные сотрудники знали польский язык, имели доступ к московским и ленинградским архивам и библиотекам, бывали в командировках в ПНР. Работа в ИСл РАН, как показало исследование, дает высокие шансы на известность среди коллег. Принадлежность к одной институции облегчала работу над крупными проектами (коллективными трудами, монографиями) в соавторстве группой ученых, что способствовало также большей цитируемости таких работ.

Следует отметить широкий спектр тематик, в которых затрагивается польский вопрос. На современном этапе методологическое разнообразие способствует его дальнейшему расширению.

Российская историография отличается большей мобильностью ученых, благодаря сети Интернет область польских исследований стала доступна региональным центрам, что нашло отражение в появлении городов, где работают несколько ученых в данном направлении (Калининград, Воронеж, Пермь, Ростов-на-Дону). Изменился состав исследователей, когда большинство является сотрудниками высших учебных заведений.

Снижение российско-польских контактов не сказалось серьезно на интересе к истории Польши. Думается, в эпоху цифровизации с обилием электронных библиотек и оцифровкой архивных документов уменьшение прямых контактов не настолько сильно бьет по исследователю. Столетние юбилеи по истории Первой мировой войны и воссоздания польского государства обратили внимание исследователей на польскую проблематику. Они дали всплеск числу публикаций и появлению новых авторов. При этом доминирование исследований по внутренней и внешней политике Российской империи облегчало работу исследователей, незнакомых с польским языком. Вероятно, данный факт важен в объяснении стремительно роста количества исследований.

Модель сети научного сообщества показывает, что сеть была разреженной. Четко выделяется подгруппа исследователей советского периода с несколькими российскими историками. Выделение других подгрупп затруднено. Однако анализ метрик центральности позволяет говорить о потенциале появления научных школ. Новые российские авторитеты уже сформировались. Это Г.Ф. Матвеев, А.И. Миллер, А.Ю. Бахтурина и некоторые другие.

Следует отметить, что в современных работах элемент историографического экскурса в структуре исследования часто опускается, что находит отражение в метриках центральности по степени outdegree и по взаимности. Современные исследователи неохотно ссылаются на работы своих коллег-соотечественников.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] На этапе сбора материала были проработаны следующие периодические издания: «Вопросы истории» с его предшественниками (1926–2023), «Новая и новейшая история» (1957–2023), «Славяноведение» (до 1992 г. «Советское славяноведение» – 1965–2022), «Славянский альманах» (1996–2023), «Исторические записки» (1937–2010), «Ученые записки института славяноведения» (1948–1966), «Вопросы истории славян» (1963–2013) и «Большевик» (1924–1950). Материалы других журналов и сборников использованы в случае выдачи через поиск в электронных библиотечных системах или наличия ссылок в работах.

[2] Связность сети (connectedness) – доля пар узлов, между которыми существует путь (связь). Взаимность в сети (reciprocity), которая используется в ориентированных сетях (учитываются исходящая и входящая связь) и показывает долю двунаправленных (взаимных) связей в общем числе связей между акторами.

[3] Институт славяноведения Академии Наук СССР, с 1968 г. – Институт славяноведения и балканистики АН СССР, с 1992 г. – Институт славяноведения и балканистики РАН, с 1997 г. – Институт славяноведения РАН (далее – ИСл АН СССР, с 1991 г. – Исл РАН).

[4] Центральность обозначает положение актора в сети. Есть несколько метрик центральности, ориентированных на выявление ядра внутри сети. Центральность по посредничеству (betweenness) измеряет, как часто узел (актор) находится на кратчайшем пути между любыми парами узлов в сети. Иначе, как часто он выступает в роли оптимального посредника.

[5] Проверка статистических гипотез осуществляется на данных выборки, которые с использованием теории вероятностей позволяют сделать вывод о верности гипотезы, то есть подтвердить или опровергнуть ее для генеральной совокупности. Важным здесь является уровень статистической значимости (p-value). Например, если значение p-value меньше 0,05 – это означает правильность гипотезы в более 95 % случаев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бородкин Л. И. Сетевой анализ в исторических исследованиях: микро-макроподходы // Историческая информатика. 2017. № 1. С. 110–124. DOI: http://doi.org/10.7256/.2017.1.22842

2. Гарскова И. М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. СПб.: Алетейя, 2018. 408 с.

3. Горелкин В. А. Российские журналы категории «History» в Scopus: основные показатели и оценка влияния на международном уровне // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 3. С. 239–279. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.21

4. Дуров В. И. Польский вопрос в 1880-е – 1918 г. в современной российской историографии // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10, № 3 (39). С. 59–66. DOI: http://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10(3).59-66

5. Ермошин А. Д. Сетевой анализ просопографической базы данных об архитекторах Московского метрополитена 1935–1991 гг. // Историческая информатика. 2017. № 4. С. 130–142. DOI: http://doi.org/10.7256/2585-7797.2017.4.24814

6. История Польши. В 3 т. Т. 2 / под ред. И. С. Миллера, И. А. Хренова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 711 с.

7. Кром М. Патриотизм, или Дым отечества. СПб.: Европ. ун-т, 2020. 160 с.

8. Миллер А. И. Национализм как теоретическая проблема (Ориентация в новой исследовательской парадигме) // Полис. Политические исследования. 1995. № 6. С. 55–60.

9. Общественное движение на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864–1914 гг. / отв. ред. А.М. Орехов. М.: Наука, 1988. 334 с.

10. Очерки революционных связей народов России и Польши, 1815–1917 / отв. ред. И. С. Миллер. М. : Наука, 1976. 604 с.

11. Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носков. М. : Индрик, 2012. 952 с.

12. Пухлов Н. Н. Из истории польской социал-демократической партии (1893–1904 гг.). М.: Наука, 1968. 256 с.

13. Сметанин А. В. Историография дореволюционных Государственных Дум: опыт сетевого моделирования // Материалы докладов XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008». Секция «История» / отв. ред. И. А. Алешковский, П. Н. Костылев, А. И. Андреев. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 1–2. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2008/Smetanin.pdf

14. Тимошинов А. А. Королевство Польское в годы Первой мировой войны в российской историографии // Славянский альманах: 2013. М.: Индрик, 2014. С. 221–231.

15. Трощенков К. Польский вопрос в годы Первой мировой войны в отечественной историографии. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Tro_PolVopr.php

16. Фалькович С. М. Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907–1912). М.: Наука, 1975. 378 с.

17. Borgatti S.P., Everett M.G., Johnson J.C. Analyzing Social Networks. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage, 2018. 320 p.

REFERENCES

1. Borodkin L.I. Setevoj analiz v istoricheskih issledovanijah: mikro-makropodhody [Network Analysis in Historical Research: Micro-Macro Approaches]. *Istoricheskaja informatika*, 2017, no. 1, pp. 110-124. DOI: http://doi.org/10.7256/.2017.1.22842

2. Garskova I.M. *Istoricheskaja informatika: evoljucija mezhdisciplinarnogo napravlenija* [Historical Informatics: The Evolution of an Interdisciplinary Direction]. Saint Petersburg, Aletejja Publ., 2018. 408 p.

3. Gorelkin V.A. Rossiiskie zhurnaly kategorii «History» v Scopus: osnovnye pokazateli i otsenka vliianiia na mezhdunarodnom urovne [Russian Journals in the Subject Category "History" in Scopus: Key Indicators and Impact Assessment at the International Level]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 239-279. DOI: https://doi.org/10.15688/ jvolsu4.2023.3.21

4. Durov V.I. Polskii vopros v 1880-e – 1918 g. v sovremennoi rossiiskoi istoriografii [Modern Russian Historiography About the Polish Question in 1880s–1918]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriia «Istoricheskie nauki»* [Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"], 2023, vol. 10, no. 3 (39), pp. 59-66. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(3).59-66

5. Ermoshin A.D. Setevoj analiz prosopograficheskoj bazy dannyh ob arhitektorah Moskovskogo metropolitena 1935–1991 gg. [Network Analysis of a Prosopographic Database on the Architects of the Moscow Metro 1935–1991]. *Istoricheskaja informatika*, 2017, no. 4, pp. 130-142. DOI: http://doi.org/10.7256/2585-7797.2017.4.24814

6. Miller I.S., Khrenov I.A., eds. *Istoriia Polshi. V 3 t. T. 2* [History of Poland]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1955. 711 p.

7. Krom M. *Patriotizm, ili Dym otechestva* [Smoke of the Homeland]. Saint Petersburg, Evrop. un-t, 2020. 160 p.

8. Miller A.I. Nacionalizm kak teoreticheskaja problema (Orientacija v novoj issledovatelskoj paradigme) [Nationalism as a Theoretical Problem (The Guide to a New Research Paradigm)]. *Polis. Politicheskie issledovanija*, 1995, no. 6, pp. 55-60.

9. Orekhov A.M., ed. *Obshchestvennoe dvizhenie na polskikh zemliakh. Osnovnye ideinye techeniia i politicheskie partii v 1864–1914 gg*. [Social Movements in the Polish Lands. Main Ideological Currents and Political Parties in 1864–1914]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 334 p.

10. Miller I.S., ed. *Ocherki revoliutsionnykh sviazei narodov Rossii i Polshi, 1815–1917* [Essays on Revolutionary Ties Between the Peoples of Russia and Poland, 1815–1917]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 604 p.

11. Noskov A.F., ed. *Polsha v XX veke. Ocherki politicheskoi istorii* [Poland in the 20th Century. Political History Essays]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 952 p.

12. Pukhlov N.N. *Iz istorii polskoi sotsial-demokraticheskoi partii (1893–1904 gg.)* [From the History of the Polish Social Democratic Party (1893–1904)]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 256 p.

13. Smetanin A.V. Istoriografiia dorevoliutsionnykh Gosudarstvennykh Dum: opyt setevogo modelirovaniia [Historiography of Pre-Revolutionary State Dumas: Experience of Network Modeling]. *Materialy dokladov XV Mezhdunarodnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh «Lomonosov-2008». Sektsiya «Istoriya»* [Materials of Reports of the 15th International Conference of Students, Postgraduate Students and Young Scientists "Lomonosov-2008". Section "History"]. Moscow, MAKS Press, 2008, pp. 1-2. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2008/Smetanin.pdf

14. Timoshinov A.A. Korolevstvo Polskoe v gody Pervoj mirovoj vojny v rossijskoj istoriografii [Kingdom of Poland During the First World War in

Russian Historiography]. *Slavjanskij almanah: 2013* [Slavic Almanac: 2013]. Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 221-231.

15. Troshhenkov K. *Polskij vopros v gody Pervoj mirovoj vojny v otechestvennoj istoriografii* [Polish Question During the First World War in Russian Historiography]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Tro_PolVopr.php

16. Falkovich S.M. *Proletariat Rossii i Polshi v sovmestnoi revoliutsionnoi borbe (1907–1912)* [Proletariat of Russia and Poland in the Joint Revolutionary Struggle (1907–1912)]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 378 p.

17. Borgatti S.P., Everett M.G., Johnson J.C. *Analyzing Social Networks*. Thousand Oaks, Sage, 2018. 320 p.

Information About the Author

Viktor I. Durov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State, Central Branch of the Russian State University of Justice, 20-letiya Oktyabrya St, 95, 394006 Voronezh, Russian Federation, wiktor_durov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3766-384X

Информация об авторе

Виктор Иванович Дуров, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, ул. 20-летия Октября, 95, 394006 г. Воронеж, Российская Федерация, wiktor_durov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3766-384X

www.volsu.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ: МНЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ

CC BY

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.19

UDC 94:070(470.45)
LBC 63.3(2Рос-4Вог)64

Submitted: 02.09.2024
Accepted: 10.10.2024

ANALYSIS OF THE ACTIVITIES OF "SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY. HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS" FOR 10 YEARS (2014–2023)

Vitaliy A. Gorelkin
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Natalia V. Rybalko
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* "Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations" has been published 6 times a year since 2014, and since the second half of 2015, it has had a new editorial board and editorial staff under the leadership of Chief Editor, Doctor of Sciences (History), Professor Igor Olegovich Tyumentsev. The purpose of the article is to trace the quantitative and qualitative changes that have occurred over the ten-year period of the journal's activity and to identify the main achievements of the journal. *Methods and Materials*. The study is based on the materials of 60 issues of the journal for the period from 2014 to 2023; descriptive, comparative and quantitative methods of analysis were used. *Analysis.* The analysis of the main stages of the journal's development related to changes in strategy, renewal of the editorial board and editorial staff, and inclusion of the journal in international citation databases was conducted. The article presents statistics on the number and volume of published articles, the composition of authors taking into account their territorial affiliation, the composition of the reviewer pool, the number of citations of the journal, the distribution of articles by scientific direction and subject. *Results*. It was possible to show the place of the journal in the national and international rankings, the degree of integration of the journal into the international scientific space, and the positive dynamics of development. A direct connection was traced between the achievements of the journal and the main factors contributing to this: active joint work of the editorial staff and the editorial board, financial support from the Volgograd State University, the transition to a parity release of thematic and non-thematic issues, and tightening of requirements for the quality of articles and reviewing. *Authors' contribution.* N.V. Rybalko prepared the sections "Introduction" and "Historiography" and, analyzed changes in the composition of the editorial staff of the journal and the quantitative and regional composition of authors and reviewers. V.A. Gorelkin described the development strategy of the journal and presented an analysis of indexing, citation, journal ratings, and publication topics. The remaining sections were written jointly.

Key words: Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations, scientific journal, History, Politics, editorial staff of the journal.

Citation. Gorelkin V.A., Rybalko N.V. Analysis of the Activities of "Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations" for 10 Years (2014–2023). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 5, pp. 224-241. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.19

© Горелкин В.А., Рыбалко Н.В., 2024

УДК 94:070(470.45)
ББК 63.3(2Рос-4Вог)64

Дата поступления статьи: 02.09.2024
Дата принятия статьи: 10.10.2024

АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 4, ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» ЗА 10 ЛЕТ (2014–2023)

Виталий Александрович Горелкин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Наталия Владимировна Рыбалко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения» с 2014 г. работает в режиме 6 выпусков в год и со второй половины 2015 г. в обновленном составе редакционного совета и редакционной коллегии под руководством главного редактора доктора исторических наук, профессора Игоря Олеговича Тюменцева. Цель статьи – проследить количественные и качественные изменения, произошедшие в течение десятилетнего периода деятельности журнала, выявить его основные достижения. *Методы и материалы*. Исследование базируется на материалах 60 выпусков журнала за период с 2014 до 2023 г., использованы описательный, сравнительный и количественный методы анализа. *Анализ.* Изучены основные этапы развития журнала, связанные с изменением стратегии, обновлением состава редсовета и редколлегии журнала, включением журнала в международные базы цитирования. Представлена статистика по количеству и объему опубликованных статей, составу авторов с учетом их географического разнообразия, составу пула рецензентов, количеству цитирований журнала, распределению статей по научным направлениям и тематике. *Результаты*. Удалось показать место журнала в национальном и международном рейтингах, степень его интеграции в международное научное пространство, позитивную динамику развития. Прослежена прямая связь достижений журнала и главных факторов, этому способствующих: активная совместная работа редакционной коллегии и редакционного совета, финансовая поддержка со стороны Волгоградского государственного университета, переход на паритетный выпуск тематических и нетематических номеров, ужесточение требований к качеству статей и рецензированию. *Вклад авторов.* Н.В. Рыбалко подготовила разделы «Введение», «Историография», провела анализ изменения состава редколлегии журнала, количественного и регионального состава авторов и рецензентов. В.А. Горелкин описал стратегию развития журнала, представил анализ индексирования, цитирования, рейтингов журнала, тематики публикаций. Остальные разделы написаны совместно.

Ключевые слова: Вестник Волгоградского государственного университета, научный журнал, исторические науки, политические науки, редакционная коллегия журнала.

Цитирование. Горелкин В. А., Рыбалко Н. В. Анализ деятельности журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения» за 10 лет (2014–2023) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 5. – С. 224–241. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.19

Введение. «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» (далее – Вестник) является ведущим научным изданием Юга России, где публикуются статьи по направлениям «Исторические науки» (история России, всеобщая история и археология) и «Политические науки» (политология, регионоведение и международные отношения). Учредитель – Волгоградский государственный университет.

Журнал был основан в 1996 г. и первоначально выходил под названием «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Философия», с 2001 г. публикуется под нынешним названием. Первые 12 лет периодичность журнала составляла 1 раз в год, с 2008 г. – 2 раза в год, с 2014 г. –

6 раз в год. Представляется интересным провести анализ десятилетнего периода деятельности журнала, с момента перехода издания на 6 выпусков в год (2014–2023), проследить количественные и качественные изменения, установить причины их появления.

Методы и материалы. Основной источниковой базой послужили статьи шестидесяти выпусков журнала «Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения», изданные в период 2014–2023 гг., статистические данные с сайта журнала (https://hfrir.jvolsu.com), аналитического портала SCImago Journal & Country Rank (далее – SJR) и международных наукометрических баз данных (далее – МНБД) Scopus и eLIBRARY.RU, на последней рассчитывается Российский индекс научного цитирования (далее – РИНЦ). Также была привлечена ведомственная делопроизводственная документация, регламентирующая деятельность журнала. Для визуализации статистических данных использовалось программное обеспечение Microsoft Excel, Scimago Graphica и wordcloud.online.

Использованы описательный метод, сравнительный и метод количественного анализа.

Историография. В 2016 г. В.В. Тараканновым и А.Э. Калининой были подведены итоги развития всех 12 серий университетских журналов за первые двадцать лет в специальном юбилейном выпуске «Вестника ВолГУ. Серия 6, Университетское образование» [8], в том же номере И.О. Тюменцев, будучи главным редактором в то время, сделал обзор деятельности исторической серии за 1996–2016 гг. [9]. Квантитативный анализ деятельности Вестника серии 4 за период с 2010 до 2019 г. был проведен венгерским исследователем Виктором Забо [10]. Вклад членов редколлегии в развитие исторической серии Вестника был отмечен в статье, подготовленной В.А. Горелкиным и О.В. Кузнецовым к 25-летнему юбилею журнала в 2021 г. [3]. Наукометрические показатели журнала за период с 2018 по 2021 г. представлены в статье В.А. Горелкина [2].

Причины и начало трансформации журнала. Руководство Волгоградского государственного университета десять лет назад поставило издательству и редакциям существовавших к тому моменту двенадцати научных журналов амбициозную цель – вхождение в ведущие международные наукометрические базы данных Web of Science и Scopus. На тот момент в «Вестнике ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения» публиковались работы волгоградских историков и политологов, а также соискателей научных званий и степеней кандидата и доктора наук со всей России. Это был крепкий региональный журнал, недавно вышедший на национальный уровень, но уже имевший репутацию хорошего рецензируемого издания благодаря работе предыдущих главных редакторов (Д.М. Туган-Барановского, И.О. Тюменцева и О.Ю. Редькиной) и членов редколлегии – сотрудников исторического факультета ВолГУ. Доктор исторических наук, профессор Иван Иванович Курилла *, возглавлявший в то время журнал, поддержал новый курс развития издания и пригласил в редакцию ряд отечественных и зарубежных исследователей. Учитывая, что согласие ведущих ученых обязывает к соблюдению журналом кристально чистой редакционной политики, для недопущения потенциального конфликта интересов в будущем он получил от руководства университета гарантию полной поддержки нового курса Вестника. С тех пор единственным источником финансирования издания являются внебюджетные средства Волгоградского государственного университета, благодаря чему публикации в журнале остаются бесплатными для авторов и читателей.

В 2014 г. были окончательно разделены сферы ответственности за продвижение журнала на международный уровень. Университет брал на себя полное техническое обеспечение программы развития (разработку отдельного сайта, финансирование работы редакции и выпуска журнала). На издательство, кроме традиционной обязанности по издательско-редакционной обработке и полиграфическому исполнению, были возложены задачи по разработке маркетинговой стратегии журнала, поиску и внедрению лучших мировых практик издания научной периодики (от оформления статей до разработки новых принципов рецензирования и публикационной этики), а также по взаимодействию с внешней средой:

* Включен в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации.

Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки (далее – ВАК), Роскомнадзором, отечественными и международными базами данных и электронными библиотеками и др. Редакция Вестника в таких условиях должна была выполнить самую сложную часть работы – привлечь лучших авторов и организовать качественный процесс оценки поступающих рукописей. С этого момента журнал стал стремительно меняться.

В 2015 г. к руководству изданием вернулся доктор исторических наук профессор Игорь Олегович Тюменцев. Он поддержал текущий курс, но внес ряд существенных корректив – были конкретизированы миссия, цели и задачи журнала, его предметные области, реорганизован подход к управлению редакционными процессами. Понимая, что многое зависит от энтузиазма редакции и ее преданности науке, И.О. Тюменцев создал внутри нее коллектив настоящих единомышленников, готовых приложить все силы для развития Вестника.

Работа по продвижению журнала в МНБД была сложной. В МНБД Scopus по направлению «History» в 2014 г. индексировалось всего 5 журналов из Российской Федерации [4, с. 413], поэтому в качестве примеров по оформлению метаданных и научно-справочного аппарата статей, специфике деятельности редакции и маркетинга приходилось ориентироваться на иностранную научную периодику. Большую помощь оказали методические рекомендации О.В. Кирилловой [6], ставшие в это время буквально «справочником» для редактора и издателя журнала.

Редакция Вестника смело шла на эксперименты, была готова на апробацию различных нововведений. Так, на базе журнала после нескольких неудачных попыток были разработаны и переданы другим журналам ВолГУ оптимальная для научного издания структура сайта, правила оформления статей (IMRAD), принципы публикационной этики. Он первым в 2014 г. разработал программу развития (в последствии на нее ориентировались как на образец остальные журналы ВолГУ), стал присваивать статьям DOI и использовать открытые лицензии для публикуемых материалов, в 2016 г. подал заявки на включение в Web of Science и Scopus. Недовольство новыми правилами со стороны авторов, неверие некоторых коллег в целесообразность и достижимость выхода на международный уровень, разочарование от первых отказов МНБД не сломило редакцию. К этому времени редколлегия журнала понимала, что включение в Web of Science и Scopus не является самоцелью. Через два года трансформации стало ясно, что текущие изменения действительно делают журнал лучше, что он перешагнул стадию, на которой является исключительно местом для публикации, и стал вносить посильный вклад в развитие российской науки. Надеемся, что анализ произошедших за последние десять лет в Вестнике изменений будет полезен другим отечественным изданиям в качестве обмена опытом.

Редсовет и редколлегия. По замечанию президента Ассоциации научных редакторов и издателей О.В. Кирилловой (со ссылкой на наукометрические показатели журналов, анализ которых был сделан издательством Elsevier по данным Scopus), «большего влияния достигают журналы, международные по составу редакторов, редколлегий, рецензентов и авторов» [5, с. 9]. Рассмотрим деятельность журнала по данным областям.

30 апреля 2014 г., когда главным редактором Вестника являлся д.и.н., профессор И.И. Курилла, вышел приказ № 01-07.1-385 «Об утверждении редакционной коллегии и редакционного совета Вестника», в котором впервые в состав редакции были включены иностранные ученые – два доктора наук из США и по одному из Греции и Японии.

С третьего выпуска журнала 2015 г. на должность главного редактора был назначен д.и.н., профессор И.О. Тюменцев (ранее возглавлял исторический Вестник в 2001–2008 гг.), и на заседании редколлегии 9 октября 2015 г. было принято решение обновить и расширить состав редсовета, пригласить ведущих специалистов России и иностранных коллег, выработать новую стратегию развития журнала, что и было сделано. Согласия на членство в редсовете были получены от докторов наук из США, Венгрии, Польши, Сербии, Беларуси, в 2022 г. – из Казахстана и Вьетнама.

В настоящее время из 28 членов редсовета журнала 10 – это иностранные ученые, 18 – отечественные. Из российских ученых

1 академик РАН – д.и.н. Александра Петровна Бужилова (Москва), 10 докторов исторических наук из Москвы, Санкт-Петербурга, Липецка, Ростова-на-Дону, Краснодара, Челябинска, Волгограда, 2 доктора политических наук из Саратова и Волгограда, 3 кандидата исторических наук из Москвы и Санкт-Петербурга.

В состав редколлегии входят 22 человека: 8 докторов и 9 кандидатов исторических наук из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Краснодара, Элисты, Волгограда, 2 доктора и 1 кандидат политических наук из Волгограда.

Большая численность редакции журнала позволяет оперативно решать вопросы по поиску рецензентов, привлекать специалистов для помощи в формировании тематических номеров. Состав редакционной коллегии и совета не является закоснелой структурой, он постоянно меняется и совершенствуется исходя из стоящих перед Вестником текущих задач. Последняя такая ротация была осуществлена в августе 2024 года.

К сожалению, изменения в составе редакции не всегда носят технический характер. С огромной благодарностью вспоминаем ушедших из жизни членов редакционного совета и коллегии, оказавших журналу неоценимую помощь в качестве редакторов и авторов – археолога, д.и.н. Леонида Теодоровича Яблонского (2016), археолога, д.и.н. Анатолия Степановича Скрипкина (2021), византиниста, к.и.н. Николая Дмитриевича Барабанова (2024), византиниста, академика РАН, д.и.н. Игоря Павловича Медведева (2024).

Рецензирование. С 2015 г. в журнале была поставлена задача расширять круг привлекаемых рецензентов, что фактически происходит и по настоящее время. С этого же времени ежегодно в заключительном 6-м номере журнала публикуется благодарность рецензентам текущего года с указанием фамилии и места работы, тем самым рецензирование приобретает прозрачность, оставаясь конфиденциальным. Динамика изменений числа привлекаемых к рецензированию ученых отражена на рисунке 1.

Показательно, что в 2020 г., через год после включения в МНБД Scopus, было достигнуто оптимальное число приглашенных рецензентов (244 человека), на этом уровне редколлегия работала в 2021 и 2023 годах. Немного меньше экспертов было привлечено в 2022 г., что связано с общим уменьшением количества статей российских авторов, поступивших в редколлегию в этом году (198 статей в 2021 г., 141 – в 2022 г.). В 2023 г. активность авторов восстановилась (204 статьи). Иногда один специалист соглашается подготовить 2–3 рецензии в год.

В журнале принцип двойного слепого рецензирования реализуется следующим образом: для каждой статьи подбираются два

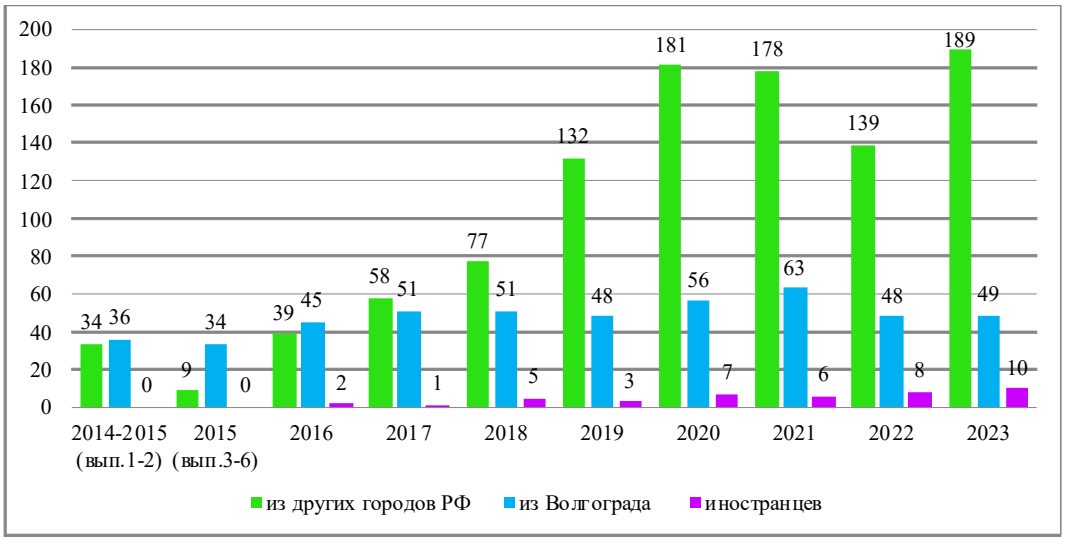

Рис. 1. Рецензенты журнала в 2014–2023 годах

Fig. 1. Reviewers of the journal in 2014–2023

рецензента в соответствии со сферой научных интересов, им отправляется предложение о рецензировании и статья без указания фамилии автора (авторов). Обращается внимание на то, чтобы автор и эксперт не работали в одной организации и у них отсутствовал конфликт интересов. В случае спорной ситуации редколлегия журнала обращается к третьему специалисту и затем проводит обсуждение данной рукописи. Рецензии (без указания фамилий экспертов) отправляются всем авторам без исключения. Несмотря на большие затраты времени по поиску рецензентов, этот принцип работы показал свою высокую результативность: привлеченные к оценке рукописей специалисты не испытывают субъективного давления, рецензии получаются глубокими, высокопрофессиональными. Доработка по результатам рецензирования, которую проходит практически каждая статья, позволяет авторам значительно повысить качество публикуемого материала и, даже в случае отклонения, увидеть и понять ключевые недостатки конкретного исследования для дальнейшего улучшения статьи. Такая практика делает журнал более известным и узнаваемым, дополнительно расширяет круг потенциальных авторов.

Для процесса рецензирования привлекаются не только российские, но и иностранные исследователи. Отмечается положительная динамика: если в 2014–2015 гг. не было ни одного иностранного рецензента, то в 2023 г. их было уже 10 человек. За период с 2016 по 2023 г. к экспертной оценке были привлечены ученые из США, Венгрии, Азербайджана, Китая, Сербии, Беларуси, Украины, Молдовы, Польши, Франции, Аргентины, Казахстана, Германии, Болгарии, Киргизии и Кипра.

Периодичность и объем выпусков. В 2014 г. редакция Вестника решилась на важный шаг – переход от двух выпусков в год к шести номерам. Несмотря на увеличение нагрузки на редакторов и многочисленные проблемы первых лет, этот переход оказал на журнал благотворное влияние. Во-первых, значительно уменьшился срок между подачей автором рукописи и ее опубликованием. Во-вторых, впервые в истории журнала были подготовлены и выпущены тематические номера.

Рост популярности журнала отразился на формировании издательского портфеля. За первые 5 лет (с 2014 по 2018 г.) изучаемого периода количество опубликованных статей увеличилось с 75 до 118, то есть прирост составил 57,3 %, за следующие 3 года (с 2018 по 2021 г.) – со 118 до 130 статей, прирост 10 %. В дальнейшем увеличение произошло один раз в 2021 г. до 137 статей, затем стабилизировалось на 130 статьях в год. В целом за десять лет количество ежегодно публикуемых статей увеличилось почти в 2 раза – от 75 публикаций в 2014 г. до 130 в 2023 г. (рис. 2).

Отдельно отметим, что вырос процент отклонения статей. За последние пять лет в

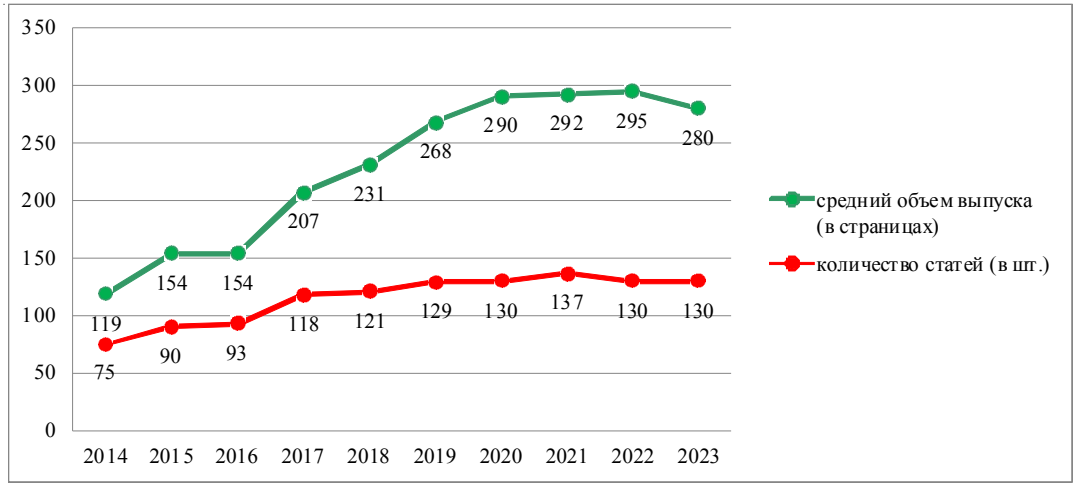

Рис. 2. Количество опубликованных статей и среднее количество страниц журнала в 2014–2023 годах

Fig. 2. Sum of published articles and the average page count of the journal in 2014–2023

среднем было отклонено 22,2 % поступающих рукописей. Наиболее частые причины отказа – несоответствие тематики статьи предметной области Вестника, низкая оригинальность, описательный характер, необоснованность выводов и недостаточное использование источников и историографии по теме исследования.

Прирост среднего объема номеров по количеству страниц за первые 5 лет изучаемого периода составил 94 %, за следующие 3 года – 25 %, затем стабилизировался на достигнутом уровне, а в 2023 г. уменьшился на 5 %. Данный показатель демонстрирует, что статьи стали более объемными и информативными (см. рис. 2).

Резкий рост объема публикаций в 2017 г. однозначно связан с включением журнала в МНБД Web of Science. С этого момента Вестник стал более привлекательным местом опубликования результатов исследований для ведущих отечественных ученых. Редакция реализует индивидуальный подход к авторам и не выдвигает ультимативные требования к объему исследования. Главным критерием служит качество статьи, обоснованность цитирования источников и историографии, использования статистической информации и иллюстративного материала. В отдельных случаях, когда объем исследования достигает двух и более печатных листов, авторам предлагается разделить статью на две самостоятельные статьи с последующим принятием решения о месте публикации второй части.

Состав авторов. Авторы и их исследования – это главная ценность для читателей, ради чего журнал существует как средство массовой информации. Стоит вспомнить наказы, прозвучавшие в 2016 г. от д.э.н., профессора О.В. Иншакова, который в 1996 г., будучи ректором ВолГУ, выступил с инициативой создания научных журналов университета: «Привлекать ученых из разных центров науки и образования России и мира...», «вести дискуссии по актуальным темам через статьи, публикуемые на страницах журналов», «улучшить отбор материалов для публикации, обратив внимание на аргументированность... новизну, оригинальность, теоретическую и практическую ценность» [1, с. 18].

Анализ регионального состава российских авторов журнала показывает, что журнал привлекателен для ученых не только Волгограда, но и ученых из еще 84 городов России (см. табл. 1, рис. 3).

Чаще всего в журнал поступают статьи из Волгограда. Активность ученых из Москвы и Санкт-Петербурга явно стала возрастать с 2016 г., что можно связать с появлением в журнале тематических номеров и после 2019 г. – вхождением журнала в базу Scopus (см. рис. 3).

Таблица 1. **Региональный состав авторов журнала в 2014–2023 годах**

Table 1. **Regional composition of the journal authors in 2014–2023**

№	Город	Частота публикаций авторов (количество раз)
1	Волгоград	469
2	Москва	255
3	Санкт-Петербург	147
4	Ростов-на-Дону	67
5	Симферополь	63
6	Воронеж, Екатеринбург, Краснодар, Самара, Саратов, Ставрополь	25–38
7	Архангельск, Астрахань, Барнаул, Белгород, Волжский, Махачкала, Новосибирск, Севастополь, Тюмень, Уфа, Элиста	9–16
8	Владивосток, Владимир, Елец, Иваново, Казань, Калининград, Киров, Липецк, Нальчик, Нижний Новгород, Омск, Оренбург, Петрозаводск, Пущино, Таганрог, Якутск, Ярославль	4–8
9	Апатиты, Брянск, Владикавказ, Горловка, Долгопрудный, Ижевск, Иркутск, Калуга, Камышин, Кемерово, Кострома, Курган, Курск, Магас, Магнитогорск, Майкоп, Мытищи, Новороссийск, Новочеркасск, Орел, Павловск, Пенза, Пермь, Пушкин, Пятигорск, Рязань, Саранск, Сарапул, Сергиев Посад, Смоленск, Сочи, Сургут, Тамбов, Тольятти, Томск, Туапсе, Улан-Удэ, Ульяновск, Урюпинск, Ухта, Хабаровск, Цхинвал, Челябинск, Черкесск	1–3

Привлекательным Вестник является для городов Юга России (Ростов-на-Дону, Симферополь, Краснодар, Ставрополь), Среднего Поволжья (Самара, Саратов), Центрального Черноземья (Воронеж) и Урала (Екатеринбург). Реже представлены другие регионы России, однако географический охват простирается от Калининграда на Западе до Владивостока на Востоке.

Наблюдается постоянный рост количества статей иностранных авторов (с 2 статей в 2014 г. до 22 статей в 2023 г.). Наиболее резкое увеличение (более чем в два раза) произошло после включения Вестника в Web of Science. С этого же времени (с 2017 г.) начинается рост числа публикаций на иностранных языках, который достиг своего максимального значения в 2022 г. и составил 22 публикации. До 2020 г. в журнале могли публиковаться статьи на русском, английском, немецком, французском и польском языках, но с 2020 г., в связи с требованиям контролирующих деятельность СМИ органов, принимаются к рассмотрению рукописи только на двух языках – русском и английском (рис. 4).

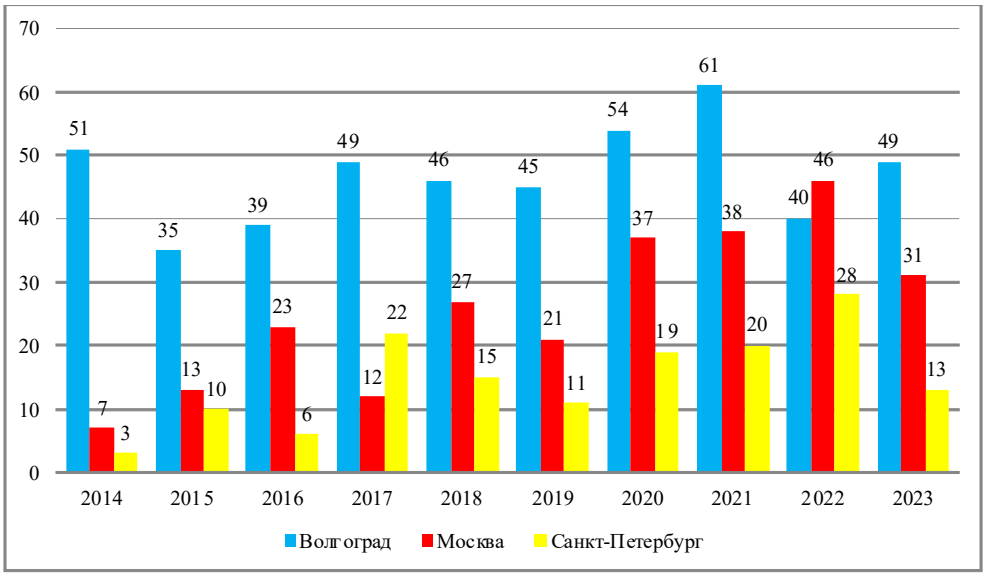

Рис. 3. Публикационная активность авторов из Волгограда, Москвы, Санкт-Петербурга в 2014–2023 годах

Fig. 3. Publishing activity of authors from Volgograd, Moscow, and Saint Petersburg in 2014–2023

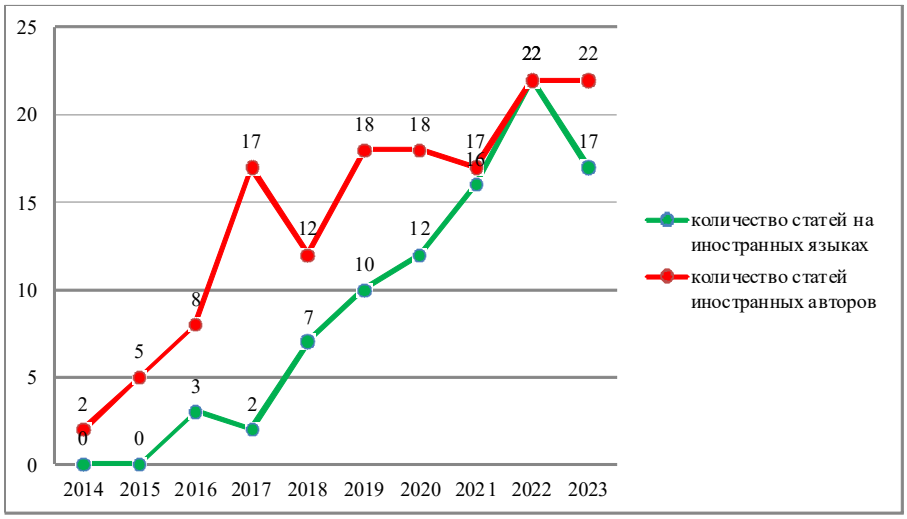

Рис. 4. Количество опубликованных статей на иностранных языках и статей иностранных авторов в 2014–2023 годах

Fig. 4. Number of published articles in foreign languages and articles by foreign authors in 2014–2023

В целом иностранные ученые за десятилетний период 179 раз стали авторами статей в Вестнике самостоятельно или в соавторстве с иностранными и российскими авторами. Наиболее активное сотрудничество установлено с авторами из Казахстана, Украины (до 2022 г.), Китая, Беларуси, Болгарии, Германии. Всего в журнале опубликованы статьи авторов из разных городов 43 стран Европы, США, Азии, Африки, Латинской Америки (табл. 2).

Отметим еще один важный показатель журнала – уровень международного сотрудничества, который, по данным портала SJR, в 2022 г. достиг 8,59 %, а в 2023 г. – 7,69 %. Это хороший результат на фоне всех российских изданий, индексирующихся в Scopus по направлению «History», у которых средний процент количества публикаций, подготовленных при сотрудничестве отечественных и иностранных исследователей, в 2023 г. составил 4,18 %. Таким образом, редакция Вестника довольно успешно реализует одну из своих задач, закрепленную в миссии журнала, – «содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук».

Политика Вестника в отношении авторов является открытой и демократичной. Обладание ученой степенью или званием, занятие высоких административных должностей, работа в крупных коммерческих или государственных учреждениях, национальная или религиозная принадлежность не влияют на решение редакции о публикации. Единственное ограничение – требование наличия у автора высшего образования, соответствующего тематике статьи. Эта вынужденная мера была введена для постановки барьера против работ, подготовленных без учета базовых знаний по методологии, методам исторического и политического исследований, без владения приемами работы с историческими источниками и историографией. В то же время журнал открыт для авторов различного социального статуса: от магистров до докторов наук, от школьных учителей до академиков, от сотрудников ведущих мировых научно-образовательных организаций до независимых исследователей. Такая политика привела к любопытному результату: никаких гендерных ограничений или предпочтений Вестник не ставил, но в нем оказался высокий показатель доли жен-

Таблица 2. **Публикационная активность иностранных авторов в 2014–2023 годах**

Table 2. **Publishing activity of foreign authors in 2014–2023**

№ п/п	Название страны, город	Частота публикаций авторов (количество раз)
1	Казахстан (Актобэ, Алматы, Астана, Костанай, Туркестан, Уральск, Шымкент, пос. Богдановка, Теректинский район)	31
2	Украина (Донецк (до 2022), Киев, Харьков)	14
3	Китай (Гуанчжоу, Далянь, Ухань, Хэйхэ, Шанхай, Шэньян)	12
4	Беларусь (Минск, Гродно); Болгария (Велико-Тырново, София, Шумен); Германия (Берлин, Ганновер, Кельн, Мангейм, Мюнхен, Эрланген)	27 (по 9 раз)
5	Приднестровская Молдавская Республика (Тирасполь); Сербия (Белград, Новый Сад); США (Бэйкерсфилд, Бербанк, Колледж-Стейшен, Нью-Джерси, Мэнсфилд, Хайланд Хиллс); Турция (Анталия, Измир, Маниса, Стамбул)	28 (по 7 раз)
6	Великобритания (Бирмингем, Кембридж, Ньюкасл-апон-Тайн, Суррей, Рединг, Эдинбург)	6
7	Узбекистан (Алмалык, Андижан, Ташкент)	5
8	Вьетнам (Дананг, Донгхой); Италия (Мачерата, Удине); Кыргызстан (Бишкек); Польша (Белосток, Варшава, Краков)	16 (по 4 раза)
9	Греция (Амаруссион Аттикис, Афины, Салоники); Дания (Орхус, Копенгаген); Пакистан (Исламабад, Пешавар); Франция (Париж); Чехия (Острава, Прага)	15 (по 3 раза)
10	Азербайджан (Баку); Армения (Ереван); Испания (Сарагоса); Словакия (Банска Быстрица, Прешов); Финляндия (Хельсинки); Швеция (Уппсала)	12 (по 2 раза)
11	Абхазия (Сухум); Австрия (Вена); Венгрия (Печ); Грузия (Ахалцихе); Индия (Мумбаи); Иран (Абхар); Литва (Вильнюс); Молдова (Кишинев); Монголия (Улан-Батор); Нигерия (Ово); Норвегия (Тронхейм); Республика Чили (Сантьяго); Хорватия (Загреб)	13 (по 1 разу)
	Всего	179

щин среди авторов. По статистике портала SJR, рассчитываемой по данным журналов из МНБД Scopus, количество авторов-женщин в 2019 г. составило 36,1 %, затем выросло в первый год пандемии COVID-19 на 6,5 %. После небольшого снижения в 2021–2022 гг. это число увеличилось на 3,4 % в 2023 г. и достигло показателя в 44,3 %. Отметим, что данная тенденция не характерна в целом для журналов, индексирующихся в Scopus по направлению «History». В научных изданиях, выпускаемых в России, Западной Европе, Северной Америке и во всем мире в 2023 г. наблюдается снижение доли авторов-женщин на 2,1–4,5 пункта (рис. 5).

По данным отчета М. Соколова «Российские историки. Портрет академической профессии» в 2023 г. 40,4 % российских историков составляли женщины [7, с. 11]. Ответ на вопрос, почему в Вестнике женщины публикуются чаще, вероятно, лежит в других данных исследователя [1]. Так, он отмечает, что в возрастных категориях от 40 до 69 лет преобладают женщины [7, с. 11]. Учитывая, что средний возраст авторов журнала по данным РИНЦ составляет 49,8 лет, более высокий процент может являться отражением выявленного М. Соколовым гендерного перекоса в возрастных группах россиян.

Индексирование и цитирование. С 2007 г. и по настоящее время Вестник входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, утвержденный ВАК, включен в многочисленные базы данных и сетевые библиотеки, из которых особо следует выделить Directory of Open Access Journals, Киберленинку и РИНЦ. В 2016 г., через два года после начавшихся изменений, издательство отправило заявки на включение журнала в Web of Science и Scopus. В декабре 2016 г. пришло письмо о принятии Вестника в Emerging Sources Citation Index (далее – ESCI) – нового индекса в составе Web of Science Core Collection, в 2017 г. было подписано соответствующее соглашение и проиндексированы статьи журнала начиная с 2016 г. (к настоящему моменту проиндексированы и более ранние выпуски глубиной до 2010 г.). Однако из МНБД Scopus пришел отказ, в котором были отмечены сильные и слабые позиции журнала. Благодаря этому редакция, тщательно проанализиро-

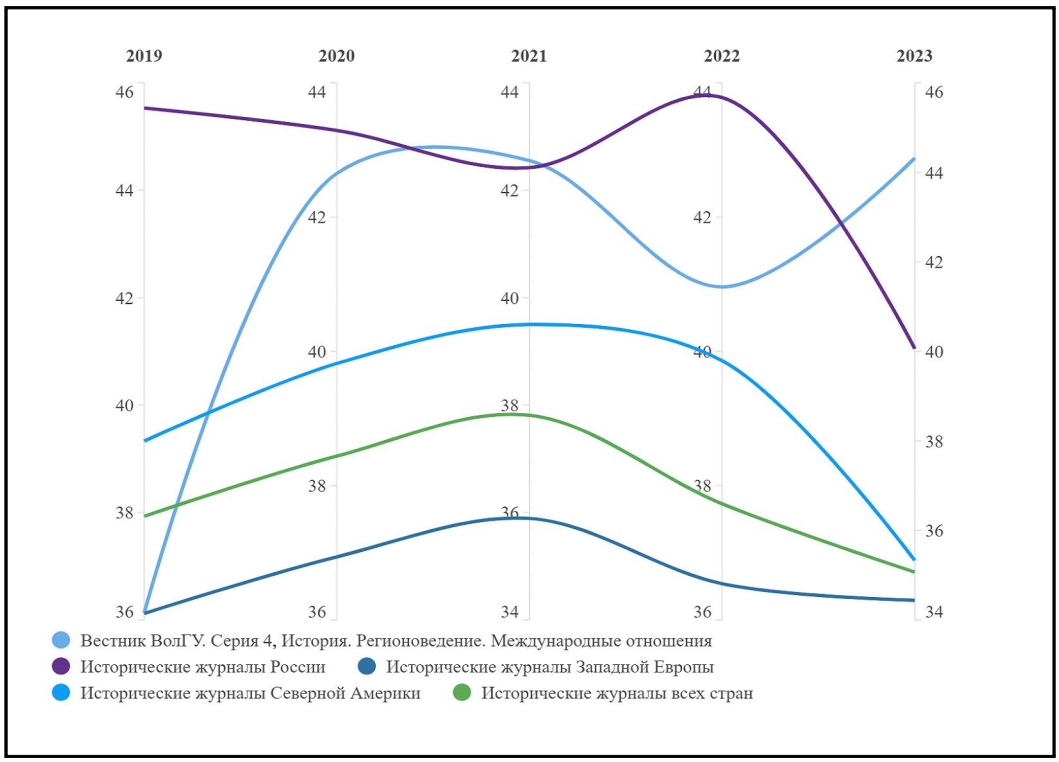

Рис. 5. Доля авторов-женщин в исторических журналах 2019–2023 годов

Fig. 5. Proportion of female authors in historical journals of 2019–2023

вав причины отклонения, внесла ряд корректив в действующие политики журнала, усилила международную составляющую Вестника и сделала ставку на выпуск тематических номеров, считая это направление наиболее перспективным. Такая стратегия принесла успех: в 2019 г. Вестник был включен в МНБД Scopus и вошел в национальный список лучших научных периодических изданий Russian Science Citation Index на платформе Web of Science. В 2022 г. журнал был включен в состав «Белого списка» научных журналов России.

Косвенно выросшая популярность журнала отражается в ежегодном увеличении количества скачиваний статей с сайта Вестника, которое в сентябре 2024 г. превысило отметку в 2 млн загрузок.

Повышение разнообразия географии авторов, качества публикуемых статей и популярности журнала привело к увеличению его цитирования. Если в источниках 2014 г. Вестник был упомянут в РИНЦ 104, а в Scopus всего 1 раз [2], то через десять лет его ежегодное цитирование достигло показателя в 780 цитирований в РИНЦ и 139 в Scopus (рис. 6). На графике видно, что включение Вестника в Web of Science в 2016 г. совпало с почти двукратным приростом цитирования в РИНЦ. Учитывая, что в МНБД журнал начал индексироваться в 2017 г., прямой связи между этими событиями нет. Однако данный факт показывает, что решение редакторов Web of Science не было случайным: журнал в 2016 г. сильно прибавил в качестве публикуемых статей, что отразилось на их цитировании.

В противоположность с ситуацией в Web of Science индексация журнала в Scopus привела к увеличению ссылок в РИНЦ в 2019 г. на 35 %, в 2020 г. на 20 %, после чего рост стабилизировался на 8–12 % в год. В МНБД Scopus с 2017 г. наблюдается существенный рост цитирования статей Вестника. Отметим тренд на сокращение разницы в цитировании журнала в Scopus и РИНЦ. Если в 2014 г. соотношение упоминаний в Scopus и РИНЦ было равно 1:104, то в 2023 г. оно составило 1:5,6. Увеличение цитирования журнала происходит в основном за счет внешних ссылок, по данным РИНЦ двухлетний и пятилетний коэффициенты самоцитирования Вестника по состоянию на 2023 г. составили всего 12 %.

Тематика публикаций. Включение журнала в МНБД не было самоцелью, ради этого редакция не собиралась кардинально менять политику журнала и начинать ориентироваться исключительно на международную аудиторию. Важным было показать мировой общественности современные тенденции российской исторической и политической науки, взгляд наших ученых на актуальные общественные проблемы и ознакомить отечественных исследователей с новейшими работами иностранных коллег.

Своеобразной «визитной карточкой» Вестника, позволяющей привлекать в журнал ведущих мировых специалистов по определенным областям знаний, стал выпуск тематических номеров. Начало было положено в 2014 г., когда был собран и опубликован № 5, посвященный событиям Первой мировой войны. С 2015 г. такая практика стала неотъемлемой частью

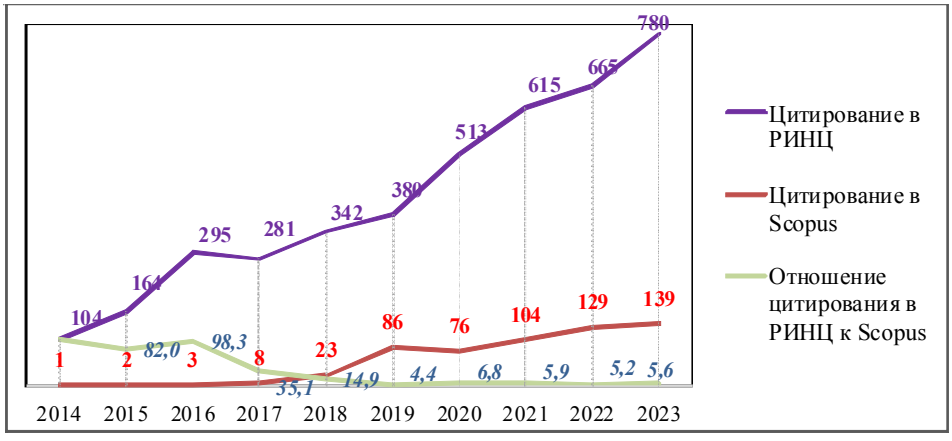

Рис. 6. Цитирование журнала в РИНЦ и Scopus

Fig. 6. Citation of the journal in the RSCI and Scopus

журнала и в общей сложности к настоящему времени опубликовано 30 тематических номеров. Некоторые темы стали постоянными. Так, в 2024 г. выходит юбилейный, уже 10-й выпуск тематического номера «Византийское общество: история, право, культура». В 2015, 2016, 2018 и 2020–2024 гг. удалось сформировать выпуски, посвященные Великой Отечественной войне и военной истории в целом; в 2017 г. – революционным событиям; в 2019 г. – Смутному времени; в 2015, 2018 и 2020 г. – археологии Евразийских степей; в 2015, 2021 и 2023 г. – политическим наукам в целом и политическим трансформациям в России; в 2020 г. – роли высшего образования и университетов в глобальном мире; в 2019 г. – истории казачества. Актуальным вопросам истории и международных отношений США и Латинской Америки были посвящены два отдельных выпуска Вестника в 2022 и 2024 годах.

Опыт формирования структуры тематических номеров и набираемый с 2019 г. на 1–1,5 года вперед издательский портфель журнала позволили изменить принцип рубрикации: отказаться от стандартных названий рубрик по областям знаний («Всеобщая история», «Отечественная история» и т. д.) в пользу названий объектных или предметных областей (например, «Быт и повседневность советской эпохи», «Вторая мировая война в исторической памяти» и др.).

В целом в тематике статей Вестника с 2014 по 2023 г. произошел ряд изменений. В абсолютных показателях за последние десять лет выросло количество исследований по всем областям исторических и политических наук (табл. 3).

При этом изменилась доля работ по всем укрупненным направлениям в общем числе публикаций, что показывает определенные тенденции (рис. 7). В отдельные периоды можно наблюдать пиковые максимальные значе-

Таблица 3. **Распределение статей по научным направлениям в 2014–2023 годах**

Table 3. **Distribution of articles by scientific fields in 2014–2023**

Год	Всеобщая история	Отечественная история	Археология	Политология	Международные отношения
2014	17	38	2	10	8
2023	38	56	9	18	10

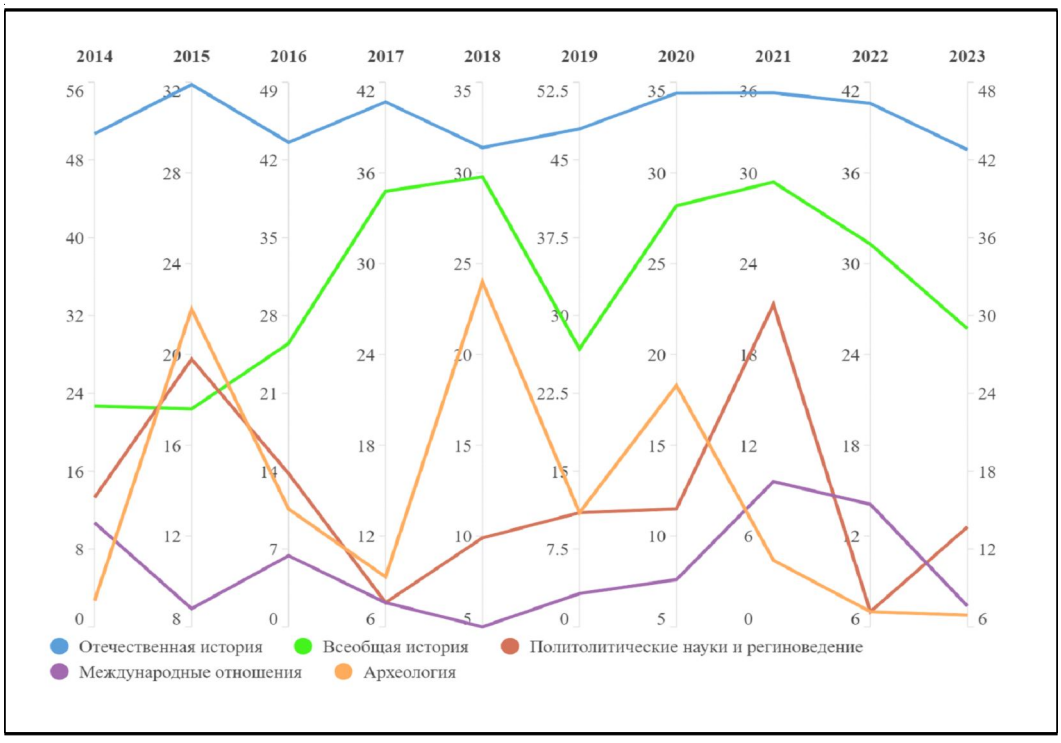

Рис. 7. Распределение статей Вестника по предметным областям в 2014–2023 годах

Fig. 7. Distribution of the journal articles by subject areas in 2014–2023

ния для ряда направлений («Археология», «Политические науки и регионоведение», «Международные отношения»), что является отражением выпуска в соответствующие годы специализированных тематических номеров. При этом в указанные периоды происходит уменьшение доли двух основных исторических направлений, прежде всего блока «Отечественной истории». В итоге за период с 2014 по 2023 г. общая доля статей по «Отечественной истории» снизилась с 51 % до 42 %.

Рассмотрим подробнее структуру двух «классических» исторических направлений в соответствии с традиционной периодизацией. Как видно на рисунке 8, в журнале увеличивается количество работ по истории Новейшего периода, число исследований по Новой истории идет на спад, по Средневековой – наблюдается тенденция к росту. Только в 2019 г. в Вестнике получилось сбалансировать все три направления. На рисунке пунктирной линией выделены наиболее часто встречающиеся тематические направления: «Великая Отечественная война», «Революция и гражданская война», «Смутное время», увеличенная доля которых в том или ином году сильно влияет на темы соответствующих им временных периодов.

По «Всеобщей истории» ситуация совершенно другая (см. рис. 9). Самая большая доля статей приходится на Средневековую историю, при этом практически все публикации здесь посвящены Византийской империи. Количество исследований по Новой и Новейшей истории зарубежных стран связаны, прежде всего, с изучением США, Англии и Германии. При этом отметим, что часть работ, связанных с США, была отнесены к областям «Международные отношения» и «Политические науки и регионоведение», поэтому название этой страны в ключевых словах журнала по частоте упоминания находится на четвертом месте. Количество работ по истории Древнего мира крайне мало, журнал практически не привлекает классических специалистов по античности.

Для тематического анализа опубликованных в журнале статей с 2014 по 2023 г. были выбраны и проанализированы 7 145 ключевых слов и словосочетаний. Из них наиболее часто

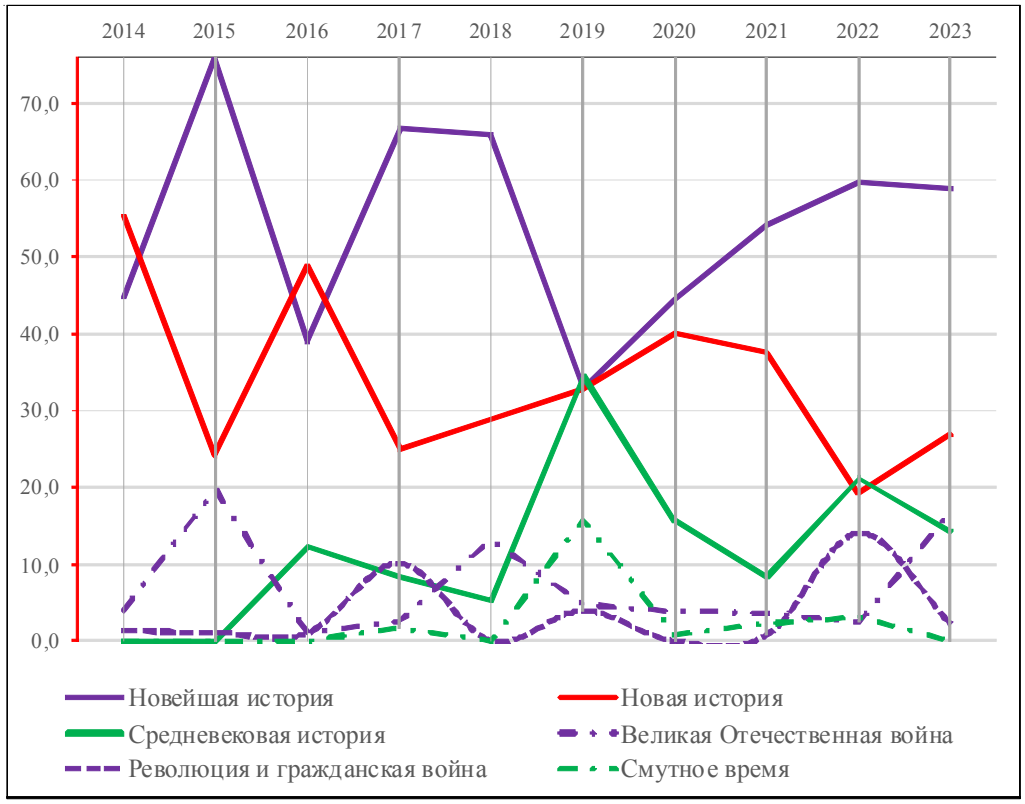

Рис. 8. Распределение статей по «Отечественной истории» 2014–2023 годов

Fig. 8. Distribution of articles on “Russian History” in 2014–2023

используются авторами: Византия (59), Великая Отечественная война (55), Россия (39), Сарматы (28), США (28), Смутное время (26), История Византии (24), Крым (23), Гражданская война (22), Историография (22), Вторая мировая война (21), Нижнее Поволжье (20), Сталинградская битва (20), Международные отношения (18), Первая мировая война (18), СССР (18), Сфрагистика (18), Казачество (17), Хронология (17), Петр I (16), Сталинград (16), История России (15), Внешняя политика (14), Мягкая сила (14), Историческая память (13), Российская империя (13), Северный Кавказ (13), Холодная война (13), Глобализация (12), Китай (12), Моливдовулы (12), Безопасность (11), Власть (11), Модернизация (11), Просопография (11), Гражданская война в России (10), гражданское обществ (10), Европейский союз (ЕС) (10), Идентичность (10), Источниковедение (10), Курганы (10), Погребальный обряд (10), Позднесарматская культура (10), Ранний железный век (10), Царицын (10).

Таким образом, ученые, изучающие историю Смутного времени, Великой Отечественной войны, древних кочевых сообществ, Византии, США, намного чаще публикуются в журнале. Под эти темы отводятся специальные тематические выпуски, собирающие под одной обложкой лучших отечественных и зарубежных исследователей. Указанные выше ключевые слова и выражения визуализированы на рисунке 10 в виде «облака слов».

При укрупнении категорий до национально-территориального уровня (учитывались все слова и выражения, в которых использовались существительные – историческое и текущее названия страны) на безусловно первое место вышло изучение России (см. рис. 11). Этот анализ показал снижение интереса к истории и политике крупных европейских держав – Франции, Италии и Испании, которые не попали в условный топ-10. Возросшее в последние годы внимание исследователей к Китаю и Турции, учитывая, что изучение истории этих регионов не входит в территориальные рамки журнала и рассматривается исключительно в контексте их связей с Россией, Европой и Америкой, объясняется увеличением исследования их роли в современных международных отношениях.

Рейтинги журнала. Увеличение привлекательности журнала для исследователей и

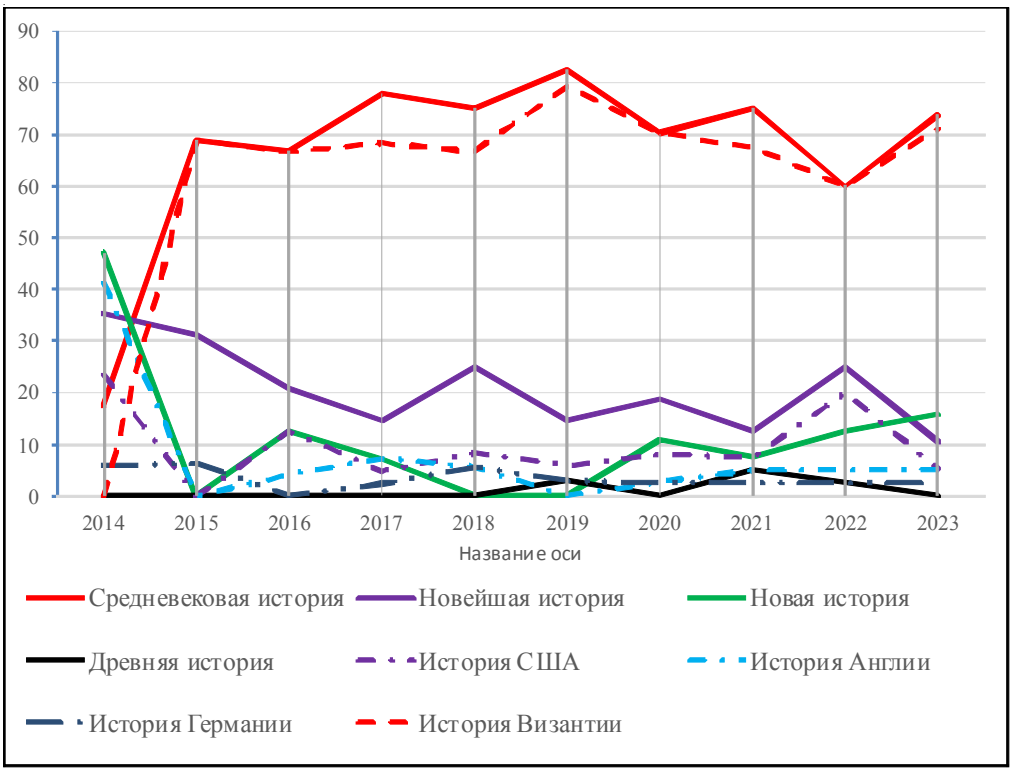

Рис. 9. Распределение статей по «Всеобщей истории» в 2014–2023 годах

Fig. 9. Distribution of articles on “General History” in 2014–2023

качества публикуемых статей отражаются в рейтингах Вестника в различных базах данных. По данным портала SJR по направлению «History» издание с 2020 по 2023 г. входит в число журналов 1-го квартиля (Q1), по направлениям, связанным с политическими науками, в 2023 г. – в 3-й квартиль. В МНБД Scopus журнал в 2023 г. отнесен к 47-му процентилю (Q3), что немного ниже показателей 2022 г., когда он находился в 59-м процентиле (Q2). В рейтинге Journal Citation Reports Web of Science Вестник в своей тематической категории (в редакции ESCI) отнесен к изданиям Q3. В новом отечественном рейтинге «Белого списка» журнал находится в высшей 1-й категории. Очевидно, что волгоградскому историческому журналу есть куда расти, чтобы достичь уровня ведущих мировых изданий, но для отечественного провинциального журнала такие показатели – это огромное достижение. Надеемся, что журнал и дальше продолжит совершенствоваться по всем направлениям.

Рис. 10. Облако слов. Частота употребления ключевых слов в статьях журнала в 2014–2023 годах

Fig. 10. Cloud of words. Frequency of keyword usage in the journal articles in 2014–2023

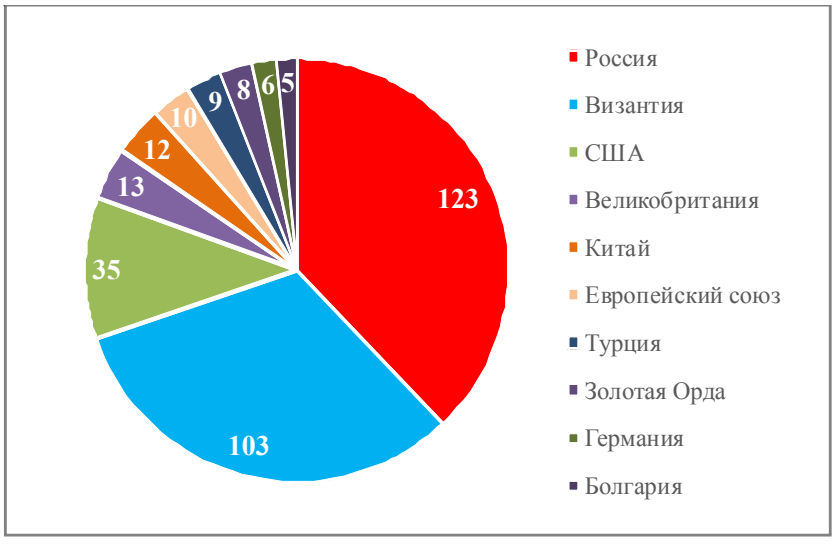

Рис. 11. Топ-10 стран по упоминанию в ключевых словах 2014–2023 годов

Fig. 11. Top 10 countries by keyword mention 2014–2023

Итоги и перспективы развития (вместо заключения). Итогами работы за 10 лет стали преодоление регионального и национального статуса, выход на международный уровень. В нем сложились тематические направления, принесшие журналу высокую узнаваемость и оказывающие значительное влияние на формирование издательского портфеля: история Византийской империи, Великая Отечественная война, сарматская археология и исследования, связанные с историей и политическим развитием США.

Журнал отказался от публикаций рецензий на одну книгу, отдавая предпочтение обзорам. В 2021 г. в качестве эксперимента была введена новая рубрика «Дискуссия по книге», в рамках которой уже состоялось обсуждение двух монографий – Тамаша Крауса «Судьба идей в истории СССР и после...» (М. : АКВИЛОН, 2020) и Александра Ивановича Кубышкина «Город и мантия. Американский университет в структуре гражданского общества» (СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2021). Результаты дискуссий показались редакции и авторам интересными и было принято решение продолжить такую практику. Так, в 2025 г. готовится обсуждение книги Андрея Васильевича Белякова «Ногайская знать в России XVI–XVII веков» (М.: Старая басманная, 2023).

В 2024 г. Вестник предложил авторам новый формат общения: научные конференции по тематическим номерам, что было принято с интересом: состоялись первые две научные конференции с международным участием. В ближайших планах журнала – продолжить данную практику и интеграцию в мировое научное пространство, а также более активно привлекать зарубежных редакторов к созданию тематических номеров. В условиях современных международных отношений эта задача приобретает особую актуальность, так как отечественные научные журналы остаются одним из немногих информационных каналов, транслирующих взгляд российских ученых на текущие исторические и политические процессы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Версия существующей гендерной разницы из-за наличия в журнале авторов исследований по политическим наукам и международным отношениям не подтвердилась в связи с преобладанием в этом направлении авторов-мужчин. Так, в двух тематических номерах журнала «Политические трансформации в России и мире» в выпуске 2021 г. среди авторов женщин оказалось 20,5 %, в 2023 г. – 35,9 %.

[2] Для подсчета ежегодного цитирования журнала в МНБД Scopus был задан специальный поиск по References всех источников. Поиск проведен в августе-сентябре 2024 года.

БЛАГОДАРНОСТИ

Выражаем благодарность всем авторам, рецензентам, членам редакционного совета и редакционной коллегии за свой вклад в развитие журнала, руководству Волгоградского государственного университета и лично ректору А.Э. Калининой за поддержку и финансирование издания журнала, редакционной группе издательства ВолГУ за качественную работу со статьями в процессе подготовки к изданию.

ACKNOWLEDGEMENTS

We express our gratitude to all authors, reviewers, members of the editorial board and editorial staff for their contribution to the development of the journal, to the management of Volgograd State University and personally to the rector A.E. Kalinina for supporting and financing the publication of the journal, to the editorial team of VolSU Publishing House for the high-quality work with articles in the process of preparation for publication.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горелкин В. А. Интервью с заслуженным деятелем науки РФ, заслуженным работником Высшей школы РФ, доктором экономических наук, профессором, директором НИИ социально-экономического развития региона Иншаковым Олегом Васильевичем // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 6, Университетское образование. 2016. № 1 (17). С. 16–19.

2. Горелкин В. А. Российские журналы категории «History» в Scopus: основные показатели и оценка влияния на международном уровне // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 3. С. 239–279. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.21

3. Горелкин В. А., Кузнецов О. В. 25 лет журналу «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» // Вестник Волгоград-

ского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 6. С. 378–383. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.28

4. Гуськов А. Г., Тихонов В. В. Российская научно-историческая периодика: индексы научно го цитирования и проблемы оценки уровня журналов // Труды Института российской истории РАН. 2014. № 12. С. 410–424.

5. Кириллова О. В. Подводя своеобразные итоги десятилетия и рисуя планы... // Научный редактор и издатель. 2022. Т. 7, № 1. С. 8–11. DOI: 10.24069/SEP-22-38

6. Кириллова О. В. Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам: рекомендации эксперта БД Scopus. М.: Нобель пресс, 2013. 90 с.

7. Соколов М. Российские историки. Портрет академической профессии. СПб.: ЦИАНО ЕУСПб, 2023. 31 с .

8. Тараканов В. В., Калинина А. Э. «Вестник ВолГУ»: История, современность, перспективы развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 6, Университетское образование. 2016. № 1 (17). С. 5–15.

9. Тюменцев И. О. Исторический «Вестник ВолГУ»: все только начинается // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 6, Университетское образование. 2016. № 1 (17). С. 36–41.

10. Szabó V. Quantitative Analyses of the Last Decade of Vestnik VolSU Series 4. History, Regional Studies and International Relations (2010–2019) // RussianStudiesHu. 2020. P. 175–196. (На венг. яз.). DOI: https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2020.2.6

REFERENCES

1. Gorelkin V.A. Intervyu s zasluzhennym deyatelem nauki RF, zasluzhennym rabotnikom Vysshej shkoly RF, doktorom ekonomicheskih nauk, professorom, direktorom NII socialno-ekonomicheskogo razvitiya regiona Inshakovym Olegom Vasilyevichem [Interview with Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director of the Research Institute of Social and Economic Development of the Region, Oleg Inshakov]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 6. Universitetskoe obrazovanie*, 2016, no. 1 (17), pp. 16-19.

2. Gorelkin V.A. Rossiyskiye zhurnaly kategorii «History» v Scopus: osnovnyye pokazateli i otsenka vliyaniya na mezhdunarodnom urovne [Russian Journals in the Subject Category "History" in Scopus: Key Indicators and Impact Assessment at the International Level]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 239-279. DOI: https://doi.org/10.15688/ jvolsu4.2023.3.21

3. Gorelkin V.A., Kuznecov O.V. 25 let zhurnalu «Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya» [The 25th Anniversary of the Journal "Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya"]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 378-383. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.28

4. Guskov A.G., Tihonov V.V. Rossijskaya nauchno-istoricheskaya periodika: indeksy nauchno go citirovaniya i problemy ocenki urovnya zhurnalov [Russian Scientific and Historical Periodicals: Scientific Citation Indices and Problems of Assessing the Level of Journals]. *Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN*, 2014, no. 12, pp. 410-424.

5. Kirillova O.V. Podvodya svoyeobraznyye itogi desyatiletiya i risuya plany... [Summing up the Peculiar Results of the Decade and Drawing Plans...]. *Nauchnyy redaktor i izdatel* [Scientific Editor and Publisher], 2022, vol. 7, no. 1, pp. 8-11. DOI: 10.24069/SEP-22-38

6. Kirillova O.V. *Redakcionnaya podgotovka nauchnyh zhurnalov po mezhdunarodnym standartam: rekomendacii eksperta BD Scopus* [Editorial Preparation of Scientific Journals According to International Standards: Recommendations of the Scopus DB Expert]. Moscow, Nobel press, 2013. 90 p.

7. Sokolov M. *Rossijskie istoriki. Portret akademicheskoj professii* [Russian Historians. Portrait of the Academic Profession]. CIANO EUSPb, 2023. 31 p.

8. Tarakanov V.V., Kalinina A.E. «Vestnik VolGU»: Istoriya, sovremennost, perspektivy razvitiya [Science Journal of VolSU: History, Modernity, Development Prospects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 6. Universitetskoe obrazovanie*. 2016, no. 1 (17), pp. 5-15.

9. Tyumencev I.O. Istoricheskiy «Vestnik VolGU»: vse tolko nachinayetsya [Historical Journal of VolSU: It Is Only the Beginning]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 6. Universitetskoe obrazovanie*, 2016, no. 1 (17), pp. 36-41.

10. Szaby V. Quantitative Analyses of the Last Decade of Vestnik VolSU Series 4. History, Regional Studies and International Relations (2010–2019). *RussianStudiesHu*, 2020, pp. 175-196. DOI: https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2020.2.6

Information About the Authors

Vitaliy A. Gorelkin, Deputy Chief Editor, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, vgorelkin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2277-3886

Natalia V. Rybalko, Associate Editor Secretary of the Editorial Staff, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, natalia.rybalko@volsu.ru, rybalko_n@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5141-0902

Информация об авторах

Виталий Александрович Горелкин, заместитель главного редактора журнала, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, vgorelkin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2277-3886

Наталия Владимировна Рыбалко, ответственный секретарь редакционной коллегии, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, natalia.rybalko@volsu.ru, rybalko_n@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5141-0902

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

– публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;

– ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;

– содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;

– бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

– to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;

– to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;

– to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;

– to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: https://hfrir.jvolsu.com (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of the journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not have been previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the research.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles, please refer to the journal's website https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/ (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

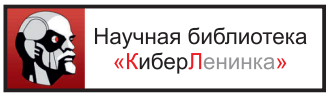

ISSN 1998-9938. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Истор. Регионовед. Международ. отнош. 2024. Том 29. № 5. 1–243.